4
Л-43
24/V
шяд

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

XIX–начала XX века

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

ИРЯ
Национальная русская библиотека
им. А. В. Амфитеатрова

www.ruslang.ru

75766

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

XIX–начала XX века

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1981

4
Л-43
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
75766

В книге описываются основные процессы в развитии лексики XIX—начала XX в., связанные с движением словарного состава русского литературного языка, с семантическими изменениями слов, с особенностями функционирования лексических и семантических новаций. Особое внимание в монографии уделяется тем процессам и тенденциям в развитии языка, которые определили становление современной лексической нормы. Книга построена на новых литературных материалах, а также на материалах, уже публиковавшихся, критически проанализированных и обобщенных.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН

Л $\frac{70102\text{-}280}{042\ (02)\text{-}81}$ 418-81. 4602010000 © Издательство «Наука», 1981 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОТ АВТОРОВ 5

ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПУШКИНСКОЕ ВРЕМЯ

20—30-е годы XIX в. как один из важнейших периодов в развитии лексики русского литературного языка 7

Движение словарного состава 19

Обогащение словарного состава русского литературного языка 20

Пополнение состава русской литературной лексики новообразованиями 23

Пополнение состава русской литературной лексики готовыми лексическими единицами 36

Слова иноязычного происхождения 36

Языки — источники заимствования 36

Основные тематические группы заимствованных слов 39

Особенности употребления иноязычной лексики . . . 45

Обогащение состава литературной лексики словами живой разговорной речи 53

Слова простой речи, употреблявшиеся в литературе предшествующего периода 54

Обновление состава «простой» лексики, входящей в литературное употребление 72

Обогащение языка диалектной, жаргонной и профессиональной лексикой 76

Переход слов (или отдельных их значений) в пассивный словарь языка и причины, вызывающие этот процесс . . . 84

Семантические изменения в лексике 89

Семантические изменения, обусловленные потребностью в новых наименованиях и новых экспрессивно-выразительных средствах 91

Семантические изменения, обусловленные внутренними отношениями в лексике 125

Лексико-стилистические проблемы литературного языка первой трети XIX в. и их решение в творчестве Пушкина . . 132

Место и роль книжно-славянской лексики 134

Место и роль народно-разговорной лексики 151

Место и роль иноязычной лексики 167
Синтез разных генетико-стилистических пластов в творчестве Пушкина 173
Заключение 177

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В 70-е ГОДЫ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1917 г.)

Общая характеристика эпохи. Роль социальных факторов в развитии словарного состава 183
Пополнение лексического состава русского литературного языка 187
Новообразования на почве русского литературного языка 187
Заимствованная лексика 203
Источники заимствований 210
Словообразовательные кальки 226
Семантические процессы 232
Терминологизация 237
Детерминологизация 248
Развитие переносных значений в нетерминологической лексике 269
Изменения значений, обусловленные сдвигами стилистического характера 278
Семантическое заимствование и семантическое развитие заимствованных слов 293
Заключение 311

Принятые сокращения 319
Словари 353
Картотеки 359

ОТ АВТОРОВ

Книга «Лексика русского литературного языка XIX—начала XX в.» органически связана с одновременно публикуемой монографией «История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX в.» и продолжает описание основных процессов в развитии русской литературной лексики, начатое в данной монографии. Эти исследования, выходящие под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина, объединены одним авторским коллективом, единством теоретических и методологических установок, общностью композиции, а также находящимися в первой монографии общими для обеих книг «Предисловием» и «Введением», в которых излагаются основные задачи работы, принятая периодизация и определяются основные понятия и термины.

В настоящей книге рассматриваются два важных хронологических периода в развитии русской лексики — Пушкинская эпоха и период с 70-х годов XIX в. до 1917 г. (описание лексики периода 40-х—60-х годов в книгу не включается, поскольку всесторонняя характеристика основных лексических процессов этого времени содержится в монографии Ю. С. Сорокина «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в.». М.—Л., 1965).

В первой трети XIX в. завершается начавшийся еще в XVII в. процесс образования национального русского литературного языка.

Основной тенденцией, определяющей развитие русской литературной лексики в этот период, была тенденция к синтезу всех жизнеспособных лексических средств, независимо от их источников. В творчестве Пушкина эта тенденция нашла наиболее полное и яркое воплощение. Тесное взаимодействие и объединение в близком соседстве разных в генетическом и экспрессивно-стилистическом отношении лексем способствовало закреплению значительного слоя народно-разговорной лексики в письменной речи, что, в свою очередь, обусловило расширение состава русского литературного языка. Свободное включение народно-разговорных слов в литературное употребление привело к установлению в лексической системе своеобразного равновесия: издавна свойственную литературному языку экспрессию книжности уравновешивают

теперь разговорные слова, которые являются одновременно ярким стилистическим средством.

В пушкинский период продолжается семантическое обогащение словарного состава русского литературного языка. Изменения в семантике во многом связаны с переносно-метафорическим и образным применением слов разных генетико-стилистических пластов. Главную особенность этих преобразований составляет то, что довольно широкий круг конкретно-предметной, «простой» лексики включается в необычные для нее книжные сферы.

Период с 70-х годов XIX—до начала XX в. (до 1917 г.) — важный этап в истории России, эпоха больших общественно-экономических перемен, время зарождения и распространения марксизма, подъема рабочего движения, завершившегося Великой Октябрьской революцией. Последние десятилетия XIX—начало XX в. характеризуются разносторонним развитием науки и техники; литература и искусство на рубеже веков представлены разнообразными школами и направлениями. Процессы, происходившие в словарном составе литературного языка, широко отразили все эти явления. Без полного и четкого представления особенностей развития словарного состава в предоктябрьский период трудно с достаточной степенью объективности определить направление его развития и в советское время. Сейчас выясняется, что многие явления, которые привычно квалифицировались как характеризующие послеоктябрьскую эпоху, на самом деле принадлежат более раннему времени.

Книга «Лексика русского литературного языка XIX—начала XX в.» включает в себя два раздела: «Изменение лексики русского литературного языка в пушкинское время» (автор — Е. П. Ходакова), «Развитие лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX—начале XX в.» (автор — Л. М. Грановская), — и список источников, общий для обеих монографий.

В первом разделе нашли также отражение результаты работы по изучению отдельных генетико-стилистических пластов, проводившейся другими членами авторского коллектива этих книг: собственно русской литературной лексики (В. М. Филиппова и В. К. Юношева), славянизмов (Е. С. Копорская), иноязычных заимствований (И. А. Василевская), лексики территориальных, профессиональных и социальных диалектов (Е. Т. Черкасова). Ряд параграфов, посвященных истории отдельных слов, написан В. К. Юношевой.

ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПУШКИНСКОЕ ВРЕМЯ

20—30-е годы XIX в. КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ПЕРИОДОВ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Общая характеристика эпохи. Пушкинский период — это эпоха социальных потрясений и сдвигов. Блестящие победы русского оружия и освобождение Европы от наполеоновского нашествия выдвигают Россию в ряд наиболее сильных держав. В первой трети XIX в. Россия теснейшим образом связана с Западной Европой. Русская культура развивается в контакте с культурой других европейских стран. В это время еще сохраняет устойчивость утвердившаяся в XVIII в. гегемония Франции в области искусства и просвещения.

Начало XIX в. характеризует возросший уровень образования, содействовавший освоению европейской культуры. Показателен в этом отношении энциклопедизм образования в Лицее, где преподаются: всеобщая история, география, статистика, физика, математика, «естественное право», включающее в себя основы либерального учения о государстве, российская и французская словесность, риторика и др. Возросшая степень просвещенности, широта кругозора в среде культурного дворянства обусловили выделение в русском обществе дворянской образованной верхушки. Умственная и духовная зрелость дворянской интеллигенции позволила ей стать одной из прогрессивных сил русского общества.

События Отечественной войны обостряют противоречия на международной арене, а также внутри страны. После заключения мира с Францией политика Александра I становится более реакционной.

Патриотическое воодушевление, вызванное разгромом Наполеона, знакомство с западноевропейским укладом жизни, а также недовольство передовой части русского

общества реакционными порядками внутри страны дают толчок развитию прогрессивных и освободительных идей. В среде передовой аристократической молодежи зарождаются тайные политические общества. Наиболее влиятельными в общественной и культурной жизни были общества декабристов.

Декабристское движение оказало влияние на развитие русской литературы. В творчестве писателей—декабристов, в большинстве своем принадлежавших к революционным романтикам, нередко чувствовалось влияние поэтики классицизма. В гражданской лирике декабристы развивали патриотические и героические мотивы, привлекая при этом книжно-славянские и архаические слова и выражения, основным назначением которых было выражение гражданского пафоса. Использовались такие слова и при воспроизведении колорита времени, в частности, колорита древнерусской жизни.

Тяготение к романтизму, как определенному направлению с его необычными ситуациями и героическими персонажами, определило пристрастие некоторых писателей к словесным эффектам, создававшимся нередко лексическими средствами народно-разговорной речи. Наиболее ярко это проявилось в художественной прозе А. Бестужева-Марлинского.

Декабристы стремились также к утверждению национальной самобытности русской литературы. Темами их произведений часто становились исторические события (реальные или вымышленные).

С конца 20-х годов, с углублением кризиса феодально-крепостнического строя в России, получила распространение реакционная, псевдопатриотическая теория официальной народности. В первой половине 30-х годов ее идейными противниками были Пушкин, И. Киреевский, Н. Полевой, П. Чаадаев, П. Вяземский. В конце 30—40-х годов эта теория, а затем и ее союзник — реакционное славянофильство — были идейно разгромлены В. Белинским, А. Герценом, Т. Грановским.

Подъем национального самосознания обострил интерес передовой русской интеллигенции к древнерусской культуре, к ее национальному своеобразию. Возрастает общественное внимание к вопросам истории России. Расширяется собирание и исследование исторических и литературных памятников старины (деятельность П. Строева, С. Румянцева, К. Калайдовича и др.).

В 1818 г. вышли первые книги «Истории государства Российского» Н. Карамзина. Появление этого труда, по словам Пушкина, «наделало много шуму и произвело сильное впечатление» [1].

Активизация общественной мысли обусловила возникновение и существование разнообразных кружков и обществ. Вскоре после войны 1812 г. вновь получили распространение в России масонские организации. Масонство с его идеологией, способствовавшей более углубленному отношению к духовному миру человека, проникновению в мир романтики обрядов и символов, сыграло роль в формировании определенных поэтических жанров (например, жанра философической оды) и в распространении отвлеченной и философской лексики.

Среди представителей молодой дворянской интеллигенции, служившей в начале 20-х годов в Московском Архиве министерства иностранных дел, выделяется группа лиц, связанных общностью литературных интересов. Они организовали в 1823 г. кружок «любомудров», где изучали, главным образом, немецкую идеалистическую философию (Кант, Фихте). Особо популярны были идеи Шеллинга, пропагандировавшиеся в Петербурге в лекциях бывшего преподавателя Царскосельского лицея А. Галича. Деятельность общества также способствовала обогащению литературного словаря отвлеченно-философской лексикой.

В 30-е годы в Москве возникли кружки молодежи, тесно связанной с Московским университетом. Это — революционный кружок А. Герцена—Н. Огарева и философско-литературный кружок Н. Станкевича.

Пушкинский период характеризуется острой полемикой по вопросам языка. Продолжаются языковые споры с шишковистами. В противовес «Беседе» в 1815 г. было создано общество молодых последователей Н. Карамзина — «Арзамас», которое Пушкин назвал «Иерусалимом ума и вкуса». Из передовых арзамасцев позднее образовалось ядро новой литературно-общественной группировки, известной в истории под именем писателей пушкинского круга.

Заметным явлением в культурной жизни дворянского общества в первой трети XIX в. были салоны. Основные темы салонных бесед — поэзия, искусство, театр.

[1] *Пушкин А. С.* «Из автобиографических записок». — Полн. собр. соч., т. 12. Изд-во АН СССР, 1949, с. 305.

В это время русское искусство достигает значительного расцвета. Живопись представляют такие выдающиеся русские художники, как К. Брюллов и О. Кипренский. Создается русская национальная музыка (русская опера, романс) — в творчестве М. Глинки, А. Алябьева, А. Верстовского и др.; в этот период начинает свой творческий путь А. Даргомыжский.

Успешно развивается русский театр. На петербургской сцене выступают В. Каратыгин, Е. Семенова, А. Каратыгина—Колосова; на московской — П. Мочалов, М. Щепкин и др. Приобретает известность классический балет: прославленная Пушкиным А. Истомина и плеяда ее талантливых сверстниц — Н. Новицкая, А. Лихутина, Е. Телешева, воспетая А. Грибоедовым.

Всевозрастающую роль в общественном и литературном движении эпохи приобретают журналы. Некоторые из них (например, «Московский телеграф», «Московский вестник») помещают не только литературно-художественный материал, но и социально-экономический, историко-философский, критико-публицистический и др. Журналы уже выходят регулярнее и чаще, чем в начале века (некоторые — по два раза в месяц, например «Московский телеграф», «Московский вестник», «Московский наблюдатель»). Заметное место в журналистике занимали также «Телескоп» (1831-1836), «Литературная газета» (1830-1831). Одним из прогрессивных журналов был основанный Пушкиным «Современник». В пушкинский период существовали и многие другие издания (например, «Северная пчела», «Библиотека для чтения», «Полярная звезда», «Мнемозина», «Северный архив», «Сын отечества» и др.) [2]. Журналы 20—30-х годов прошлого столетия наглядно свидетельствуют о росте периодической печати, о существенном увеличении выпуска произведений русских авторов.

Почти все крупнейшие писатели эпохи принимают участие в литературно-критической полемике. Наиболее значительными критиками в рассматриваемую эпоху были Н. Полевой и Н. Надеждин. В своих критических статьях Н. Надеждин требовал сближения литературы с жизнью и утверждал народность как основной принцип художественного произведения. Однако самое

---

[2] Подробнее об этом см.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1950.

понятие народности было им сведено лишь к изображению крестьянской жизни (он усматривал народность в романах М. Загоскина и отрицал ее в «Евгении Онегине»). Большую ценность представляют критические статьи и отдельные высказывания П. Вяземского, Пушкина, Гоголя и других писателей, выступавших за сближение литературы с жизнью и отстаивавших правдивость искусства, принципы народности [3].

Именно в критико-публицистической прозе вырабатываются средства для выражения разнообразных отвлеченных понятий. Вместе с тем с 20-х годов, в основном в практике О. Сенковского и Н. Надеждина, обнаруживается стремление сделать изложение доходчивым, понятным широкому кругу читателей, стремление выйти из рамок сухой книжности и писать не «по-ученому», придавая «своему слогу иногда даже более, чем неумеренную, уж вовсе не «академическую» резвость» [4]. Итогом этого является проникновение в критико-публицистические статьи слов «простой» речи, особенно таких, которые обладают яркой экспрессией.

Первая треть XIX в., как писал П. В. Сакулин, это «эпоха словесных наук», вниманием общества владеют писатели. Среди них поэты — Пушкин и его дядя В. Пушкин, А. Грибоедов, «певец-гусар», «певец-герой» Д. Давыдов, поэт и драматург П. Катенин, переводчик «Илиады» Н. Гнедич, баснописец И. Крылов, А. Кольцов, В. Бенедиктов, декабристы К. Рылеев и А. Бестужев-Марлинский; прозаики — А. Вельтман, Н. Гоголь, В. Даль, С. Аксаков, М. Загоскин, автор интересных записок об Отечественной войне Н. Дурова, детская писательница и переводчица А. Ишимова и др. Такие писатели, как Н. Карамзин, В. Жуковский, И. Крылов, П. Вяземский, братья Н. И. и А. И. Тургеневы, Пушкин получают европейскую известность. Их произведения переводят и читают.

В кругу писателей главенствующее положение по-прежнему занимают выходцы из образованных дворян. Однако в литературу входят и представители нарождающейся разночинной интеллигенции. В 1834 г. Пушкин говорит об их растущем влиянии на русскую литературу.

[3] См. об этом: История русской критики, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.

[4] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. Изд-во Киевского гос. ун-та, 1957, с. 174.

«Наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны, — писал поэт. — Несмотря на то их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия»[5]. Среди литераторов-разночинцев следует прежде всего назвать В. Белинского, который рецензировал две первые книжки Пушкинского «Современника». Великий поэт увидел в нем «критика весьма замечательного». Заметное место в литературе пушкинской эпохи занимал выходец из купеческой среды Н. Полевой, а также Н. Надеждин, который происходил из духовного сословия.

Рост национального самосознания, развитие общественной мысли, широкая образованность писателей вызывают замечательный расцвет художественной литературы. Этому способствовали и новые, по сравнению с XVIII в., условия литературного труда. Литература делается для некоторых писателей основной сферой деятельности. Появляются книгоиздатели. Занятия литературой осознаются как важное профессиональное и общественное дело.

Художественное творчество получает необычайный размах. В связи с тем, что выходит множество литературных журналов, а нелитературные журналы заводят литературно-художественные отделы, открываются широкие возможности печатать свои произведения, заметно увеличиваются тиражи журналов и книг. Показательно, например, что «Братья разбойники» вышли из печати в 1825 г., переизданы в 1827 г., вошли в книгу «Поэмы и повести Александра Пушкина» 1835 г. и в «Сочинения Александра Пушкина», опубликованные в 1838—1841 гг. «Бахчисарайский фонтан» издавался в 1824, 1827 и 1830 гг. Первая глава «Евгения Онегина» была выпущена в 1825 г. небывалым для того времени тиражом 2400 экземпляров, а в 1829 г. последовало ее переиздание; вторая глава романа издана в 1826 г., а в 1830 г. она переиздается. Интерес к художественной литературе настолько велик, что сочинения многих авторов ходят по рукам еще в списках. Расширяется круг тем, развиваемых литературой. В связи с этим широко представлены персонажи из разнообразных слоев общества: это

---

[5] *Пушкин А. С.* «Путешествие из Москвы в Петербург». — Полн. собр. соч., т. 11, с. 229.

и светская среда, и «маленькие люди», и солдатская масса, и крестьянство.

В пушкинский период разрабатываются самые разнообразные жанры. В литературе 20-х годов первое место занимает поэзия, но одический жанр, как и комедийный, стал менее популярен; заметно усилилась роль стихотворных дружеских посланий. В 30-е годы на первый план выдвигается проза, прежде всего — повесть и отчасти роман. Интерес к прошлому страны вызвал зарождение исторических произведений — повестей и романов (Пушкин, Н. Полевой, М. Загоскин, И. Лажечников, А. Корнилович и др.). Это способствовало включению в рамки языка сочинений древнерусской, книжно-славянской и народно-разговорной лексики [6].

Существенную эволюцию к этому времени претерпели и сами жанры. Так, «Горе от ума» А. Грибоедова — пример комедии, не сравнимой с комедиями XVIII в. с их концентрацией подчеркнуто «простонародных» элементов. Более строгий подход к выбору лексического материала осуществлялся теперь и в эпистолярной литературе.

В русской литературе первой трети XIX в. выделяются, в основном, три литературных течения: классицизм, романтизм, реализм. Классицизм продолжает существовать, но он все более сдает позиции романтизму. Новые романтические веяния приводят к тому, что в литературе, в первую очередь в творчестве Пушкина, обнаруживается стремление к индивидуализации изображения душевной жизни человека, к отказу от готовых элегических формул, служивших условными средствами выражения чувств и настроений. В связи с тем, что прогрессивная общественность России ставила перед собой задачу создать самобытную национальную литературу, из круга романтических идей выдвигалась в качестве основной идея народности. В период увлечения романтизмом были признаны свежими и «национально значительными „первобытность“, сила и живописность простонародных выражений, воплощавших как бы квинтэссенцию „национального духа“» [7]. В результате художественная литера-

---

[6] Подробнее об этом см.: *Туркия Л. М.* Язык русской исторической прозы первой трети XIX в. Лексика. Канд. дис. Баку, 1968.

[7] *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., Учпедгиз, 1938, с. 210.

тура стала активно питаться соками «народной словесности» и народного языка.

В пушкинский период зарождается новое литературное направление — реализм. В. В. Виноградов отмечает «наличие строго закономерного соотношения между оформлением реализма как специфического метода словесно-художественного изображения и процессами образования национальных литературных языков»[8]. Русская реалистическая литература становится той лабораторией, в которой вырабатываются нормы литературного языка, устанавливаются границы употребления слов, пришедших из генетически разных источников.

2. Основные тенденции в развитии лексики. В пушкинское время завершается начавшийся еще в XVII в. процесс образования национального русского литературного языка. Это — одна из самых важных черт, определяющих эпоху. Почва для завершения этого процесса была подготовлена основными лексико-семантическими, стилистическими и словообразовательными процессами, протекавшими в предыдущий период. Наиболее видные писатели XVIII в. стремились к сближению книжной и разговорной речи. Однако в пушкинский период продолжает остро стоять вопрос о единой норме национально-языкового литературного выражения, который мог быть разрешен только на широкой народно-разговорной базе.

Первая треть XIX в. — время активного формирования принципов единой нормы литературного словоупотребления. Этот процесс, как известно, связан с творческой деятельностью Пушкина и его современников. «„Двоевластие“ (русская и церковно-славянская стихии) и даже „троевластие“ (к первым двум прибавляется третий — западноевропейское воздействие) заканчивается. Складывается единая система норм, которая становится законом для всего культурного общества, с ее сложной иерархией, в основе которой лежат нейтральные стилистические средства... Стилистически окрашенные явления тоже узакониваются обществом, само осмысление стилистической окрашенности оказывается единым и обязательным для всех, владеющих литературным языком»[9].

[8] *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 1959, с. 466.

[9] *Филин Ф. П.* О языковой норме. — В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахрон-

Становление национального русского литературного языка, как и любого другого национального языка, было связано с углублением тенденции к его демократизации. Расширяется сфера влияния живой разговорной речи, различные слова этого источника проникают в литературный язык. Знаменательным для пушкинского времени было то, что, сетуя на неразработанность книжного, «метафизического» языка, современники Пушкина видели источник его дальнейшего развития не в книжно-славянской стихии, а в «языке общества», т. е. в разговорной речи образованных людей. Интересно высказывание И. Муравьева-Апостола в его «Письмах из Москвы в Нижний Новгород» (письмо 10-е) о том, что если бы «ввелось в обществах наших употребление собственного своего языка... составился бы язык размышления и умствования или просто сказать, язык книжный, которого до сих пор у нас еще нет, да и быть не может потому, что сколько бы академии не потели над словарями и грамматиками, проза чистая, логическая не составится, доколе она сперва не отделается в обществах, образованных вежливостью и просвещением... Язык разговорный к языку книжному — точно то, что рисование к живописи: не будет первого, не будет никогда и последнего» [10].

Подавляющее большинство слов этого источника составляют экспрессивно окрашенные слова, для которых в литературном языке не было нейтрального синонима в виде отдельного слова. Углубление процесса демократизации проявилось также в расширении сферы употребления отдельных экспрессивно-нейтральных слов, которым в литературном языке соответствовали другие наименования. Слова «простой» речи вступают в конкуренцию с лексическими единицами, имевшими длительную традицию употребления в письменности. Это может свидетельствовать о том, что одним из направлений развития лексики в рассматриваемый период становится употребление собственно русских слов за счет некоторого

ном аспектах. Тезисы докладов на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам. М., 1974, с. 4; см. об этом также: *Он же.* О языковой норме. — В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., «Наука», 1976, с. 11 и сл.

[10] Сын отечества, 1814, ч. 12, № 7.

сокращения в литературном употреблении книжно-славянских элементов [11].

Усилением тенденции к демократизации русского литературного языка можно объяснить и то обстоятельство, что в эпоху Пушкина многие русские слова признаются приемлемыми для передачи отвлеченных и отвлеченно-переносных значений иноязычных слов.

Демократизация не означала, однако, безоговорочного включения в литературный язык всего массива «простых» слов, имевших хождение в «низких» жанрах и в эпистолярных произведениях XVIII в. Значительный слой таких слов, очевидно, ощущавшихся как резко «простонародные», не был принят писателями первой трети прошлого столетия и вышел из употребления. Вполне возможно, что именно это очищение бытовой разговорной струи от крайностей простой речи и обеспечило широкую демократизацию русского литературного языка.

В отличие от XVIII в., когда наряду со «стремлением расширить пределы литературного языка, оживить и разнообразить формы его выражения, ... продолжают сохраняться пережиточно старые, идущие еще от начала XVIII в., тенденции неразборчивого пользования любыми средствами разговорного языка» [12], первая треть XIX в. входит в историю русского литературного языка как эпоха активного формирования норм литературного словоупотребления, как эпоха упорядочения лексики, оценки языкового материала с точки зрения нормативности, литературности. Это было обусловлено ориентацией писателей на создание языка литературного, т. е. языка культуры, науки, образованности и просвещения.

Стабилизация норм литературного словоупотребления отнюдь не означала, что сразу же должна была определиться судьба всей лексики языка. Речь даже самых образованных лиц в это время включала еще такие лексические единицы, которые позднее перешли на периферию литературного языка или обособились в диалектах.

Названные тенденции прослеживаются во всех лексических процессах русского литературного языка в этот

---

[11] Эта тенденция зарождается еще в петровское время и получает дальнейшее развитие в начале XIX в.

[12] *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789—1794 гг.). — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 113.

период. С одной стороны, — в процессе дальнейшего обогащения словарного состава новыми единицами: новообразованиями, иноязычиями и словами народно-разговорной речи, а с другой — в отказе от определенных групп слов. Характерной чертой развития лексики в пушкинскую эпоху является и сокращение вариативности в языке.

В первой трети XIX в. продолжает широко использоваться лексика, унаследованная от предшествующих эпох. Углубляется процесс освоения литературным языком собственно русских слов (в том числе народно-разговорных), книжно-славянских и заимствованных. У многих из них начинают формироваться новые значения и употребления.

В 20—30-е годы происходили также важные стилистические процессы, которые охватили лексику разных генетико-стилистических пластов и обусловили перемещение слов этих источников в словарном составе языка. Формируется новая стилистическая система, в рамках которой сосуществуют, с одной стороны, нейтральные средства литературного выражения, а с другой — разговорная и книжная сферы как стилистические категории литературного языка. Основной тенденцией, определяющей направление развития русской литературной лексики в этот период, является тенденция к синтезу всех жизнеспособных лексических элементов, независимо от их источников.

В рассматриваемый период продолжается эволюция тех тенденций, которые определяли судьбы книжно-славянской лексики в русском литературном языке. Центральной для этого времени остается проблема отграничения нейтральных книжных славянизмов, семантически и стилистически ассимилированных, от славянизмов обветшалых, архаических, выходящих постепенно за пределы литературного языка, с одной стороны, и, с другой стороны, от книжно-славянской лексики, стилистически маркированной, входящей в литературный язык и выполняющей определенные стилистические функции (например, высокая, поэтическая лексика).

Частью общей проблемы, касающейся роли разных по источнику и стилистической окраске слов, остается в пушкинскую эпоху вопрос о месте иноязычной лексики в русском литературном языке. Первая треть XIX в. характеризуется бурными спорами, острыми столк-

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

79757

новениями различных точек зрения. Многие писатели, например, И. Крылов, А. Грибоедов, писатели-декабристы, выступали против засорения языка ненужными заимствованиями и в своей художественной практике очень умеренно использовали иноязычные лексические элементы. Полемика вокруг западноевропеизмов в этот период касалась главным образом заимствований французских, редко (например, у В. Кюхельбекера) — немецких. Преобладание получает точка зрения, согласно которой считается вполне допустимым включение в литературное употребление тех иноязычных слов, которые заимствовались вместе с предметом или понятием, не имевшими в русском языке соответствующего наименования. Характерно признание Пушкина, что его слог «Пестреть гораздо б меньше мог Иноплеменными словами», но «*панталоны, фрак, жилет,* Всех этих слов на русском нет» (Евг. Онег.). Иначе говоря, на передний план в этих спорах выдвигается вопрос о границах заимствования и его формах, а не о допустимости иноязычных слов в литературном языке. Нуждалась в разрешении и проблема заимствования русскими словами значений слов других языков.

Особенно актуальным становится вопрос о включении в литературный язык слов общенародного лексического фонда, ранее ограниченно употреблявшихся в книжном языке. В первой трети XIX в. активизировался процесс «расслоения» этой лексики на приемлемую и не приемлемую в литературном языке — в частности, в связи с углублением наметившейся в последние десятилетия XVIII в. дифференциации в обществе. Но и в пушкинское время разговорная речь даже культурной части общества еще включала в себя много «низких» элементов. Характерно утверждение Пушкина: «откровенные, оригинальные выражения простолюдимов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха» [13] или его же замечание в одной из строф «Евгения Онегина»: В гостиной светской и свободной Был принят слог простонародный И не пугал ничьих ушей Живою странностью своей [14].

---

[13] *Пушкин А. С.* «О новейших блюстителях нравственности». — Полн. собр. соч., т. 11, 1949, с. 98.

[14] *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Беловая рукопись 8-й главы. — Полн. собр. соч., т. 6, 1937, с. 627.

Еще остро стояла задача, с одной стороны, освободиться от резко грубых, «простонародных» слов, наводнявших «низкие» жанры литературы XVIII в., а с другой стороны — закрепить в литературе (а через нее и в литературном языке) те народно-разговорные слова, которые могли получить общенациональное признание.

Значительная роль в освобождении разговорной речи от грубых «простонародных» слов, в приближении разговорной речи интеллигенции к литературной норме принадлежала в начале XIX в. эпистолярной литературе, на которую обращалось особое внимание. Частная переписка, мемуары, дневники этой поры становятся фактом литературы [15].

Итак, необычайно важной для пушкинского периода была проблема стилистического упорядочения лексики, определения места и границ использования в литературном языке слов, принадлежащих разным «пластам». Разрешение этой задачи нашло наиболее полное и яркое выражение в творчестве Пушкина.

ДВИЖЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА

В пушкинский период продолжается интенсивное освоение литературным языком новых слов. Получает дальнейшее развитие тенденция к активному пополнению лексического состава языка отвлеченной лексикой в связи с остро назревшей необходимостью создания «метафизического» языка. Не менее важным для литературного языка было также проникновение в язык художественной литературы и публицистики народно-разговорных слов и выражений, что вело к обогащению литературного языка конкретной и эмоционально-оценочной лексикой. Расширение, по сравнению с XVIII в., прав русского общенародного языка явилось одним из существенных моментов развития литературного словаря, отражающих тенденцию к общему «снижению» книжно-литературной речи. Это выразилось, в частности, в том,

[15] Подробнее об этом см.: *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX в. — В кн.: Русская проза. Л., Academia, 1926, с. 74—101; *Он же.* Письма Пушкина как литературный жанр. — В кн.: Проблемы современной филологии. Сборник статей к 70-летию акад. В. В. Виноградова. М., «Наука», 1965, с. 450—456.

что складывается разговорная разновидность литературного языка.

Наряду с обогащением словарного состава языка происходил и противоположный процесс. А именно, — в первой трети XIX в. писатели стремились освободиться от «обветшалых» славянизмов, а также от многих «грубых», резко «простонародных» лексических элементов, функционировавших в «низких» жанрах XVIII в., в мемуарах, в частной переписке. Отказавшись от значительной части таких слов, они приблизили разговорную речь к нормам литературного словоупотребления.

ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В эпоху Пушкина сохраняет свою активность процесс образования слов с отвлеченными значениями (существительные на *-ость* и на *-ние*). Для этого времени характерно и образование существительных с оценочным значением (на *-щина, -овщина*). Продолжает пополняться группа наименований лиц по разным признакам (с суф. *-тель, -щик*). Среди прилагательных значительное место занимают образования качественных прилагательных (с суф. *-чив-, -лив-, -тельн-*). В кругу глаголов активны образования с суф. *-ну-, -нича-, -ова-* и нек. др. Остается продуктивным и такой способ образования слов, как словосложение.

В пушкинское время весьма распространено словотворческое экспериментаторство: широко создаются такие новообразования, которые отражают индивидуальные склонности и пристрастия членов разных литературных кружков или приверженцев каких-нибудь литературных направлений.

Начавшийся задолго до рассматриваемого времени процесс взаимодействия морфем разного происхождения продолжает оставаться интенсивным и в пушкинскую эпоху. Например, заимствованное слово *бивак* (*бивуак*), в последней трети XVIII в. имевшее ограниченную сферу употребления (военный термин), в этот период не только становится достоянием языка художественной литературы (его можно встретить в названии стихотворения В. Бенедиктова — «Бивак», в «Рославлеве» Пушкина), но и служит основой для образования

имени прилагательного с русским суффиксом и с характерным для русского языка чередованием [к] — [ч]: Роскошно освещен *бивачными* огнями Здесь ружей наших лес (Бенед., Ночь близ М. Якац). От заимствованного в XVIII в. существительного *абсолют* [16] образуется отвлеченное прилагательное *абсолютный*, «вошедшее в литературно-книжный язык в 30-е годы XIX в.»[17] как равнозначное русскому *безусловный*.

В употреблении пушкинской эпохи и такие слова, включающие разные по происхождению морфемы, как: *шалопайство, барышничество, кофейня, журнальщик, шаманство, абонированный, меркантильный, финтить* и др.: Освобождение от альманашников, *журнальщиков* и прочих щепетильных литературщиков (Пушк., П. к С. А. Соболевскому, 1 дек. 1826 г.); Говоря об обращении каких-нибудь грубых идолопоклонников сибирских из *шаманства* в исламизм (Кюхельб., Дневн., 14 июня 1832 г.); [Фамусов] Брат, не *финти*, не дамся я в обман (Гриб., Г. от ума). Показателен также прием шутливого оформления слов разговорной речи с помощью книжных словообразовательных средств: *вздорология* (Карамз.), *растегайство* (Жуковск.), *курносие* (Вяз.) или присоединение к иностранной фамилии русского аффикса: *байроничать* (Пушк.), *вертерничать* (Вяз.), *тибуллить* (Батюшк.). Эти и подобные им новообразования свидетельствуют о продолжении процесса ассимиляции различных по происхождению морфем, о преодолении разобщенности разных генетико-стилистических пластов.

Литературный язык обогащался готовыми лексемами. Его состав продолжала пополнять иноязычная лексика. Это — в основном слова конкретно-предметного значения, входящие в язык вместе с заимствованной реалией. Несколько активизируется процесс заимствования слов с отвлеченным значением.

Принципиально важным для развития литературного языка в данную эпоху становится распространение сфер применения тех разрядов слов, которые в допушкинский период находились на окололитературной периферии или за пределами литературного употребле-

---

[16] В XVIII в. оно входило в другую тематическую группу — «государственная власть, формы правления».

[17] *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., «Наука», 1972, с. 21.

ния. В формировании словарного состава русского литературного языка возрастает роль разговорной, «простой» лексики.

В значительно меньшей мере литературный язык обогащался словами из территориальных диалектов, а также из профессиональных или социальных жаргонов.

Достоянием литературного языка становились терминологические обозначения. В связи с развитием производства, а также различных сторон экономической и социальной жизни общества отдельные термины перестают быть узкоспециальными и приобретают более широкое распространение.

Основным каналом, по которому проходило перемещение названных выше разрядов лексики в литературный язык, в этот период была художественная литература; ей принадлежала ведущая роль. Определенное значение сыграли очерки, деловая письменность, публицистика, а также разговорная речь образованных слоев общества.

Необходимость пополнения фонда литературной лексики вызывалась рядом причин. Основная из них, как и прежде — это потребность в обозначении новых понятий и явлений в научной и культурной жизни, в общественных отношениях. Однако в ряде случаев появление новообразований, обращение к народно-разговорным словам или иноязычным заимствованиям не было связано с потребностями номинации, так как язык уже располагал словами, называющими тот или иной конкретный предмет, явление или понятие. Причиной проникновения в литературный язык эквивалентов уже существующих названий явился, в первую очередь, процесс демократизации национального литературного языка, в результате которого многие наименования, определявшиеся как «простые», вступили в борьбу с синонимичными книжными средствами выражения, имевшими длительную традицию употребления.

Причиной проникновения слова в литературный язык могло стать отсутствие в языке однословных обозначений для тех или иных предметов, понятий. Таковы, например, имеющие разговорную окраску слова-наименования лица по роду его занятий на *-ик, -ник.*

Изменение лексического состава языка в ряде случаев было связано с развитием художественной литературы. Некоторые слова обязаны своим появлением же-

ланию автора сообщить описанию дополнительные оттенки смысла или экспрессии. Таково, например, новообразование А. Бестужева-Марлинского *татарство* (собирательно — 'татары').

ПОПОЛНЕНИЕ СОСТАВА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ НОВООБРАЗОВАНИЯМИ

Чрезвычайно важным для рассматриваемого периода было закрепление в литературном употреблении огромного количества новообразований, унаследованных XIX веком от XVIII. Многие слова, впервые зафиксированные в текстах (например, *утонченность* в «Письмах русского путешественника» Н. Карамзина) или в словарях XVIII в. (например, *болтливость*), становятся более употребительными в первой трети XIX в. и встречаются в художественных произведениях и переписке Пушкина[18], а также и у других писателей того времени.

В литературном языке пушкинской поры продолжается активное образование и новых слов[19]. Сферы их возникновения различны. Одни из новообразований появлялись в народной речи, а из нее попадали в художественные произведения, где использовались главным образом как средство художественной выразительности. Будучи усвоены языком литературы, эти слова становились достоянием литературного языка. Можно предположить, что среди таких слов было глагольное новообразование *парить* в значении 'обдавать жаром, влажным зноем'. Другие слова возникали уже в самом литературном языке. Таково, например, образованное от прилагательного *пошлый* 'весьма обыкновенный, банальный' существительное *пошлость* 'банальная шутка, грубоватая двусмысленность', отмеченное в черновом отрывке из романа Пушкина 1831 г. «Рославлев», описывающего события 1811—1812 годов. Возникновение ряда слов связано с терминологическими и профессиональными сферами.

---

[18] См.: Словарь языка Пушкина, т. 1—4. М., ГИС, 1956—1961.

[19] См.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. — В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М., «Наука», 1964.

I. Преобладающую часть новообразований составили имена существительные.

1) Наиболее характерным процессом для всего XIX в., а следовательно и для его первой трети, является расширение состава отвлеченной лексики.

а) В общем потоке новообразований заметную группу составляют имена существительные со значением отвлеченного качества и свойства. Основная сфера зарождения подобных слов — официально-деловая речь и различные описания производственных процессов. Однако новообразования появляются и в переписке, в научной, публицистической и художественной литературе — в связи с интересом к внутренней жизни человека. Наиболее продуктивны в этой группе слов, как и в предшествующий период, были слова с суф. *-ость*, которые частично вытесняли из употребления синонимичные им образования с суф. *-ство, -(н)ие*[20].

Активно образуются новые слова — названия качеств предметов и явлений: *безраздельность, безусловность, беспримерность, бесспорность, бесцветность, громадность, двусторонность, добротность, жгучесть, заманчивость, затейливость, землистость, золотистость, золотоносность, малогодность, недоступность, незаменимость, незначительность, неприметность, несвязность, неустойчивость, однородность, отчетливость, половинчатость, привычность, ржавость, увесистость, удаленность, узловатость, цветистость.* Примеры их употребления:

Кажется Европеец первый соединит дельность с *заманчивостью* (Пушк., П. к И. В. Киреевскому, 4 февр. 1832 г.); Гробницы двух или трех пашей отличаются бо́льшей *затейливостию* (Он же, Путеш. в Арзрум); *Несвязность* смутная речей В желанном сердцу разговоре (Жуковск., ‹Василию Алексеевичу Перовскому›); [Автор] не соблюдал впоследствии никакой системы и *отчетливости* в изложении (Моск. телегр., 1826, ч. 9,

---

[20] *Шанский Н. М.* Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. Канд. дис. М., 1948; *Он же.* Основы словообразовательного анализа. М., Учпедгиз, 1953; *Ножкина Э. М.* К истории образования имен существительных с суффиксами *-ость* и *-ство* в русском литературном языке. Автореф. канд. дис. Саратов, 1962; *Мальцева И. М.* Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в. (На материале однокоренных параллелей *-ость, -ство* и *-ость, -ие*). — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., «Наука», 1966.

№ 9); Оба бека, благодаря сноровке и *привычности* коней, счастливо совершили переезд (Б.-Марл., Мулла-Нур).

Расширяется подгруппа слов, называющих особенности внутреннего мира человека, его эмоциональное состояние, склонности и характерные черты поведения. Именно к этому времени относятся первые фиксации слов:

Бездушность, безобидность, вкрадчивость, докучливость, задирчивость, изворотливость, навязчивость, настойчивость, находчивость, неразборчивость, несговорчивость, отходчивость, пугливость, развязность, раздумчивость, рассеянность, расчетливость, светскость, сметливость, стойкость, уживчивость, усидчивость, шаловливость.

Такие слова распространены в публицистике, в художественных произведениях, в научных описаниях, в переписке (как деловой, так и частной):

Часто одна *стойкость* россиян расстроивала все глубокомысленные планы вождя галлов (Глинка, П. русск. офицера); Решительная минута, в какой мы находимся, не похожа ни на одну из тех, в которые торжествовала старинная *расчетливость* наших предков (Моск. телеґр., 1826, ч. 8, № 5); Это пост важный и требует от человека, его занимающего, особой *сметливости* (Жихарев, Зап.); Должно терпением, добросовестностию, благородством и особенно *настойчивостию* оправдать ожидания истинных друзей словесности (Пушк., П. к М. П. Погодину, 1 июля 1828 г.); Танцевала кот‹ильон› с несносным дипломатом Ст-, который к природной своей глупости присоединил еще *рассеянность* (Он же, ‹Ром. в письм.›).

Одну из подгрупп новообразований существительных с отвлеченным значением составляют слова, называющие физические качества человека или других живых существ. В ее состав входят существительные:

Близорукость, живучесть, косолапость, костлявость, кривобокость, малорослость, малосильность, мешковатость, молодцеватость, мясистость, неуклюжесть, пискливость и нек. др. Сюда же относятся слова—названия состояний типа *дремливость*.

Заметно расширяется подгруппа слов, обозначающих степень качества (в словарях первой половины XIX в. таких существительных отмечено очень много). Обычно — это отвлеченные имена существительные, обра-

зованные от прилагательных с суф. *-ова-*. Они разнообразны по значению: это и названия качеств предметов, явлений, и названия особенностей внутреннего мира человека, и названия физических свойств живых существ, например:

Бледноватость, гладковатость, глуповатость, голубоватость, горьковатость, грубоватость, длинноватость, дубоватость, дупловатость, желтоватость, жидковатость, клочковатость, кочковатость, красноватость, крепковатость, кривоватость, кругловатость, легковатость, мелковатость, пестроватость, рыхловатость, сизоватость, скучноватость, слеповатость, тепловатость, тускловатость, хрипловатость.

Среди новообразований — наименований различных качеств и свойств наряду со словами, использовавшимися в разных разновидностях речи, возникали существительные, употребление которых ограничивалось терминологическими и профессиональными сферами. Именно в пушкинскую эпоху появились новообразования: *гниловатость, едковатость, игристость* (вина), *шипучесть* (шампанского), *залежалость* (семян), *зернистость* (почвы), *малосольность* (рыбы), *плывучесть* (песков).

Терминологический характер имели также некоторые слова, связанные со сферой социально-экономических отношений: *безоговорочность, безубыточность, доходность, маловыгодность, малонаселенность, малоприбыльность, оборотливость, оседлость.*

б) В первой трети XIX в. продолжает пополняться группа отвлеченных существительных со значением действия. Бóльшую их часть составляют существительные с суф. *-ни(е)*, отличающиеся высокой регулярностью образования, легко создаваемые «по модели в момент употребления»[21]. Слова этой группы нередко совмещали в себе значение отвлеченного действия и его результата. Таковы, например: *зачисление, отсрочивание, переценивание, подготовление, приспособление, рассрочивание, расходование, скрашивание, улучшение.* Были здесь и названия конкретных действий, например, *убаюкивание*:

Общество *приспособления* точных наук к словесности

---

[21] Изменения в словообразовании..., с. 28.

(Б.-Марл., Объявл. от общества); Раннее *убаюкивание* талантов излишними похвалами (Он же, Русск. слов.).

Возрастает также число существительных — названий действий, характеризующих психический склад, духовные качества человека, его поведение, например, *взманивание, нежничанье, обласкивание, остроумничанье, своевольничанье, упорствование.*

Входят в употребление отглагольные существительные с суф. *-к-а* со значением действия или результата действия: *(об)рисовка, оттушевка*: Скотт далеко превосходит Купера в *рисовке* характеров (Кюхельб., Дневн., 9 июня 1834 г.); В Хабере и Первосвященнике есть даже что-то похожее на *обрисовку,* на *оттушевку* лица (Там же, 3 марта 1841 г.).

Новообразования со значением действия или его результата появлялись не только в общеупотребительной речи, но также в более узкой, терминологической, сфере языка, и это — еще одно свидетельство высокой продуктивности модели. Начинают употребляться такие, например, слова, как: *замораживание, обледенение, округление, оттирка, перевертка, перегорание, перегревание, перегущение, перекаливание* (от *калить*), *перекачивание* (нефти), *подмерзание, разрежение.* Часть названных слов входит в это время (или позднее) в литературный язык.

в) С начала XIX в. активизируются образования отвлеченных существительных с оценочным значением (на *-щина, -овщина*). Эти слова, называя различные социально-бытовые понятия, явления, содержат в себе экспрессивную окраску, в основном отрицательную: *бестолковщина, похабщина, самодельщина, латинщина* 'пренебрежительно о том, что относится к латинской культуре: латинский язык, ученые труды на латинском языке и т. п.': Пускай уже седой профессор Геттингена, На старой кафедре согнувшися дугой, Вперив в *латинщину* глубокой разум свой (Пушк., Красавице, которая нюхала табак). Среди существительных с оценочным значением встречаются образованные от собственных имен и фамилий слова, обозначающие разные литературные направления, течения или стилевые манеры, например: *сумароковщина, тредьяковщина, хвостовщина*[22]: Стихи... пахнут *сумароковщиной* (Жихарев,

[22] Там же, с. 119—120.

Зап.); Есть стихи порядочные, но много и *хвостовщины* (А. Тург., П. к П. А. Вяземскому, 8 мая 1823 г.).

г) В начале XIX в. продолжали появляться и другие отвлеченные существительные, которые не образовали четких семантических групп. Среди них были слова, обозначающие положение человека в сфере социальной жизни (в отношениях с людьми, с обществом), его физическое или психическое состояние, например: *головокружение, забытье; бесприютность, небезопасность, одичалость, стесненность:* Кажется, Москва произвела над поэтом то же действие, что и Летиция в начале поэмы: *головокружение* и оптическое обаяние (Вяз., Наполеон. Поэма Э. Кине).

Получают распространение сложные слова с компонентами *пол-, полу-* в первой части сложения: *полвселенная, пол-исправленья, полудорога, полунебо, полупуть* (Жуковск.); *полдосада, полнадежда, полудень* (Батюшк.); *полу-истина, полу-мера, полу-милость* (Пушк.).

2) Менее активными в пушкинское время были новообразования с конкретной семантикой. Среди них самое большое место принадлежит существительным — наименованиям лиц по разным признакам.

а) Интенсивно пополняется в конце XVIII—первой трети XIX в. группа названий производителей действия (этот процесс, как известно, активизировался в литературном языке с начала XVIII в.)[23]. О появлении большого количества слов названного типа в пушкинский период свидетельствуют и лексикографические данные и язык литературных произведений рассматриваемого времени. Эти существительные легко образовывались от любых глаголов. Обилие слов — названий производителя действия, образованных в начале XIX в. при помощи суф. *-тель* от семантически разнообразных русских (в том числе народно-разговорных) корневых морфем, — один из важных показателей завершающегося в данный период слияния двух «стихий» в литературном языке: церковно-славянской и русской.

Употребительность слов—названий производителя действия была различной и по степени распространенности слов, и по продолжительности их функционирования. Бо́льшая часть таких существительных, появив-

---

[23] См.: История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX в. М., «Наука», 1981, с. 54—55, 142.

шихся в пушкинское время, не закрепилась в литературном языке; многие из них, по-видимому, выступали как окказионализмы.

Остались в русской литературной лексике, например, слова: *изготовитель, обворожитель, прожигатель, разыскатель, угнетатель, устроитель.*

Слова, не сохранившиеся в литературном языке: *бросатель, верстатель, виноделатель, выкупатель, докучатель, живитель, замечатель, избиватель, излечитель, надбавлятель, назначитель, написатель, напоминатель, наступатель, оговоритель, огорчитель, оправдатель, остерегатель, отяготитель, передаватель, переделыватель, печататель, подбиратель, приискатель, развозитель, разливатель, рассматриватель, снарядитель, улучшатель.* Примеры: *Рассматриватель* книги (Русск. вест., 1810, № 3); *печататель* чужих сочинений (Батюшк., П. к Н. И. Гнедичу, нач. сент. 1816 г.); *докучатели* фортуны (Дмитр., Взгляд); *снарядитель* нужных даров (Моск. вест., 1828, № 13); Последняя статья необходима для *подбирателей* классических мозаик (Б.-Марл., Объявл. от общества); чайный *разливатель* (Полеж., Сашка).

б) Значительную группу среди новообразований составили в изучаемую эпоху существительные с суф. *-ник, -щик, -льщик,* называющие лиц по выполняемым ими трудовым процессам. К этому времени относятся первые фиксации многих русских слов данного типа, например: *воронильщик, дикарщик* 'обтесывающий дикий камень', *заготовщик* 'сапожник, делающий заготовки', *месильщик, навальщик, нагревальщик, настильщик* 'рабочий на суконной фабрике', *обмерщик, перекатчик, размотчик, сварщик.*

Отмечаются и названия лиц по роду деятельности, типа *настройщик, обходчик, извозчик,* разговорное *собачник* 'лицо, связанное по роду своих занятий с собаками', например: Жена сердечно вас благодарит, но *собачник* поставил меня в затруднительное положение. Я давал ему за труды 10 рублей, он не взял, говоря: мало, по мне и он и собака того не стоят (Пушк., П. к Н. М. Коншину, июнь 1831 г.).

в) В первой трети XIX в. продуктивно было образование сложных существительных — названий лиц: *золотоискатель, краскотер, лесовод, луговод, маслобойщик, молотобоец* и др., а также образование сложных слов с компонентами *пол-, полу-* в первой части сложе-

ния, например, у Пушкина: *полу-герой, полу-фанатик, полу-плут, полу-милорд, полу-купец.*

II. В начале XIX в. пополняются новообразованиями не только существительные, но и другие части речи. Заметное место в группе прилагательных-новообразований занимают слова, называющие качества и свойства, относящиеся к душевному миру и особенностям поведения человека.

Еще в языке XVIII в. стал расширяться круг прилагательных, обозначающих способность, склонность человека к какому-либо действию, его типическое, характерное свойство. Интенсивность этого процесса сохраняется и в пушкинский период[24]. В частности, активизируются новообразования с суф. *-чив, -лив-*. Входят в употребление такие слова, как: *вдумчивый, вкрадчивый, выносливый, запасливый, изворотливый, настойчивый, находчивый, неприхотливый, отходчивый, привередливый, пугливый, увертливый, уживчивый, усидчивый* и др.

Некоторые прилагательные, употреблявшиеся в первой трети XIX в., не закрепились в литературном языке, например: *засидчивый, изгибчивый* 'могущий изгибаться', *оглядливый* 'осторожный', *подходчивый* 'приветливый, вкрадчивый, ласковый', *приноровчивый, угадчивый* 'догадливый', *уговорчивый.*

Многие из прилагательных с суф. *-чив-, -лив-* получили распространение в художественной речи — как в поэзии, так и в прозе, в мемуарах и эпистолярной литературе: Власти *неприхотливы* (Б.-Марл.); мысль *увертлива* (Борат.); *пугливая* Мария (Пушк.); *вкрадчивый* ум (Он же); *угадчивая* проницательность (Вяз.); *оглядливый* дипломат (Он же).

Среди прилагательных продуктивную группу составляют также отглагольные прилагательные с суф. *-тельн-*. Она пополнилась словами: *бездоказательный, гасительный, мыслительный, обворожительный, подготовительный, разыскательный, стеснительный, угодительный* и др.

Некоторые прилагательные на *-тельный* до середины XIX в. сохраняли соотносительность с причастиями и имели процессуальное значение. Так, слова *гасительный, незамечательный, разыскательный, стеснительный,*

---

[24] См.: Изменения в словообразовании..., с. 435—446.

угодительный были тождественны по значению причастиям: *гасящий, не замечающий, разыскивающий, стесняющий* и т. п. (позднее слова *гасительный, угодительный* из употребления вышли). Некоторые примеры: Но осень нам дала и тучи, И ток *гасительных* дождей, И нивой пепел стал зыбучий, И жатвой радовал людей (Ф. Глинка, Карелия); Врагу *стеснительных* условий и оков, Не трудно было мне отвыкнуть от пиров (Пушк., Чедаеву); А *разыскательный* лорнет? А закулисные свиданья? (Он же, Евг. Онег.); Он думал, что мы столь *незамечательны*, столь легковерны (ВЕ, 1817, № 14); В глаза и за глаза скажу: неприхотлива И *угодительна*, ловка и бережлива (Гриб., Своя семья). Соотносительность с причастиями у прилагательных этого типа к середине XIX в. постепенно утрачивается. Процессуальное значение выступает как характерная особенность причастий [25].

В первой трети XIX в. было немало и таких прилагательных на *-тельный*, которые семантически сближались не с причастиями, а с качественными прилагательными, например, *осмотрительный* (человек) в значении 'осторожный человек' [26]. Эти прилагательные применялись в художественной и научной литературе, в произведениях философского характера: К тому ж они так непорочны, Так величавы, так умны, Так благочестия полны, Так *осмотрительны* (Пушк., Евг. Онег.); Весьма *примечательную*, из одного только базальта состоящую гору мне случилось видеть близь Шемница, в Венгрии (Двигубск., Сл. о сост. земн. поверхности); Посему, сколько оная система с первого взгляда ни *обворожительна*, но она в природе, по крайней мере по моему суждению, существовать не может (Осиповск., Рассужд.).

В первой трети XIX в. активными среди прилагательных были сложные слова. В частности, возникают образования, обозначающие различные стороны общественной и культурной жизни. Интересны в этом отношении такие прилагательные, в которых первый ком-

[25] *Ильинская И. С.* К истории словарного состава русского литературного языка XIX в. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 3. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 175; Изменения в словообразовании..., с. 402 и след.

[26] О пополнении состава качественных прилагательных в результате окачествления относительных прилагательных и причастий см. ниже, с. 96 и след.

понент в какой-то мере уточняет, дополняет или определяет значение второго компонента, например: *долгосрочный, долгоствольный, маловыгодный, малодоходный, малоземельный, малозначительный, малоснежный, многоземельный, многозначительный, многосторонний, однозвучный* и т. д. Примеры: Сколько сии роли ни слабы, ни уродливы, ни *малозначительны*, однако все они без всякого сомнения лучше роли Димитрия (ВЕ, 1817, № 13); Предпочтительно из губерний *малоземельных* и бесплодных (Вяз., Тариф 1822 г.). Часть таких слов входит в состав терминологических обозначений, что свидетельствует о закреплении модели.

Активно пополняется состав сложных прилагательных, характеризующих внешний вид человека или другие качества, свойства: *голубоглазый, долгоухий, золотоволосый, красногубый, краснолицый, крепконогий, кривозубый, криволапый, черноволосый, черноголовый.*

Появляются отдельные новообразования в кругу цветообозначений. Это главным образом слова, называющие различные оттенки основных цветов спектра, например: *бледно-красный, светло-коричневый, светло-лиловый, светло-синий, темно-бурый, темно-коричневый.*

В пушкинскую эпоху, как и ранее, были очень распространены индивидуальные прилагательные — эпитеты, которые тоже служат для качественной характеристики лиц, животных или выступают определениями отвлеченных понятий, например: *многоречистый, мрачно-одинокий, смиренно-печальный, сумрачно-унылый* (Жуковск.); *звонко-скачущий, многоученый* (Пушк.); *полуученые* (понятия) (Вяз.); *полутихо-нежно-томен, пышнопестрый, различноцветный* (Полеж.) [27]. Бо́льшая часть таких слов не вошла в литературный язык.

III. В первой трети XIX в. возникают и глагольные новообразования.

Входят в литературное употребление новые глаголы, обозначающие поступки, поведение человека, его занятия (с суф. *-нича-, -(е)ствова-, -(изир)ов-*). Нередко в качестве производящей основы выступают заимствованные слова, например, *аристократничать, либеральни-*

[27] См. об этом: *Чедия В. В.* Сложные слова в языке русской художественной литературы первой половины XIX века (Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев). Канд. дис. Тбилиси, 1956.

чать; педантствовать, роскошествовать, рыцарствовать, философствовать; гальванизировать, драматизировать: Не довольно *либеральничать*, должно еще *либеральничать* с толком и совестью (Вяз., О духе партий); Сыплет анекдотами, *либеральничает* немножечко и *философствует* (Кюхельб., Дневн., 22 июня 1840 г.); «Добрыню» [Державина] — я прочел, ex officio; а потом *роскошествовал* за третьею частью нашего старика (Там же, 25 дек. 1834 г.); Читая о нем, я по своему обыкновению в воображении *драматизировал* его историю (Там же, 19 февр. 1834 г.); ...который приведет в стройную целость эти разбросанные, *гальванизированные* недоростки жизни (Вяз., Наполеон. Поэма Э. Кине).

В этой группе возможны и глаголы, образованные от имен собственных (исторических лиц или героев литературных произведений), в которых экспрессия особенно очевидна, например, *ловеласничать* 'поступать, вести себя, как ловелас': ... Ты *ловеласничаешь* (Пушк., Ром. в письм., черн. вар.)

Сюда же подключаются глаголы со значением 'быть занятым игрой во что-н.', например, *ералашничать* в значении, отличном от современного, 'играть в ералаш (карточную игру)', *бостонить* 'играть в бостон': Вечером был у Окуловых и *ералашничал* до второго часу ночи (Вяз., Зап. кн.); В вечеру *бостонили* мы у Истомина (Кюхельб., Дневн., 16 февр. 1840 г.).

В рассматриваемую эпоху возникают глагольные новообразования отыменного происхождения на *-ить*, обозначающие различные состояния окружающей человека природы, например, *парить* 'обдавать жаром, влажным зноем', который употребляется и как личный глагол: По ту страну блистает солнце, И зной кипящий *парит* воздух (Бобров, Херсонида — ЛК), и безлично (в речи «простых» персонажей): Что-то очень *парит* (Б.-Марл., Морех. Никит.); — Да, больно *парит*, — сказал Феропонт (Загоск., Брынск. лес).

Появились некоторые глаголы с суф. *-ну-* со значением одноактного действия: *вздремнуть* 'слегка соснуть, забыться коротким сном', *всхрапнуть* 'поспать, соснуть, особенно днем', *шмыгнуть* 'быстро проскользнуть, незаметно уйти, скрыться'. На первых порах их употребление стилистически ограниченно: [Лиза] Теперь вот только что *вздремнула* (Гриб., Г. от ума); [Хлестаков (*один, выходит с заспанными глазами*)] Я, кажется,

всхрапнул порядком (Гог., Ревизор); Он рад бы в первые тут *шмыгнуть* ворота — Да то лишь горе, Что все ворота на запоре (Крыл., Волк и Кот).

IV. Среди новых слов были новообразования нейтральные и новообразования экспрессивно окрашенные. Наличие эмоциональной (положительной или отрицательной) оценки в слове определяется либо характером лексического значения основы (*шмыгнуть*), либо экспрессивно-стилистической окраской словообразующего аффикса (*латинщина*), либо тем и другим вместе (*ловеласничать*).

Функции новообразований определялись в зависимости от отсутствия или наличия в литературном языке обозначений соответствующих понятий. В первом случае новое слово обычно выступало только как средство номинации, во втором — часто выполняло и экспрессивную функцию. Эти функции могли переплетаться: новое слово, выполняя функцию непосредственной номинации, могло вносить в речь и элементы экспрессии.

В это время продолжаются тенденции, характерные для словотворчества в XVIII—начале XIX в. С полным правом к пушкинской эпохе можно отнести наблюдение С. И. Ожегова, касающееся особенностей процесса новообразований в более ранний период. «В конце XVIII—начале XIX в., — писал С. И. Ожегов, — люди старшего поколения становились в тупик перед лавиной новых образуемых слов»[28]. Акад. С. Я. Румовский в письме П. П. Соколову от 16 октября 1803 г. жаловался: «Зараза выдумывать и ковать новые слова ныне так распространилась, что в сем едпном многие полагают свое достоинство и красоту языка российского, и стремление сему положить преграду толь трудно, как реке, из берегов своих выступающей»[29].

Не все слова, появившиеся в литературном употреблении в пушкинское время, остались в языке. Среди них было много слов — «однодневок» (окказионализмов, не вошедших в общее употребление). Это, во-первых, слова типа *дурноватость*, выполнявшие только номинативную функцию, и, во-вторых, шутливые словечки (обычно плоды индивидуального творчества), построен-

[28] *Ожегов С. И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка. — В кн.: *Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., «Высшая школа», 1974, с. 171.

[29] Там же.

ные по продуктивной модели, например, *одомаратель* (Батюшк.); *дамоподобный, камер-пажиха, хандрливый* (Пушк.); *рабски-думцы* (Вяз.) или являющиеся непродуктивными образования: *рифмотвор* (Батюшк.); *кюхельбекерно, стишистая* (торговля) (Пушк.); *архихамы* (Н. Тург.).

Подобные окказионализмы, необходимые авторам в конкретной речевой ситуации, так и остались фактом их индивидуального словоупотребления. Нежизнеспособными оказались также отдельные новообразования на *-тель* (см. перечень на с. 29), на *-ние* (*обласкивание, взманивание*) и др. Однако подавляющее большинство приведенных выше слов вошло в литературный язык, обогатив собою его лексический фонд.

V. Возникавшие в это время новообразования в ряде случаев сталкивались с уже существовавшими в литературном языке однокорневыми словами, оформленными другими суффиксами. Так, словообразовательными вариантами выступают некоторые названия деятелей, например: *выкупатель — выкупщик, оговоритель — оговорщик, обливатель — обливальщик, кроитель — кроильщик.* Характерно, что слова с суф. *-щик* фиксируются в более ранних лексикографических справочниках, чем их варианты с суф. *-тель.* Это свидетельствует о продуктивности в первой трети XIX в. образований с суф. *-тель.*

Встречаются также следующие словообразовательные варианты: *подготовление* и *подготовка, рассрочивание* и *рассрочка*; наряду с *отличие* есть и *отличка* (Гриб., Г. от ума); употребляются слова и *содействие* и *содейство* (Там же); возможны в языке прилагательные *угадливый* и *угадчивый,* глаголы *кокетствовать* и *кокетничать.*

Степень употребительности однокорневых вариантов и сферы их функционирования не были одинаковы. Так, отглагольные существительные на *-ка* активно конкурируют с существительными с суф. *-ни(е)* со значением процессуального признака и отвлеченного действия, способствуя закреплению слов на *-ние* как стилистически значимых книжных элементов. Точно так же глагольные образования на *-ствовать* (вполне нейтральные в языке XVIII в.) нередко уступают место глаголам с разговорным суф. *-ничать.* Показательно, например, что слово *кокетствовать* встречается у Пушкина 1 раз, а *кокетничать* — 23.

Таким образом, в начале XIX в. усиливается тенденция к устранению множественности обозначений. Перестают употребляться отмеченные в XVIII в. слова: *напорчивость, нерассудность, пренебреживость, работливость, знатство, удостоинство* и мн. др. Хотя в языке пушкинской эпохи и сохраняются параллельные образования, самый характер их употребления, по сравнению с XVIII в., изменяется. Свободное варьирование перестает быть массовым явлением, и часть вариантных форм (слов) ограничивается в употреблении.

ПОПОЛНЕНИЕ СОСТАВА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ ГОТОВЫМИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ

СЛОВА ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В 20—30-е годы русская культура была тесно связана с культурой других стран, прежде всего европейских. Это обусловливало интенсивный приток иноязычных слов в литературный язык данного времени [30].

Языки — источники заимствования

В рассматриваемый период, как и в конце XVIII в., преобладающим было французское влияние. Французский язык явился поставщиком названий новых для русского языка понятий, подчас имевших интернациональный характер. В этот период русское дворянство остается двуязычным, что поддерживалось французским влиянием в области искусства и культуры в России. Галлицизмы были составным элементом не только литературной, но и бытовой лексики. Многие дворяне говорили и писали в 20-е годы XIX в. и по-русски и по-французски (или по-русски — с сильной примесью французского). Даже крайние противники употребления французских слов и оборотов в русском языке нередко использовали французские выражения [31].

[30] В разделе рассматриваются отдельные слова, первые случаи употребления которых отмечены в литературе самого конца XVIII в., но закрепление в литературном языке происходит в 20—30-е годы XIX в.

[31] Например: Прочел я четыре повести Пушкина (пятую оставляю pour la bonne bouche на завтрашний день) (Кюхельб., Дневн., 20 мая 1833 г.).

Однако в пушкинское время усиливается стремление преодолеть французское влияние на русскую культуру. Это приводит к некоторому сокращению притока новых лексических заимствований из французского языка[32]. В начале XIX в. «французские гувернеры в знатных домах... выходили уже из моды»[33], их заменяли выходцы из Швейцарии (женевцы)[34].

Заметно в эту эпоху влияние английской культуры. Разные слои русского общества проявляют интерес к английской технике и к организации сельского хозяйства, к английской политэкономии, к системе воспитания и обучения. В дворянском быту распространяется английская мода, в семьи приглашаются воспитательницы—англичанки. В «столице находится довольное количество любителей, достаточно знакомых с языком и литературою английскими»[35]. Английские слова и выражения проникают в художественную литературу[36], а также вводятся в разговорный язык высшего общества (А. Грибоедов в «Горе от ума» упоминает об «английской складке» в быту). В русский язык заимствуется ряд английских слов: *джентельмен, коттедж, колледж* и др.

Немецкое влияние было слабее, чем английское. Оно заметнее у романтиков (с немецкого переводят: В. Жуковский, М. Милонов, Каролина Павлова) и у писателей из кружка любомудров. Немецкие слова нередко калькируются; например, проникает в язык слово *естествоиспытатель* (калька нем. Naturforscher).

Итальянским языком владеют немногие; эпиграфы из итальянского встречаются у К. Батюшкова, Пушкина, К. Рылеева, П. Вяземского, Н. Кукольника. В моде итальянская музыка, опера. В литературное употребление эпохи входят новые итальянские слова.

---

[32] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык..., с. 217.

[33] *Карамзин Н. М.* Моя исповедь (Письмо к издателю журнала). — В кн.: [Полное собрание сочинений русских авторов] Сочинения Карамзина, т. 3. СПб., 1848, с. 506.

[34] *Бродский Н. Л.* Евгений Онегин, роман А. С. Пушкина. М., Учпедгиз, 1950, с. 34.

[35] *Вяземский П. А.* Поживки французских журналов в 1827 г. — Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1879, с. 79.

[36] Английские морские термины встречаются, например, в повести В. Даля «Мичман Поцелуев», в повестях и рассказах А. Бестужева-Марлинского.

В поэзии этой поры активно звучат испанские мотивы; появляются слова: *венга, мулат* и др., которые создают испанский колорит.

Влияние латыни ослабевает: «Латынь из моды вышла ныне» — пишет Пушкин в «Евгении Онегине». Изучают латынь только семинаристы, учащиеся университетов, преподаватели, писатели-переводчики (Н. Гнедич, переводивший Гомера, Н. Надеждин, И. Крылов, А. Мерзляков).

В литературе используются немногие, примерно одни и те же латинские выражения: a posteriori, et cetera и др. («Это уже доказано a posteriori» — Плетнев, П. к А. С. Пушкину, 22 сент. 1827 г.). Кроме того латинские слова и выражения привлекаются в эпиграфах (ср. у Пушкина — ко второй главе «Евгения Онегина»: «O Rus» — из Горация).

Исследователи отмечают также живые связи между русской и венгерской, русской и чешской литературами. Так, Пушкин живо интересуется культурой чехов и словаков, польской литературой и др. Однако самое сильное из славянских влияний в 20—30-е годы — украинское. Это связано с творчеством писателей-украинцев, писавших на русском языке (Гоголь, В. Нарежный, Г. Квитка-Основьяненко), но широко вводивших в свои произведения украинскую лексику. В повести В. Нарежного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», изображающей украинскую среду, отмечены украинизмы и семинарские слова.

Углубляется интерес русских писателей к культуре народов, населявших северные районы (Ф. Глинка «Карелии природу В метких ямбах очертил» — Бенед., Ф. Н. Глинке; появляется исследование С. Раевского и А. Баласогло о «Калевале», «Эстонская повесть» В. Кюхельбекера, поэма Е. Боратынского о финляндке. В литературе и переписке употребляются такие слова, как *маймист* (прозвище финнов; по-фински maamies — 'селянин'): Ем я печеный картофель, как *маймист* (Пушк., П. к Н. Н. Пушкиной, 21 сент. 1835 г.).

Внимание писателей привлекает освободительная борьба североамериканских индейцев («Джон Теннер» Пушкина), экзотическая культура народов Востока (Иран, Индия). Так, В. Жуковский перевел с немецкого «индейскую повесть» «Наль и Дамаянти» и «персидскую повесть» «Рустем и Зораб». Традиции восточной повести нашли отражение в творчестве А. Бенитцкого и — в меньшей мере — в творчестве О. Сенковского.

В связи с установкой ряда писателей «на необычное, удивляющее, на приковывающий к себе колорит чу-

жого»[37] заметно усилился приток в литературное употребление этой эпохи и так называемой восточной лексики, прежде всего — языков неславянских народов России, населявших Кавказ и Среднюю Азию, в меньшей мере — народов Сибири, Урала, Молдавии, Крыма. Освоение «восточной» лексики связано с внешнеполитическими событиями (война России па Кавказе) [38], с интересом писателей—романтиков к национальным культурам и литературам, к этнографии и языку (исследования И. Ф. Яковкина, Ф. И. Эрдмана, Я. О. Ярцова). Тюркизмами интересовался и В. Даль — в его Словаре их очень много.

В очерках, повестях, поэмах, письмах, дневниковых записях, путевых заметках перед читателем раскрывается пестрый мир разных народов: быт калмыков, черемисов, чувашей, киргизов, башкир, грузин, чеченцев, черкесов, осетин, татар, молдаван, цыган. К этой эпохе относится освоение литературным языком таких слов, как *брынза, нарзан* и др.

Основные тематические группы заимствованных слов

К концу XVIII в. русский литературный язык располагал достаточно разветвленными группами отвлеченной лексики. Вместе с тем в первой трети XIX в. еще остро ощущалось недостаточное развитие «метафизического» языка: «Ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует» [39].

Одним из источников пополнения русского литературного языка отвлеченной лексикой продолжают оставаться иностранные языки. Заимствуются слова, выражающие различные понятия в сфере общественной мысли, философии, психологии и т. п. В ряде отраслей знаний заимствования представлены очень широко (например, в научной терминологии). Существенной чертой рассматриваемого периода является расширение круга и употребительности слов, обозначающих общественно-политические и

[37] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 225.

[38] Ср. составленную О. Сенковским «Карманную книгу для русских воинов в турецких походах», содержащую разговорник и «словарь употребительнейших российско-турецких слов», ч. 1. СПб., 1854.

[39] *Пушкин А. С.* <Причинами, замедлившими ход нашей словесности...> — Полн. собр. соч., т. 11, с. 21.

научные течения и направления. В частности, довольно обильно проникают в литературный язык слова отвлеченного значения с суф. *-изм*[40]. Бóльшая часть этих слов — интернационализмы, постоянные в книжной речи[41]. Среди слов с суф. *-изм* выделяются, прежде всего, названия различных общественно-политических, научных направлений и систем, мировоззренческих понятий, обозначения сфер деятельности, заболеваний: *антагонизм, бюрократизм, вандализм, журнализм, идеологизм* 'мировоззрение', *католицизм, классицизм, протестантизм, романтизм, сомнамбулизм* 'гипнотическое состояние', *терроризм, фатализм, феодализм.* К этой группе примыкают слова, обозначающие направления и системы, словообразовательно связанные с именами собственными (обычно — фамилией лица): *мартинизм* 'учение С. Мартена'. Некоторые примеры:

Не всякий *протестантизм* — пуританство (Кюхельб., Дневн., 18 апр. 1834 г.); В то время значение *романтизма* (курсив авт.) не было вполне и положительно определено (Вяз., О жизни и соч. Озерова); Это неизменное стремление к предмету своей страсти, это чудное свойство — во всей природе чувствовать одно, видеть одно — не есть ли практический *романтизм, романтизм* на деле (Б.-Марл., О ром. Полевого); Мнение автора о *сомнамбулизме* очень примечательно: он не считает *сомнамбулизма* сном (Кюхельб., Дневн., 23 окт. 1834 г.).

Некоторые слова с суф. *-изм* в литературном языке того времени представляли собой одновременно названия как общественно-политических, философских направлений, так и особенностей характера человека, его склонностей. Таковы, например: *догматизм, карбонаризм, критицизм, либерализм, мистицизм, нигилизм* (с 1828 г.), *радикализм, цинизм, якобинизм.* Эти и подобные слова употреблялись в художественной литературе, в критико-публицистических статьях, в дневниковых записях, в переписке: В этом одном стихе опровержение и *догматизма*, и *критицизма* (Кюхельб., Дневн., 6 янв. 1835 г.); И бойся исказить догадкою своей Сокрытое во тьме святого *мистицизма* (Бенед., Сонеты); Эта пора сливается с порою *либерализма* (Вяз., Прип. к ст. «Цыганы»).

---

[40] См.: *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. Изд-во МГУ, 1958, с. 59 и след.

[41] Некоторые слова на *-изм* возникали и на русской почве.

Входят в употребление такие слова, как *анахронизм* (1) 'хронологическое несоответствие', 2) 'нечто устаревшее, пережиток'), *парахронизм* 'ошибка в хронологизации явления', а также: *плеоназм* 'оборот речи, содержащий однозначные слова', *прозаизм:* Я снова жизни полн — таков мой организм (Извольте мне простить ненужный *прозаизм*) (Пушк., Осень); *Анахронизмов* решительно не выправлю: пусть они останутся на забаву будущим моим критикам (Кюхельб., Дневн., 1 мая 1834 г.); Да, — сознаюсь чистосердечно: Мои мечты — *анахронизм* (Бенед., Смейтесь); *Еще мучительней вдвойне* (курсив авт.) едва ли не *плеоназм* (Пушк., П. к П. А. Вяземскому, 25 янв. 1825 г.).

Функционируют в языке слова: *артология* 'нравоучение', *вулология* 'волеучение', *дуализм, идеализировать, реализм, спиритуализм.* Слово *мистификация* 'намеренное введение в обман и заблуждение' обязано своим усвоением русским языком распространению идей мистицизма, а слова *гальванизм, гальванический, поляризация, химизм, электрицизм* — увлечению естественными науками.

В литературном языке закрепляются новые общественные, политические и социально-экономические термины, например, *бюджет* 'смета доходов и расходов на определенный срок', *прокламация* (в значении 'торжественное обнародование, объявление чего-либо' — см. Яновск., Нов. словотолк.), *эклектический.*

Из других слов отвлеченного значения можно назвать: *пластика* 'ваяние, скульптура' и 'искусство ритмических движений человеческого тела', *цивилизация, факт*, которое «распространяется в публицистике, научной и специальной литературе с 20—30-х годов XIX в.» [42].

В литературный язык проникает немало иноязычных слов для обозначения ряда понятий, связанных с дворянским бытом: *аплодисмент, бо-монд* (калька *высший свет*), *бон-тон, комеражи* 'сплетни', *комфорт, пари, раут, собрикет* 'прозвище': Нет, не таких мой Саша правил: Он не был отроду *бонтон* (Полеж., Сашка); В школе всякий имеет свой *собрикет* (Корф, Зап. о Пушк.); Раздались *аплодисменты* — они провожали Орозмана со сцены («Цветник», 1809, ч. IV—ЛК).

Иноязычные заимствования представлены и конкретной лексикой. Особенно много иноязычных слов среди

[42] *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 247.

названий предметов и явлений, относящихся к сфере дворянского быта. Это — архитектурные термины: *аванзал, веранда, мансарда;* слова, связанные с «парковой» культурой: *клумба, куртина* («Мигом обежала *Куртины,* мостики, лужок» — Пушк., Евг. Онег.), *парк, сквер;* новые слова — наименования тканей: *драп* (фр.), *муслин, муар, фуляр, эластик* («В англо-кургузом модном фраке, В отличной шляпе *эластик* — Полеж., Сашка); названия предметов одежды, обуви, головных уборов: *берет, боа* («Он счастлив, если ей накинет *Боа* пушистый на плечо» — Пушк., Евг. Онег.), *боливар* (шляпа, названная по имени Симона Боливара, героя национального движения в Южной Америке), *вицмундир, жакет, калоши, кальсоны, конфедератка, манишка, пальто, пиджак, плед, смокинг* 'одежда для курения', *фуражка, цилиндр, шемизетка* (слово впервые появилось в русском литературном языке в начале XIX в. в форме *шемизетты*) [43]. Пополняется группа слов, относящихся к кулинарии. В нее входят, например, названия кушаний: *бутерброд, винегрет, зразы, компот, мусс, монпансье, пломпудинг, пюре, тартинка*; названия овощей: *кольраби* 'сорт капусты'; новые названия сортов вин: *аи, кло-д-вужо, лафит, люнель, сотерн, шабли, шнапс.* Расширяется состав наименований, обозначающих танцы: *гросфатер, котильон, мазурка, попури, тарантелла, экосез;* различные игры: *барры, домино, крепс* (игра в кости); *гранпасьянс, кенз-ель-ва* 'ставка', *куш, плие, соника* 'с первой ставки', *талья* 'круг игры', *экарте* (карточные игры и связанные с ними явления); *борт, луза* (термины биллиардной игры). Входят в оборот слова, связанные с дуэлью: *барьер, картель* («То был приятный, благородный, Короткий вызов иль *картель*» (курсив авт.) — Пушк., Евг. Онег.), с фехтованием и верховой ездой: *поза* (в XVIII в. оно звучало как *позитура* и *постура*) [44], *шпоры.* Появляются слова, имеющие отношение к медицине и гигиене: *жоли* 'название зубного порошка', *микстура.* Усваиваются также слова *пахитоса, сигарета.* Моде на новые породы домашних собак обязано своим появлением слово *шпиц*: Я забавлялся, глядя на сражения *шпица* с козою (Кюхельб., Дневн., 23 июля 1832 г.).

---

[43] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского литературного языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., «Наука», 1972, с. 404.

[44] Там же, с. 387.

Вводятся в литературное употребление иноязычные слова — названия различных заведений и учреждений, например, *кофейня, ресторан* и *ресторация, лицей* (название здания и учебного заведения; учрежден в 1811 г.). Появляется слово *морг* (здание, помещение для покойников).

Начинают употребляться термины, относящиеся к сельскому хозяйству: *ветеринария, ферма*; канцелярские термины: *бланк*[45], *веленевая* (бумага); военные: *вальтрап* 'гусарская куртка', *долиман* 'гусарская одежда', *кишкет* 'часть кивера', *ментик* 'гусарская куртка со шнурами', *шрапнель;* технические: *андроид* 'автомат', *плашкоут*. Пополняется состав слов, обозначающих средства передвижения: *ботик* 'парные дрожки', *пироскаф* 'пароход', *стимбот* (то же).

Заметное место среди иноязычных заимствований принадлежало словам, обозначающим лиц. Именно в данную эпоху эта группа имен существительных пополняется относительно новым типом наименований — словами, обозначающими лиц по роду их общественной и политической деятельности, например, *(г)етерист, демократ, карбонарий, легитимист, либерал, оранжист, памфлетер, революционер, роялист, сервелист, террорист, энциклопедист*. Они распространены в разнообразных жанрах: Из того не следует, чтобы каждый свободолюбивый человек был непременно и готовым *революционером* (Вяз., Прип. к ст. «Цыганы»); Пушкин и Мицкевич уверяли, что я рожден *памфлетером* (Он же, Автобиогр. введ.); [Загорецкий] Такой же я, как вы, ужасный *либерал* (Гриб., Г. от ума); Сжатые турками в кучу, *етеристы* бросили оружие (Вельтм., Восп. о Бессарабии).

С развитием естествознания и философии в язык проникают слова *индивидуум, прагматик*. Человек, занимающийся сельским хозяйством, как специалист, получает название — *агроном* 'опытный хозяин'. Появляются некоторые новые названия лиц, причастных к искусству: *пейзажист* (по данным ЛК, впервые отмечено в «Херсониде» С. Боброва, 1804 г.) и литературе: *беллетрист, классик* 'писатель, автор произведений в классическом роде' и 'сторонник, защитник литературного направления —

---

[45] XVIII веку было известно это слово, но в другом значении. Ср., например: Утверждать ли надписи на векселях, кои *бланками* называются (Наказ сената — ЛК).

классицизма', *романист*. Заимствуются слова, называющие персонажей, распространенных в произведениях романтического направления: *вампир, вурдалак* [46].

Расширяется группа наименований, определяющих родственные отношения. В ее состав входят слова: *бельсёр* 'сестра жены', *кузен* 'двоюродный брат', *кузина* 'двоюродная сестра' и др. В дворянском кругу употребительны также заимствования: *гастроном* 'знаток и любитель хороших блюд', *гувернер, кокю* 'рогоносец', *компаньонка, ресторатор* 'содержатель ресторана', *фашионабель* 'живущий фешенебельно'. В связи с распространением дуэлей в дворянский обиход проникают слова *дуэлист* (Грпб., Г. от ума), *секундант*; увлечение азартными играми вызвало появление слов: *бостонист* 'играющий в бостон', *партнер*.

Активное заимствование новых наименований лиц говорит о том, что в пушкинское время укрепляется наметившаяся в последней трети XVIII в. тенденция [47] к расширению состава лексики, связанной с деятельностью человека, его занятиями, родственными связями.

В 20—30-е годы, как и в предшествующий период, заимствования вызывали горячие споры современников. В частности, некоторые литераторы отвергали заимствованные слова, «потому что они лишены „внутренней формы" и, следовательно, бедны содержанием» [48]. Продолжались попытки заменить некоторые иноязычные наименования русскими новообразованиями или местными словами. Показательно, например, замечание В. Кюхельбекера: «Я узнал тут очень хорошее, мне незнакомое русское слово: к р у ш е ц (разрядка авт.) — металл; особенно прилагательное от него: к р у ш ц о в ы й (разрядка авт.) можно бы предпочесть длинному, вялому и противному свойству русского языка прилагательному: м е т а л л и ч е с к и й (разрядка авт.)» [49].

Поисками русских эквивалентов иноязычным словам занимался В. Даль, который предлагал, например, заменить слово *гирлянда* на *плетеница*; *ферма* — на *заимка*,

---

[46] См. об этом: *Виноградов В. В.* Из истории русской лексики и фразеологии. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, вып. 6. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 9 и след.

[47] См.: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 72.

[48] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.—Л., Academia, 1935, с. 246.

[49] *Кюхельбекер В. К.* Дневник. [Л.], «Прибой», 1929, с. 60.

хутор; *маршрут* — на *путевик*; *мираж* — на *марево*; *портрет* — на *поличие, подобень*; *маска* — на *окрутник* и *окрутница*[50], наречие *зигзагом* — на *зубцом*[51]. При этом равно возможными для замены признавались слова как реально существовавшие, так и придуманные.

Стремление ограничить сферу применения заимствованных слов путем замены их русскими словами иногда увенчивалось успехом. Однако в ряде случаев попытки приспособить русские слова к передаче тех понятий и выражений, которые вошли в международную терминологию и были усвоены русским языком, не привели к желаемому результату: иноязычное слово утверждалось в литературном языке, при этом нередко происходила семантическая дифференциация иноязычного и русского эквивалента. Примером подобной дифференциации могут служить следующие пары слов (первое заимствованное — второе русское или иноязычное, но усвоенное ранее): *артист — художник*[52], *грот — пещера, моральный — нравственный, натура — природа, оригинальный — подлинный, пресс — гнет, пьедестал — подножие.*

Особенности употребления иноязычной лексики

Многие слова, заимствованные в начале XIX в., очень быстро укоренились в русском языке. Это относится прежде всего к названиям предметов и понятий социальной и общественно-бытовой сферы. Характерно, что наблюдается а к т и в н о е освоение не только ранее заимствованных, но и новых для литературного языка слов. Яркой иллюстрацией могут служить слова *шоссе* и *телеграф*. Известно, что постройка искусственных дорог с щебеночным покрытием в России была начата правительством в начале XIX в.[53]. С расширением дорожного строительства очень быстро входит в литературный язык и наименование дороги, имеющей твердое покрытие, — *шоссе*. Уже для Пушкина оно — обычное слово: Катясь

---

[50] *Даль В. И.* Полтора слова о русском языке. — Полн. собр. соч., т. 10. СПб.—М., 1898, с. 569.

[51] Там же, с. 554.

[52] В XIX в. слово *художник* еще встречается в значении 'артист': Варшавская сцена была богата отличными *художниками* (Вяз., Автобиогр. введ.).

[53] Большая советская энциклопедия. 3-е изд., т. 29. М., 1978, с. 457.

по гладкому *шоссе* в спокойном экипаже... я вспомнил о последнем своем путешествии (Путеш. из М. в Пб.); *Шоссе* Россию здесь и тут, Соединив, пересекут (Евг. Онег.).

Точно так же было со словом *телеграф* в значении 'устройство для передачи текста на расстоянии'[54]. В 30-е годы XIX в. российское правительство только приступило к проведению телеграфной связи[55]. Н. Полевой, назвав журнал «Московский телеграф», поместил на обложке журнала изображение телеграфного аппарата. Это способствовало распространению слова. Показательно, что как название журнала слово *телеграф* употреблено Пушкиным 42 раза.

В пушкинский период значительно усилился, по сравнению с предшествующим временем, процесс освоения терминологической и специальной лексики иноязычного происхождения. Она стала свободнее проникать в неспециальные контексты. Так, морские терминологические обозначения представлены в повести А. Бестужева-Марлинского «Фрегат „Надежда“», а также «Лейтенант Белозор», посвященной приключениям военного моряка; здесь же отмечены ботанические термины. Обращение к музыкальным, философским и военным темам вызвало привлечение соответствующих терминов в повестях В. Одоевского, Н. Полевого и др.

Свободное оперирование научной терминологией особенно отличало стиль таких писателей эпохи, как А. Бестужев-Марлинский, О. Сенковский. Однако употребление терминологии в пушкинское время — это не только художественный прием, свойственный отдельным писателям, но и характерная особенность литературного языка. Распространению и более широкому использованию терминов литературный язык был обязан художественной прозе, критике и публицистике. В рассматриваемый период термины начали легко проникать также в письма и в разговорную речь образованного дворянства, например: То, что я в последнем письме описывал тебе... было настоящая морская *тромба*, называемая моряками

---

[54] Сведения о телеграфе проникли в Россию в XVIII в., и в одном из журналов появилась статья «О далекописании». Слово же *телеграф* впервые фигурирует в русских переводах начиная с 1794 г. (см.: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 142).

[55] Большая советская энциклопедия, 3-е изд., т. 25, с. 388.

тифон (Вяз., П. к В. Ф. Вяземской, 7 авг. [1826 г.]); Вот два дня как мне ставят *турунды* (курсив авт.) (А. Н. Карамз., П. к Е. А. Карамзиной, 27 ноября 1844 г.).

Широко известны и вовлекаются в контексты, не связанные со специальной темой, прежде всего иноязычные слова—термины, пришедшие в русскую терминологию в XVIII в., а иногда и ранее. Это, например, термины науки: *гипотеза, диспут, масса, перпендикулярный, призма, стоик, сфера, электризовать* («С тех пор, как дивный препарат... Уснувших сил моих начала *Электризует* и живит...» — Полеж., Гальванизм), *элемент*; медицинские термины: *аневризм, бинт, гимнастика, диэта, истерика, карантин, каталепсия, компресс, конвульсии, ланцет, медикамент, мигрень, первы, пароксизм* 'внезапный приступ болезни', *пульс, рецепт, сплин, флюс*; термины торгово-финансовые и экономические: *банкир, банкрот, дивиденд, капиталист, финансы*; военные: *инвалид* (Полев., Расск. русск. солд.), *кавалергард* (Пушк., к Наталье), *кирасир* (В. Раевск., Мой арест), *маневр* (Вельтм., Воспо. о Бессарабии), *эскадрон* (Б.-Марл., Лейт. Белоз.); морские обозначения: *помпа, шканцы*; административные и юридические: *процесс, штат*; наименования из области живописи, скульптуры, литературы: *арабеск, брошюра, новелла, портрет;* театральные: *арена, арлекин, гаер, кулисы, фарс, фигляр*; термины из сферы государственного устройства, исторической науки: *деспот, дипломат, министр, эпоха, эра;* делопроизводственные обозначения: *архив*; производственно-технические: *полировать* и др.

Изменяются сферы употребления ряда терминологических обозначений, заимствованных в конце XVIII—первые десятилетия XIX в. Стали известны в общелитературном употреблении термины: науки — *историограф, плюс, философ, циник*; в том числе медицины: *микстура, скарлатина, тиф*; термины торгово-финансовые и экономические: *монополия, меркантилист, физиократ* 'последователь политико-экономического учения XVIII в. о земледелии как единственно производительном труде, создающем стоимость', *экономъ*; военные: *вагенбург* 'военный обоз' (Пушк., Путеш. в Арзрум), *сапер* (Б.-Марл., Лейт. Белоз.); термины живописи и скульптуры: *атрибут*; театральные термины: *субретка, фора*; сразу становятся популярными слова из области литературы, критики, журналистики, языкознания: *беллетрист* 'популяризатор' (введено В. Белинским), *журна-*

лизм, неологизм 'новаторство в языке', *полемика, пресса* (введено В. Белинским), *тип* 'типический образ' и др.

Об освоении иноязычных слов как нетерминологического, так и терминологического характера свидетельствует тот факт, что в ряде случаев в составе литературной лексики в это время функционирует не одно слово, а целое словообразовательное гнездо. Например, встречаются не только известные ранее *реалист, реальный,* но и новое слово — *реализм,* не только заимствованное ранее *карбонарий,* но и *карбонаризм*; наряду с появившимися в 90-е годы XVIII в. словами *якобинец, якобинский, якобинство* в 20—30-е годы XIX в. входит в употребление *якобинизм*; заимствованное в 30-е годы XVIII в. прилагательное *абстрактный*[56] служит основой для образования в начале XIX в. существительного *абстрактность*[57]; начинают широко использоваться слова *философствовать, философствование, философический* и др.

Отдельные иноязычные наименования в пушкинский период только начинали входить в употребление и не отличались широкой сферой распространения. Это, например, *вагон* (строительство первой большой железной дороги — между Москвой и Петербургом — началось только в первой четверти XIX в.), *пассивный, беллетристика, цитата, цитировать*[58], *синтез, ультра, флюид*[59]. По всей видимости, новым для этой эпохи явилось слово *грипп*[60]; в русском восприятии еще сохранялась «новизна» заимствованного в последней трети XVIII в. слова *идеал* (в «Евгении Онегине» Пушкин назвал его модным).

Значительная часть проникавших в русский язык слов употреблялась ограниченно. Лишь в языке людей, непосредственно связанных с разведением растений, ис-

---

[56] См.: *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 337.

[57] *Веселитский В. В.* Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века. М., «Наука», 1964, с. 14.

[58] См.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.—Л., «Наука», 1965, с. 86, 118, 137.

[59] Можно предположить, что впервые слово *флюид* употребил Вяземский (см.: *Вяземский П. А.* Письма из Парижа. — Полн. собр. соч., т. 1. СПб., 1876, с. 224).

[60] Л. Толстой в «Войне и мире» отмечает редкость этого слова в начале XIX в.

пользовалось заимствованное в начале XIX в. слово *томат* и (несколько позже) *помидор*, которые закрепились в русской терминологии (первая лексикографическая фиксация слова *томат* — в «Ботаническом словаре» Н. Анненкова, 1859 г., а слова *помидор* — во втором издании этого же словаря, 1878 г.) [61].

Некоторые иноязычные слова, в том числе и заимствования XVIII в., в эту эпоху еще не стали достоянием общелитературного употребления. Таковы, например, термины астрономические: *орбита, фаза*; медицинские: *атрофия*; термин изобразительного искусства: *эскиз*.

Было еще много словообразовательно изолированных слов. Таким было, например, слово *турист*, до 80-х годов XIX в. употреблявшееся редко. От него лишь в конце XIX в. было образовано существительное женского рода *туристка* и прилагательные *туристский* и (реже) *туристический* [62]. Не имели производных также слова *шоссе, вагон* и мн. др.

Множество иноязычных наименований, включаемых в литературное употребление, выступает на правах экзотизмов. Круг слов, вводимых в художественный текст и эпистолярную литературу лишь при описании малоизвестного иноземного быта, был довольно значителен. Преобладающую часть среди экзотизмов составляли слова, заимствованные из языков народов Кавказа; они обычно пояснялись: Съел я проклятый *чюрек* (курсив авт.), армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою (Пушк., Путеш. в Арзрум); *Кунак* (т. е. приятель, знакомец) отвечает жизнию за вашу безопасность (Он же, Кавк. плен.); Не хотел... носить высокую мерлушковую *кушму* (шапку) (Вельтм., Восп. о Бессарабии); На запятках *бутки* (коляски) (Там же). Аналогичные пояснения сохранялись также у некоторых слов, заимствованных задолго до рассматриваемого периода [63]. Так, Пушкин в «Кавказском пленнике» поясняет слова: *аул, Байран* (*Байрам*) «праздник разговенья», *уздень* «начальник или князь», *кумыс* и др.

Язык литературы этого времени изобилует экзотическими словами, среди которых — названия разных блюд:

---

[61] См. об этом: *Сандлер А. М. Томат и помидор.* — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 193—195.

[62] См. об этом: *Шипулина Г. И. Турист.* — Русская речь, 1976, № 2, с. 126.

[63] Они зафиксированы в картотеке ДРС.

мамалыга; одежды: *чадра*; жилых помещений: *сакля, сераль*; повозок: *арба* (заимствовано ранее, но остается на правах экзотизма), *бутка*; танцев: *джок* (молд.), *сербешти* (молд.); монет: *бешалык, гальбина, лев, махмуты*; административных единиц и делений: *цынут*; правителей: *муфти*; конфессиональных терминов: *дервиш, минарет*; орудий наказания: *фаланга* 'наказание у турок, состоявшее в ударах палками по пятам' и мн. др. Эти и подобные слова воспринимались русским читателем «как поверхностная, не имеющая прямого значения couleur locale и глубже в словесный обиход не входили» [64].

Реже встречаются экзотизмы украинского (*баштан, оселедец*) и западноевропейского происхождения (*тиара, этерия*, а также названия некоторых общественных событий по месяцам, в которые они происходили, — *брюмер, термидор*). Слова *бокс, боксовать, спорт* отмечены только в описаниях жизни англичан, а слова типа *мокасин* 'мягкая обувь', *томагавк* 'ударное и метательное оружие' и др. — в описаниях жизни североамериканских индейцев.

Среди западноевропеизмов этого времени немало слов, которые сопровождаются авторскими пояснениями; например, у Пушкина: *Велосифер*, по-русски Поспешный дилижанс (П. к Н. Н. Пушкиной, 22 сент. 1832 г.). Русские эквиваленты приводятся также для ряда обозначений, известных XVIII в. и обычно глоссировавшихся в тот период. Так, у А. Бестужева-Марлинского: *рупор — разговорная труба, трап — лесенка* (Лейт. Белоз.). Однако преобладающая часть иноязычных слов в 20—30-е годы XIX в. функционирует в языке и без каких-либо пояснений. Это свидетельствует об углублении процесса освоения данного слоя лексики в пушкинскую эпоху.

Часть заимствованных слов оказалась нежизнеспособной и вышла из употребления. Это такие, например, как *тартана* (ткань), *каньзу, шемизетка*; некоторые названия сортов вин (*Шато-Марго, Жаксон, люнель*); карточные термины (*соника, плие*) и др.

Отдельные слова сохраняют свое иноязычное написание: antrachat, beef-steaks, bis, bravo, dandy, comme il faut, monsieur, prude, roast-beef, vulgar. Некоторые из подобных слов не вошли в русский язык, например, prude, о котором Пушкин писал, что оно «обозначает

---

[64] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 224.

женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской)» (Отр. из писем) и др.

Наконец, в это время русским языком еще не были усвоены некоторые наименования (хотя единичные случаи их употребления можно встретить в предшествующий период). Понятия, обозначаемые ими, обычно передавались средствами русского языка (описательный оборот, слово, словосочетание). Например, в значении 'максимум' выступали слова: *огромнейшее, образец, наибольшее, высочайшая степень,* а в значении 'минимум' — *малая мера, наименьшее*[65], «в смысле 'конкуренция', в том числе в экономическом обиходе, используется слово *стечение*»[66], а слова *конкуренция* и *конкурировать* входят в употребление лишь в 30—40-е годы XIX в. Еще не был найден однозначный термин для философско-обобщенного значения 'самостоятельная, неизменная сущность, начало'; для его передачи «применяются различные наименования, среди которых *субстанция* вплоть до начала XIX в. остается нечастым»[67].

Сохраняется идущая от предшествующей эпохи традиция, когда нужное понятие называется русским словом или выражением, но иноязычный эквивалент из языка-источника дается в скобках для уточнения, пояснения мысли: Канцлер Франции... поднес королю расписание государственных доходов и расходов (budget) (ВЕ, 1827, № 13); Мелкие умы стараются теснее сосредоточивать выгоды (intérêts) (Вяз., Отрывок из биогр. Каннинга); Она... завела своих покровителей и своих питомцев (protegés) (В. Одоевск., Кн. Мими).

В пушкинский период некоторые иноязычные слова (в том числе и заимствованные в XVIII в.) еще сохраняют вариативность. Так, отдельные слова выступают как существительные мужского и женского рода, например, *аневризм — аневризма, апофеоз — апофеоза* (и *апотеоза* — Кюхельб., Дневн.), *грипп — гриппа, диэт — диэта, орбит — орбита, госпиталь* (м. р.) и *госпиталь* (ж. р.). Встречаются также следующие варианты: *виньетка* и *пиньэтка, гауптвахта* и *обвахта, графин* и *карафин, декокт* и *декохт, ипохондрия* и *гипохондрия, карбонар* и *карбонарий, квартира* и *квартера, синтез* и *синтезис, фе-*

---

[65] *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 252.
[66] Там же, с. 251.
[67] Там же, с. 129.

атр и *театр, фейворок — фейерверк* и *фейвирк, фрунт* и *фронт, шкап* и *шкаф, эстетика* и *эсфетика* и т. п. Но все отчетливее проявляется тенденция к устранению вариантности. Так, у Пушкина слово *квартира* встречается 25 раз, в *квартера* — 8, *шкаф* — 6 раз, *шкап* — 4 (в речи персонажей), *графин* — дважды, *карафин* — единственный раз. Более принятым в этот период признается *клоб,* а не *клуб*; *лицей* или *ликей,* но не *лицея*; *гарем,* а не *харем* и т. п. (См.: Сл. Пушк.).

Распространенные в предшествующую эпоху ряды или группы слов, семантически эквивалентных друг другу, отчасти сохраняются и в первой трети XIX в. В качестве тождественных слов выступают, например, *дуализм — двойство — двойственность*; *изящная словесность — беллетристика*[68], *интеллектуальный — разумный — духовный — умственный*; *народность — национальность*[69], *натуралист — естествоиспытатель*; *опытный — действительный; синтетический — составительный*; *скальд — бард*[70]; *спиритуализм — духовность*; *эмпирический*[71] *— материальный — чувственный.* Однако и здесь действует тенденция к преодолению вариантности. Она проявляется либо в утрате одного из компонентов ряда (например, в философской речи закрепляется слово *материалист,* а синонимичное ему *вещественник* утрачивается), либо — в семантическом разграничении подобозначных лексем. В ряде случаев происходит семантическое размежевание и некоторых только что образовавшихся синонимов, например: *письменность — литература* и др.[72]

Итак, для пушкинской эпохи характерен быстрый темп освоения не только тех иноязычных слов, которые проникли в состав русской литературной лексики в предшествующее время (т. е. так или иначе уже освоенных языком), но и слов, только начинающих входить в русскую речь в эти годы. Приток иноязычных слов поддерживал существование вариативности в языке. Но в пуш-

---

[68] *Веселитский В. В.* Развитие отвлеченной лексики..., с. 54—55.
[69] Там же, с. 61.
[70] Ср.: Скальд и бард одно и то же, по кр.‹айней› мере — для нашего воображения (Пушк., ‹Заметки на полях›).
[71] В XVIII в. это слово, судя по материалам ЛК, имело иное значение — 'врачебный'.
[72] См. об этом в разделе «Семантические изменения в лексике».

кинский период уже получает свое решение проблема выбора из множества вариантов тех, которые признаются более правильными и более употребительными.

ОБОГАЩЕНИЕ СОСТАВА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ СЛОВАМИ ЖИВОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В начале XIX в. понятия *разговорная речь*, *просторечие*, как и в XVIII в., современниками еще четко не разграничивались. Смысл самого слова *просторечие* оставался близким к этимологическому: «простая речь». Существенно также, что граница между просторечием и простонародным языком была, по словам В. В. Виноградова, «очень подвижной, извилистой»; Пушкин, например, в критических статьях мог употребить слово *простонародный* в значении *просторечный*. Но установить различие между этими понятиями все же возможно. В. В. Виноградов характеризует просторечие этого периода как «стилистическую категорию разговорно-бытовой, фамильярной речи высших классов, не приспособленной к „светскому“ этикету»[73]. Простонародный же язык это — «обиходный язык крестьянства..., дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества, вообще, мелкой буржуазии, не тронутой литературным просвещением»[74].

Хотя в определении понятий *разговорное, просторечное, простонародное* существенных изменений в первой трети XIX в. не наблюдается, в самом составе слов этой категории[75], а также в их функционировании в литера-

---

[73] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 380.

[74] Там же, с. 392.

[75] Стилистическая оценка слова всегда основана на восприятии его носителями литературного языка. Она исторически изменяется под воздействием словоупотребления. Поэтому представляется естественным ориентироваться при отнесении того или иного слова к определенному разряду лексики в прошлом, в первую очередь, на языковое сознание именно современников — носителей литературного языка соответствующего периода. Поскольку для рассматриваемой поры стилистические характеристики слов наиболее полно представлены в $САР_{1,2}$, отправной точкой для анализа служат те слова, которые приводятся в данных словарях или в одном из них с пометами «просторечное», «простонародное» (кроме диалектизмов). Оценки $САР_{1,2}$, естественно, могут в некоторых случаях и не соответствовать реальному функционированию отдельных слов в литературе конца XVIII—начала XIX в. Несовпадение упот-

туре происходит заметный сдвиг. С одной стороны, многие из них выходят из литературного употребления[76]. С другой — продолжается интенсивное обогащение словарного состава русского литературного языка «простой» лексикой. Значительную часть таких слов, ставших достоянием литературного языка в 20—30-е годы XIX в., составили слова, известные ранее. Одновременно в литературный язык проникали слова «новые», т. е. не встречавшиеся в литературе предыдущей эпохи. Одни слова вовлекаются в литературный язык без изменения их семантики, другие — при переходе в литературный язык претерпевают семантические сдвиги[77].

Слова простой речи, употреблявшиеся в литературе предшествующего периода

Углубление процесса социальной дифференциации в обществе активизировало начавшийся в XVIII в. процесс внутренней дифференциации разговорной лексики как в живой разговорной речи, так и в литературной практике: четче определились группы слов, которые, с одной стороны, закрепились в литературном языке, а с другой — обособились как ненормативные. Среди функционировавших в литературном языке разговорных слов можно выделить три группы: 1) слова, которые окончательно утверждаются в литературном языке; они широко употребляются в самых разнообразных контекстах; 2) слова, ограниченные в своем употреблении стилистически; 3) слова, сфера употребления которых явно сужалась.

1. Слова, функционирующие в разнообразных контекстах. Большинство таких слов уже в XVIII в. включалось в художественную литературу. Одни из них употреблялись преимущественно в низ-

---

ребительности слова в речи и его квалификации в словарях наблюдается и в современном языке. Многие слова (или отдельные их значения), определяемые лингвистами как нелитературные, можно встретить в газетных заметках, в сообщениях комментаторов, в поэзии.

[76] См. об этом на с. 84 и след.

[77] Разговорные слова, входящие в литературный язык без изменения своего значения, рассматриваются в этом разделе, а те слова, которые вливаются в литературное употребление, претерпев различные семантические трансформации, — в разделе «Семантические изменения в лексике».

ких жанрах (*на фуфу*), другие вводились в произведения среднего стиля (*авось*), часть слов иногда проникала в высокие контексты (*богач, впервые*) [78].

Однако в характере употребления этой разговорной лексики в первой трети XIX в., по сравнению с XVIII в., есть существенное отличие, связанное с возросшим влиянием художественной литературы, а также литературной критики. Словоупотребление крупнейших писателей эпохи получает большой резонанс, становясь подчас объектом полемики. Быстрое массовое распространение того, что выходило из-под их пера, позволяет активизироваться ряду разговорных слов. И хотя приводимые ниже слова были известны в XVIII в., а иногда и ранее, процесс литературной их канонизации протекает именно в первой трети XIX в. Показателями этого служат и частота употребления таких слов в разных жанрах и стилях литературной речи, и относительная регулярность их использования широким кругом писателей разных школ и направлений, и — главное — их проникновение в авторское описание. К фонду литературной лексики могут быть также отнесены некоторые слова, хотя и редкие в литературе первой трети XIX в., но выступающие в художественном повествовании в речи автора без какой-либо стилистической мотивировки.

Существенно и то, что в 20—30-е годы XIX в. употребление разговорной лексики выходит за рамки собственно художественной литературы — в критические, публицистические, научно-исторические и т. п. произведения, что также содействовало укреплению позиции таких слов в составе литературной лексики.

Широкоупотребительны в разных по характеру произведениях прежде всего слова, уже в XVIII в. имевшие «доступ» в любой литературный жанр, в том числе и высокий. К ним примыкают слова, встречавшиеся ранее в средних жанрах и — реже — в низких. Некоторые из рассматриваемых ниже слов лишены экспрессии; они выполняют чисто номинативную функцию (таких меньшинство), другие же, напротив, экспрессивно окрашены, т. е. они не только называют действие или предмет, но и дают ему оценку (*нагрянуть, нахлынуть* и др.). Такие слова преобладают. Степень активности названных групп

---

[78] См.: История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX в., с. 212—232.

лексики в литературном языке данного периода неодинакова. Однако существенно, что в отличие от последующего времени в эпоху Пушкина литературный язык вбирает в себя и такие разговорные слова, которые не имеют экспрессии[79]. Утрачивая «просторечную» или «простонародную» окраску, они входят в литературный язык как нейтральные лексические элементы. Случаи их употребления приходятся на стихи, художественную и историческую прозу, критико-публицистические сочинения, а также переписку.

Среди не обладающих экспрессией слов, утверждающихся в литературном языке, можно выделить, например: слова, обозначающие бытовые реалии: *нагайка* 'разновидность плети'; слова, называющие постройки и их части: *почта* как 'помещение, где производятся почтовые операции', *крыша* 'верхнее покрытие строения' и 'дом, жилище, кров'[80]; названия знаменательных событий и праздников: *именины, свадьба, святки*:

Вы помните, бульвар кипел в Париже так Народа праздными толпами, Когда по нем летал с *нагайкою* козак (Батюшк., Странствователь и домосед); Она [Егоровна] продиктовала повару Харитону... письмо, которое в тот же день и отослала в город на *почту* (Пушк., Дубр.); Здесь с музой *свадьбу* золотую Сегодня празднует Крылов (Вяз., На радость полувековую); Увидел ее в первый раз на *святках* (Борат., Перстень).

Свободно используются в литературе такие слова, как *тезка, прибаутка*, а также некоторые слова, обозначающие части человеческого тела, например, *ляжка* 'часть бедра':

В этих стихах упоминаю кстати о *тезках* его [Дмитриева]: Иване Лафонтене и Иване Хемницере (Вяз., Изв. о жизни и стих. Дмитр.); Отыщем след и русской *тезки* Его трагедии, когда угодно вам (Он же, Логогриф; см. также в переписке у Н. Карамзина, Н. Тургенева и у Пушкина); слово *ляжка* употребляется Пушкиным в «Евгении Онегине» (Взвести друг на друга курок И метить в *ляжку* иль в висок), в статье «Джон Теннер»; К. Батюшков и В. Жуковский привлекают это слово в письмах делового содержания.

В пушкинский период, как и ранее, среди «простых» мало слов отвлеченного значения. Укрепляются в литера-

[79] Позднее явное предпочтение отдается экспрессивной лексике.
[80] См. в разделе «Семантические изменения в лексике».

турном языке, например, слова: *раздолье, раздумье* и широкоупотребительное в XVIII в. *дело* 'деловая надобность, необходимость': Скажи, пожалуйста, Антон, какое *дело* у отца ‹мо›его с Троекуровым (Пушк., Дубр.); Пусть остановится в *раздумьи* и вздохнет (Батюшк., [Из греч. антологии]); На путь из терема глядит И так в *раздумье* говорит (Жуковск., К Воейкову. Послание); И скажет в тихий час случайного *раздумья* (Борат., Младые Грации сплели тебе венок).

Завоевывают себе литературные права такие слова, как *безответный* 'кроткий, смиренный', *каждый* (в составе количественных сочетаний *каждый день, час, год*).

В разряд нейтральных включаются разговорные слова, характеризующие различные действия или движения. Например, глагол (*вс*)*карабкаться* отмечен в поэзии (у В. Жуковского, П. Вяземского), в художественной прозе (у Пушкина, А. Бестужева-Марлинского), в журналистике и письмах Пушкина. *Нацарапать* встречается в описаниях путешествий: Там нашел я несколько неизвестных имен, *нацарапанных* на кирпичах (Пушк., Путеш. в Арзрум); в письмах: Каждая верста означена моим именем, *нацарапанным* мною на камне (Жуковск., П. к И. И. Козлову, 27 янв. 1833 г.). Глагол *отряхнуть* употребляется в элегиях В. Жуковского, в художественной прозе и драматических произведениях Пушкина, например: [Пимен] И, пыль веков от хартий *отряхнув*, Правдивые сказанья перепишет (Бор. Год.). Используется он также переносно или образно: [пташки] негу *отрясают* Со крылышек своих (Батюшк., Мои пенаты); Уж роща *отряхает* Последние листы с нагих своих ветвей (Пушк., Осень); Иль, *отряхнув* видения земли Порывом скорби животворной (Борат., Осень). Слово *отшатнуться* 'резко отстраниться, отступить' встречается не часто; у В. Жуковского: Вздрогнул конь и *отшатнулся* (Людмила); у Пушкина — в шутливом стихотворении «Фавн и пастушка». Этот глагол, так же как и *отряхнуть*, подвергается метафоризации: ‹Дук› Вот вам наказ: желательно б нам было, Чтоб от него не [*отшатнулись*] вы (Пушк., «Вам объяснять правления начала»).

Свободно проникают в литературное употребление глаголы, обозначающие различные чувства, переживания, состояния человека, а также отношения между людьми; например, *надоесть, плакаться* (встречается в авторском рассказе в басне И. Крылова, в стихотворениях Пущ-

кина); глагол *сослужить* в рассматриваемое время известен в выражении *сослужить службу* (его можно найти в авторском тексте басни И. Крылова, в «индейской повести» В. Жуковского «Наль и Дамаянти», в «Саламандре» В. Одоевского), а также в свободном употреблении (отмечено у И. Лажечникова и в известной сказке Пушкина: Отплачу тебе добром, *Сослужу* тебе потом). Глагол *очнуться* известен в значении 'опомниться, прийти в себя после обморока, забытья': Вероятно я упал в обморок, потому что не закричал. Наконец я *очнулся* под высоким деревом (Пушк., Дж. Теннер); *Очнувшись*, странному забвению дивимся (Борат., «Я не любил ее, я знал...») и в значении 'пробудиться, проснуться от сна': Взошла звезда денницы... Вадим *очнулся* — ясно Все было вкруг (Жуковск., Вадим); в образном применении: И запел он песнь надежды; *Жизнь* (курсив авт.) *очнулась*, ожила (Жуковск., Жизнь); Светильню тронула слегка, Светильня сонная *очнулась* (Борат., Бал).

Широкоупотребителен в этот период глагол *нахмурить*. Употребление его у Пушкина приходится на стилистически различные поэтические тексты и журнальные статьи: Сии всегдашние передовые зрители, *нахмуренные* в комедиях, зевающие в трагедиях, ...не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов (Замеч. о театре). Причастное образование *нахмуренный* 'нахмурившийся, хмурый' используется в авторской речи у А. Бестужева-Марлинского (в исторической повести «Мореход Никитин»), в описании путешествий (Батюшк., Путеш. в Сирей). В стихотворном тексте оно употребляется у Е. Боратынского (в стихотворении «Переселение душ»), у П. Вяземского («К подруге»), у В. Жуковского (в балладах «Роланд оруженосец», «Громобой», «Замок Смальгольм»). Синонимичный глаголу *нахмурить* глагол *насупить* у Пушкина отсутствует, у других писателей встречается очень редко. К. Батюшков использует его в пародии «Похвальное слово сну», В. Жуковский — в шутливом «Протоколе двадцатого арзамасского заседания» в контексте с налетом архаики: Пылкий Изок появился, но пасмурен, хладен, *насуплен*. Глагол *насупить* менее употребителен, чем *нахмурить*, и в последующее время, но возможен в середине XIX в. и в авторской речи (например, у М. Михайлова в «Изгоеве»).

Укрепляются также в литературном языке и некоторые лишенные оценочности наречия и незнаменательные слова: *по-пустому, чересчур, да* (частица и противит. союз), *на* (частица): И, слов не тратя *попустому*, Кой в чем довольно успевал (Полеж., Сашка); Не хочу *попустому* ораторствовать (Жуковск., П. к А. С. Пушкину, 9 авг. 1825 г.); Зима у нас привыкнула гостить! Так! *Чересчур* в дарах она богата (Он же, Послание к Плещееву); Моей княгине *чересчур* Слыть Пенелопой трудно было (Борат., Бал); И стали нелепы оттого, что *чересчур* умничали (Б.-Марл., О ром. Полевого); Это *чересчур* погостинодворски (Он же, П. к П. А. Вяземскому, 28 янв. 1824 г.).

Да в значении противительного союза употребляется в пушкинское время достаточно широко (в письмах, обычно дружески-непринужденных, в стихах, а также в художественной прозе — чаще в диалоге, в журнальных статьях). *Да* как противительный союз для Пушкина — элемент литературного языка, хотя, возможно, не совсем нейтральный, а сохраняющий экспрессию разговорности. В литературный оборот проникает, расширяя сферы своего употребления, разговорное слово *надо*, хотя его положение в литературном языке пушкинской поры еще не отличается определенностью и устойчивостью (сказывается различие индивидуальных вкусов) и преобладает в литературном употреблении синонимичное *надобно*. Именно в первой трети XIX в. завершается переход в состав литературной лексики слова *вполне*, союза *так как* и нек. др.

В первой трети XIX в. широким функциональным диапазоном обладали многие экспрессивно окрашенные слова. Они включались в литературные произведения, сохраняя ту экспрессию, которая была им свойственна в первопачальной сфере их бытования. Степень их экспрессивности могла быть различной. Среди этой группы выделяются, во-первых, разговорно-непринужденные слова, сниженный характер которых не выступает подчеркнуто резко. К ним относятся, например, *пиликать, тормошить* и др. Большей частью, это «специфически разговорная струя в нашем языке» [81]. Во-вторых, сюда причисляются эмоционально-оценочные слова (семантика

[81] *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской», с. 102.

которых включает в себя оценку называемого) [82]. Активность употребления в литературе экспрессивно окрашенных лексических единиц очень велика. Наличие в словах экспрессивной окраски, вносящей в них дополнительные оттенки смысла, их отличие от нейтральных обозначений соответствующих понятий позволило таким словам не только проникнуть в литературный язык, но и удержаться в нем. Писателей, очевидно, привлекала яркость, образность этих слов, отвечавшая потребности в расширении выразительных средств языка. Эти слова, закрепившись в общем литературном обороте, составили «основу его бытовых, простых и непринужденных стилей выражения, основу литературного просторечия, не связанного в дальнейшем развитии нашей литературы с какими-либо отдельными и особыми ее жанрами, но зато привносящего в различные жанры и стили ее более или менее резкий и определенный отпечаток разговорной, часто грубоватой и фамильярной экспрессии» [83].

Одни слова пополнили разряд экспрессивной лексики благодаря развившемуся у них переносному значению с отчетливо ощущаемой внутренней формой слова: *приструнить* (кого) 'подчинить своей воле, заставить повиноваться', *расходиться* (о нервах), *удариться* (во что), *навеселе*. Разговорность других слов создавалась с помощью словообразовательных средств, например, разговорных аффиксов: *канурка, молодцеватый, отговариваться, понадеяться* и др.[84]

Эмоционально-оценочная лексика, пополнившая литературный словарь в эпоху Пушкина, значительно превышает группу лексики, не обладающей экспрессией. Это показывает, что в процессе демократизации русского литературного языка одной из ведущих была тенденция к обогащению лексики экспрессивными средствами разговорной речи.

Условия употребления слов эмоционально-оценочных принципиально не отличаются от условий употребления слов неэкспрессивных (типа *тезка*). Эмоционально-оценочные слова вовлекаются как в живую разговорную речь разных лиц, так и в язык литературы: в шутливые и са-

---

[82] В словарях XX в. они даются с пометами *неодобр., пренебр., презрит., ирон., ласкат.* и т. п.

[83] *Сорокин Ю. С.* Указ. соч., с. 132.

[84] В дальнейшем изложении слова этих двух групп не разграничиваются.

тирические стихотворения, в дружеские послания. Они возможны и в авторском повествовании, не осложненном стилистическим заданием (установкой на шутку, иронию, стилизацию и т. п.), в исторических сочинениях, в критико-публицистических статьях, а это свидетельствует о более высокой, чем в XVIII в., степени их «олитературивания».

Многие такие слова, сохраняя свою экспрессивную окраску, вовлекались в различные произведения литературы, расширяя и пополняя некоторые лексико-семантические и тематические группы словарного состава языка.

Отвлеченная лексика обогатилась лишь немногими разговорными лексическими единицами. В разнообразных прозаических и поэтических контекстах стали возможны, например, слова: *блажь, пустяк(и), удаль*: Иной порою, знаю сам, Я вас браню *по пустякам* (Борат., «О своенравная София»); Начали вводить в моду ложную чувствительность, аханье *над пустяками* (Б.-Марл., О ром. Полевого); Любовник никогда не поревнует *по пустякам* (Пушк., Возраж. на ст.).

В подобных контекстах функционируют также слова, характеризующие человека по его внутренним, нравственным качествам, по особенностям поведения: *краснобай, недотрога, негодяй, хват* 'ловкий, удалой, расторопный человек'; по семейному положению: *холостяк*; по отношению к другим людям: *хлебосол*; по физическим качествам: *красотка, калека*. Например, *краснобай* как оценочное слово легко вводится в дневниковые записи (В. Кюхельбекер), в басни (И. Крылов), в стихотворения (К. Батюшков, Пушкин и его дядя В. Л. Пушкин, П. Вяземский), в журнальную прозу (Пушкин, П. Вяземский), в прозаические художественные произведения (А. Бестужев-Марлинский). Существительное *негодяй* 'человек, непригодный к делу, ни к чему не способный; бездельник' и 'подлый, низкий человек, мерзавец' представлено в драматических произведениях, в художественной и исторической прозе, в критико-публицистических статьях (преимущественно полемического характера), в дневниковых записях и дружеской переписке: Честь ее зависит вперед от одного слова этого *негодяя* (Лажечн., Лед. дом); Нам пришло на ум: что возможно одному *негодяю*, возможно и другому (Борат., П. к В. А. Жуковскому, <кон. 1823 г.>); Никто не дерзнул бы взять сдачу от *негодяя* (Полевой, Расск. русск. солд.). Ср. употребление других слов: Но

ты, о, мой убогой *Калека* и слепой (Батюшк., Мои пенаты); Что волокита должен быть Или подагрик иль *калека* (Вяз., Станция); Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого *холостяка* (Пушк., Дубр.); [кусты] теснятся [Под сенью их как дети]. А вдали Стоит один угрюмый их товарищ Как старый *холостяк* (Он же, ... Вновь я посетил...); Они свои сочинения посвящают не доброму и умному вельможе, а какому-нибудь *шельме* и вралю, подобному им (Он же, Путеш. из М. в Пб.).

Сходными по употреблению оказываются также некоторые слова, выступающие как определения: *жеманный, ретивый, дьявольский, закадычный* (*закадышный*). Например, слово *дьявольский* 'необычайно сильный (по степени проявления); трудный, тяжелый' встречается в таких контекстах: Знаете ли, ваше сиятельство, *кого* (курсив авт.) вы удостоиваете своим благосклонным вниманием? В слове *кого* (курсив авт.) заключалась *дьявольская* ирония (Лажечн., Лед. дом); Я теперь пишу не роман, а роман в стихах — *дьявольская* разница (Пушк., П. к П. А. Вяземскому, 4 нояб. 1823 г.); Слышал свист нескольких ядер и канонаду *дьявольскую* (Жуковск., П. к А. И. Тургеневу, 9 апр. <1813 г.>); Из тех [стихов], что прислали вы, я не буду поправлять, кроме двух: «Стеньки Разина» и «Песни». Поправки дело *дьявольское* (Кольц., П. к В. Г. Белинскому, 15 авг. 1840 г.). Слово *закадычный* (*закадышный*) 'задушевный' употребляется в пушкинский период и в сочетании со словами *друг* или *приятель* (в художественной прозе — у Н. Полевого, М. Лермонтова; в драматических произведениях — у И. Лажечникова; в стихотворных посланиях — у Пушкина; в частной переписке — у П. Вяземского), и субстантивированно, например, у Вяземского: А ручная-то луна Словно нежная жена! Так и льнет к губам любовно, Как домашняя, своя! В душу так и льется, словно *Закадышная*, струя! (Две луны); Что сказать тебе об нас *закадышного*? Все вяло, холодно, бледно (П. к А. И. Тургеневу, окт. 1828 г.); Вожжи ловко сжал в руках; В шапке, в синем полушубке Так и смотрит молодцом, Погоняет *закадычных* Свистом, ласковым словцом (Масленица на чужой стороне). С 40-х годов XIX в. слово *закадычный* употребляется применительно к другу, приятелю или к дружеским, приятельским отношениям.

В литературное употребление начинают входить эмоционально-оценочные глаголы, например, *крякнуть* 'ох-

нуть от тяжести, беды', *трубить* 'распространять какие-н. сведения (обычно хвастливо или злорадно)', *отнекиваться* 'отговариваться от чего-л.', *отмалчиваться*; глаголы со значением 'смотреть каким-н. образом': *глазеть, коситься* 'смотреть на кого-н. с неодобрением, неприязненно'; глаголы, обозначающие различные движения и перемещения: *наскакаться, разбрестись, ринуться, тащиться*; глаголы, обозначающие некоторые конкретные действия: *охорашиваться, подсесть, растопырить*; глаголы со значением 'делать что-н. плохое или плохо, кое-как': *кромсать, пачкать* 'марать, грязнить'; глаголы, обозначающие различное физическое или психическое действие или состояние человека: *опешить, остолбенеть*; глаголы, обозначающие различные отношения между людьми: *браниться* 'изъявлять негодование свое бранными словами', *оплести* 'обмануть, провести кого-н. в чем-н.', *поколотить* 'побить, наказать', *хватить* (кого чем); глаголы, характеризующие поведение (чаще отрицательное) человека: *буянить, повесничать, проказить* и *проказничать, чваниться*, а также *ломаться* в «просторечном» значении 'показывать свое превосходство, власть'. Близки к этой группе глаголы *остервенить, остервениться.*

К этому перечню можно добавить и другие глагольные слова, относимые в $САР_{1,2}$ в одном из своих значений к «просторечным» или «простонародным»: *вертеться* 'постоянно находиться около кого-н. из желания выслужиться', 'постоянно обращаться к одной и той же мысли, теме и т. п.', *облепить* 'обступить во множестве', *отделаться* 'освободиться от чего-н. неприятного', *оторвать* 'отвлечь от дела', *рыть* (и *перерыть*) 'разбирая, приводить в беспорядок', *считаться* 'сводить счеты, спорить', *убивать* 'расстраивать, огорчать', *удариться* 'устремиться куда-н.', *умудриться* 'ухитриться, суметь сделать что-н. трудное' и др. Например:

Государь так был озадачен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова, как он около их ни *вертелся* (Пушк., Арап Петра В.); Антон Пафнутьич стал *вертеться* около молодого француза, покрякивая и откашливаясь (Он же, Дубр.); Старое, писанное в первой молодости, то именно, около чего *вертелись* все предубеждения, на нем лежавшие, все, как видно, было им самим уничтожено (Жуковск., П. к А. Х. Бенкендорфу, ‹февр.—март. 1837 г.›); Умен, кто, зная их [толки], на них покойно *плюет* (Вяз., К Неелову); Их ты сказкам не вни-

май, *Плюнь* на книжку! пой, играй (Кольц., Поэт и няня); Исправник..., увидя приближающегося Дубровского, *крякнул*, и произнес охриплым голосом (Пушк., Дубр.); Казалось, они... с досадою *косились* на жен и дочерей голландских шкиперов (Он же, Арап Петра В.); [Мефистофель] Так на продажную красу, Насытясь ею торопливо, Разврат *косится* боязливо (Он же, Сц. из Фауста).

В связи с тем, что критико-публицистической прозе пушкинской поры свойственно стремление к живому, яркому, выразительному изложению, разговорные слова получают доступ в публицистические и критические статьи. Они вводятся также в исторические сочинения Свободно вовлекаются в эти жанры как имена существительные (см. выше *краснобай, шельма* и др.), так и глаголы). Например, глагол *отмалчиваться* используется не только в переписке (Пушкин) и дневниковых записях (В. Кюхельбекер), но и в нейтральном контексте критического разбора: Читаешь его [Лемонте] статью с невольной досадою, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком многого не договаривает и слишком часто *отмалчивается* (Пушк., О предисл.). Глагол *чваниться* употребляется в полемических контекстах: Журн‹алисты› с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что *чваниться* своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно (Пушк., Опроверж. на крит.). В аналогичных контекстах возможно также слово *чванство*: Все со своим *чванством*, причудами, правами, в беспрестанном столкновении с мирянами (Б.-Марл., О ром. Полевого).

В языке публицистики встречаются и такие экспрессивные слова, как *глазеть, оплести* (кого), *остервенить* 'довести кого-л. до крайней ярости, неистовства', *тащиться* 'идти, ехать медленно или долго': И — *глазея* в ботаническом саду на знаменитую иноплеменницу — забывали (Вяз., Поживки франц. журн.); Р.‹ылеев› негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с *глазеющей* публики (Пушк., Опроверж. на крит.); хуже дворянина, который в глуши деревни своей обирает крестьян своих и *оплетает* соседей (Вяз., О духе партий); Солдаты были *остервенены* (Пушк., Ист. Пугач.). Ср. употребление однокорневого возвратного глагола: [Б] Что тогдашняя чернь *остервенилась* противу дворянства и вообще пр‹отиву› всего, что не было чернь (Пушк., Опыт

отраж. обвин.); Целые шесть дней *тащился я* по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый (Он же, Путеш. из М. в Пб.); Какое нам дело, что романские трубадуры, *таскаясь* по свету, разнесли повсюду свои сказки и припевы (Б.-Марл., О ром. Полевого).

Начавшая складываться в конце XVIII—первой трети XIX в. традиция более свободного включения разговорных и эмоционально-оценочных слов в литературное употребление обусловила обращение к наречиям, незнаменательным словам, междометиям, бóльшая часть которых характеризуется эмоциональной окраской. В пушкинский период эти слова еще надежнее укрепляются в составе литературной лексики. Это, например, *вдоволь, вольнó, второпях, дельно, долой, косо* 'недружелюбно, неодобрительно', *крепко-накрепко, навеселе, наотрез, наперечет, ну, поодаль, разве* 'неужели', *сладко* 'приятно', *сроду* 'никогда в жизни', *чуть*. Так, слово *вольнó* употребляется не только в письмах, эпиграммах, в речи персонажей драматических произведений (у А. Грибоедова, И. Крылова, Пушкина), но и в журнальных статьях: *Вольно* же было публике и даже некоторым писателям принять их [шутки] за чистую монету (Пушк., П. к изд.). В разнообразных контекстах используются другие слова: Один сосед к ним *второпях* Бежит и вопит (Жуковск., Плач о Пиндаре); В нашей словесности, где писатели *наперечет* (Вяз., О двух ст.).

Шире вовлекаются в литературный язык с 20—30-х годов XIX в. и входят в круг его стилистических средств глагольно-междометные формы типа *прыг, шасть, глядь, бах* и др.[85]

Свидетельством прочного усвоения многих эмоционально-оценочных слов литературным языком может служить и то обстоятельство, что в описываемый период эти слова подвергаются переносно-метафорическому и образному осмыслению. Так, глагол *разбрестись* используется в значении 'оказаться в разных местах, перестать встречаться, видеться': Но теперь мы все *разбрелись*. Киселев, говорят, уже в армии. Junior в деревне (Пушк., П. к П. А. Вяземскому, 1 сент. 1828 г.); Не забывай демократических друзей 1818 года. Все мы *разбрелись* (Пушк., П. к Н. И. Кривцову, окт.—ноябр. 1823 г.).

---

[85] См.: *Туркия Л. М.* Язык русской исторической прозы первой трети XIX в. Лексика. Автореф. канд. дис. Баку, 1968, с. 10—11.

Переносно-метафорическому переосмыслению подвергается ряд других слов — как глаголов, так и существительных: Судьба не перестает с тобою *проказить* (Пушк., П. к П. А. Вяземскому, 2-я пол. мая 1826 г.); *Искромсали* Карамзина в лоскутки (Б.-Марл., О ром. Полевого); Пусть спесь губернской прозы трезвой, Чинясь, *косится* на нее (Вяз., Простоволосая головка); Но рифма вздорная *косится* и брюзжит (Жуковск., <К кн. Вяземскому>); Какой талант ныне во Франции не *запачкал* себя грязью и кровью в угоду толпы, требующей грязи и крови (Пушк., Путеш. из М. в Пб.). Ср. употребление глагола *пачкать* 'делать что-л. (рисовать, писать) неумело, плохо': [Сальери] Нет. Мне не смешно, когда маляр негодный Мне *пачкает* Мадону Рафаэля (Пушк., Моц. и Сальери); ср. также: *Бедняжка* [древность] запиналась на каждом шагу (Б.-Марл., О ром. Полевого); Зевса с богом-*краснобаем*... Угостил в своем дому (Вяз., К Кокошкину и Мерзлякову) [86].

Об утверждении рассмотренных слов в литературном языке говорит и то, что не одно слово, а и другие члены словообразовательного гнезда закрепляются как явление «нормативного» авторского выражения в различных художественных текстах. Таковы, например: *коситься, косо*; *чваниться, чванство* и нек. др.

Итак, в первой трети XIX в. был сделан еще один шаг в утверждении в литературном употреблении характерных для разговорной речи слов, известных и предшествующей эпохе. Включение этих слов в авторское повествование в самых разнообразных контекстах, несомненно, оказало влияние на определение их места в литературном языке, позволив им перейти в разряд литературной лексики. Это подтверждается данными Словаря 1847. Лишь немногие из рассмотренных слов приводятся в этом словаре со стилистическими ограничениями. Например, пометой «простореч.» сопровождаются: *плевать* (на кого, что) 'пренебрегать кем—чем-н.', как «простонародные» даются: *закадычный, упечь* (кого). Бо́льшая же часть приведенных слов помет не имеет. Без помет даны, например, и нейтрализовавшиеся слова, не обладающие экспрессией: *тезка, попусту* (и *попустому*), *сослужить* (службу), и эмоционально окрашенные: *красотка, лентяй, отгрызы-*

[86] Подробнее об этом процессе см. в разделе «Семантические изменения в лексике».

ваться, отодрать 'высечь', *содрать* (долг, деньги), *ускользнуть, хватить* (кого чем).

Расширение сферы употребления слов разговорного источника оказалось весьма существенным для русского литературного языка: оно привело к формированию «разговорности» как одной из стилистических категорий в пределах литературной нормы. Именно широкие сферы функционирования экспрессивно окрашенных слов[87] в разнообразных контекстах дают основание исследователям включать эти слова в состав литературного языка. «Все, что используется в литературном языке и является для данного времени общепринятым в его письменной и устной разновидностях, — пишет Ф. П. Филин, — принадлежит его системе. Такие слова и выражения, как *канючить, ...на карачках, карачун, карга* (бранное название старухи), *капут, катнуть* (съездить, поехать), *каркать* (предсказывать неприятности, беду), *карманник, каюк* и т. д. и т. п., которые в современных толковых словарях дружно определяются как просторечные, в определенной ситуации может употребить любой самый образованный человек, они обычны в художественной литературе и в других разновидностях общепринятой литературной речи. Вывести их за пределы литературного языка означало бы лишить наш язык средств сниженной, непринужденной речи»[88].

2. Слова стилистически ограниченного употребления. Освоение экспрессивно-нейтральных и эмоционально-оценочных разговорных слов составляет одну из отличительных особенностей формирования лите-

---

[87] В современной научной литературе их называют различными терминами, например, «экспрессивное просторечие», «литературное просторечие», «литературно-разговорная речь».

[88] *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. — В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов (Варшава, август 1973). Доклады советской делегации. М., «Наука», 1973, с. 373. — Аналогичной точки зрения придерживаются и другие современные лингвисты. В словарной же практике до сих пор не наблюдается единства в подходе к названной группе, и многие экспрессивно окрашенные слова в толковых словарях русского языка, в том числе и современных, приводятся то с традиционной для них пометой «простореч.», то квалифицируются как «разговорные». О разнобое в стилистических оценках у однотипных слов см.: *Скляревская Г. Н.* О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное». Автореф. канд. дис. Л., 1973.

ратурной лексики первой трети XIX в. Однако для рассматриваемой эпохи характерна некоторая сдержанность в использовании слов разговорного источника. Часть их не признается «нормативной». Проникая в литературный оборот, отдельные разговорные слова остаются здесь специфической принадлежностью лишь некоторых жанров и контекстов [89].

В литературе пушкинского периода легко обнаружить просторечные и простонародные (согласно пометам САР) слова, привлечение которых мотивировано прежде всего стремлением воспроизвести колорит определенного уклада жизни, определенной эпохи. Они служат средством характеристики быта и мировоззрения изображаемой среды. В. В. Виноградов отмечает, что «простонародность со всем разнообразием своих выразительных форм прежде всего получает доступ в литературный диалог или сказ, приписанный «простолюдину» [90]. В драматических произведениях, романах, повестях, персонажами которых является простой народ, такие слова привлекаются при передаче речи крестьян. Иногда они вводятся в речь представителей других сословий, например, бояр, поместных дворян и тому подобных лиц (в народных стилизациях или при воспроизведении исторического колорита). Эти слова используются также в стилизованной авторской речи. Продолжая традиции XVIII в., писатели начала XIX в. употребляют такие слова в интимно-дружеских письмах, мемуарах, дневниковых записях, а также в стихотворных произведениях (или контекстах) сниженного стилистического тона, например, в шутливых стихотворениях, в дружеских посланиях, эпиграммах, в сатирических стихотворениях, при описании бытовых сцен и т. п.

Так, не включаясь в «большую» литературу и в «серьезное» авторское повествование, употребляются в поэтических контекстах с установкой на разговорность, например, слова: *бедокур, грезить, копыхаться* (современное *копошиться*); при стилизации народно-поэтической речи, а также в стилизованной авторской речи: *ворог* 'враг', *мирволить* 'попустительствовать', *поспелый* 'созревший'; при воспроизведении исторического колорита исполь-

---

[89] Подробнее о словах этой группы см.: *Ходакова Е. П.* «Просторечная» и «простонародная» лексика в стилистически ограниченных контекстах (первая треть XIX в.). — В кн.: Экскурсы в историю русской лексики. М., «Наука», 1978.

[90] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 442.

зуется слово *мытарство* 'обман, плутовство в корыстных целях'; в мемуарах, дружеских письмах, дневниках встречаются: *баста, взаправду, взапуски, доконать, протурить, разбубенить, смастерить, уломать.*

Некоторые «простые» слова отличаются от названных выше несколько большей распространенностью: их употребление не ограничивается произведениями только одного определенного жанра. Ряд слов можно встретить как в стилизациях, так и в частной переписке, дневниковых записях, шутливых стихотворениях. Таковы, например, не обладающие экспрессией слова: *а* [междометие] и *а* [частица], *благодарствовать* — в форме 1 л. ед. ч. *благодарствую* 'благодарю, спасибо', *на* [частица], *(не)пригожий* '(не)хороший', *окроме* 'кроме, помимо кого — чего-н.', *путать* 'говорить путано, сбивая с толку', *так* 'без последствий, даром' и эмоционально-оценочные слова: *битком* (только в выражении *набить битком*), *ветрогон* 'ветреный, легкомысленный человек', *гиль* 'вздор, чепуха', *дьявольщина* (преимущественно в составе выражения *что за дьявольщина*), *зубоскал, молокосос, разиня, скряга, якшаться* и нек. др.

Названные слова в рассматриваемый период малоупотребительны, что уже само по себе знаменательно: это говорит о том, что они вовлекались в литературное употребление весьма умеренно. Можно думать, что мастера слова, остро ощущая нелитературность некоторых «простых» элементов, ограничивают сферу их использования в своем творчестве и в разговорной речи.

Судьба перечисленных слов, как показывают материалы МАС, впоследствии сложилась по-разному. Одни из них полностью ассимилировались языком и употребляются сейчас как вполне литературные (в данном словаре они приводятся без пометы): *а* [междометие] и *а* [частица], *битком, путать.* Другие слова тоже укрепились в рамках литературного языка — в разговорной его разновидности: *баста, бедокур, доконать, дьявольщина, молокосос, на* [частица], *разиня, так* 'без последствий, даром' и 'без какой-л. цели'. Часть слов, отличаясь экспрессивностью, осталась на границе литературного употребления; в МАС она дается с пометой «простореч.»: *завалиться* 'лечь для отдыха', *зубоскал, протурить, якшаться.* Отдельные слова оттесняются синонимами и приобретают характер устарелости, сохраняясь в говорах или народно-поэтической речи; в МАС с пометой «устар.» приводятся: *благодар-*

ствуйте 'спасибо', *гиль, мирволить, окроме*; с пометой «нар. поэт. и обл.»: *ворог*; известное в XIX в. значение слова *мытарство* 'плутовство, обман' отсутствует в современных толковых словарях, слово *мытарство* дается в них лишь в значении 'мучения, страдания'.

3. Слова, обособляющиеся как ненормативные. В рассматриваемую эпоху, для которой характерен отбор языкового материала с точки зрения его нормативности, литературности, часть «простых» слов не употребляется писателями ни в авторском повествовании, ни в частной переписке и сохраняется только в речи персонажей из «простонародья», например, смотрителя в «Станционном смотрителе» Пушкина, Савельича, капитана Миронова, его жены и попадьи Акулины Памфиловны в «Капитанской дочке», няньки Егоровны и кучера Антона в «Дубровском», мельника и его дочери в «Русалке» и т. п. Таковы, например, не обладающие экспрессией слова: *вестимо, всяко, гоже, девка* 'девушка, молодая женщина', *кормилец* — в обращении к лицу, от которого говорящий как-то зависит, *непосед* — то же, что 'непоседа', *родимый* — как обращение, а также экспрессивно окрашенные слова: *батька* (*батько*) как фамильярное обращение к пожилому мужчине, *дурачина, насунуться* 'напасть' [91]. Именно обособление слов типа *вестимо* как характерологических (см., например, позже: «Откуда дровишки? Из лесу, *вестимо*» — Некрасов) свидетельствует о том, что формируется разряд слов, которые оказались за пределами речи дворянской интеллигенции, особенно ее молодого поколения. Избегая употребления названных выше слов как средств номинации, образованные люди охотно вводили их в свою речь ради создания шутливой, иронической и т. п. экспрессии. Например, стилистически значимым (в переписке писателей) было употребление локализовавшихся в речи простого народа слов *девка* (в XVIII в. оно использовалось как нейтральное даже у А. Радищева и Н. Карамзина) [92], *небось* (повелительная форма глагола *бояться* с отрицанием), *ан* и др. Так, фамильярный оттенок приобретает слово *девка* в тексте частного письма: Он как владетельный принц влюбился в гр.‹афиню› Н.‹адежду› Черн.‹ы-

[91] Подробнее об этом см.: *Ходакова Е. П.* Указ. соч.
[92] См. об этом в кн.: История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX в., с. 216.

шеву› *по портрету* (курсив авт.), услыша, что она *девка* плотная, чернобровая и румяная (Пушк., П. к Н. Н. Пушкиной, 26 авг. 1833 г.). С фамильярно-иронической экспрессией употребляет слово *девка* В. Жуковский в шутливо измененном сочетании *старая дева* в тексте арзамасского «протокола». Слово *кормилец*, употреблявшееся в пушкинский период только в речи крестьян (при обращении к барину или как ласковое обращение к мужчине), тоже используется с целью создания шутливого эффекта. В письме к П. Плетневу Пушкин шутливо называет *кормильцем* адресата — издателя многих сочинений Пушкина, т. е. своего рода его «благодетеля» и «кормильца». Так же употребляется частица *ан*: Вы думаете, что я к вам скоро буду? *Ан* нет, погоди (Жуковск., П. к П. А. Плетневу, 17 июля 1840 г.).

В целях создания шутливого, иронического и подобного эффекта используются и такие экспрессивно окрашенные слова, как, например: *мерзавец, образина, околеть, пузо, рожа, хрыч* (и *хрычовка*) и др.: Я, старый *хрыч*, плясал без отдыху кадрили, мазурки, вальсы (Кюхельб., Дневн., 7 окт. 1840 г.).

Слова именно этой группы (как нейтральные в отношении экспрессии, так и экспрессивно окрашенные) послужили основой «пласта», который в современных толковых словарях русского языка (СУ, Сл. Ожегова, БАС, МАС), в работах по лексике и стилистике (Л. А. Булаховский, А. Н. Гвоздев, А. И. Ефимов и др.) и в исследованиях по языку отдельных писателей определяется как «просторечный». При этом просторечие понимается обычно в соответствии с определением его в СУ, где оно квалифицируется как категория, не входящая в литературную норму, но допускаемая в литературных произведениях и разговорной речи для создания определенного колорита.

Разумеется, выделенные здесь группы (слова, свободно включаемые в разнообразные контексты; слова стилистически ограниченного употребления; слова, формирующие современное просторечие), не были отделены друг от друга непроходимой стеною, границы их еще не вполне определились. Место некоторых слов в литературном языке уточнилось значительно позднее. Отдельные «устарелые», просторечные или диалектные с точки зрения дальнейшего словоупотребления слова и формы в рассматриваемое время оставались в рамках литературности,

Таковы, например, *малый* (существительное), *воротиться, поворотить, дурной, худой* на месте *плохой, бишь, вчерась* и мн. др. Это объясняется тем, что в пушкинскую эпоху некоторые нормы литературного словоупотребления находились в стадии становления: только начала складываться и разговорная разновидность литературного языка и просторечие как нормативно-стилистическая категория.

Обновление состава «простой» лексики, входящей в литературное употребление

Другую группу разговорных слов, проникающих в литературный язык, составляют слова, не употреблявшиеся в литературе прошлого. Они лишь в самом конце XVIII—начале XIX в. стали входить в литературный оборот. Необходимость в них была обусловлена, в основном, потребностью в расширении выразительных возможностей языка за счет экспрессивных средств разговорной речи.

Некоторые «новые» разговорные слова отмечены (правда, единичными случаями употребления) в литературе самого конца XVIII в., например, *запропаститься* (Аблесимов), *прикорнуть* (Дмитр.). Другие, судя по имеющимся материалам, стали входить в литературное употребление лишь в первой трети XIX в.; таковы, например, *безалаберный, донельзя, нагореваться, напропалую, обознаться, петушиться, прибедниться, черномазый.*

Названные слова отсутствуют в $САР_{1,2}$, и это может быть одним из показателей их «новизны» в литературном языке. Некоторые из этих слов впервые приводятся в Сл. 1847 г. как «просторечные» (*донельзя*), «простонародные» (*безалаберный, сглазить, черномазый*) или без стилистической пометы (*напропалую, петушиться, подличать, прикорнуть, разбитной*). Часть слов впервые получает лексикографическую фиксацию лишь в Словаре Даля (*втихомолку, нагореваться, обознаться, прибедниться*).

В кругу «новых» нет слов, не обладающих экспрессией. Одним из них свойствен налет разговорной непринужденности, подчеркнутой простоты; таковы, например, *нагореваться, обознаться, сглазить, донельзя.* Другие слова заключают в себе ярко выраженную экспрессию или элемент оценки называемого; таковы, например, *безалаберный, разбитной, черномазый, петушиться, подличать, напропалую.* Это дает основания говорить,

что расширяется состав именно экспрессивных слов, включаемых в литературное употребление.

Среди «новых» слов есть такие, которые самими писателями воспринимались как не вполне допустимые в литературном тексте. Писатели выделяют их графически (кавычками, курсивом), либо сопровождают специальными пояснениями: «как говорится», «по народному выражению» и т. п.: Савелий, по народному выражению, лихо *насобачился* говорить по-английски (Б.-Марл., Морех. Никит.); Новые офицеры должны были, что говорится, *спрыснуть* свои эполеты (Одоевск., Свидет.).

В литературе пушкинской эпохи можно найти и такие «новые» пришедшие из народно-разговорного источника слова, которые вводятся в описание без авторских помет и специальных пояснений. Некоторые из них (такие, например, как *нагореваться, прибедниться, обознаться* 'ошибиться, приняв кого—что-либо за другого или за другое'), по всей видимости, еще ощущались как слова «простонародные». Об этом свидетельствует их употребление. Они используются и очень редко и в специфических условиях: в крестьянской речи или при обращении к слуге, дворне: Добро, будет, Алексей! сказал запорожец. Успеешь нарадоваться и *нагореваться* после (Загоск., Юр. Милосл.); Фетхали, если *прибеднится*, так у нищего полбороды выканючит (Б.-Марл., Мулла-Нур); Внезапно мелькнула в ней какая-то запутанная, неясная, но страшная мысль.., бедная Ольга не была уже более в силах *обознаться* в чувствах и мыслях своих (Даль, Гофм. капля).

Глагол *обознаться* используется еще в омонимичном значении 'освоиться, ознакомиться с окружающим': Держись на веслах! — сказал он [лейтенант], желая *обознаться*, куда грести (Б.-Марл., Лейт. Белоз.); Решительно невозможно было *обознаться* и осмотреться (Даль, Бояр.).

Часть входящих в литературное употребление слов, оставаясь малоупотребительной, используется не только при передаче прямой речи, но (в отличие от названных выше) и в частной переписке писателей. Возможно, что эти слова функционировали на правах стилистически ограниченных средств; они еще очень редки в поэзии и почти не привлекаются в нейтральном авторском повествовании. Так, слово *безалаберный* 'нескладный, беспорядочный в своих поступках, поведении' у Пушкина встре-

чается только в дружески-непринужденных письмах (5 случаев): Зачем ты тетке не пишешь? какая ты *безалаберная!* (П. к Н. Н. Пушкиной, 11 июня 1834 г.). Ср. в шутливом обращении к С. Соболевскому: *Безалаберный!* полно тебе писать глупости Анне Петровне (Письмо от ноября 1827 г.). Глагол *сглазить* употребляется Пушкиным тоже только в письмах (4 раза): Погода стоит прекрасная, чтоб не *сглазить* только (П. к Н. Н. Пушкиной, 8 сент. 1833 г.); ср. также: Государыня, ... обернувшись к своему кабинет-министру, примолвила: — Я ведь правду говорила, что вы *сглазите* мою Лелемико (Лажечн., Лед. дом). В дружеском письме отмечено и слово *донельзя*: Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь *до-нельзя* (Пушк., П. к А. А. Дельвигу, 16 ноябр. 1823 г.).

В начале XIX в. в литературное употребление входит наречие *втихомолку*. В первое время это слово употребляется сравнительно редко. Оно используется А. Бестужевым-Марлинским — в речи читателя-дворянина: ...я уже не раз и не *втихомолку* зевал при ваших частых, сугубых и многократных отступлениях (Морех. Никит.), В. Одоевским: Обмануть в покупке, выиграть неправое дело, взять взятку — считается не *втихомолку*, но прямо, открыто, делом умного человека (Сильфида — ЛК).

Аналогично употреблялись некоторые другие слова. Слово *черномазый* встречается в «Записках» Ф. Вигеля, у И. Лажечникова («Все это перешло через руки негра Волынского в руки *черномазой* его приятельницы» — Лед. дом), в «Горе от ума» А. Грибоедова, в дневниковой записи В. Кюхельбекера: Фигурка маленькая, *черномазенькая,* сыплет анекдотами (22 июня 1840 г.). Слово *подличать* отмечено в «Горе от ума», а также в письмах Пушкина: В подлостях нужно некоторое благородство. Я же *подличал* благонамеренно (Пушк., П. к П. А. Вяземскому, 25 янв. 1825 г.); глагол *петушиться* включается и в стихотворные тексты и прозаические: У Качановского в лакейской Он храбро *петушится* вслух (Вяз., П. к А. И. Тургеневу, 12 мая 1824 г.); Бедняга... стоял ни жив ни мертв и дрожал словно осиновый лист, видя, как *петушится* около него аудитор (Б.-Марл., Латник); глагол *запропаститься* употребляется у М. Загоскина, в «Путевых записках» Н. Греча, у И. Лажечникова: [Мамаев] Деньги-то у меня есть... в этом комоде, да *запропастились*... под пол в щель что-ли попали (Окопир.).

Слово *разом* 'одновременно' встречается в поэзии («Подымем стаканы, содвинем их *разом*!» — Пушк., Вакхическая песня), в художественной прозе (см., напр., Пушк., Дуб.), в дружеской переписке: Завел 6 тетрадей, и *разом* начал 6 стихотворений (Пушк., П. к П. А. Вяземскому, 3 сент. 1831 г.); известно оно и в другом значении — 'за один раз, сразу': Все, что могло привязывать ее к жизни, *разом* рухнуло (Жуковск., П. к Е. Г. Пушкиной, 24 февр. 1826 г.); Полный прелестей, он *разом* Сердце ядом напоит (Бенед., Ответ). Неоднократно используется в литературе наречие *напропалую*: [Саша Полетаев] Скачет тройка из Москвы *на пропалую* (Лажечн., Вся беда); [Поддевкина] Отец твой в деньгах... Кутит *на-пропалую* (Он же, Окопир.); Вы видели, что он рубился *напропалую* (Б.-Марл., Латник).

Эпизодичны в этот период слова *разбитной, шустрый, прикорнуть*: Петербург — *разбитной* малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европою, раскланивается с заморским людом (Гог., Петерб. зап.); Строгое, совестливое внимание к исполнению своего долга или места, занимаемого в обществе, терпимость, покорность провидению, когда усилия были *шустры* (Одоевск., Из зап.); Трое вахтенных матросов храпели уже, *прикорнув* к сеткам (Б.-Марл., Морех. Никит.). В послепушкинский период все эти слова получили более широкое распространение [93].

Итак, для первой трети XIX в. характерно не только утверждение в литературном языке ранее известных литературе разговорных слов, но и некоторое о б н о в л е н и е с о с т а в а разговорной лексики, вовлекаемой в литературный оборот. Употребление не обладающих экспрессией и эмоционально-оценочных разговорных слов в авторском повествовании в художественной прозе и в некоторых крупных поэтических произведениях, включение их в лирические стихотворения, а также в журнальные статьи говорит о развитии процесса «снижения» книжного языка,

[93] В середине и второй половине XIX в. литературным языком усваивается серия других слов, «особенный ход многим из них дают именно произведения реалистической прозы 40-х годов»; это — *беднота, ерунда, зазнайка, неудачник, самодур, суголока, заядлый, несуразный* и мн. др. (*Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 483—495; *Он же.* Об общих закономерностях развития словарного состава русского литературного языка XIX в. — ВЯ, 1961, № 3, с. 32; см. также: *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 426).

книжно-литературной речи. Для придания речи различных экспрессивных оттенков писатели обращаются теперь не только к элементам «славенским», но и к специфически разговорным, в том числе эмоционально-оценочным. Вовлечение последних в художественную литературу свидетельствовало о заметном расширении границ литературного языка: он начинает включать в себя (на правах нормативных) различные стилистические элементы (разговорные и книжные), которые сосуществуют рядом с нейтральными средствами литературного выражения.

Свободное использование многих «просторечных» и «простонародных» слов в разнообразных контекстных условиях указывает на то, что происходит сближение литературного языка с живой разговорной речью, а это приводит к слиянию их в единую нормированную языковую систему. Новая традиция употребления разговорных лексических элементов составила сердцевину пушкинской реформы русского литературного языка и художественной речи [94].

ОБОГАЩЕНИЕ ЯЗЫКА ДИАЛЕКТНОЙ, ЖАРГОННОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЙ

В первой трети XIX в. начали раздаваться призывы усилить изучение и собирание диалектных слов, стала развертываться собирательская работа; «простонародная, даже областная стихия речи все решительнее выступала как ценный и значительный материал для создания национального русского литературного языка» [95].

В пушкинскую эпоху продолжается стадия дальнейшего «вживания» в литературные произведения диалектных слов, проникавших в XVIII в. в эпистолярную литературу, мемуары, комедии. Это находит отражение в том, что такие слова встречаются несколько чаще, чем в XVIII в., и в более широком в жанровом отношении круге памятников. Часть их входит в литературное употребление на правах обычных номинативных единиц. Таковы, например, слова, называющие явления природы: *капель*; особенности местности: *трущоба, верховье*.

Слово *трущоба* в пушкинский период употреблялось в значении, отличном от современного — 'глухое непро-

[94] См. об этом ниже, с. 156—166, 173.
[95] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 209.

ходимое место в лесу или болоте'. Именно в данном значении это слово известно литературе первых десятилетий XIX в. (Г. Державин, В. Нарежный, М. Загоскин, П. Вяземский и др.): Лишь из лесных *трущоб*, чрез холмы, степи, логи Вскачь серны... Бежали вереницей пить (Держ., Полдень); Этой *трущобою* нам ехать только до первого поворота, а там пойдет дорога лучше (Загоск., Брынск. лес). С середины XIX в. употребительность данного слова возрастает, а позднее у него развивается новое значение — 'неблагоустроенная, грязная, тесно застроенная часть города'.

В первой трети XIX в. делается шаг вперед, по сравнению с предшествующим периодом, в литературном освоении ряда экспрессивных диалектных слов. Некоторые из них, как и указанные выше, ассимилируются литературным употреблением; таковы экспрессивно-оценочные названия лиц: *дока, подлипала*; отвлеченные существительные типа *суматоха*. Например.

Суматоха 'сумятица, суматоха' Смол. (Доп.); 'шум, крик, молва, беспокойные движения', Нижег. (слово отмечено в КСРНГ). В значении 'беспорядок, расстройка' в $САР_2$ приводится без помет. В широкое литературное употребление и обычно в авторской речи входит с первых десятилетий XIX в. (В. Нарежный, А. Бестужев-Марлинский, Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь и др.): Сделалась *суматоха* между придворными (Лажечн., Лед. дом); *Суматоха* была страшная (Лерм., Герой наш. вр.).

Дока 'мастер, знаток, делец' — диалектное слово широкого ареала (Ворон., Псков., Ряз., Самар., Вят., Казан., Тамб., Влад. — СРНГ). В литературный обиход входит в значении 'знаток, способный на какое-н. дело' ($САР_2$). У писателей первой трети XIX в. (В. Одоевский, Н. Гоголь, П. Вяземский и др.) представлено шире, чем в XVIII в., и главным образом в авторской речи: Попробовал бы какой-нибудь *дока*-адвокат... состязаться здесь (Гог., М. д.). Позднее такое употребление становится обычным и в диалогической (И. Гончаров, П. Мельников-Печерский, А. Эртель) и в авторской речи (И. Тургенев, Н. Успенский, Н. Лесков, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский и др.).

Подлипала (подлипало) (в $САР_2$ — 'льстец, лукавец, кто льстивыми поступками старается склонить другого в свою пользу') с 20—30-х годов XIX в. выступает главным образом в авторской речи (П. Вяземский, Н. Гоголь

и др.): Настоящая арабская кровь, — промолвил один из *подлипал* хозяина (Б.-Марл., Наезды).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что некоторые диалектные по происхождению слова находят место в литературе первой трети XIX в. не только в речи персонажей (что было вполне обычно и в XVIII в.), но и в авторском повествовании ряда писателей, а это может говорить об ассимиляции слов в литературном языке.

Отдельные диалектные слова, известные литературе XVIII в., и в пушкинский период продолжают употребляться в стилистически ограниченных контекстах (в речи персонажей, в частной переписке). Таковы *захолустье, прощелыга*. Так, например, слово *прощелыга* встречается в одних говорах в значении 'льстец' (Сарат.), в других — в значении 'хитрый, прожженный человек' (Новг.). Показательно с точки зрения выявления «внутренней формы» этого слова толкование его смысла в словаре Кеппена: «*Прощелыга* т. е. пролезающий сквозь всевозможные щели; отсюда присловье: в щелку пролезет» — ЛК. В XVIII в. слово *прощелыга* использовалось в диалоге (Трутень), в 20—30-е годы XIX в. его можно найти в дружеской переписке. Например, в шутливом употреблении: Пришли мне, мой милый, экз‹емпляров› 20 Бориса, для московских *прощалыг* (Пушк., П. к П. А. Плетневу, 13 янв. 1831 г.).

В аналогичных условиях употреблялось существительное *захолустье*. Например, в значении 'глухое, удаленное место (в лесу)' — в речи «простого» персонажа (Загоск., Брынск. лес); в значении 'малонаселенное, глухое место; глушь' — у Пушкина — в речи капитанши: «А ты, мой батюшка», — продолжала она, обращаясь ко мне, — «не печалься, что тебя упекли в наше *захолустье*» (Кап. д.); как 'удаленная часть города, окраина' это слово отмечено у П. Вяземского: Филимонов жил тогда черт знает в каком *захолустье*, в деревянной лачуге (Зап. кн.).

Отдельные слова, промелькнувшие в литературе XVIII в., например, *дотошный, зимовка, кряж, суголока* и нек. др.[96], остаются крайне редкими и в рассматривае-

[96] См. об этом: *Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., «Наука», 1979, с. 75, 76, 124, 132, 212, 228; о слове *дотошный* см. также: *Виноградов В. В.* Историко-этимологические заметки, 2. — В кн.: Этимология. 1964, М., «Наука», 1965, с. 118.

мое время: И моей венчая жизни блажь Здесь меня раздавит этот *кряж* (Бенед., Пут. зам.).

Наряду с освоением диалектных слов, известных литературному языку еще в XVIII в., в пушкинскую эпоху осваиваются и новые для литературы слова диалектного происхождения. Одни из них (не имевшие соответствующего однословного литературного эквивалента) становятся обычными для литературного языка номинативными единицами (*хутор, хилый, шершавый, йокать, семенить, хиреть* и т. д.), другие — входят в состав литературно-разговорной речи (*дрыгать, осоветь*). Например, слово *хутор* в литературе 20—30-х годов было известно в двух значениях: 1) 'усадьба, загородный дом с садом и угодьями', 2) 'обособленное крестьянское хозяйство вместе с усадьбой владельца'. Примеры употребления в первом значении: Есть у меня большое село, а подле него маленький *хутор*, состоящий из господского дома и трех крестьянских хат (Нарежн., Бурсак); Кругом Полтавы *хутора* Окружены его садами (Пушк., Полт.); во втором значении: Пугачев явился на *хуторах* отставного казака Данилы Шелудякова (Пушк., Ист. Пугач.).

Семенить 'часто переступать с ноги на ногу' (Тамб.—«Опыт») проникает в литературное употребление в 30—40-е годы: То *семенил* он впереди шествия, то ровнял толпы мальчишек (Б.-Марл., Мулла-Нур); Он [Чичиков] подходил к той и другой [даме] дробным, мелким шагом, или, как говорят, *семенил* ножками (Гог., М. д.). В середине и второй половине XIX в. такое употребление слова *семенить* получает очень широкое распространение (И. Тургенев, Н. Чернышевский, П. Мельников-Печерский, Ф. Достоевский, Н. Огарев, А. Герцен, М. Салтыков-Щедрин, Д. Мамин-Сибиряк).

Хилый в значении 'вялый, слабый', по данным КСРНГ, — диалектное слово широкого ареала; в значении же 'слабый, истощенный' (*хилая пашня*) — более узкого ареала. Уже с первых десятилетий XIX в. это слово в первом значении становится обычным для обозначения физического состояния человека: *хилый бедняк* (И. Крылов, К. Рылеев); *хилый безумец* (Дмитр.); *хилый старец* (В. Жуковский, Пушкин, Н. Гоголь); *хилый царь* (М. Лермонтов) и т. д. Несравненно реже это слово употребляется применительно к животным: *хилый конь* (Дмитр.).

Диалектное по происхождению слово *осоветь* (см. КСРНГ) в значении 'впасть в расслабление, в полусонное состояние' входит в литературное употребление (и главным образом — в авторской речи) с 20—30-х годов XIX в. (И. Лажечников, Н. Языков, Н. Гоголь и др.): Посетитель *осовел*, начали чертики плясать перед глазами, а в ушах будто бы набат (Лажечн., Беленькие...). В середине и второй половине XIX в. получает еще более широкое распространение (И. Тургенев, И. Гончаров, Л. Толстой и др.).

Можно указать на ряд диалектных слов, которые в литературе описываемой эпохи встречаются лишь эпизодически и проникают в литературный язык позднее: *шумиха*[97], *зря* 'напрасно', *осунуться, привередливый* и нек. др.

Легко заметить, что в литературное употребление вовлекаются диалектные слова двоякого рода. Одни из них представляют собой наименование р е а л и и, называемой в литературном языке и н ы м с л о в о м, другие — являются обозначением р е а л и й и я в л е н и й м е с т н о г о б ы т а, не имеющих в литературном языке синонимичного средства выражения.

Примером слов первого типа может быть *хата* 'крестьянский дом в белорусской, украинской и южновеликорусской деревне'. Это слово используется писателями первой трети XIX в. в разнообразных контекстах, включая нейтральное авторское повествование. Но существенно, что включение его в литературное употребление обычно вызвано тем, что писатель касается местности, где обозначением крестьянского дома служит именно слово *хата*, а не *изба*: Стрельцы вошли в небольшую *хату* (Загоск., Брынск. лес — ЛК); Дым с низких *хат* розовыми клубами стлался по ветру (Б.-Марл., Поездка в Рев.); Калмыки располагаются около станционных *хат* (Пушк., Путеш. в Арзрум); Убийца заперся в пустой *хате* на конце станицы (Лерм., Герой наш. вр.).

По-видимому, сходные литературные права были у слова *буран*. У Пушкина это слово в передаче речи местных (оренбургских) жителей встречается редко: Ям-

[97] См. об этом: *Виноградов В. В.* Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком. — Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, вып. 3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948, с. 59.

щик изъяснил мне, что облачко предвещало *буран* (Кап. д.). Чаще же (4 случая из 7) оно выступает в повествовании Гринева и один раз — в авторской речи (все только при описании снежных бурь в степи): Я вышел из кибитки. *Буран* еще продолжался, хотя с меньшею силою (Пушк., Кап. д.). То же у других писателей: Нередко ночью подымется *буран* (Б.-Марл., Из расск. о Сибири).

Слово *буран* распространяет сферы своего употребления и закрепляется в литературном языке, чему способствовало некоторое отличие в значении от слов близкой семантики[98]. Ср. его определение в $САР_2$: «непогода, с вьюгой и метелицею соединенная» — без пометы. Показательно, однако, что С. Аксакову это слово представляется узкоместным: Одни зимние вьюги, по-оренбургски, *бураны*, беспрепятственно владычествуют на гладких равнинах (Зап. руж. охотн. — ЛК).

Некоторые областные слова, являющиеся местным именованием, не допускаются в авторское повествование, оставаясь в рамках диалога «простых» персонажей. Таково, например, слово *баять* 'говорить, толковать, рассказывать': «Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и *баишь* иначе, и собаку-то кличешь не по нашему» (Пушк., Бар.-крестьянка). Характер употребления этого диалектного слова[99] (у Пушкина оно выступает только там, где воспроизводится прямая речь — «Ск. о Салтане» или несобственно-прямая речь — «Песни зап. сл.») позволяет предположить, что в пушкинскую эпоху слово *баять* было достоянием крестьянской речи (в $САР_2$ и в Сл. 1847 оно дается с пометой «простонар.»).

Как характерологическое средство употребляются и некоторые другие слова, например, *али* (*аль*) — в речи персонажей у Пушкина — в художественной прозе (Арап Петра В., Метель, Кап. д.), в драме «Русалка», в балладе «Утопленник» и т. п. контекстах; у А. Бестужева-Марлинского — в повести «Мореход Никитин», у Н. Полевого — в «Рассказе русского солдата».

Характер употребления ряда диалектных слов указывает на то, что они выступают в литературе как яв-

---

[98] См. об этом: *Трубе Л. Л.* Метель. Вьюга. Буран. — Русская речь, 1977, № 6, с. 79 и след.

[99] См.: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852,

ные локализмы, т. е. привлекаются только при воссоздании типических черт какой-либо местности и ее народа со свойственными ему нравами, обычаями и т. п. Использование их целиком и полностью зависит от темы, затрагиваемой автором. Так, Пушкин при изображении казни украинцев Искры и Кочубея употребляет, например, слово *чуб* не в укрепившемся позднее значении 'прядь волос, спадающая на лоб (мужчины)', а в значении, известном лишь в южновеликорусских говорах, граничащих с Украиной — 'прядь длинных волос, оставляемых на темени бритой головы (мужчины)': Топор блеснул с размаху, И отскочила голова. Все поле охнуло. Другая Катится вслед за ней, мигая... Палач за *чуб* поймал их обе И напряженною рукой Потряс их обе над толпой (Полт.).

Аналогично используются некоторые другие слова, например: *жупан* 'род полукафтана у поляков и украинцев', *шушун* 'женская верхняя одежда', *ширинка* 'платок' и др.: Ехал тихо над рекою Удалой козак. Черна шапка на бекрене, Весь *жупан* в пыли (Пушк., Козак); Являлась ты веселою старушкой, И надо мной сидела в *шушуне* (Он же, Наперсница волшебной старины); Барская барыня, в старинном *шушуне* (Он же, Арап Петра В.); А цыганочка то пляшет, В барабанчики то бьет, И *ширинкой* алой машет (Он же, Колокольчики звенят).

Таким образом, в пушкинскую эпоху отдельные диалектные слова осваивались в той или иной степени литературным языком. Однако многие из них продолжали считаться «простонародными», крестьянскими, а некоторые даже областными. Представляет интерес в этой связи приводимый В. В. Виноградовым перечень слов, почерпнутых из письма И. Лажечникова от 25 марта 1824 г., адресованного в «Общество любителей российской словесности». В списке «провинциальных», «простонародных» слов здесь, говорит В. В. Виноградов, «находятся такие слова по Саратовской губ.: *сквалыга, прощелыга* (насмешник), *рохля, дотошный, дока, юла, подлипала, трущоба...*» и др.[100]; в XIX в. они — достояние «общегородского разговорного просторечия»[101].

Входит в литературный язык также лексика профессиональная и жаргонная. В период, когда

[100] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 207.
[101] Там же, с. 208.

происходит оценка лексики с точки зрения ее литературности, «нормативности», «в поле литературной жизни находилось ограниченное количество слов и выражений с отпечатком профессионального происхождения»[102], вроде: *загнуть словечко, срезать* (из карточного арго).

Изредка проникают в литературные произведения слова, связанные с военной профессией, например, *рябчик*: ..Фрачные, которых военная каста называет обыкновенно *рябчиками* (Б.-Марл., Испыт.); у Гоголя в статье «„Борис Годунов" Пушкина» встречается выражение *сенатский рябчик*. Из офицерского арго приходит в литературу слово *хрипун* 'столичный гвардейский офицер, отличающийся блестящей военной выправкой, светским щегольством и особой манерой говорить с хрипотцой'[103]. Оно употребляется, например, в «Горе от ума» Грибоедова (в характеристике Скалозуба, данной Чацким), в «Домике в Коломне» (белов. автограф) и «Романе в письмах» Пушкина. Известно литературе слово *служивый* 'солдат, военнослужащий' (Пушк.: «Ответ Катенину», «Гусар», «Кап. д.», П. к А. А. Дельвигу — 1828 г.).

Привлекаются слова из терминологии, принятой в карточных играх. Здесь — и заимствованные и русские слова. Например, *забастовать* 'перестать играть в азартные игры', *тасовать(ся)*: На беду мою я *забастовал* будучи в проигрыше (Пушк., П. к М. О. Судиенке, 15 янв. 1832 г.); С тобой *тасуюсь* без чинов (Он же, Пирующие студенты).

Однако большей частью применение военных и карточных терминов ограничено тематически. Так, используется, например, термин *загнуть угол* и пек. др. *Загнуть* в применении к карте можно встретить в свободном употреблении: Тузы, тройки, разорванные короли, *загнутые* валеты сыпались веером (Пушк., Надпись) и в устойчивых словосочетаниях: *загнуть угол* 'завернуть угол карты, обозначая этим удвоение ставки': Он, играя тут же, в рассеянности *загнул* лишний угол (Пушк., Выстрел), *загнуть пароли, пароли-не* 'удвоить, учетверить ставку при игре в банк или в фараон': Чаплицкий поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл

---

[102] Там же, с. 224.

[103] Подробнее об этом слове см.: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 427.

соника; *загнул пароли, пароли-пе,* — отыгрался (Пушк., Пик. дама).

В пушкинское время входят в литературное употребление те слова из территориальных, профессиональных и социальных диалектов, которые не имели литературного эквивалента; слова, служащие для дифференциации родовых обозначений (*хутор* — вид поселений); слова, которым в литературном языке соответствовал описательный оборот (*семенить*) и др.

ПЕРЕХОД СЛОВ (ИЛИ ОТДЕЛЬНЫХ ИХ ЗНАЧЕНИЙ) В ПАССИВНЫЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКА И ПРИЧИНЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ЭТОТ ПРОЦЕСС

Наряду с пополнением русского литературного языка новообразованиями и готовыми лексемами происходит обратный, как и во все другие эпохи менее существенный для развития национального языка, процесс — многие слова выходят из употребления. Этот процесс всегда протекает очень длительно. Естественно, что и в пушкинское время он охватывает значительно меньшее число слов, по сравнению с количеством влившейся в литературный язык лексики.

Отдельные лексические утраты были вызваны изменениями в государственной и общественной жизни страны. Например, не употребляется слово *горлан* как должностное лицо, хотя в течение длительного времени оно было чрезвычайно важным и жизненно необходимым. Ограничивается сфера употребления связанных с прежним жизненным укладом слов *горница, гульбище, светлица, палаты, скоморох* и нек. др. Они отсутствуют в произведениях, отражающих разговорную речь эпохи. Это, однако, не исключает привлечения их при обращении писателей к историческому прошлому или при описании деревенской жизни. Изображая картины предшествующих эпох или деревню, писатели пушкинской поры употребляют и названные слова [104].

В рассматриваемый период утраты в лексике вызывались и другими причинами. В частности, активное формирование русского литературного языка, т. е.

[104] Они отмечены, например у Пушкина, см.: Сл. Пушк.

языка, который должен был быть языком национальной культуры и просвещения, обусловило более строгий выбор в отношении как книжно-славянской лексики, так и слов живой разговорной речи. Заметно сужаются сферы употребления ряда книжно-славянских слов (обычно — в прямых значениях): *возжечь, выя, двигнуться, снедать* и др.

Стремление передовой интеллигенции освободиться от резко «простонародной», «низкой» лексики, бытовавшей в разговорной речи и в комедиях XVIII в., привело к отказу от многих слов этого пласта. Можно назвать десятки слов, относимых $САР_{1,2}$ к «просторечным» или «простонародным», которые были отвергнуты писателями пушкинской плеяды. Так, Ю. С. Сорокин называет 77 стилистически сниженных слов, вышедших из употребления или обособившихся в диалектах, оговариваясь, что приведенными им словами их список еще не исчерпывается. Это: *буровить* («1) Когда вода из-под земли бьет ключом... 2) Когда заквашиваемые напитки в сосудах бродят с шумом» — $САР_2$), *вараксать* и *наваракса́ть, гайтан* 'шнурок', *кучиться* 'просить', *очестливый* 'вежливый', *собить* (в $САР_1$ — «беречь для себя или для кого другого еще», *сочить* 'ловить', *уростать* (в $САР_2$: «В просторечии употребляется для означения человека, коего лета способные к научению прошли») и мн. др.[105]

Перестают использоваться (или употребляются крайне редко) слова[106]: *вахлак* 'шишка, опухоль, нарост', *гомон* (в $САР_1$: 'мятеж, молва, шум'), *махотка* и *малга* 'дитя', *острок* (в $САР_2$: 'простон. пожилой или к старым годам приближающийся человек'), *оход* (в $САР_2$: 'слово низкое; то же, что брюхо, желудок'), *охреян* (в $САР_2$: 'слово низкое; значит необразованного, грубого человека'), *пагубник* (в $САР_{1,2}$ приводится с определением 'кто не бережет чего-л.') *перевиры* (в $САР_2$: 'простон. то же, что враки, пустые разговоры, нелепые речи'), *повируха* (в $САР_2$: 'простон. кто врет всякую нелепицу для забавы других'), *покон* (в $САР_2$: 'простон. обычай, обыкновение'), *попырка* (в $САР_2$: 'простон.* журьба, выговор с гневом, с досадою'), *попыривать* (в $САР_2$: 'простореч. часто кого куда посылать, на по-

[105] См.: *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь..., с. 107—112, 136—143.

[106] Некоторые из них уже не приводятся в $САР_2$: *гомон, кручина* 'гнев, неудовольствие', *пота* 'пока', *синюха, собить, фаля.*

сылки употреблять'), *пота* 'пока', *синюха* 'василек', *торить* (но ср. утвердившееся в языке *наторе́ть*), *уразина* 'дубина', *фаля* (в $САР_1$ — с определением 'простон. непроворный, бестолковый, непредусмотрительный человек'), *халда* 'о наглой, бесстыдной женщине', *шалбер* 'шалун' и др.

Безвозвратно ушли многие из тех слов, которые встречаются в «низких» жанрах (только в речи «простолюдинов») и в мемуарной литературе предшествующего времени, например: *вышевкать* 'взять', *гузать* 'медлить', *жустарить* 'жевать, грызть', *закропочется* 'заворчит', *исполоховаться* 'испугаться', *козокаться* 'упрямиться', *колты* 'затруднения, трудные обстоятельства', *оболахтывать* 'обманывать, одурачивать', *оборкаться* 'привыкнуть', *обострожиться* 'устроиться', *понаблошниться* (в $САР_1$: *наблошняюсь* 'навыкаю, перенимаю, проворным, ухватливым делаюсь'), *прикро* 'неприятно, противно', *стрякотки-блякотки, трелюдиться* 'причудничать', *узг* (топора) 'острие', *чепышиться* 'чваниться', *шильничать* (в $САР_{1, 2}$: 'плутовать, мошенничать') и др.[107]

Выход из употребления названных слов объясняется также упрочением тенденции к устранению избыточности наименований. Стремление избавиться от множественности обозначений привело к сокращению некоторых синонимов, в том числе и принадлежащих к общему генетическому или стилистическому источнику. Например, в XVIII в. богатого человека называли: *богач — богатина — тысящник* (в $САР_2$ выделяется значение: «2)* В простореч. Богач»). В первой трети XIX в. слова *богатина* и *тысящник* уже не употребляются.

Уходят из состава синонимических рядов и другие «просторечные» и «простонародные» слова: *запазушный* (укрепляются в языке *задушевный, закадычный*), *набойливый* (сохраняются *назойливый, нахайливый* — в другой форме), *опрокинуться* (ср. *накинуться, напуститься*), *перебяка* (ср. *удар, тумак*), *трык* (остаются *франт, гоголек*), *убаить* (сохраняются *уломать, умаслить*), *отлезть* (ср. *отделаться, отвязаться*), *урыть, ерзнуть* (сохраняются в языке *удрать, улизнуть*), *хабар* (остаются *прибыль, барыш*) и др.

---

[107] Об употреблении этих слов в XVIII в. см. в кн.: История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX в., с. 213.

Начавшийся в конце XVIII в. процесс дифференциации значений ряда слов привел к тому, что в пушкинское время некоторые лексические элементы не употребляются в значениях, свойственных им в предыдущий период. В частности, закрепляясь в производных значениях, утрачивают первоначальные значения слова: *брюзга* 'брюзжание, журение' (слово укрепляется в значении 'охотник брюзжать') [108], *впрям* 'по прямой черте, прямо' (но получает права литературности в значении 'действительно, в самом деле'), устаревает значение 'богатство' у слова *фортуна*.

Явно архаичны для пушкинского времени славянизмы в отдельных значениях, например: *воздвигнуться* 'торжественно двинуться в путь, пойти', *глас* 'мольба', *омыть* 'снять пятно позора с чего-н.', *подвиг* 'движение', *постигнуть* 'застигнуть, застать', *предшествовать* 'идти впереди кого-н.'. Эти слова в отмеченных значениях используются преимущественно в исторических произведениях — в целях создания колорита эпохи. Так, у Пушкина: [Щелкалов] Заутра вновь святейший патриарх... *Предшествуем* хоругвями святыми, С иконами Владимирской, Донской, *Воздвижится* (Бор. Год.); Свою *омыть* он может славу (Полт.); Мазепа, в горести притворной, К царю возносит *глас* покорный (Там же); Как путник, молнией *постигнутый* в пустыне (Желание славы).

Присоединяются сюда случаи, когда утрачивается первоначальное (порой книжное) значение слова, а второе значение (в оценке $САР_{1,2}$ — просторечное или простонародное) утверждается в литературном языке как нейтральное или разговорное, но вполне литературное. Например, слово *обожать* в пушкинский период почти не употребляется в значении 'почитать божеством, обожествлять' и широко распространено в значениях, известных современному языку [109].

Слово *талант* не употребляется как обозначение денежной единицы (это значение называется в $САР_{1,2}$ первым). Зато оно широкоупотребительно во втором значении — 'дарование, одаренность, выдающиеся способно-

[108] См. об этом: *Виноградов В. В.* Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, с. 187.

[109] См., например, пушкинские примеры в Сл. Пушк.

сти', имеющем в названном словаре помету «в просто-реч.», которое представлено в самых разнообразных жанрах и контекстах (см. Пушк., Путеш. в Арзрум, Египетские ночи; Вяз., Послание к М. Т. Каченовскому; Б.-Марл., Русск. слов. и др.). Свидетельством «прочного» положения слова *талант* в литературном языке первой трети XIX в. может быть также довольно широкое функционирование его и в другом значении — 'одаренный, талантливый человек' (см., например, Пушк., Катенину; Б.-Марл., Русск. слов.; Вяз., К Языкову).

Точно так же пушкинскому времени неизвестно первое (по $САР_{1,2}$) значение глагола *промышлять* 'печься, попечительствовать', а в других значениях, определяемых в $САР_{1,2}$ как «простореч.», оно встречается неоднократно. Например, в значении 'заниматься чем-н. как средством к существованию (с последующим дополнением в творит. пад.)' — у Крылова (в авторском тексте басни «Три мужика»), у Пушкина — в журнальных статьях (Женщины *промышляют* ворожбой, пеньем и плясками — ‹Примеч. к «Цыганам»›), в исторической прозе, в переписке. Употребляется оно также у Вигеля: Он был беден, *промышлял* кое-как картишками (Зап. — БАС).

В первой трети XIX в. наблюдаются случаи оттеснения одного из значений «просторечного» или «простонародного» слова и утверждение этого слова в литературном языке в другом значении. Например, не употребляются по отношению к лицу слова: *блажь* (в $САР_1$ приводится значение: «2) Упрямец, своенравное, избалованное дитя»), *удача* (ср. приводимый в $САР_{1,2}$ пример: «он великой *удача*»), нет примеров на употребление слова *затея* в фиксируемом $САР_{1,2}$ значении 'затейливый человек, затейник', *обух* в значении 'непонятный, тупой человек'.

Крайне редко встречается слово *вздор* в значении 'распря, ссоры, брань' ($САР_2$), перестает употребляться слово *бурлак* в «просторечном» значении 'похабный, подлый, забиячливый человек' ($САР_2$), не встречается уже *барка* в «просторечном» значении 'вместо множества', *клюка* 'деревянная кочерга', *кручина* 'неудовольствие, гнев на кого-н.', *надернуть* 'много чего вдруг привезти, нанести куда' ($САР_2$), *обиться* в сочетании с дополнением в творит. пад. 'недостаток в чем иметь' ($САР_2$), *окинуть* в «просторечном» значении 'прекратить

с кем связь, знакомство' (САР$_2$), *пай,* которое 'в просторечии берется за счастие, за удачу, успех в чем' (САР$_2$), *переводчик* в значении («просторечном», по САР$_{1,2}$) 'кто вести переносит, слышанное и виденное пересказывает другим' и нек. др.

Процесс лексических утрат в разной степени сказался на судьбе слов, затронутых им. Одни из них, действительно, безвозвратно ушли из языка, другие же — изредка еще можно найти в литературе. Так, слово *бурлак* 'грубый, разнузданный человек, забияка, буян' встречается (правда, единственный раз) у Пушкина: В сраженьи трус, в трахтире он *бурлак* («К‹нязь› Г — со мною [не знаком]»); у него же отмечено (единично) слово *вздор* в значении 'ссора, столкновение, распря' (Послание В. Л. Пушкину, 1817 г.); слово *вдругорядь* употребляется Грибоедовым в речи представителя «века минувшего» — Фамусова (Г. от ума); глагол *обожать* 'почитать божеством, обожествлять' используется в переписке (Арх. Тург.); в крестьянскую речь еще вводятся слова: *талан* 'денежная единица' (Лажечн., Окопир.; Лед. дом), *взбутетенить* (Некр., Псов. охота), *собить* (Н. Кохановская, Кирила Петров и Настасья Дмитрова) и др.

Из активного языкового запаса выпадали те слова синонимического ряда, которые не развили каких-то дополнительных оттенков значения или экспрессии.

Таким образом, два прямо противоположных процесса характеризуют движение словарного состава русского литературного языка в пушкинский период: 1) расширение круга слов, вовлекаемых в литературное употребление, 2) лексические утраты.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

В обогащении словарного состава русского литературного языка заметная роль принадлежала не только новообразованиям и готовым лексемам, заимствованным из других языков или пришедшим из народно-разговорного источника, но и тем словам, которые уже существовали в языке и в рассматриваемый период получили возможность иного употребления, постепенно приведшего к формированию у них новых значений.

В пушкинскую эпоху наблюдается дальнейшее развитие того направления в семантических изменениях, начало которому было положено в XVIII в. Одновременно с освоением семантических преобразований, наблюдавшихся в лексике уже в XVIII в., в это время происходят сдвиги и в семантике других слов.

Подъем революционного движения в России, развитие культуры, общественной мысли и идеологии приводят к формированию новых понятий и их обозначений в языке. В связи с созданием «метафизического» языка появляются отвлеченные значения у существительных и качественные значения у ряда относительных прилагательных и причастий.

Потребность в дальнейшем развитии отвлеченного языка обусловила также интенсивность формирования у многих слов переносно-метафорических употреблений. Это — один из главных процессов лексико-семантических изменений рассматриваемой поры. В этот процесс вовлекались самые разнообразные лексемы, начиная от сугубо книжных и кончая разговорными и даже диалектными, жаргонными и профессиональными.

Специфическую черту пушкинского периода составляет интенсивность процесса метафоризации конкретно-предметных и «бытовых» слов. Заметно активизируется образование переносных значений и в специальной лексике. Продолжается процесс терминологизации.

Отдельные слова претерпевают семантические изменения под воздействием семантики других слов, с которыми они связаны синонимическими или антонимическими отношениями, общностью корневой морфемы и т. п. Процесс семантической аналогии в это время действовал с меньшей интенсивностью, чем в XVIII в. Характерно, однако, что в пушкинскую эпоху он начал втягивать в свою орбиту слова конкретно-предметные и разговорные.

Продолжали существовать как семантически равноправные многие славянские и русские лексические параллели, начало семантического взаимодействия которых относится к XVIII в.; в изучаемое время такие слова функционировали как стилистические дублеты. Вместе с тем усилилась тенденция к семантической дифференциации многих слов, к уточнению их значений, а это привело к изменениям в составе синонимических рядов.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПОТРЕБНОСТЬЮ В НОВЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ И НОВЫХ ЭКСПРЕССИВНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ

Изменения в семантике слов в пушкинское время носят интенсивный характер. Для этого периода характерно утверждение в литературном языке слов в новых значениях, появившихся в предшествующую эпоху. Например, в слове *короткий*, при сохранении первичных значений, утвердилось появившееся в конце XVIII в. производное значение 'тесный, близкий', применяемое при характеристике личных отношений между людьми. Свидетельством широкого распространения этого слова в названном значении может служить также появление именно в пушкинскую эпоху производных — отвлеченного существительного *короткость* и наречий *коротко, короче, покороче* в том же характеризующем значении.

Укрепились в языке в переносных значениях, при сохранении первоначальных прямых, слова *бальзам* 'целительное средство', *вес* 'влиятельность, авторитет', *маска* 'притворная видимость, внешность' и мн. др., а также качественно характеризующие значения у прилагательных: *детский, зверский, свинский, скотский* и др. Сферы наиболее широкого распространения этих слов — художественные произведения, публицистика, эпистолярная литература: Порок под *маской* обнаружить (Бенед., Последний пир); Его богатство, знатный род и связи давали ему большой *вес* в губерниях (Пушк., Дубр.).

Внедряются несколько шире, чем раньше, и разговорные, тоже переносные, значения ряда слов, эмоционально характеризующие лица или их действия и поступки: *варвар* (в $САР_2$: 'суровый, лютый, жестокий'), *дубина* (в $САР_2$: 'тупой, непонятный или упрямый человек'), *живодер* (в $САР_2$: 'бесчеловечно наказывающий кого-н.'), *умасливать* (в $САР_2$: 'ласковыми словами уговаривать, склонять кого к чему') и мн. др. Некоторые слова этой группы в переносных значениях функционировали в пушкинское время примерно в тех же условиях, что и раньше, т. е. тяготели к сферам разговорной речи. Таковы, например, *завернуть* (куда), *надуть* (кого), *наткнуться*. Другие же слова в новом значении

распространены в этот период значительно шире (*замáрать*, *опростоволоситься*). Их можно встретить не только в разговорной речи. В своем первоначальном значении они почти не проникали в литературное употребление, будучи замкнуты бытовой речью, в переносном же значении они стали достоянием разнообразных жанров художественной литературы, а также публицистики. Например, глагол *замарать* в переносном значении 'опозорить, обесчестить' можно найти в дружески-непринужденных письмах (Б.-Марл., Н. Тург.), в сугубо деловых текстах письма (Пушк.), в художественной прозе: Но после несчастного вечера, мысль, что честь его была *замарана* и не омыта (Пушк., Выстрел), в критико-публицистических статьях: Не *замарали* совести своей (Вяз., Моя исповедь). Несколько шире начал использоваться и глагол *опростоволоситься* в переносном значении 'допустить ошибку, промах': Пресловутая иезуитская хитрость и пронырливость на этот раз ужасно *опростоволосилась* (Вяз., Автобиогр. введ.).

Часть отмеченных значений приведенных слов нашла отражение в $САР_{1,2}$. Это несомненно свидетельствует об утверждении новых значений в смысловой структуре слов, а таких слов, обогащенных семантически, — в литературном языке.

Наряду с активным освоением семантических трансформаций, определившихся уже в XVIII в., в первой трети XIX в. наблюдались также изменения в семантике широкого круга других слов — как однозначных, так и многозначных.

Смысловые преобразования нередко происходили первоначально в замкнутых сферах речи, например, в разговорном общении, где намечался определенный семантический сдвиг, а затем уже семантическое изменение становилось достоянием литературного языка. Одни семантически трансформированные слова довольно быстро получили широкое распространение в разных областях литературной речи и уже к середине XIX в. утвердились в литературном языке, процесс освоения других протекал медленно и завершился позднее.

Появление нового значения в том или ином слове по-разному отражается и в словарях. У некоторых слов развивающиеся значения зарегистрированы в Сл. 1847: *ребячество* 'поступок, свойственный ребятам'; (как переносные): *горячка* (о человеке), *вспрыснуть* 'пить по

какому-л. счастливому поводу', *туз* 'влиятельный человек' и др. Многие же семантические изменения, происшедшие в словах в первой трети XIX в., еще не фиксируются этим словарем. Более полное отражение находят семантические сдвиги в Сл. Даля, в котором впервые широко представлена лексика живого речевого общения. Здесь фиксируются переносные значения слов *обжечься* 'потерпеть неудачу', *отзывчивый* 'чуткий, внимательный', *отпетый* 'неисправимый в своих недостатках' и др. Часть развивающихся в начале XIX в. переносно-метафорических употреблений слов впервые получила лексикографическую фиксацию лишь в Словаре Ушакова; например, *паршивый* 'дрянной, никуда не годный'.

Появление новых значений в словах было обусловлено многими факторами. Потребность в новых наименованиях, изменившиеся формы общественных отношений и быта, желание не только назвать какой-л. предмет, явление, событие, но и дать ему экспрессивную оценку, поиски терминологических обозначений и т. п. — все это привело к образованию многих семантических неологизмов.

1. Формирование конкретных значений у слов в рассматриваемое время наблюдается не часто. Например, слово *номер*, сохраняя свои первоначальные значения ('вообще предмет, обозначенный числом', 'очередной выпуск периодического издания' и др.), употребляется в значении 'бляха с изображением цифры, выдаваемая в качестве документа': Книги, являющиеся перед его судом, должны быть приняты не как извозчик, пришедший за *нумером*..., но с уважением и снисходительностью (Пушк., Путеш. из М. в Пб.). У слова *форма* появляется осмысление — 'установленный образец одежды'. Его можно встретить у Пушкина в составе выражений *по всей форме* 'в полном соответствии с таким образцом', *не по форме*: очутился посреди генералов, одетых по всей *форме* (Table talk); Цеховой старшина находит мои ботфорты не по *форме* (П. к П. А. Вяземскому, март 1823 г.).

В пушкинский период часть отвлеченных существительных на *-ость* и *-ство* начинает использоваться образно, употребляясь применительно к людям. Например, у Пушкина: Роптала *юность* удалая, Опасных алча перемен (Полт.). Возможно, подобное употребление таких

слов привело к формированию качественно новой группы наименований лица — по его духовным свойствам или по общественной квалификации, по способностям [110]. Продолжая служить обозначением отвлеченного качества, некоторые существительные на *-ость* и *-ство* начинают употребляться для оценки лица, носителя данного качества. Это, например, *бездарность, знаменитость, ничтожность* и *ничтожество, посредственность*: Большая начитанность, тесное знакомство со всеми европейскими *знаменитостями* (Вяз., Кн. П. Б. Козловский); Нет ничего малодушнее этих оглядок, этих орлиных взоров *ничтожества*, которое в нелепой предусмотрительности везде видит заговоры неприязни (Он же, П. к А. И. Тургеневу, 25 дек. 1820 г.); Душонка ты мелкопоместная! *ничтожность* этакая! (Гог., М. д.).

Конкретные значения чаще возникали у слов общей и конкретной семантики. Так, в связи с тем, что в дворянской среде господствовала мода на воспитателей-иностранцев, слова *англичанка, француженка*, обозначавшие лицо по принадлежности к нации, и *мадемуазель, мисс* и (в шутку) даже *леди*, определяющие лицо по семейному положению, начинают употребляться как 'воспитательница детей в дворянском доме'. С появлением дорожных устройств для хранения посуды и пищи у слова *буфет* развивается дополнительное значение 'дорожный поставец'. В связи с тем, что в быту знатных дворян становится обычным (в случае болезни) обращение к домашнему врачу, слово *визит* начинает обозначать 'посещение врачом больного'. Перечень подобных изменений в значении и употреблении слов можно расширить. Однако сердцевину семантических преобразований в рассматриваемую эпоху составили иного типа сдвиги в семантике.

2) Одним из основных направлений в семантических изменениях пушкинской поры было формирование отвлеченных, качественных значений и употреблений у слов, а также появление новых переосмыслений.

Сложившаяся общественно-политическая обстановка оказала влияние на характер использования ряда слов.

[110] *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах русской исторической лексикологии. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 3, с. 199; см. также: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 197.

Некоторым из них стало придаваться общественно-политическое звучание. Это нашло наиболее яркое и полное выражение в художественной практике, особенно — в поэзии, писателей-декабристов и других деятелей литературы, придерживавшихся близких им взглядов. В поэзии декабристов большая роль принадлежала словам, связанным с понятием «закон», «отчизна», «родина», «свобода» и мп. др. В употреблении этих слов декабристы в основном следовали традиции. Так, слово *патриот* «сохраняло в либеральных кругах 20-х годов... оттенок вражды к рабству, тирании»[111]. Новое — общественно-политическое — наполнение в литературе декабристов приобретает слово *правда*, например, в названии «Русская правда», данном П. Пестелем своему своду законов по образцу древней «Русской правды»[112].

Некоторые слова получают новые значения, по сравнению с теми значениями, которые они имели в XVIII в. Например, слова *временщик* (в $САР_{1, 2}$ оно приводится с определением: «Особа, которая особливо государевою или чьею милостию и доверенностию пользуется») в поэзии декабристов выступает с яркой эмоциональной окраской, превращаясь в общественно-политический термин. У К. Рылеева это слово «обозначает человека, достигшего власти благодаря случайной близости к царю, тирана по отношению к низшим и пресмыкающегося перед властью царя»[113].

Часть слов приобретает у писателей декабристского круга совершенно новое — революционное содержание. Например, в их поэтических и публицистических произведениях слово *высокий* — это «возвышенный, полный глубокого революционного смысла»[114]; слово *святой* у К. Рылеева и А. Одоевского — это «исключительный по своей важности, великий по своим задачам» (подразумевается, революционным); в этом же значении употребляется слово *священный*[115]. Непосредственно к общественно-политическому словарю примыкает употреб-

---

[111] *Бродский Н. Л.* Евгений Онегин, роман А. С. Пушкина, с. 287.

[112] Подробнее об этом см.: *Авилова Н. С.* К изучению языка поэтов-декабристов (лексика и словоупотребление). — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 3. М., Изд-во АН СССР, 1953.

[113] Там же, с. 274.

[114] Там же, с. 282.

[115] Там же, с. 282—283.

ление слова *педант*, которое «в 20-х годах несло с собой не только этическую, но и политическую примесь чего-то непокорного, враждебного господствовавшему вкусу в дворянском обществе» [116].

Слово *педант*, изредка употребляясь как уничижительное наименование учителя, наставника, приобретает и качественно-характеризующее значение 'человек, выставляющий напоказ свои знания, свою ученость, с апломбом судящий обо всем' («Онегин был по мненью многих... Ученый малый, но *педант*» — Пушк., Евг. Онег.).

Н. Бродский указывает, что в определенных кругах русского общества обобщенно-политическое содержание — 'вольнодумец' — вкладывалось в слова *карбонарий*, *мартинист*, *якобинец*: Про него говорят: туда и дорога, *мартинист*!.. Общее мнение столь поражено *карбонарами*, что все секты относят к ним (А. Я. Булгаков, Письмо к брату, 26 мая 1824 г.); Недовольных, или *карбонариев*, в природе человека и порядке вещей нет; правительство их созидает (Якубович, П. к Николаю I, 28 дек. 1825 г.) [117]; О нас разумеет эта публика, как о людях опасных, о *якобинцах* (Н. Тург., Дневн., 7 июня 1820 г. — Арх. Тург., вып. 5).

Политический оттенок получило и слово *фармазон* (искаженное *франкмасон* — 'член тайной ложи масонов'); «обывательская масса соединяла в одном лице масона и вольтерьянца» [118]. Это было связано с тем, что либералы пытались использовать масонские ложи в политических целях (недаром в 1821 г. они были запрещены правительством).

В связи с общей тенденцией к формированию категории качества и отвлеченности в первой трети XIX в. продолжается развитие качественных значений у некоторых прилагательных и причастий. Так, у отдельных относительных прилагательных, определяющих предметы по их принадлежности, формируется более широкое значение типической свойственности ('такой, как у...', 'похожий на...'), реализующееся преимущественно в сочетании с существительными, называющими действия, поступки, поведение,

---

[116] *Бродский Н. Л.* Указ. соч., с. 44.
[117] Там же, с. 50. 129.
[118] Там же, с. 130.

характерные свойства лица, например: *бездельнические поступки, монашеское поведение, юношеская заносчивость, шутовские шутки.* Сюда же может быть присоединено прилагательное *ребяческий*, которое хотя и продолжает употребляться в относительно-притяжательном значении, вместе с тем встречается и в значении новом — 'легкомысленный, наивный'. Такое применение отмечено в художественной литературе, в критико-публицистических статьях, в переписке: Неприличное и *ребяческое* в Мильтоновой поэме... место (Рогов, О чудесном); Мы так привыкли читать *ребяческие* критики, что они даже нас и не смешат (Пушк., Опроверж. на крит.); Он может споткнуться рассудком *ребяческим*, но верно не сердцем (Вяз., П. к А. И. Тургеневу, 1 окт. 1823 г.).

Происходят изменения в семантике ряда других относительных прилагательных. У некоторых из них появляется ранее не свойственное им значение цвета [119]. Например, *аквамариновый* употребляется не только в значении 'из аквамарина сделанный' (определение $САР_2$, других значений здесь не указывается), но и в значении 'цвета воды, сине-зеленый' (оно фиксируется в Сл. 1847); *гороховый* известно не только как прилагательное к *горох*, но и в окачествленном значении — 'цвета гороха (серовато-желтый с зеленым оттенком)': *гороховый* кафтан (Пушк., Дубр.), *гороховая* шинель (Он же, Ист. Горюх.); *двуличневый* (и *двулишневый*) употребляются не только в применении к ткани с переливом, отливом, но и в качественном значении: Усы *двуличневого* цвета (Лит. газ., 1844, № 1); с 90-х годов XVIII в. слово *изумрудный* получает новое значение — 'ярко-зеленый': *изумрудные* поля (Полев.), *изумрудные* долины (Бенед.). В пушкинское время «цветовые» значения развили также прилагательные: *апельсиновый* 'ярко-оранжевый', *мареновый* 'ярко-красный' (Сл. 1847; см. также: Бурнашев, Опыт), *рубиновый* 'темно-красный, близкий по окраске к пурпуровому' (Сл. 1847), *сиреневый* 'бледно-лиловый', *ультрамариновый* 'ярко-синий' (первая лексикографическая фиксация в Сл. 1847). Для некоторых из названных слов первоначальной сферой распространения была профессиональная литература.

[119] Подробнее об этом см.: *Грановская Л. М.* Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке XVII—XX веков. Канд. дис. М., 1964.

Расширяется круг значений у ряда других прилагательных. Например, прилагательное *отличный*, сохраняя исконное значение 'отличающийся от кого—чего-н.', употребляется в новом значении — 'превосходный, очень хороший': *Отличное* противоскорбутное средство! (Б.—Марл., Морех. Никит.); На этот день брался из острога *отличный* повар (Вельтм., Неистовый Роланд); Ах, какая *отличная* работа! (Гог., Невск. просп.); пожарная команда... в *отличном* состоянии (Даль, Бедовик).

Об усиленном формировании качественных значений у слов говорит и тот факт, что в этот процесс втягиваются отглагольные прилагательные. В частности, продолжается ослабление глагольных и развитие качественных значений у ряда прилагательных с суф. *-чив-* (главным образом — у тех, которые обозначают типическое, характерное свойство). Известно, что группа таких прилагательных в пушкинское время иногда выступала со значением, близким значению причастия. Так функционировали и слова, соотносительные с глаголами конкретной семантики (например, *усидчивый* 'долго сидящий, засиживающийся где-л.'), и слова, соотносительные с глаголами отвлеченных значений (например, *заманчивый* 'манящий, влекущий к себе, соблазнительный', *обманчивый* 'способный ввести в заблуждение; могущий обмануть или обмануться') [120]. В пушкинский период еще обнаруживались остатки этих более развитых в прошлом процессуальных значений прилагательных: Сердце влюбленного чутко, взоры его не *обманчивы* (Б.-Марл., Ром. и Ольга); Он называл все эти льготы единственным утешением своим в пытке беседы с докучливым и слишком *усидчивым* гостем (Вяз., Дмитр.).

Сохраняя в ряде случаев процессуальность и близость причастиям, приведенные прилагательные заметно активизируются в качественных значениях, которые впоследствии становятся их единственным значением. Так, слово *заманчивый* преимущественно употребляется в значении 'в высшей степени привлекательный, интересный', а *усидчивый* — в значении 'усердный, трудолюбивый в работе': Повести Александра Анф. более кратки, но более замысловаты и *заманчивы* (Пушк., Торжество дружбы);

[120] Подробнее об этом см.: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. — В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., «Наука», 1964, с. 444.

Понравилось мне все — начиная от *заманчивой* наружности до детской резвости (Сомов, Роман в письмах) (см. также: Павлов, Ятаган; Гоголь, Невск. просп.); Он более положителен, *усидчив* и в занятиях своих и в действиях своих (Арх. Тург.—ЛК).

Ослабление глагольных значений и развитие качественных наблюдается и в ряде прилагательных с суф. *-тельн(ый)* [121]. Известно, что в XVIII в. они обладали значительной степенью процессуальности [122]. Глагольность многих из таких образований была достаточно выраженной и в эпоху Пушкина. Но в ряде случаев в значениях таких слов наблюдается ослабление глагольного признака. Например: *Замечателен* следующий ваш вопрос (Сомов, Полемика); Переезд мой через горы *замечателен* был для меня тем, что близ Коби ночью застала меня буря (Пушк., Путеш. в Арзрум). Это значение данного прилагательного нередко реализуется в таких конструкциях, как: *замечателен* [по чему-либо] (Виг., Зап.), *замечательно*, что... (Б.-Марл., Из расск. о Сибири).

Точно так же слово *окончательный* можно встретить в значении 'такой, который оканчивает что-н.', слово *томительный* функционирует как 'изнуряющий, томление причиняющий' (САР$_2$, Сл. 1847); в причастном значении иногда употребляются прилагательные: *воспалительный, исключительный, решительный* и мн. др.

Однако отличительной чертой пушкинского времени в отношении рассматриваемых слов является то, что у них нарушается связь с глагольной основой и развиваются качественные значения. Базой для развития в указанных прилагательных «качественных значений служили, по-видимому, те их значения, которые содержали пассивные процессуальные признаки, близкие к значению страдательных причастий» [123]. Так, у слова *замечательный* на

[121] О развитии качественных значений у прилагательных с суф. *-тельн-* см.: *Ильинская И. С.* К истории словарного состава..., с. 166—171; *Семина К. И.* Семантико-грамматические процессы в группе прилагательных на *-тельный* в русском литературном языке с XVIII в. до наших дней. Автореф. канд. дис. М., 1956; *Костромина Н. В.* Об именах прилагательных с суффиксами *-тельн-* и *-льн-* в первой трети XIX в. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1960, т. 158; Изменения в словообразовании..., с. 402.

[122] См. об этом: *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., «Наука», 1975, с. 210—235.

[123] *Ильинская И. С.* Указ. соч., с. 173.

основе значения 'достойный быть замеченным, отмеченным' развивается качественное значение 'интересный, выдающийся по своим качествам, достоинствам'. В эпоху Пушкина прилагательное *замечательный* более употребительно именно в последнем значении: Хотите ли поклониться праху незнакомого вам, но *замечательного* человека? (Одоевск., Живоп.); ср. также у Пушкина: *замечательные* люди (Путеш. в Арзрум). Типичным для пушкинской поры было употребление прилагательного *замечательный* в сочетании с различными определительными словами, указывающими на степень качества: *очень, весьма, самый, более, чрезвычайный, столь*: Между молодыми талантами нынешнего времени С.—Бев менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый *замечательный* (Пушк., ‹Нач. ст. о В. Гюго›); Получила от Зинаиды несколько писем... вот одно из них более *замечательное* (Одоевск., Кн. Зизи).

У слова *окончательный* развивается качественное значение 'бесповоротный, не подлежащий пересмотру': *окончательный* приговор (Пушк., ‹Только революционная голова›); *окончательное* мнение (Он же, П. к А. А. Дельвигу, июнь 1825 г.); *окончательная* разделка (Гог., Нос).

Появляются или усиливаются качественные значения, оттесняя глагольные, у других аналогичных слов: *исключительный, раздражительный, унизительный, хранительный* и т. п.

3. Процесс развития отвлеченной лексики связан с активным формированием у слов переносных значений и осмыслений. Часть их — это более или менее индивидуальные употребления, не ставшие достоянием общелитературного языка и не закрепленные толковыми словарями. Так, слова, преимущественно использовавшиеся в сфере религиозного культа, легко входят в контексты, не связанные с религиозной темой, подвергаются шутливому или каламбурному переосмыслению. Например: Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удел — *умертви* в себе *ветхого* человека — не убивай вдохновенного поэта (Пушк., П. к А. А. Дельвигу, 23 марта 1821 г.); Вся трагедия написана по всем правилам парнасского *православия* (Он же, П. к П. А. Вяземскому, 6 февр. 1823 г.); Но да не будет воскресенья *Усопшей* прозы и стихов (Он же, Христос воскрес, питомец Феба).

В новые словесные ассоциации входят также иноязычные по происхождению слова: И в поэтический *бокал* Воды я много подмешал (Пушк., Евг. Онег.); А перед ним Воображенье Свой пестрый мечет *фараон* (Там же); *Майорат* любезности (Б.-Марл., Лейт. Белоз.); Забрал весь *майорат* дарования (Вяз., Зап. кн.); Хлестнет [Д. Давыдов] иногда в кого *арканом* своей насмешки, и тот летит кувырком с коня своего (Лажечн., Знакомство мое с Пушкиным).

Показательно, что в первой трети XIX в. заметно расширяется круг слов конкретно-предметного значения (связанных с бытовой, хозяйственной и т. п. сферами), подвергающихся метафоризации и разного рода индивидуальным осмыслениям. Например, в письмах П. Вяземского: Возможность их [писем] появления будет уже хорошим знаком общей *температуры* (П. к В. Ф. Вяземской, 3 авг. 1826 г.); у В. Жуковского: поэтическая *болтовня* (П. к С. С. Уварову, 12(24) сент. 1847 г.); Надеюсь, что цензуре здесь *похлебать* будет нечего (П. к Н. И. Гнедичу, осень 1823 г.); у В. Кюхельбекера: *Заволокло* душу (Дневн., 10 мая 1833 г.); За то: «упрямо смотрит он» прямо *почерпнуто* из сердца человеческого (Там же, 21 февр. 1832 г.); у А. Бестужева-Марлинского: Самолюбие мое *лакомилось* пылким румянцем красавицы (Латник); у Пушкина: Я *перевариваю* воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые (П. к А. А. Дельвигу, 23 марта 1821 г.); Я эпиграммою *хлыстнул* (‹На Надеждина›, черн. вар.) и мн. др.

Существенно для пушкинского периода и то, что в образных и переносно-метафорических применениях выступают многие разговорные слова, которые определяются в $САР_2$ как просторечные или простонародные: Пока наш ум *молокосос* И жизнь поит нас полной чашей (Вяз., Да, как бы не так); Кремль *распахнулся* перед ним гробом (Б.-Марл., О ром. Полевого); С тех пор не однажды весна *распахнулась*, И снова зима пролегла на Руси (Бенед., К бывшим соученикам). И хотя приведенные словоупотребления не закрепились впоследствии в литературном языке, вовлечение их, как и многих других, в орбиту метафоризации или необычного применения имело весьма важное значение для становления семантической системы русского литературного языка.

Можно назвать довольно много слов, у которых в пушкинский период появляются переносно-мета-

форические употребления, развившиеся впоследствии в самостоятельные значения. В данную эпоху усиливается издавна существующий процесс образования переносных значений и применений у ряда уже известных языку слов. Такие значения и применения слов формируются в самых разнообразных условиях. Часть их выявляется при употреблении слова в составе сравнительных оборотов. Но более распространены случаи, когда сдвиг в значении подготавливается употреблением слова в качестве именного сказуемого [124], например: Басни А. Е. Измайлова, предлинно-кованные стихи г-на Катенина... — все это — *балласт* Альманачных корабликов, не более (Моск. телегр., 1830, № 1). Отдельные переносные значения слов выявляются в иных, чем у прямого значения, синтаксических конструкциях, например: *оборвать* (*кого*) 'резким замечанием заставить замолчать'.

Потребность литературного языка в лексических средствах для выражения понятий, относящихся к области идеологии, культуры, духовного мира человека, обусловила использование различных слов, называющих лицо, конкретный предмет, действие и т. п., применительно к явлениям общественно-политической и социальной жизни. Так, слово *слой* начинает употребляться как обозначение группы людей, однородной по социальным, культурным и т. п. признакам: Сколько в нем [Петербурге] разных наций, столько и разных *слоев* общества (Гог., Петерб. зап.); Был я близок и с сановниками и с средними общественными *слоями* ученых, художников и актеров (Вяз., Автобиогр. введ.). С середины века сочетания *слой общества, общественный слой* и т. п. становятся вполне обычными [125].

Слово *направление* [126] с конца XVIII в. входит в такие сочетания, как *направление деяний, идей, ума*, что свидетельствует о начале формирования нового значения. В 20-е годы XIX в. оно свободно «употребляется в отвлеченно-переносном смысле для обозначения путей развития чего-либо, точек зрения и мнений в литературе,

---

[124] Подробнее об этом см.: *Черкасова Е. Т.* Опыт лингвистической интерпретации тропов (Метафора). — ВЯ, 1968, № 2.

[125] См.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 444.

[126] В $САР_2$ приводятся только значения: «1) Действие того, кто направляет; 2) Сторона, в которую тело двигаясь, путь свой направляет, или сила действует» (ч. III, стб. 1157).

философии и т. д.» [127]: О *направлении* нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие (Кюхельб., О напр. поэз.). В 40—50-е годы это слово претерпевает дальнейшую семантическую эволюцию [128].

Можно думать, что именно в пушкинское время у слова *флюгер* стало формироваться переносное употребление, позднее развившееся в значение 'человек, часто меняющий свои взгляды, решения'. Основание для такого суждения дают неоднократно встречающиеся случаи каламбурного изменения фамилии Ф. Булгарина на *Флюгарина* (с намеком на беспринципность Ф. Булгарина, менявшего свои взгляды в зависимости от того, по словам П. Вяземского, «как подует»): Не то беда, Авдей *Флюгарин*, Что родом ты не русский барин (Пушк., Не то беда, Авдей Флюгарин).

В начале XIX в. у глагола *поглотить* на основе первоначального значения, которое вытесняется бытовыми синонимами *проглотить, съесть*, «развиваются значения переносные, обращенные на умственные, духовные объекты действия: *поглотить много книг; поглощать новые сведения, известия, ...* возникают и распространяются разнообразные смысловые оттенки: „вобрать в себя“ (*поглотить влагу, поглощать лучи*); „потребовать на себя много чего-нибудь“ (какого-нибудь расхода времени, энергии и т. п.), „вызвать затрату, потерю чего-нибудь» [129]: Мысль о поселянах *поглощает* все сие чувство (Н. Тург., Дневн., 30 июля 1820 г. — Арх. Тург., вып. 5).

Символически начинают осмысляться некоторые прилагательные — цветообозначения, у которых впоследствии складываются оценочные значения [130]. Например, можно предположить, что в пушкинских стихах: Друзья! немного снисхожденья — Оставьте *красный* мне колпак, Пока его за прегрешенья Не променял я на шишак (Товарищам); Но старый мой колпак изношен... Не в моде нынче *красный* цвет (В. С. Филимонову) слово *красный* выступает как символ свободомыслия, революционности.

---

[127] *Веселитский В. В.* Развитие отвлеченной лексики..., с. 101.
[128] См. об этом: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 506—507.
[129] *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова. — В кн.: Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., «Наука», 1977, с. 179.
[130] См. об этом: *Грановская Л. М.* Указ. соч.

В послепушкинский период у него формируется значение 'крайне левый по политическим убеждениям', а затем и 'относящийся к революционной деятельности, революционный' [131].

Наряду с развитием социально значимых осмыслений происходило формирование переносно-метафорических значений и употреблений, относящихся к различным сферам бытовой и культурной жизни. В этом процессе участвовали слова разных генетико-стилистических пластов (отдельные из них в переносных значениях или употреблениях встречаются единично и получают распространение в последующую эпоху). В частности, некоторые слова, обозначающие понятия, относящиеся к религии, верованиям, получают метафорическое и образное осмысление, приведшее к формированию нового значения, а это свидетельствует о дальнейшей ассимиляции таких слов литературным языком. Например, слово *апостол* употребляется не только в своем первоначальном значении, но и переносно — 'проповедник чего-н.': Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом *апостолов Корана* [курсив авт.] (Пушк., Путеш. в Арзрум). Используется оно и как 'последователь кого-п.': Все возвышенные умы следуют за <Вольтером>...; пылкий Дидрот есть самый ревно<стный> из его *апостолов* (Пушк., О ничтож. литер.).

Глагол *разоблачаться* используется не только в издавна свойственном ему значении 'снимать с себя (ризы, облачение)' (САР$_2$) [132], но и метафорически — 'освобождаться от чего-н.', соединяясь со словами, обозначающими отвлеченные понятия: От пелены предрассуждений *Разоблачался* ветхий троп (Пушк., Андрей Шенье). Позднее появляется у него и новое переносное употребление — 'быть разоблаченным, лишенным авторитета, ореола'.

Не утрачивая своих первоначальных значений, начинают использоваться переносно-расширительно многие русские слова. Их новые применения представлены в художественных произведениях (особенно романтического направления), в публицистике, в научной литературе, а иногда и в переписке. У слова *разносторонний* за-

[131] См. ниже: Развитие лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX—начале XX века (до 1917 г.).

[132] В картотеке Словаря русского языка XVIII в. отмечено только это значение слова.

рождается новое осмысление — 'разнообразный (по содержанию, интересам, знаниям)'[133]: Сколько *разносторонних* сведений, сколько любознательности (Вяз., Зап. кн.); В мелких своих сочинениях... Пушкин *разносторонен* необыкновенно и является еще обширнее, виднее, нежели в поэмах (Гог., Неск. слов о Пушк.). Такое словоупотребление, по-видимому, было поддержано и одновременно появившимся переносным значением у слов *односторонний*[134], *многосторонний*: Байрон бросил *односторонний* взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них (Пушк., ‹О драмах Байрона›); После греков наука более всего обязана арабам, хотя и *односторонним* в образовании (Бэр, Взгляд на разв. науки); И составят вам понятие о нем [языке] обдуманное, *многостороннее*, а не поверхностное (Вяз., Отр. из письма к А. И. Готовцевой).

Переносно-метафорически используются также: *бескрылый* — 'лишенный фантазии': [Сальери]... Он несколько занес нам песен райских, Чтоб возмутив *бескрылое* желанье В нас, чадах праха, после улететь! (Пушк., Моц. и Сальери); *близорукость* 'недальновидность, неспособность охватить, понять что-л. в целом, всесторонне': Боялся излишним упорством изострить и раздражить его [цензора] *близорукость* (Вяз., П. к А. И. Тургеневу, 29 ноября 1822 г.); слово *резкий* выступает в таких характерных сочетаниях: *резкий* гений (Моск. телегр., 1826, № 5), *резкие* мысли (Б.-Марл.; Средн.-Камаш.); *резкий* ум (Пушк.); *резкий* приговор (Он же)[135]; *узкий* применяется при характеристике лица в значении 'недалекий, с ограниченным кругозором': В *узкой* голове придворного глупца (Пушк., Послание цензору); ср.: *узкая*

---

[133] В конце XVIII в. это слово употреблялось в значении 'имеющий разные, неровные стороны' (обычно в словосочетании *разносторонний треугольник*; см. в $САР_2$, в Сл. Рейфа, в Сл. 1847) и в значении 'исходящий с разных сторон, находящийся на разных сторонах': От всякой наглости толпы *разносторонней* (Богд., Душенька) (см.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 364).

[134] В $САР_2$ слово *односторонний* приводится лишь с одним значением: 'Одну сторону или лицо имеющий. *Односторонняя ткань*'. Об этом слове см. также: *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики. — В кн.: Cercetări de lingvistică. Anul III. Supliment. Bucureşti, Acad. Republ. Popul. Romîne, 1958, p. 539—542.

[135] В этом значении известно и существительное *резкость* (Пушк., ‹Из Кишин. дневн.›).

душа (Б.-Марл.); *узкий* ум (Вяз.); *ходячий* известно не только в значении 'передвигающийся ногами', но и в значении 'обычный, широко распространенный': *ходячее* воззрение (Чаад.); *чуткий* используется не только в значении 'быстро и легко воспринимающий что-л. обонянием или слухом', но и метафорически: Иль *чуткая* цензура В журнальных замыслах стесняет балагура (Пушк., Из Пиндемонти). Складываются переносные употребления у других слов: *грязь* (журнальная, нравственная), *грязный* (анекдот, ум, комедия), *допотопная* (новость, простота), *тупая* (важность), *угар* (воинственный), *шалость* (ума) и др.

Активен процесс метафоризации среди слов конкретной семантики, обозначающих реалии быта, предметы обихода, конкретные действия, типа *ходули* (и *ходульный*), *краски* и др., которые тоже получают переносно-метафорические осмысления, усложняющие семантическую структуру этих слов. В ряде случаев совершенно очевидна прямая связь образно-метафорического применения и исходного значения, послужившего основой для такого их употребления: [Слог]... поднимается на *ходули* (Сомов); стремление *ходульное* (Белинск.). Семантические сдвиги происходят у ряда слов, связанных с портняжным ремеслом, у таких, как: *изнанка, мерка, перекраивать, покрой* в выражении *какого покроя* 'какого-н. склада, характера': Перевернуть вашу судьбу *наизнанку* (Одоевск., Черн. перч.); «Энеида», вывороченная *наизнанку* (Перевощ., Опыт о средствах); Приезжие всякого *покроя* (Даль, Бедовик); Работая по другой *мерке*, можно легко подправить испорченное (Вяз., Поживки франц. журн.); Хотят *перекраивать* ее [историю] (Он же, Проект письма С. С. Уварову).

Многие слова такого типа перемещаются в разряд более актуальных. В своих прямых значениях они редко входили в сферу литературного употребления, а в переносно-метафорических свободно функционируют в художественных произведениях (в том числе поэтических), причем, иногда — в соединении с отвлеченными словами. Так, слово *брожение* встречается в сочетаниях *брожение мыслей, брожение мнений* (Пушк.); *щелчок* (с 90-х годов XVIII в.) употребляется в значении 'неприятность, оскорбление самолюбия': Начинаются в «Вестнике» *щелчки* Каченовского историографу (Кюхельб., Дневн., 23 ноябр. 1832 г.).

Складывается переносно-метафорическое или образное осмысление у слов: *домороценный* (исконно — 'выращенный дома, в своем хозяйстве'), *осадок, посеять, растворить*[136], *топорный* (с 90-х годов XVIII в.): [В людях] выпарилось все... святое этого побуждения, а остался один его холодный себялюбивый *осадок* (Одоевск., Катя); Дыханьем свежим ветерка Был воздух сладко *растворен* (Жуковск., Суд в подземелье); [Для зрителя] самое важное действие надобно *растворять* забавными сценами (Галич, Опыт изящн.); Резкие, *топорной* работы замечания (Даль, Бедовик); Вот что говорит поэт о своем артисте *домороценном* (Вяз., Нов. книги).

Переносно-метафорическому употреблению подвергаются заимствованные по происхождению слова. Ряд слов этого пласта применяется к обозначению общих категорий, таких, как жизнь, чувство, нравственность, время, философия, любовь, смерть. Так используются слова, называющие предметы и явления физического мира: *факел, фейерверк;* слова, обозначающие явления литературы, живописи, музыки, театра: *роль, роман, сцена, тон* и т. д. Например, слово *факел* (с начала XIX в.) встречается в выражениях: *факел истории, философии, раздора.* Метафорически употребляются другие слова: Быстро исчезающий *фейерверк* настоящего (Жуковск., Русск. и англ. полит. — ЛК); Когда средь *оргий* жизни шумной (Пушк., Ф. Н. Глинке); Этот *роман* [любовь] изобретен для покрытия любовной связи (Б. — Марл., Лейт. Белоз.). Некоторые из этих и подобных им слов детерминологизируются[137].

В связи с постоянной потребностью языка в экспрессивных средствах выражения происходит развитие качественно-оценочных метафорических и образных осмыслений, неизвестных или малоизвестных предшествующей литературе. В этот процесс втягиваются слова, обозначающие бытовые реалии, предметы обихода и т. п. Это, например, наименования: кушаний — *размазня*; особенностей местности — *болото*; болезней — *горячка, поветрие*[138]; такие определения, как *паршивый*

---

[136] В ЛК отмечен единственный случай переносного употребления этого слова в конце XVIII в.

[137] См. об этом ниже.

[138] О слове *поветрие* см.: *Виноградов В. В.* Из истории современной русской литературной лексики. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1950, т. 9, вып. 5.

(в $САР_2$ слово толкуется как «шелудивый, исполненный болячек» и сопровождается примером *паршивая голова*; данное значение отмечается и у слова *паршивец*). Различные новые осмысления появились также и у слов, называющих действия, связанные с конкретными, обиходно-бытовыми сферами: *обжечься, оборвать, пикнуть, проветриться, вспрыснуть* (в $САР_2$ лишь одно значение — 'обдать мелкими брызгами поверхность чего-нибудь'), *отпетый* (в $САР_2$ отмечается только причастие по глаголу *отпеть* в значениях: «1) Окончить пение. *Отпел песню.* 2) Совершить какое-либо церковное служение. *Отпеть покойников*») [139].

Сохраняя свои первоначальные значения, названные слова приобретают и новые употребления [140]. Так, *болото* (чаще — с определением, выраженным местоименным прилагательным *такой, какой,* или с существительным в родит. пад.) начинает применяться как образное наименование чего-нибудь, характеризующегося застоем, отсутствием живой деятельности: Университеты Пиренейского полуострова век от века погрязали глубже в *болото* вздорной схоластики (Б.-Марл., О ром. Полевого). Развитие производного значения способствовало более широкому распространению слова *болото,* а также углублению его семантической структуры. С 60-х годов XIX в. это слово входит в круг политической терминологии и фразеологии, употребляясь «для обозначения промежуточных, не имеющих собственной программы общественных слоев и политических группировок» [141]. Слово *размазня* получает переносное значение 'вялый, нерешительный человек' и одновременно используется для характеристики чего-то неясно, неопределенно выраженного. Применительно к человеку употребляется и существительное *горячка* — 'вспыльчивый, быстро возбуждающийся человек'. Глагол *вспрыснуть* встречается в значении 'отметить выпивкой какое-либо счастливое событие, покупку'. У глагола *обжечься* в конце XVIII в. появляются зачатки нового — переносного — употребления, послужившего ос-

[139] О слове *отпетый* см.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 498; *Виноградов В. В.* Историко-этимологические заметки. — В кн.: Этимология. 1968. М., «Наука», 1971, с. 167 и след.

[140] См. об этом: *Ходакова Е. П.* От конкретного — к абстрактному (развитие новых значений у слов в конце XVIII—начале XIX в.). — Русская речь, 1979, № 4.

[141] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 519.

новой для формирования значения 'потерпеть неудачу, встретив неожиданное препятствие в какой-либо попытке'. С конца XVIII в. глагол *пикнуть* начинает применяться переносно в значении 'сделать попытку сказать что-либо, пытаясь возразить на что-нибудь, заявить свое мнение'; глагол *проветриться* получает образно-метафорическое употребление: [Г. Калкау] привез кучу новостей, которые все бы были в своей силе, если б от долговременного путешествия немного не *проветрились* (А. С. Кайсаров, П. родителям А. И. Тургенева, 22 янв. (3 февр.) 1803 г. — Арх. Тург., вып. 2). Именно в этот период у названного глагола появляется значение 'развлечься, рассеяться': Евстафий встряхнулся и покатил *проветриться* за границу (Даль, Четыре брака); Зажился ты в своих Брынских лесах... Пора тебе приехать в Москву *проветриться* (Загоск., Брынск. лес).

Приведенные здесь обиходные слова, развившие переносные значения, получали экспрессию сниженности. Приобретение этими словами отвлеченно-переносного значения способствовало закреплению их в литературном языке в качестве слов-квалификаторов, характеризующих человека и его действия, поступки, ощущения.

В качестве оценочных наименований выступают некоторые иноязычные по происхождению слова в переносных значениях: *жандарм, казарма, паяц, пуританин, фанатик* (с конца XVIII в.), *фокусник*. Например: Школы все — *казармы*, Судьи все — *жандармы* (Б.-Марл.; Рыл., Агитационные песни); Пушкин не был ни схимником, ни *пуританином* (Вяз., Зап. кн.). Словом *комедиантка* называют притворщицу, лицемерку: Я стала на колени, чтоб издали с ним прости‹ться›. Фрау Ротберг сказала: какая *комедиянтка* (Пушк., М. Шонинг).

Существенным фактором для развития литературного языка в пушкинский период является то, что новые — оценочные — значения возникают и у целого ряда просторечных и простонародных, в определении $САР_{1, 2}$, слов, которые в допушкинскую эпоху слабо проникали в письменные источники[142]. Изменение семантической структуры таких слов позволило им закрепиться в словарном составе, что свидетельствует об усилении и углублении процесса демократизации русского литературного

[142] См. об этом: *Ходакова Е. П.* Один из путей освоения просторечных слов литературным языком. — В кн.: Экскурсы в историю русской лексики. М., «Наука», 1978.

языка. В переносно-метафорических и образных осмыслениях начинают вовлекаться в литературный оборот, например, слова: *бурлить* (и *бурливый*), *вычуры* (и *вычурный*), *грохотать, кургузый, кутить* (и *кутерьма*), *пачкун* (и *пачкать*) и нек. др. Так, у глагола *кутить,* исконно употреблявшегося для характеристики неспокойной, ветреной погоды или поведения вздорного человека (в $САР_{1,2}$ это значение имело помету «простон.»), в самом конце XVIII—начале XIX в. появляются первые случаи употребления в значении, известном современному языку. В. В. Виноградов отмечает, что «в 30—40-е годы в русском литературном языке окончательно укрепляется новое значение глагола *кутить*: „выходя из привычных рамок быта, жить безрасчетно, очертя голову, мотать денежные средства и предаваться разгулу“»[143]. Первоначально это значение было характерно для разговорной речи: Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым — а там, пожалуй, и *кутить* можем в свою голову (Пушк., П. к Н. Н. Пушкиной, около 28 июня 1834 г.). Новые значения, тоже отмеченные по преимуществу в разговорной речи, одновременно приобретают глаголы *закутить, покутить, прокутить* и существительное *кутерьма* ‘беспорядок, суматоха’: [Груня] Знаю все. Молодой человек *покутил* немного (Лажечн., Окопир.); Терпела ты и встарину не мало Различных бурь и всякой *кутерьмы* (Бенед., К России).

Другие же из названных выше слов в новых своих значениях распространены в этот период в разных жанрах: в эпистолярной литературе и в комедии, а также в художественной прозе, стихах и в публицистике. Так, слово *вычуры* ‘замысловатый, затейливый узор на чем-н.’ (в $САР_2$ оно имеет помету «простон.») входит в литературу, в том числе в авторское повествование, в переносно-метафорическом употреблении ‘прихоти, причуды, затеи’: Но и без *вычур* мадригальных (Пушк., Евг. Онег., черн. вар.); Без лишних *вычур* моды (Вигель, Восп.), а прилагательное *вычурный* — в значении ‘изысканный, мудреный, но безвкусный’: [провинциал] извиняется *вычурными* фразами наших нравоучительных романов (Вяз., Ревизор).

---

[143] *Виноградов В. В.* Историко-этимологические заметки. — В кн.: Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., «Наука», 1968, с. 118.

У слова *кропотливый*, в 20—30-е годы XIX в. имевшего значение 'ворчливый' (позднее оно вышло из употребления), которое встречается, например, в стихотворении Пушкина 1835 г. «Вновь я посетил...», появляется значение 'усердный', которое впоследствии закрепилось в литературном языке. Примеры его употребления еще довольно редки в пушкинский период.

Глагол *бурлить* (САР$_{1,2}$: 'Простон. Шуметь, быть неспокойну: говорится наипаче о людях упившихся') в пушкинское время употребляется в значении 'шумно кипеть, клокотать (о жидкости)': Здесь и Везувий сладострастный То жар свой внутренний таит, То рвется, пышет и *бурлит* (Бенед., Италия), а также переносно и образно: Ревность начинала *бурлить* в африканской его крови (Пушк., Арап Петра В.); [Книгопродавец] Вам ваше дорого творенье, Пока на пламени Труда Кипит, *бурлит* воображенье (Он же, Разговор книгопродавца с поэтом); Ср.: *Забурлят* в уме мысли жгучие (Бенед., Неотвязная мысль).

Глагол *грохотать* приобретает новое значение — 'издавать грохот'. В отличие от простонародного, в оценке САР$_{1,2}$, значения 'хохотать, громко смеяться' оно не имело стилистически сниженной окраски. Именно в новом значении это слово входит в литературный язык, оно отмечено в поэзии пушкинского времени обычно применительно к грому.

Расширение круга значений ряда просторечных и простонародных (по САР) слов повлекло за собой изменения в их функционировании. В новых значениях эти слова переместились в разряд средств стилистически нейтральных или экспрессивно окрашенных — допустимых в контекстах нейтральных, а иногда и в поэтических. Новые употребления, развившиеся у некоторых «просторечных» и «простонародных» слов, в первой трети XIX в. могут сосуществовать с их исходными значениями (например, *кропотливый*). Вместе с тем у ряда слов происходит процесс размежевания разных значений по сферам функционирования, по стилистической окраске, по степени употребительности. Например, употребление слова в первоначальном (обычно — конкретном) значении отмирает или переходит на периферию языка, а в отвлеченном или переносном значении, напротив, расширяется. Так, глагол *грохотать* в значении 'хохотать, громко смеяться' употребляется в стилистически ограниченных

контекстах, доминирующим становится его другое значение.

В первой трети XIX в. в речевой обиход, а нередко в художественную литературу и критико-публицистические статьи входят отдельные жаргонные и профессиональные слова в новых — переносно-метафорических осмыслениях. Так, уже в начале XIX в. встречается в образном и переносном употреблении слово *мишура* (первоначальное значение — 'тонкая золоченая или посеребренная проволока, употребляемая для отделки платья') и образованное от него прилагательное *мишурный*: Постылой жизни *мишура* (Пушк., Евг. Онег.); Прикрыть сердце *мишурою* (Одоевск., Кн. Зизи); *Мишурная* образованность (Гог., Невск. просп.).

Расширяется образно-метафорическое употребление слов, относящихся к рыболовному промыслу, например, *наклюнуться* [144], *животрепещущий* [145]. Появление переносных значений и употреблений у названных слов говорит о заметном укреплении тенденции к обновлению выразительных возможностей языка.

Экспрессивную окраску приобретают и некоторые другие слова, получающие новые значения. Семантические сдвиги в ряде случаев сопровождаются формированием у слова экспрессивного оттенка отрицательности. Показательно в этом отношении слово *разглагольствовать*, которое до конца XVIII в. употреблялось как нейтральное обозначение разговора, беседы, а на грани XVIII—XIX в. получило новое осмысление — 'рассуждать многословно, бессодержательно или высокопарно'. Подобная же судьба складывается у отглагольных существительных *разглагольствие, разглагольствование*. Все эти слова в первой трети XIX в. «обычно сопровождаются отрицательными определениями» [146].

У слова *пачкун*, при сохранении первоначального значения 'неопрятный человек', возникает другое значение — 'тот, кто неумело, небрежно делает что-нибудь (о бездарном писателе или художнике)', которое получает оттенок пренебрежения. В этом значении слово *пач-*

---

[144] *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики. — Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ, 1949, вып. 8, с. 6.

[145] *Он же.* Лексикологические заметки. — Учен. зап. Московского пед. дефектологического ин-та. Кафедра русского языка и литературы. М., 1941, т. 1, с. 32.

[146] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 350.

кун употребляется в литературе пушкинской поры в разнообразных, но преимущественно разговорных контекстах.

Аналогичный процесс семантико-стилистического развития наблюдается в словах *кургузый, окургузить,* которые одновременно с новым значением ‘о слишком короткой, тесной, куцей одежде’ [147] приобретают эмоциональную окраску пренебрежительности.

Точно так же расширяет круг своих значений и получает одновременно окраску оценочности слово *почище.* Оно употребляется в пушкинский период в относительно новых значениях: 1) ‘значительнее, сильнее’: Подвиг дяди моего еще поотважнее и *почище* подвига Британского лорда! (Вяз., Письмо к С. Н. Карамзиной из Буюкдере); 2) ‘важнее, знатнее’: [Хлестаков] А семга, а рыба, а котлеты? [Слуга] Да это для тех, которые *почище*-с (Гог., Ревизор); 3) ‘о том, кто или что превосходит другого в отрицательных качествах’ (с оттенком фамильярности): Да, да, промолвил другой конюх, видали мы хватов, *почище* его (Загоск., Юр. Милосл.).

Новое значение с отрицательной экспрессией формировалось у слова *квасной* в составе вошедшего в оборот именно в этот период выражения *квасной патриотизм* ‘упрямая приверженность к мелочам национального быта’ [148]; русский литературный язык «в период своего демократического сближения с областными народными говорами (в 30—40-е годы) вновь воспринял слово *завалящий* в его общем презрительно-экспрессивном значении» [149].

Отдельные слова, получившие впоследствии ту или иную окраску, в эпоху Пушкина еще не имели ее. Так, без экспрессивного оттенка употребляется слово *зачинщик* — просто как ‘зачинатель чего-н.’ — см. у В. Белинского о А. Бестужеве-Марлинском: *зачинщик* русской повести (ср. позднейшее значение ‘тот, кто начинает что-н. предосудительное’); не имело экспрессивного от-

---

[147] Эти слова первоначально имели узкие сферы приложения, используясь только применительно к животным с обрезанным или обрубленным хвостом (САР$_{1,2}$).

[148] *Виноградов В. В.* Лексикологические заметки. — Учен. зап. Московского пед. дефектологического ин-та, т. I, с. 50.

[149] *Виноградов В. В.* Историко-этимологические заметки (О русских словах *воззрение* и *завалящий*). — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, 1960, вып. 1, Изд-во МГУ, с. 59.

тенка отрицательности слово *поветрие*: Где есть *поветрие* на чтенье (Вяз., На новый 1828 г.) и др.

4. В языке литературы первой трети XIX в. широко использовались имена собственные, которые часто выступали как символы определенных качеств человека.

В пушкинское время сохраняется идущая от XVIII в. традиция применения имен исторических деятелей или известных лиц в области искусства, литературы, а отчасти и науки к представителям соответствующей отрасли деятельности: «имена становились как бы определителями соответственного рода. В первую очередь (что характерно для классицизма) в такой роли выступают античные авторы, но наравне с ними называются и имена французских писателей классического XVII в.» [150]. Например, Н. Карамзина именуют *Наш Тацит*; М. Ломоносова — *Пиндар Холмогора, наш Пиндар, Российский Пиндар*; *дубрав полунощных Орфей* — это В. Жуковский; *Российским Парни* называют К. Батюшкова.

Возможно, что использование имен собственных как символов подготавливало почву для такого характерного факта в истории языка, как освоение имен собственных в качестве нарицательных наименований, т. е. наполнение их определенным семантическим содержанием. Таковы, например, *Аддисон* (известный английский журналист), *Джонсон* (английский критик XVIII в.), *Клеопатра* (имя царицы древнего Египта), *Наполеон* (имя французского императора) и др.: Сей *Клеопатрою* Невы (Пушк., Евг. Онег.); Мы все глядим в *Наполеоны* (Там же). Такое применение имен собственных не является принадлежностью стиля какого-л. одного писателя, оно входит в норму художественного выражения эпохи, характерно для художественной литературы в целом [151], а отчасти — и для критико-публицистических статей.

Как нарицательные наименования осваиваются некоторые собственные имена героев литературных произведений, например, *Нестор* (в смысле 'старейший' — по имени старейшего из вождей, участвовавших в походе греков против Трои в «Илиаде» Гомера), *Автомедон* (имя возницы Ахилла в том же произведении), *Дон Жуан* (имя героя ряда литературных произведений),

[150] *Томашевский Б. В.* Пушкин, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 75—76.

[151] См. об этом в кн.: Поэтическая фразеология Пушкина. М., «Наука», 1969, с. 114.

Дон Кихот (имя героя одноименного романа Сервантеса), *Парис* (имя одного из героев «Илиады»), *Селадон* (имя сентиментального героя романа французского писателя XVII в. Юрфе «Астрея») и др.: Тот *Нестор* негодяев знатных, Толпою окруженный слуг (Гриб., Г. от ума); *Автомедоны* наши бойки, Неутомимы наши тройки (Пушк., Евг. Онег.); Не [второклассный] *Д‹он› Жуан* (Он же, Езер.); Полно, полно, любезный мой *Дон-Кихот* (Б.-Марл., Испыт.); *Парис* окружных городков (Пушк., Евг. Онег.); Кто твой нежный *Селадон* (Он же, К Наталье).

В эпоху Пушкина процесс семантизации имен собственных слабо распространялся на имена русских исторических деятелей и имена литературных персонажей произведений русских писателей. В нарицательном смысле употребляются, например, имена (чаще — фамилии) действующих лиц комедии Д. Фонвизина «Недоросль» и комедии А. Грибоедова «Горе от ума»: Кто ж вступился за Пифона, Кто разбил твой истукан? Ты, соперник Аполлона, Бельведерский *Митрофан* (Пушк., Эпиграмма. Из Антологии); Какая дикость! для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ими процветают еще *Простаковы* и *Скотинины* (Он же, Ром. в письм.); [Чацкий] *Молчалины* блаженствуют на свете (Гриб., Г. от ума); *Горе от ума* есть уже картина обветшалая. Вы в Москве уже не найдете ни *Фамусова,* который всякому рад..., ни Т‹атьяны› Ю‹рьевны›, которая Балы дает нельзя ‹богаче› (Пушк., Путеш. из М. в Пб.).

5. Переносные осмысления развиваются у ряда терминологических и специальных обозначений, что способствует их детерминологизации. В русском литературном языке первой трети XIX в. становится более заметным влияние разных терминологических систем на общелитературный язык. В разных его стилях «намечается сильное стремление к сближению с научной терминологией и фразеологией» [152]. Освоение литературным языком слов, закрепленных за какими-либо специальными областями, нашло выражение в явлениях двоякого рода. Часть терминологических и специальных обозначений, не утрачивая своего сугубо специального характера, вместе с тем входит в речевой узус

---

[152] *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики. — Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ, 1948, вып. 5, с. 18.

всех или большинства говорящих на литературном русском языке (например, *карантин* и др., см. об этом выше). Другие термины, сохраняя свое узкоспециальное значение, подвергаются различного рода образно-переносным осмыслениям.

Эти семантические преобразования протекали в языке художественной литературы, преимущественно — прозы и публицистики. Однако нередко новые значения у терминов развиваются в сфере живого речевого общения. Своеобразные семантические сдвиги в специальных словах иногда оставались образованиями единичными, отражавшими индивидуальную манеру или стиль определенного направления (например, романтизма). Вместе с тем у некоторых из этих слов возникали такие словоупотребления, которые подхватывались литераторами других направлений и приобретали более широкую употребительность в языке.

Интенсивность этого процесса обусловливалась рядом причин. Важнейшая из них — возросший уровень развития науки, культуры, образования, литературной критики, общественных и технических познаний, а также более тесное взаимодействие различных сфер жизни и деятельности русского общества. Причиной освоения ряда специальных слов было и усиление роли социальной среды военных, а также роли некоторых конкретных явлений в быту дворянства — основного носителя культуры в начале XIX в. Заметно усиливается процесс детерминологизации слов, относящихся к области изобразительного искусства (*профиль, силуэт*), музыки (*такт, нота*), театра (*дебют, мимик, фарс, гаер*), литературы (*драма*) и др. Так, термин архитектуры *профиль* входит в сферу литературного языка со значением 'вид лица сбоку': Мелькают *профили* голов И дам и модных чудаков (Пушк., Евг. Онег.). Слово *дебют* употребляется как 'первый шаг в какой-л. области, начало', а не только как первое выступление актера; слово *драма* приобретает новое значение — 'любое тяжелое событие или переживание' [153]. Широкие сферы применения получает слово *тон*, первоначально связанное с несколькими областями знания (музыка, живопись, медицина). С конца XVIII в., по данным ЛК, оно встречается в значениях: 1) 'манера, стиль письма, повествования' (*кого* или *какой*): Безде-

[153] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 462.

лушки, в анакреонтическом *тоне* написанные (Держ., П. к И. И. Дмитриеву, 5 июня 1804 г.); 2) 'характер, стиль поведения, жизни' (с определением): Женщина хорошего *тона* (Моск. Мерк., 1803, ч. 2); Прямо к Andrie, где обедают все люди лучшего *тона* (Вульф, Дневн.), а также в составе фразеологического сочетания: *задать* (*дать*) *тон*. Ср. также употребление слова *такт*: Главным деятелем в примирении Пушкина с Старовым был Н. С. Алексеев, обладавший невозмутимым хладнокровием, *тактом* (Липранди, Из дневн.).

Переносно-метафорические значения или образные осмысления, позволяющие слову выйти за пределы узкоспециального употребления, возникают у слов, первоначально связанных с миром дипломатии и придворной жизни. Например, глагол *трактовать* начинает означать не только 'вести дипломатические переговоры о мире', но и вообще 'рассуждать о чем-либо' [154]: Когда ты будешь у меня, то станем *трактовать о банкире, о переписке, о месте пребывания Чедаева* (курсив авт.) (Пушк., П. к Л. С. Пушкину, около 20 дек. 1824 г.).

Выходят за пределы узкоограниченного употребления некоторые торгово-финансовые, экономические и юридические наименования: *капитал* употребляется как совокупность ценностей вообще, а не только денежных [155]; слово *сумма* с конца XVIII в. привлекается не только при указании количества денег, но и «в расширенном понимании» [156], приведшем к формированию значения 'общее количество чего-н.' (последнее употребление закрепляется в 20-е годы XIX в.); в 20—40-е годы слово *кодекс* «из юридической терминологии переносится в сферу вопросов мировоззрения, жизненной морали и общественного поведения» [157]: Развратных, своевольных правил Несчастный *кодекс* он составил (Борат., Цыганка).

Слова научной терминологии, в XVIII в. не дававшие «достаточно активных выходов в образную речь» [158], в начале XIX столетия чаще подвергаются процессу метафо-

[154] Первые случаи такого употребления можно встретить в самом конце XVIII в., например, у А. Болотова.

[155] Подробнее об этом слове см.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 468.

[156] *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 214.

[157] *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова, с. 169.

[158] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 280.

ризации. Наметившееся в XVIII в. образное и метафорическое использование астрономических терминов — *феномен,* медицинских — *опиум, пульс* и др. с начала XIX в. получает дальнейшее развитие. Названные и некоторые другие слова языка науки расширяют свою употребительность, а также сферу приложения и начинают применяться метафорически по отношению к важнейшим общественным, идеологическим и культурным явлениям эпохи: Комедия г. Грибоедова «Горе от ума», *феномен,* какого не видали мы от времен «Недоросля» (Б.-Марл., Русск. слов.); Пользуясь *апатиею* (курсив авт.) нашего общественного мнения (Вяз., О двух ст.); Бостон есть лучший *опіум* и действует вернее всех других мер (Н. Тург., Дневн., 30 сент. 1820 г. — Арх. Тург., вып. 5); Ими овладевает *маразм,* и сетования их замирают (Вяз., П. к А. А. Бестужеву, 20 янв. 1824 г. — Русск. стар.); Все-таки в них видны *симптомы* духовной деятельности, радушие (А. Карамз., П. к Е. А. Карамзиной, 14 сент. 1844 г.).

В связи с огромным интересом, который проявляла передовая общественная мысль к химии, ее достижениям и открытиям, слова химической терминологии проникают в литературный язык. Так, переносно-метафорическое значение приобретают вовлеченные в орбиту художественной речи такие слова этой науки, как *испариться, выпариться, улетучиться* и др.[159]

Продолжался процесс детерминологизации в кругу терминов военного дела: *арсенал* 'оружейное хранилище', *вербовать* 'набирать в рекруты, в солдаты' (Ян., Нов. словотолк.), *зарапортоваться, легион* 'крупная войсковая единица', *фаланга* 'плотно сомкнутый строй пехоты у древних греков' [160]: Анна Петровна... собиралась пустить в ход весь *арсенал* своего очаровательного кокетства (Никитенко, Дневн., 18 сент. 1827 г.); Несостоятельный диспутант не мог ... избежать ни одного удара, на него нанесенного орудиями, взятыми из собственного его *арсенала* (Вяз., Проект письма к С. С. Уварову); Пушкину со временем удалось бы *завербовать* князя Козловского

[159] Подробнее об этом см.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 408—409.

[160] Единичные случаи переносного или образного употребления некоторых из этих слов (*арсенал, завербовать, фаланга*) можно встретить, судя по данным ЛК, в литературе самого конца XVIII в.

в постоянные писатели и сотрудники себе (Он же, Кн. П. Б. Козловский); Автору не мудрено вывести вам целый *легион* честных людей (Он же, Ревизор); Калдерон и Сервантес попались в классическую *фалангу*, которой победа... кажется, будет несомненно принадлежать (Пушк., ‹П. к изд. «Моск. вестн.»›).

Переносно или метафорически употребляются некоторые технические наименования. Например, слово *тормоз* употребляется как 'препятствие, помеха в чем-либо': Мы *тормоз* в движениях народов к постепенному усовершенствованию, нравственному и политическому (Вяз., Зап. кн.).

6. В первой трети XIX в. сохраняется способ образования у ряда слов новых — специальных и терминологических — значений. На основе различных ассоциаций известные языку слова используются в той или иной узкой области деятельности, получая новое семантическое наполнение. Так, слово *пузо* входит в сферу морских обозначений. Проникая в художественную литературу («Теперь *пузо* наших парусов как передник десятилетней девочки» — Б.-Марл., Фрегат «Над.»), оно сопровождается авторским примечанием: «техническое выражение, округлость паруса» (Там же). Слова *разложить, разлагаться, разложение,* по наблюдениям Ю. С. Сорокина, в 20—30-е годы стали особенно активно употребляться для обозначения химических процессов разрушения, применяясь как к явлениям химических процессов, так и к анатомированию, а также к явлениям спектрального анализа (преимущественно в научной речи) [161].

Распространяясь в специальном значении, слова *разложить, разложение* проникают в язык художественной литературы, прежде всего романтического направления, и получают образно-расширительное употребление. На общелитературной почве эти слова начинают употребляться для обозначения процесса мыслительного анализа, причем такое применение «осложняется ассоциациями химического языка» [162]. Слово *форма* начинает употребляться в качестве литературоведческого термина [163]; «дальнейшую специализацию в значении 'литературный

[161] См.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 405—407; *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики.

[162] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 407.

[163] *Веселитский В. В.* Развитие отвлеченной лексики..., с. 103.

тип, персонаж'» получает в первые десятилетия XIX в. и слово *характер* [164].

Интерес к вопросам народного хозяйства и политической экономии обусловил дальнейшее расширение круга социально-экономической лексики за счет общеизвестных слов. В пушкинский период с различными сторонами производства и обменом продуктов производства связаны слова *прибыль, ценность, доход* и др. Например, за словом *ценность* (в $САР_2$ оно определяется как 'дороговизна чего-н.') закрепляется значение 'степень необходимости, существенности чего-н. для удовлетворения нужд, потребностей людей; внутреннее достоинство вещи, стоимость' [165], которое реализуется как вне фразеологических связей, так и в сочетаниях: *меновая ценность, относительная ценность.* Впоследствии это значение закрепилось, причем происходит его дифференциация со словом *цена.*

7. Продолжается взаимодействие русской и иноязычной лексики, способствуя развитию полисемии. Появление новых значений у ряда русских слов было результатом семантической индукции. Семантическое обогащение русских слов из иноязычного источника происходило главным образом за счет французского. Например, слово *глухой*, на основе общности прямого значения с французским sourd, перенимает отвлеченно-переносное значение 'непреклонный к чему-н.' [166]. Его употребляет, например, Пушкин. Так, в стихотворении ‹Из письма к Гнедичу›, наталкивающем на сопоставление императора Августа с Александром I, а участи римского поэта Овидия Назона — с участью Пушкина (ссылка на юг), автор, употребляя выражение *глухой кумир*, соединяет в прилагательном *глухой* одновременно два смысла: прямой — с намеком на Александра I, который страдал глухотой, и переносный — 'неотзывчивый, равнодушный': Где элегическую лиру *Глухому* своему кумиру Он малодушно посвятил. Ср. также: Но до сей поры, признаться, *Глух* он к зову моему (Вяз., К Кокошкину и Мерзлякову).

Под воздействием семантики иноязычных слов расширяют свою семантическую структуру также слова: *набросок* (ср. франц. esquisse; слово быстро получает рас-

---

[164] *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 118.
[165] *Веселитский В. В.* Развитие отвлеченной лексики..., с. 107.
[166] Dictionnaire Français — Russe et Russe—Français. Paris, p. 760.

ширительное применение 'о чем-либо незаконченном, незавершенном, впервые в общих чертах намеченном') [167], *рой* 'множество кого—чего-нибудь' (под влиянием франц. *essaim*): Там вывел колкий Шаховской Своих комедий шумный *рой* (Пушк., Евг. Онег.); *рассеянный* (ср. франц. dissipé, distrait). Известны образно-расширительные употребления слов *лихорадка, лихорадочный* (ср. франц. fébrilement, fébrile): Бледнел и трясся над тобой, Знобим стяжанья *лихорадкой* (Пушк., На выздоровление Лукулла); Эти обличения несколько напоминали им болезненное, *лихорадочное* волнение французских романистов (Вяз., Языков и Гоголь). Русское слово *односторонний* развило отвлеченное значение не без влияния немецкого einseitig [168].

Заимствуются значения на базе звукового сходства слов. Это, например, «*сальный* и *сальность*... русское *сало* и производные от него, осмысленные по аналогии с французским saleté 'словесная непристойность'» [169]: Признаюсь, и стихи самые *сальные* (Вяз., П. к А. И. Тургеневу, 7 сент. 1821 г.). Иллюстрацией данного явления может быть также слово *рамы* 'границы, пределы' — под влиянием немецкого Rahme(n) 'пределы'.

8. Продолжается и такой процесс, как расширение и сужение объема значений слов и изменение их сочетаемости. Так, распространены случаи, когда происходит расширение объема значения слов, изменяется сфера их реального применения. Например, отдельные терминологические единицы, выходя за пределы специальных сфер употребления, одновременно начинают применяться к новым ситуациям или к более широкому кругу предметов, явлений. Так, слово *вояж*, первоначально употреблявшееся, по данным Картотеки Словаря русского языка XVIII в., как морской термин, с начала XIX в. используется и как обозначение путешествия любым способом: Во все время *вояжу* нашего по губерниям (Лопух., Зап.—ЛК) [170]. Слово *дале-*

[167] О слове *набросок* см.: *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, т. 12. М., 1959, с. 49; *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 455.

[168] *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики. — В кн.: Cercetări de lingvistică. Anul III. Supliment, p. 540.

[169] *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 154.

[170] Впоследствии «слово *вояж* в отличие от *путешествие* специализировалось на обозначении путешествия в шутливых, иро-

тант, сохраняя первоначальное значение 'любитель музыки' (Сл. 1847) [171], употребляется и как 'любитель, но не глубокий знаток какого-либо искусства'; «с 40-х годов слово *дилетант* начинает обозначать не только любителей в той или иной области искусства, но и вообще всех, кто занимается любой областью знания или действует в той или иной жизненной сфере, не будучи специалистом, без необходимой подготовки и навыков» [172].

Слово *катастрофа* (с конца XVIII в.) начинает служить обозначением трагического конца вообще, а не только конца в трагедии: После *катастрофы* с литературной газетой (Дельвиг, Восп.); Тайна безыменных писем, этого пролога трагической *катастрофы*, еще недостаточно разъяснена (Вяз., Зап. кн.). Слово *пролог* используется здесь тоже расширительно как 'вступление к чему-л.', а не только к пьесе.

Слово *эпизод* начинает означать 'случай, событие вообще', а не только 'вставное событие в повести': Корсаков ... чуть не упал к неописанному удовольствию государя и всей веселой компании. Сей *эпизод* не только не повредил единству и занимательности главного действия, но еще оживил его (Пушк., Арап Петра В.).

Расширяется сфера применения и слова *чичероне* («он сделался моим спутником и *чичероне*». — Керн, Восп. о Пушк.).

Близки к перечисленным случаи, когда слова, первоначально связанные с какой-либо одной лексико-тематической группой, расширяют границы своей сочетаемости и входят в новые сферы употребления. Например, слово *мелюзга*, продолжая служить обозначением рыб (в $САР_2$ определяется только как «мелкая рыба») [173], начинает использоваться применительно к маленьким живым существам (обычно детям) («Мальчуган Шурка, Дунин любимчик, Хоть и был *мелюзга*, — стал казаться Томной Фане большим человеком» — Полонск., Куклы), а также пере-

---

нических контекстах разговорно-фамильярного характера» (*Бельчиков Ю. А.* Интернациональная терминология в русском языке. М., Учпедгиз, 1959, с. 15).

[171] Ср.: Во все пребывание Итальянской оперы в Москве гостиные наши были наполнены *дилетантами* (Вяз., Поживки франц. журн.).

[172] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 453.

[173] В XVIII в., по данным ЛК, слово представлено только в этом значении.

носно — 'о людях, незначительных по общественному или служебному положению' («Не всякой же *мелюзге* оказывать покровительство» — Гог., Ревизор; «Весь этот мир бедных старух, мелких чиновников, мелких артистов и, словом, всей *мелюзги*, ... соглашались лучше терпеть и выносить последнюю крайность» — Он же, Портрет) и 'о чем-нибудь незначительном, маловажном': Наши журналы... продовольствуют себя и читателей своих поборо́м домашней *мелюзги*: мелочной прозы и мелочных стихов (Вяз., Журналистика).

Слова *(за)артачиться, поджарый*, продолжая употребляться применительно к животным, в это время встречаются и в применении к человеку: ... Да, вишь, девка-то *артачится*; говорит, стар больно (Одоевск., Эльса).

Важными были изменения в характере сочетаемости слов. Они выразились в расширении валентности слов, в том, что то или иное слово начинает входить в новые соединения. Например, слово *рассадник* в переносном значении 'место, являющееся источником или средоточием чего-н.' употребляется не только в применении к учебным заведениям, как это было и в XVIII в., но и к обширному кругу других понятий: *рассадник* славы, побед (Держ.); *рассадник* чувств и помыслов (Язык.); Сословие журналистов есть *рассадник* людей государственных (Пушк., Обозр.).

«Новое» словосочетание могло остаться индивидуально поэтическим, образным, но расширение возможности у того или иного слова соединяться с лексемой, ранее не свойственной для него, могло привести и к появлению нового значения или фразеологического сочетания.

Изменения в характере сочетаемости претерпели некоторые прилагательные — цветообозначения. Ряд «старых» окачествленных прилагательных, ранее ограниченных связями с небольшим кругом конкретных наименований (например, тканей), либо выступавших в устойчивом сочетании со словом *цвет* (*серебряный, золотой, изумрудный*), расширяет свою семантическую сочетаемость [174].

С другой стороны, у отдельных слов сужается круг сочетаний. Ограничения в сочетаемости характерны, например, для прилагательных *пегий, сивый* [175]. Процесс су-

---

[174] *Грановская Л. М.* Указ. соч., с. 201.
[175] Там же, с. 205.

жения семантического объема затронул ряд разговорных слов, имеющих в $САР_{1,2}$ помету «просторечное» или «простонародное». Часть их перемещается в разряд литературных — нейтральных или разговорных в составе устойчивых сочетаний. Так, слово *всячина,* имеющее в $САР_{1,2}$ ограничительные пометы, в пушкинский период лишь изредка употребляется вне связанного сочетания как 'собрание разнородных предметов', например, в публицистике: Благодарны ему... даже за отчет об литературной *всячине* (Пушк., ‹П. к изд.›), в дружеской переписке: Уж я тебе наготовлю *всячины,* и прозы и стихов (Пушк., П. к П. А. Плетневу, 9 сент. 1830 г.). Чаще же это слово встречается в составе выражения *всякая всячина,* которое можно найти в разнообразных контекстах: Впопад и невпопад ко *всякой всячине* приклеивать нравоучение (Пушк., ‹Об Альфреде Мюссе›).

Слово *мочь* как существительное лишь изредка употребляется вне фразеологических конструкций. Так, в значении 'мощь': Ты покорился, край гранитный, России *мочь* изведал ты (Борат., Эда). Преимущественно же слово *мочь* используется в замкнутой цепи сочетаний [176]: *нет мочи* 'нет возможности': Едва дышу; *нет мочи* боле (Пушк., Русл. и Людм.); *изо всей мочи, что было мочи*: Корсаков засуетился, стал звонить *изо всей мочи* (Пушк., Арап Петра В.); *не в мочь* (кому, чему): Мне так *невмочь* двойное бремя (Вяз., Коляска); *(вы)биться из мочи* и др.: Прежде *бился* я *изо* всей *мочи,* растратил все сильнейшие доводы моего красноречия (Лажечн., Лед. дом).

Слово *ладоша* еще встречается вне обязательных фразеологических связей («Чудак... чванился наемным приветствием своих друзей, не жалеющих ни совести, ни *ладошей* своих» — Вяз., П. с Липец. вод), но чаще — в составе выражений *бить, хлопать в ладоши* 'рукоплескать, аплодировать': Вдруг Ундина, *захлопавши* с радостным криком *в ладоши,* Кинулась прочь (Жуковск., Ундина); Доктор *бьет в ладоши* и кричит bravo! (А. Карамз., П. к Е. А. Карамзиной, 4 дек. 1844 г.).

Слово *помин* лишь изредка используется в значении 'воспоминание, упоминание': Пируйте же, друзья! Мне дорог ваш *помин* (Бенед., Отрывки из книги любви).

[176] Обращает на себя внимание, что при одном случае свободного употребления слова *мочь* у Пушкина 39 фразеологизированных.

Обычно же сферы употребления этого слова фразеологически ограничены выражениями *кто был в помине, в помине нет чего* и *легок на помине*: Веселых шуток и *в помине* Уж *нет* (Борат., Эда); Век золотой! тебя уж *нет в помине* (Вяз., Три века поэтов); Россини *был* у всех *в помине* (Он же, Поживки франц. журн.).

Слово *попыхи* единично еще можно встретить («То едкой силою забавного словца Смиряет *попыхи* надутого глупца» — Борат., Гнедичу), однако преобладает фразеологическое сочетание *в попыхах*: Да та беда, что *в* свадебных *попыхах* забыл его [компас] дома (Б.-Марл., Морех. Никит.); Где гордость с суетою И подлость *впопыхах* (Вяз., К подруге).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВНУТРЕННИМИ ОТНОШЕНИЯМИ В ЛЕКСИКЕ

В 20—30-е годы XIX в. продолжается семантическое взаимодействие лексики. В этот процесс вовлекаются все новые группы слов, объединенных между собой на основе различных признаков (принадлежность к одному словообразовательному гнезду, семантическому полю, к одной лексико-тематической группе и т. д.).

Как и прежде, происходит семантическое взаимовлияние в словах, связанных общностью корневой морфемы. Например, под воздействием слова *механизм,* которое в конце XVIII в., по данным ЛК, использовалось переносно ('внутреннее устройство, система чего-л.') в выражениях типа *механизм поэзии, стихотворства, языка,* получает возможность нового употребления слово *механический* (прилагательное к *механизм* в отмеченном значении): *Механическая* часть этой сказки превосходна, — размер и слог совершенно соответствуют предмету (Кюхельб., Дневн., 29 окт. 1834 г.). Именно в данный период это прилагательное приобретает переносное значение 'бессознательный, машинальный'.

Под влиянием близкого по звучанию и значению прилагательного *досужный*, у которого еще в XVII в. начало складываться значение 'не занятый делом' [177], слово *до-*

[177] Пример такого употребления слова *досужный* см. в кн.: Грамотки XVII—начала XVIII века. М., «Наука», 1969, с. 284.

сужий, продолжая употребляться как ‘расторопный, к разному рукоделию способный’ («Меня пользовала какая-то *досужая* старушка» — Загоск., Юр. Милосл.), в первой трети XIX в. приобретает значение ‘свободный от дела, праздный’: И с ним певец *досужий*, Его покорный бес (Батюшк., К Жуковскому).

Под влиянием слова *подковырка*, употреблявшегося в 20—30-е годы не только в прямом значении, но и переносно — ‘стремление подцепить, уязвить, уколоть’, появляется метафорическое переосмысление у глагола *подковырнуть* — ‘поймать на слове, подцепить, уколоть’ [178].

Входят в контакты слова — антонимы. Например, глагол *сорваться* получает переносное значение, противоположное развившемуся к этому времени у его антонима *наклюнуться* [179].

В рассматриваемый период продолжал действовать, но слабее, чем в XVIII в., процесс семантической аналогии. Результатом его было появление новых значений у ряда слов.

Часть семантических изменений была обусловлена влиянием процесса семантического взаимодействия слов, хотя и принадлежащих к разным генетико-стилистическим пластам, но связанных общностью значения, корня и т. п. Под воздействием книжного слова *воззрение*, у которого в пушкинское время сформировалось отвлеченное значение ‘убеждение, образ мыслей, точка зрения’ [180], расширяется семантическая структура синонимичного ему в первоначальном значении слова *взгляд*: «в 30—40-х годах XIX в. в слове *взгляд*, особенно в формах мн. ч., сложилось то же значение „убеждения, образ мыслей“, что и в слове *воззрение*» [181].

По аналогии с русским словом *лицо*, имевшим помимо первоначального значения переносное значение ‘индивидуальный облик, чьи-нибудь отличительные черты’, начинает употребляться образно-метафорически и слово *физиономия*: Главное в писателе есть слог: если он имеет выразительную *физиономию*, на коей отражаются мысль

[178] *Виноградов В. В.* Из истории русских слов и выражений. — В кн.: Вопросы стилистики. Изд-во МГУ, 1966, с. 34—35.

[179] *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики. — Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ, вып. 8, с. 9.

[180] *Виноградов В. В.* Историко-этимологические заметки. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 1, с. 52.

[181] Там же, с. 57.

и чувство писателя, то сочувствие читателей живо отзывается на голос его (Вяз., Ревизор). Ср. употребление других слов: В нашей словесности, ...где известны приемы, *замашки* (курсив авт.) и так сказать *почерк* каждого, нетрудно угадать сочинителя по слогу (Вяз., О двух ст.).

Намечается новое применение слова *перелом*, у которого к этому времени закрепилось переносное значение «применение на лучшее или худшее состояние больного» ($САР_1$). С начала XIX в. это слово, под воздействием равнозначного *кризис*, используется применительно к социальным и общественно-экономическим явлениям[182].

Процесс аналогии затрагивает слова, принадлежащие к одной и той же лексико-тематической группе. Так, развившееся (в конце XVIII в.) в словах сферы изобразительного искусства (*картина, портрет, рисовать* и др.) переносное значение 'о словесном изображении чего-н.' способствует тому, что аналогично начинают употребляться некоторые другие слова этой группы, например, *живописный, каррикатура, колорит, палитра, панорама, статуя*, а также музыкальные термины: *гармония, финал* и др.: Для снятия картины или, лучше сказать, *панорамы* жизни Наполеона (Вяз., Поживки франц. журн.); Охота человеку, не знающему людей, писать *каррикатуры* и называть их людьми (Кюхельб., Дневн., 11 янв. 1833 г.). Слово *каррикатура* встречается также в переносном значении 'неудачное подражание, смешное, искаженное подобие кого—чего-н.': Но наше северное лето, *Каррикатура* южных зим (Пушк., Евг. Онег.); Личиной муки, маской счастья, *Каррикатурою* любви (Бенед., Кокетка).

Возникает переносно-метафорическое употребление у слова *перец* по аналогии со словом той же тематической группы *соль*, которое имело в это время помимо прямого значения также и переносное 'острота': В стихах его... много *перца*, соли и веселости (Вяз., Зап. кн.). Возможно, по аналогии со словом *брань*, имевшим значения 'война; бой, битва, сражение' и 'ругань, ругательство', появляется новое — переносное — значение у слова *перепалка*. В $САР_{1,2}$ слово *перепалка* помещается только с определением 'перестрелка'. В этом значении оно еще встречается в рассматриваемое время. Так, в стихотворении Пушкина «Делибаш»: *Перепалка*

---

[182] См.: *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 136.

за холмами [Смотрит лагерь их и наш] (вар. бел. автогр.). Переносное значение слова *перепалка* — 'взаимная брань, шумный спор' впервые отмечается в Сл. Даля. В XVIII в., по данным ЛК, отсутствуют примеры употребления слова в последнем значении. Но есть основания считать, что в первой трети XIX в. переносное значение слова уже было известно русскому языку, хотя, по-видимому, и было редким; у Пушкина есть лишь один пример такого употребления: Не многим известна стихотворная *перепалка* его с Дмитрием Сеченовым по случаю Гимна бороде (Путеш. из М. в Пб.).

Процесс аналогии в это время затронул и совсем новый разряд слов: «простые» лексические элементы начинают проникать в те семантические сферы, для которых ранее употребление «простых» слов не было характерно. Например, по аналогии со словами *бремя, груз,* употреблявшимися в XVIII в. не только в прямом значении, но и как отвлеченное понятие груза, тяжести, слово *гнет* используется метафорически в выражениях типа: Мне ли петь под *гнетом* рока (Батюшк., Гнедичу), под *гнетом* взгляда (Бенед.), под *гнетом* ощущений (Вяз.), а также применительно к социальным и культурным явлениям: Но в нас горит еще желанье, Под *гнетом* власти роковой Нетерпеливою душой Отчизны внемлем призыванье (Пушк., К Чедаеву); [Арбенин] Изнемог И ты под *гнетом* просвещенья (Лерм., Маскарад).

Может быть, под воздействием слова *шероховатый*, получившего в последней трети XVIII в. переносное значение 'с какими-н. недостатками, недоработками, изъянами', начинает употребляться переносно и слово *нео(б)тесанный* как 'грубый, некультурный' (применительно к человеку): [Груня] За то *необтесанный* такой, с такими подьяческими ухватками (Лажечн., Окопир.).

Глагол *кидаться* входит в контексты, характерные для глагола *бросаться.* Глагол *тащиться* употребляется в сочетаниях, характерных для глагола *идти* (в привычных фразеологических соединениях — чаще образных): Едва *тащится* время (Вяз., К подруге). У Пушкина находим — *тащиться по следам, по пятам кого* (измененное вместо *идти по следам*): Неизвестный творец Слова о плку Игореве не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не *тащиться* по следам старого Бояна (‹Песнь о полку Игореве›); никогда не пренебрегал трудом неблагодарным,

...никогда не *тащился* по пятам увлекающего свой век Гения, подбирая им оброненные колосья; он [Баратынский] шел своею дорогой один и независим (‹Баратынский›).

С другой стороны, в это время усиливается наметившаяся ранее тенденция к семантическому размежеванию синонимов. Например, слово *машина* начинает обозначать 'механизм', а *махина*, в 20—40-е годы «выйдя за пределы профессионально-технической речи, стало в устно-бытовом языке обозначать лишь громоздкую, очень большую вещь, предмет необычной величины»[183]. Русские и иноязычные цветообозначения стали разграничиваться семантически, называя не один и тот же, а разные оттенки цвета. Так, «прилагательное *сиреневый* стало обозначать более светлый по оттенку цвет, нежели слово *лиловый, оранжевый* — более интенсивный по окраске, чем *апельсиновый*»[184].

Слова *литература, словесность, письменность*, сосуществующие в начале XIX в. как синонимы для выражения понятия «литература», во второй половине 30-х—40-е годы семантически дифференцируются: «Слово *литература* утверждается в специальном литературоведческом значении — совокупность художественных произведений. *Письменность* начинает обозначать совокупность письменных литературных памятников, преимущественно древней эпохи. Слово *словесность* получает значение — 'совокупность всех письменных произведений'»[185].

Происходит дифференциация слов *лицо* и *личность*: «Чем больше понятие „индивидуальность“ закреплялось за словом *личность*, тем реже с этой же семантикой стало выступать слово *лицо*... Все специфически индивидуальное отошло прежде всего к *личности* и стало более слабым светом отражаться в слове *лицо*»[186].

Заметным становится изменение в словах *внешность* и *наружность*. Они еще продолжают выступать в общем,

---

[183] *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков). — Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., «Наука», 1975, с. 215.

[184] *Грановская Л. М.* Указ. соч., с. 198.

[185] *Быстрова Е. А.* Термины *литература, словесность* и *письменность*. — В кн.: Современная русская лексикология. М., «Наука», 1966, с. 113.

[186] *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., «Просвещение», 1971, с. 151.

отвлеченном значении 'внешняя сторона какого-либо явления'. Но для выражения данного понятия в это время начинает входить в употребление и субстантивированная форма *внешнее*[187]. За словами же *внешность* и *наружность* закрепляются значения, относящиеся к внешнему виду человека: *Наружность* [Батюшкова], по моему мнению, здоровее прежней (А. Тург., П. к П. А. Вяземскому, 8 мая 1823 г. — Остаф. арх., т. II).

Уточняется семантическая структура слов *свобода, вольность* (и *воля*), обозначавших общую возможность совершения чего-л. Значение 'политическая свобода, независимость' в XVIII в., например у А. Радищева, было более свойственно слову *вольность*, чем *свобода*. Но уже «в гражданской поэзии декабристов из слов *свобода, вольность, воля* на первый план выходит *свобода*»[188]. Пушкин также использует слово *свобода* семантически шире и чаще (см. Сл. Пушк.).

Для пушкинского времени характерно размежевание синонимов и по значению и по употреблению, т. е. по закрепленности слова за определенными сферами речи (поэтической, бытовой и т. п.). Примером могут быть слова *горожанин — гражданин*. В первой трети XIX в. значение 'житель города' передавалось словами *горожанин* («простореч.») и *гражданин* (книжно-славянское). *Горожанин, горожанка* и *горожане* не имели еще широкого распространения. Правда, в литературных произведениях они используются не только при передаче речи крестьян, как, например, в «Рассказе русского солдата» Н. Полевого, но и в авторском повествовании. Так, у В. Жуковского — в стилизации, названной «старинное предание»: В тех самых песнях, которыми веселил он *горожан* и сельских жителей (Марьина роща). У Пушкина — в нейтральном авторском тексте: И *горожанка* молодая, В деревне лето провождая, Когда стремглав верхом она Несется по полям одна, Коня пред ним остановляет (Евг. Онег.).

В значении 'житель города' более обычным для пушкинского времени было слово *гражданин*. Оно употреблялось чаще, чем *горожанин* (в «Словаре языка Пушкина» отмечено 8 случаев). Однако подавляющее количество случаев употребления слова *гражданин* прихо-

---

[187] *Веселитский В. В.* Развитие отвлеченной лексики..., с. 71.
[188] *Веселитский В. В.* Отвлеченная лексика..., с. 273.

дится на значение 'полноправный член общества, государства' (у Пушкина — 26). Преобладание в этом слове нового — общественно-политического содержания могло вызвать оттеснение на второй план значения 'житель города'. В этом значении более употребительным становится слово *горожанин*. В слове *гражданин* «значение 'житель города' окончательно было утрачено, по-видимому, не раньше последней четверти XIX в.» [189].

Показателен также синонимический ряд *крышка—крыша—кровля—кров*. Проникновение в литературное употребление слова *крыша* (конец XVIII—начало XIX в.) обострило процесс дифференциации членов этого синонимического ряда. При своем возникновении (середина XVIII в.) слово *крыша* употреблялось только как 'верхняя часть, служащая покрытием какого-н. сосуда, ящика и т. п.'. В начале XIX в. употребление в этом значении (*крыша* — 'крышка') сокращается, очевидно, в связи с закреплением данного значения за словом *крышка*. Это привело к выпадению слова *крышка* (по-видимому, к середине XIX в.) из синонимического ряда *кров—кровля—крыша* 'верхняя часть строения, покрывающая его'.

Употребление и других синонимов слова *крыша* в значении 'верхняя часть, служащая покрытием какого-н. сосуда, ящика' встречается все реже и реже.

За словом *крыша* начинают закрепляться значения 'верхнее покрытие строения' и 'дом, жилище, кров'. Утвердившись в новых значениях и все реже употребляясь в первоначальном значении 'крышка' и тем самым утрачивая смысловую близость с ним, слово *крыша* вступает в конкуренцию со словами *кровля* и *кров*. Однако в пушкинский период употребительность *кровля* и *кров* значительно шире, чем слова *крыша*.

Важным моментом в судьбе рассматриваемого синонимического ряда явилось то, что всё более определяется продвижение слова *кровля* в терминологические сферы. Слово же *кров* в первой трети XIX в. приобретает отчетливо выраженную стилистическую маркированность (оно — достояние поэтической речи), а это привело в дальнейшем к сокращению его употребительности [190].

---

[189] *Улуханов И. С.* История слов *гражданин — горожанин*. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. VI. М., Изд-во МГУ, 1968, с. 166.

[190] Подробнее об этом см.: *Ходакова Е. П.* А всегда ли была *крыша?* — Русская речь, 1974, № 6.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. И ИХ РЕШЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

В пушкинское время продолжала оставаться актуальной одна из основных проблем становления национального литературного языка — определение в нем места и роли лексики разных генетико-стилистических пластов. Большое значение в решении этой проблемы имело творчество наиболее известных писателей эпохи. В 20—30-е годы язык художественной литературы был основной сферой, в которой определялись и создавались нормы русского литературного языка[191]. Однако, как и в предшествующий период, объем, или «репертуар», слов, включаемых в литературный оборот, сильно варьировался в зависимости от социальной принадлежности того или иного автора, его взглядов на литературный язык, индивидуальных пристрастий.

Исключительно важная роль в определении границ использования генетически различной лексики в литературном языке принадлежала Пушкину. В его художественной практике сформировались в основном объем и состав пришедшей из разных источников лексики и принципы ее употребления, которые, благодаря значительности самого творчества поэта и его авторитета среди современников и последователей, были восприняты последующими поколениями как нормативные.

---

[191] Следует, однако, иметь в виду, что отбор лексики в художественное произведение иногда диктовался только темой (например, историческое повествование или описание деревенской жизни), которая обусловливала вовлечение в литературное произведение наименований соответствующих реалий. Так, описывая в «Песне о вещем Олеге» легендарный эпизод из древней русской истории, Пушкин вводит в стихотворение слова, создающие колорит далекой эпохи (*броня, волхвы, кудесник, пращ, секира, тризна* и др.). Тем самым поэт углубляет наше представление об изображаемом им времени. Но это отнюдь не означает, что Пушкин утверждает права названных слов в литературном языке. То же самое можно сказать о ряде славянизмов (*воздвигаться* 'торжественно двинуться в путь, пойти' — в «Борисе Годунове»). Эти и подобные языковые явления в пушкинский период — достояние именно языка художественной литературы, а не общих сфер литературного языка.

Суть языковой реформы Пушкина заключалась в преодолении разобщенности лексических элементов разных генетико-стилистических пластов, в свободном и органическом их соединении. Писатель «изменил традиционное отношение (разрядка авт.) к словам и формам»[192]. Пушкин не признавал ломоносовской системы трех стилей, на которую опирались в своей концепции шишковисты, и в этом он смыкался с карамзинистами, стремившимися к установлению единой нормы литературного языка. Но он признавал живым и актуальным для своего времени ломоносовский принцип «конструктивного объединения разнородных словесных рядов»[193]. Придерживаясь взглядов карамзинистов на единую общелитературную норму, Пушкин, однако, был намного свободнее и шире в своем понимании границ и объема лексического материала, включаемого в состав литературного языка. Он выдвинул иные принципы и критерии отбора и использования слов разных генетических слоев. Прямой полемикой с карамзинистами было утверждение Пушкина о том, что он не пожертвует «искренностию и точностию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.»[194] Он внес свои коррективы и в понятие «вкуса», которым так широко оперировали карамзинисты: «истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности»[195].

Пушкин признает за лексикой каждого генетико-стилистического пласта право быть одной из составных частей русского литературного языка. Видя в разговорной лексике один из живых источников обогащения литературного языка, писатель рассматривал славянизмы, составлявшие значительную часть книжных слов, как необходимый элемент литературной речи. Письменный язык, писал он, «оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от при-

---

[192] *Винокур Г. О.* Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959, с. 386.

[193] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 36.

[194] *Пушкин А. С.* «Опровержение на критики». — Полн. собр. соч., т. 11, 1949, с. 159.

[195] *Пушкин А. С.* Отрывки из писем, мысли и замечания. — Там же, с. 52.

обретенного им в течение веков: писать единственно языком разговорным — значит не знать языка» [196]. На основе объединения народных русских и книжно-славянских лексических элементов он стремится создать «язык общепонятный». Пушкин приходит и к «глубоко индивидуальному разрешению проблемы синтеза русской национальной и западноевропейской стихии в литературном языке» [197].

В творчестве Пушкина свободно и широко употреблялась и русская лексика (в том числе разговорная), и книжно-славянская, и заимствованная. Однако для понимания той роли, которую сыграл Пушкин в деле становления национального русского литературного языка, основным является определение принципов, или методов, использования лексики, ибо именно в принципах, приемах ее употребления заключается суть языковой реформы поэта (это особенно относится к народно-разговорным и книжно-славянским словам).

Взгляды Пушкина на роль разных слоев языка существенно изменялись на протяжении его творческой деятельности. Исследователи отмечают два основных периода его творчества. Первый период охватывает 10-е—начало 20-х годов. Второй период начинается примерно с 1823 г. и продолжается до конца жизни поэта. «Молодой Пушкин (до конца десятых годов) и Пушкин половины двадцатых годов писали на разных языках», — отмечает В. В. Виноградов, характеризуя резкое различие творческой позиции поэта этих двух периодов [198]. Наибольший интерес представляют приемы и принципы употребления лексики у зрелого Пушкина, когда они подчинены основной цели — реалистическому воспроизведению действительности.

МЕСТО И РОЛЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА КНИЖНО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Как уже отмечалось, для пушкинского времени оставалась актуальной проблема отграничения семантически и стилистически ассимилированных славянизмов, составляющих значительную часть нейтральной книжной лексики, с одной стороны, от обветшалых, архаичных сла-

[196] *Пушкин А. С.* Письмо к издателю. — Там же, т. 12, с. 96.
[197] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 236.
[198] *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., Учпедгиз, 1941, с. 8.

вянизмов, выходящих из литературного языка, а с другой стороны — от стилистически значимых славянских слов, выполняющих в литературном языке определенную стилистическую функцию.

Решение этих проблем зависело от таких факторов, как более четкое выявление стилистических качеств славянизмов, отказ от немотивированного (как со стороны стилистической, так и семантической) их употребления, определение среди стилистически значимых славянизмов более резких границ между отдельными стилистическими группами, или, другими словами, установление более четких семантико-стилистических функций у разных групп славянизмов.

Эти проблемы были уже в значительной степени решены в предыдущий период. К 20-м годам в основном уже определился слой нейтральной книжной лексики, генетически восходящей к книжно-славянской. Однако проблема отграничения жизнеспособных славянизмов от архаических, обветшалых была еще и в это время очень актуальной, о чем свидетельствуют высказывания непосредственных предшественников и современников Пушкина.

Так, например, А. Бестужев-Марлинский писал: «Язык славянский служит теперь для нас арсеналом: берем оттуда меч и шлем, но уже под кольчугой не одеваем героев своих бычачьею кожею, а в охабни рядимся только в маскерад. Употребляем звучные слова, например: *вертоград, ланиты, десница,* но оставляем червям старины: *семо* и *овамо, говядо* (курсив авт.) и тому подобные. Впрочем, для редкости, я бы желал взглянуть на поэму или трагедию, в наше время писанную на славянском языке, хотя бы не стихами, а в *благородной* (курсив авт.) ... прозе»[199]. Он оставлял право за определенной частью славянизмов употребляться и в легкой поэзии: «Легкий слог... должен употребляться и в важных сочинениях, если хотим дать им вес, не делая их увесистыми. Впрочем легкие пьесы не чуждаются выражений высоких. Батюшков, Жуковский, Пушкин в самых эротических сочинениях употребляли слова: *денница, трикраты, скудель* и т. п., потому что гений украшает все, до чего ни коснется»[200].

---

[199] Сын отечества, 1822, № 20, с. 262.
[200] Там же, с. 265.

К. Батюшков, в творчестве которого славянизмы занимали очень значительное место, отмечал: «Чем более вникаю в язык наш, чем более пишу и размышляю, тем более удостоверяюсь, что язык наш не терпит славянизмов, что верх искусства — похищать древние слова и давать им место в нашем языке» [201].

В то же время число сторонников и последователей А. Шишкова, считавших книжно-славянскую лексику основой русского литературного языка, было значительным. Н. Полевой в 1833 г. писал: «И теперь есть у нас современники Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, даже Тредьяковского — не по летам, но по духу, по сущности своих созданий, по своему образованию, направлению, даже по языку» [202]. В защиту славянизмов в 1824 г. в журнале «Мнемозина» выступает В. Кюхельбекер: «Из слова же русского, богатого и мощного, силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный *для немногих* (курсив авт.) язык, un petit jargon de coterie. Без пощады изгоняют из него все речения и обороты славянские и обогащают его *архитравами, колоннами, баронами, траурами* (курсив авт.), германизмами, галлицизмами и барбаризмами» [203]. Он же обвиняет современников в незнании книжно-славянского языка: «[Невежество] особенно обнаруживается в суждениях о языке и слоге, например, Б... не знает или не хочет знать, что *внуши* на славянском синоним глаголу внемли, что воня (разрядка авт.) слово отнюдь не низкое, а принадлежащее церковному языку и пр.» [204].

Необходимость использования славянизмов в определенных литературных жанрах отстаивает П. Катенин: «Охотно спрошу у самих насмешников: каким же языком нам писать эпопею, трагедию, или даже важную, благородную прозу? Легкий слог, как говорят, хорош без славянских слов: пусть так, но в легком слоге не вся

---

[201] *Батюшков К. Н.* Письмо к Н. И. Гнедичу, 28 и 29 окт. 1816 г. — Соч. К. Н. Батюшкова, т. 3. СПб., 1886, с. 407.

[202] *Полевой Н.* [рец.]: Борис Годунов. Сочинения Пушкина. — Московский телеграф, 1833, ч. 49, № 1—2, с. 135.

[203] *Кюхельбекер В. К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. — В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика, Литературная критика. М.—Л., ГИХЛ, 1951, с. 552.

[204] *Кюхельбекер В. К.* Дневник, с. 129.

словесность заключается: он даже не может занять в ней первого места»[205].

В 20—30-е годы многими современниками был положительно воспринят язык «Истории государства Российского» Н. Карамзина, в которой славянизмы были представлены очень широко, и это рассматривалось как доказательство сближения позиций Н. Карамзина и А. Шишкова. Н. Греч считал, что «История государства Российского» доказывает, что «Карамзин отнюдь не думал отвергать особенностей и красот языка церковного, а только, по свойству прежних своих сочинений, не считал надобным ими пользоваться»[206].

Таким образом, в изучаемое время не было единого взгляда на место книжно-славянской лексики в русском литературном языке. Объем или состав архаических, устаревающих славянизмов еще не был достаточно четко отграничен от основного фонда книжно-славянских слов.

Еще сложнее обстояло дело с отграничением нейтральных книжных славянизмов от стилистически значимых. В пушкинское время, как и в предыдущую эпоху, у многих славянизмов наблюдались значительные колебания в их стилистической окраске. Они могли выступать и как стилистически значимые и как нейтральные книжные слова, функционирующие довольно широко в разных жанрах. По наблюдению исследователей, к этой группе нужно отнести такие слова, как *сопутник*, *воспоминание* (и некоторые другие с приставкой *воз-*, *вос-*), *соделать* и *соделывать*, *ответствовать*, *пещись*, *предрассуждение*, *сокрыть*, *могущий* (русская параллель *могучий*), *мещет* (в выражениях «мещет взгляд, взор»), слова с основой *-емл-* (типа *внемлет*, *приемлет*, *объемлет*), *младой*, *младость*, *нощь*, *вотще* и др. По мере того, как постепенно сокращалось их употребление в общелитературном языке, они уходят в группу славянизмов с ярко выраженной стилистической окраской.

В кругу стилистически значимых славянизмов, как и в предшествующее время, также обнаруживались значительные колебания. Не были достаточно четко разграничены разряды лексики поэтической и высокой. Одни и те же славянизмы могли выступать в функциях и поэ-

---

[205] Письмо к издателю «С. О.» — Сын отечества, 1822, № 13, с. 252.

[206] *Греч Н. И.* Чтения о русском языке, ч. 1. СПб., 1840, с. 158.

тической и высокой лексики, и в целях создания исторического, античного или восточного колорита. Одновременно они могли служить средством выражения гражданской патетики и различных эмоциональных состояний.

Эти колебания как в самом составе книжно-славянской лексики, так и в функциях славянизмов, объяснялись теми же причинами, что и в предыдущий период. Среди них можно назвать такие, как разные языковые позиции современников, принадлежность к разным социальным слоям или к разным поколениям носителей литературного языка того времени, разный характер образованности, различные индивидуальные склонности.

В значительной степени неустойчивость в употреблении славянизмов обусловливалась состоянием литературного языка того времени, неравномерностью развития разных его стилей, разных сфер письменности.

Архаический элемент был очень широко представлен в официально-деловом, а также в научном языке. По составу книжно-славянской лексики и насыщенности ею эти сферы литературного языка были намного «традиционней», чем общелитературный язык, и тяготели к языку «докарамзинского» периода. Правда, здесь в первые десятилетия XIX в. наметились значительные изменения. В области официально-делового языка большое значение имела реформа М. М. Сперанского, ограничившая архаический элемент в этой сфере письменности. Свидетельством новых требований к деловому языку может служить также книга М. Магницкого «Краткое руководство к деловой и государственной словесности» (М., 1835), в которой основными свойствами делового языка признаются правильность, чистота, краткость, благородная простота, точность. В развитии научного языка, в частности в освобождении его от архаики и приближении к новым нормам литературного языка, большую роль сыграли ученые Московского университета. В 1819 г. были опубликованы «Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного» (ч. I, М., 1819 г.). Интересно, что издатели этого труда обращали внимание и на языковые особенности «речей» профессоров. Они отмечали, что речи, будучи «расположены по порядку времени, показывают постепенный ход и совершенствование слога»;

речи расценивались ими как «лучшие своего времени прозаические сочинения».

Язык художественной литературы также показывал большие колебания в употреблении славянизмов в зависимости от разных стилей и жанров. В это время, как и в карамзинское, книжно-славянские элементы были распространены шире в поэзии, чем в прозе. Существовали также определенные литературные стили, где славянизмы выступали как необходимый стилеобразующий элемент. Например, славянизмы были широко представлены (как по составу, так и количественно) в произведениях на исторические темы, в переводах из античной и восточной литературы и подражаниях ей, а также в переводах и подражаниях некоторым авторам (например, Оссиану, итальянским поэтам). Кроме того, славянизмы продолжали оставаться существенной и необходимой частью лексического состава традиционных высоких классических жанров — трагедии, оды. Эти жанры не были в данное время центральными, однако они существенны для характеристики общей картины функционирования славянизмов этого времени, их состава и количественного употребления. В. Кюхельбекер, например, писал: «Не употреблять в оде, в поэме, в высокой лирической или даже описательной поэзии славянских выражений, считаем столь же странным, как употреблять оные в комедии, в легком послании, в песенке или в прозаической по содержанию и духу повести, хотя бы она и была в стихах» [207].

Однако и в пределах определенных литературных жанров состав и численность славянизмов зависели от индивидуальных вкусов авторов, их языковой позиции. Так, например, очень широко представлены славянизмы в произведениях декабристов. Активное использование книжно-славянской лексики декабристами отражало их языковые взгляды, связанные с определенной идеологической позицией. Многие из декабристов (В. Кюхельбекер, А. Бестужев-Марлинский, Ф. Глинка, А. Одоевский и др.) идею национального возрождения тесно связывали с развитием национального языка. В старой книжной культуре они видели один из источников народной самобытности. Созданная еще А. Радищевым

---

[207] *Кюхельбекер В.* Разбор поэмы князя Шихматова «Петр Первый». — Сын отечества, 1825, № 15.

традиция использования славянизмов для выражения революционных идей, гражданственности была активно воспринята декабристами.

Все это свидетельствовало о том, что несмотря на основную тенденцию употребления славянизмов, направленную на их ограничение и упорядоченность, функционирование книжно-славянской лексики в это время обнаруживало большие колебания как в самом ее составе, так и в принципах употребления. Это хорошо видно, если непосредственно обратиться к языковой практике современников.

Исследователи русского литературного языка отмечают, например, усиление архаизирующего элемента в первые десятилетия XIX в. у некоторых писателей XVIII в. (Г. Державин, В. Озеров, С. Бобров), а также в творчестве ряда молодых поэтов (П. Катенин, В. Кюхельбекер, К. Рылеев). Однако устаревающая лексика оказывается очень активной лишь в определенных жанрах (высоких) и у тех писателей, обращение которых к архаическим славянизмам объясняется как тематикой произведений, так и языковыми позициями данных авторов. Так, в произведениях Г. Державина 1809—1816 годов встречаются, например, следующие архаичные для этого времени славянизмы: *возблещут, елени, виждь, вратясь, велегласно, опрясь, млечный, надмение, внидет, тристаты, предзримый, содетель, продерзкий, добльственный, вонми, воззвучать, стрещи, влага, слана.*

Большое количество архаичных славянизмов содержится и в произведениях С. Ширинского—Шихматова. Например, в его поэме «Петр Великий» (1810 г.) употребляются такие славянизмы, как *согромождать, преторгнуться, доилицы, истнить, презорство, сланый, влаются, премолчи.*

По составу устаревающей лексики к этим писателям примыкает и С. Бобров. Например, в его произведениях, написанных в первое десятилетие XIX в., употребляются славянизмы *сланый, велегласно, гладный, брение, угонзать, ликовствовать, мравий, благолепный, леполанитна, богошественный, отревать, вретище* и др.

Архаичен и язык произведений В. Кюхельбекера. Это отражало языковую позицию писателя, для которого славянская лексика, независимо от степени ее архаичности, была живым элементом литературного языка того времени. Показательна та высокая оценка, которую В. Кюхельбекер дает языку и слогу поэмы С. Ширинского-Шихматова «Петр Великий», насыщенной устарелыми и часто уже непонятными современникам словами.

Он защищает эту поэму от критики: «Если же кто из наших судей парнасских подвергнет опале неизвестное ему слово... посоветуем сему отважному законодателю сперва поучиться русской грамоте, а потом уже судить, рядить, рассуждать, как и о чем угодно» [208].

Архаизирующий элемент широко представлен и в произведениях П. Катенина. В поэмах, стихотворениях, переводах П. Катенина 20-х годов встречаются такие славянизмы, как *двигнуться, млеко, воздоить, елень, соплетшиясь, крава, вонми* и др.

Многие писатели этого времени были более умеренными в употреблении архаичных славянизмов, но и они в своем творчестве активно использовали как устаревающие, так и широко распространенные славянизмы. Среди этих писателей были представители разных литературных жанров и направлений.

Так, например, свободно употребляются славянизмы, и среди них большое количество устаревающих, в произведениях К. Рылеева, А. Одоевского, относящихся к области высокой гражданской лирики. Например, у К. Рылеева в «Думах» встречаем славянизмы: *алчба, вежды, вран, драгой, дщерь, нощь, снедать, трикраты, чресла, брада, брань, вещать, возопить, возжечь, вотще, глас, длань, сонм* и широко употребительные в это время *брег, ветр, влачиться, глава, град, злато, златой, младой* и др. Широкое использование книжно-славянской лексики у К. Рылеева отражало его языковую позицию.

В трагедиях В. Озерова, творчество которого, как отмечают исследователи, испытало сильное влияние идей «карамзинской школы», книжно-славянская лексика представлена также очень широко. Однако по составу она менее архаична, чем в творчестве Г. Державина, П. Катенина и др. У него встречаются такие устаревшие славянизмы, как *бесщадно, брегись, воздремать, вран, вретище, доднесь, драгой, дщерь, нощь, отженет, прежить, прейти, претить, преткнуть* наряду с широко употребляющимися *алкать, возжечь, вотще, глагол, зрак, игралище, могущий, премена, стогны, младой, брег, злато* и др.

Значителен слой книжно-славянской лексики и у ряда последователей «карамзинской школы». Например, у К. Батюшкова славянизмы используются очень активно, хотя по составу это в основном слова, распространенные в данное время: *брег, лобзать, прах, хладный, зеницы, младой, глас, зрак, стезя, пастырь, отверзать, брада, бразда, влас, врата, глава, глад, град, градской, древо, здравие, злато, златый, клас, младость, хлад, чреда* и мн. др.

---

[208] Сын отечества, 1825, № 15.

Таким образом, вопрос о славянизмах, их составе, стилистической дифференциации стоял еще очень остро. Именно в творчестве Пушкина определились границы и объем славянской лексики, включаемой в литературный язык, и главное — новые принципы семантико-стилистического употребления славянизмов.

Книжно-славянская лексика занимала большое место в творчестве Пушкина. В его произведениях значительно расширился, по сравнению с карамзинистами, состав славянизмов. Пушкин признавал книжно-славянскую лексику «живым структурным элементом русского литературного языка»[209]. Однако в отличие от «шишковистов» он видел в этой лексике не основу русского литературного языка, а лишь одну из его составных частей (наряду с другими генетико-стилистическими пластами). Взгляд Пушкина на место книжно-славянской лексики в общем составе литературного языка, ее объем и главное — функции далеко не совпадал со взглядами шишковистов. Это отчетливо видно из следующего его высказывания: «Давно ли мы стали писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык русский, и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг в нашу литературу, то из сего еще не следует, чтоб мы могли писать: *да лобжет мя лобзанием*, вместо *цалуй меня* etc. Конечно, и Ломоносов того не думал, он предпочел изучение славянского языка, как необходимое средство к основательному знанию языка русского»[210].

Рассматривая взгляды Пушкина на роль и место книжно-славянской лексики в русском литературном языке, его высказывания об этой лексике, принципы ее отбора и употребления в творчестве поэта, следует иметь в виду, что для Пушкина, как и для его современников и предшественников—карамзинистов, понятие славянизма имело не генетическое, а чисто стилистическое значение. Другими словами, речь шла только о той части книжно-славянской лексики, которая к этому времени еще сохраняла стилистическую окраску высокости и в восприятии современников не утратила своей связи

[209] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 43.

[210] *Пушкин А. С.* «Путешествие из Москвы в Петербург». — Полн. собр. соч., т. 11, с. 226.

с церковнокнижным языком. Из языковых споров рассматриваемой поры исключались те славянизмы, которые к этому времени стилистически и семантически ассимилировались и составляли значительный лексический фонд литературного языка.

1. Славянизмы в первый период творчества Пушкина. Исследователи отмечают, что состав, «репертуар» славянизмов у раннего Пушкина был уже, чем в зрелый период его творчества. Употребление некоторых «высоких» архаических славянизмов в это время наблюдается только в лицейских стихах. Возвращение к некоторым из них во втором периоде носило уже принципиально иной характер. Среди архаических славянизмов можно назвать такие, например, слова: *брада, брещися, впреди, вран, врата, глад, гладный, мраз, праг, премена, пременить, пренести, пренестись, престать, сребро* и др.[211], а также: *осклабляться, осклабленный, вседержитель, воитель, ширяться* (крылами), *сретать, расточить, поносный, куща* и др.[212]

Эти слова, тяготевшие к высокой архаичной лексике, хотя и употреблялись Пушкиным, не были типичны для молодого поэта. Основную массу славянизмов, функционирующих в его произведениях этого времени, составляли слова широко распространенные в художественной литературе эпохи, в основном в поэзии, но частично представленные и в прозе. Это такие слова, как *брег, влачить, глава, глас, град, градской, злато, младой, младость, сребристый, хлад, хладный, чреда, денница, длань, власы* и др. Все это слова, «не носившие яркого экспрессивного отпечатка программной церковности»[213].

Большое влияние на Пушкина в это время в отношении состава славянизмов и их использования оказывал К. Батюшков. Однако, следуя за К. Батюшковым в отношении выбора лексики, представляющей собой достаточно ассимилированный пласт славянизмов, Пушкин отказывается от той ее части, которая примыкала к архаической, высокой лексике.

---

[211] *Цейтлин Р. М.* Из истории употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в русской художественной речи конца XVIII—начала XIX в. — В кн.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., «Наука», 1964.

[212] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина.

[213] Там же, с. 78.

Сами принципы использования книжно-славянских слов в это время были в основном традиционны. Преобладающая масса славянизмов употреблялась Пушкиным в средних жанрах без какой-либо стилистической мотивированности, за исключением лишь того момента, что они являлись вообще принадлежностью поэтической речи[214].

Как версификационные средства широко использовались словообразовательные параллели, например, образования с приставками *пре-* и *пере-* (в таких словах, как *премена, престать, пренести* и под.), образования с приставками *со-* и *с-* (например, у пар *сокрыть — скрыть* и др.), параллели с *воз—вз.* Безразличное, стилистически не мотивированное употребление характерно для ряда других славянизмов, например, *нощь, полунощь,* которые образуют вместе со словом *роща* устойчивую рифмующуюся пару, и мн. др.[215]

Предметно-смысловое употребление славянизмов у Пушкина в это время также носило характер карамзинской традиции. Смысловые различия между славянизмами и русскими параллелями при таком употреблении выдержаны не четко. Восприятие славянизмов и их русских параллелей как стилистических и семантических дублетов, обычное для этого времени, присуще и Пушкину.

Для Пушкина раннего периода характерно «свободное» обращение со славянизмами, отрыв их от контекстуальных связей, которые были характерны для них в книжно-славянской литературе. Даже в тех случаях, когда Пушкин обращался к словам, составляющим фонд высоких, архаических славянизмов, их использование подчас не носило характера ни стилистической, ни предметно-смысловой обусловленности. В. В. Виноградов отмечает у Пушкина ранней поры «специфическое смешение образов церковно-библейских с условно-литератур-

[214] В книге И. С. Ильинской «Лексика стихотворной речи Пушкина» (М., «Наука», 1970) на большом фактическом материале показано, что многие славянизмы в стихотворениях молодого Пушкина используются «безразлично», т. е. без определенной стилистической обусловленности. Выбор славянизма или его русской параллели предопределяется в большинстве случаев лишь требованиями ритмической организации стихотворения или рифмой.

[215] Подробнее об этом см.: *Ильинская И. С.* Лексика стихотворной речи Пушкина.

ными отражениями античной (вернее — классической) мифологии», как прием, направленный на устранение церковно-библейского колорита[216]: Послушай, *муз невинных* Лукавый *духовник* (К Дельвигу); Но говорит армянское преданье, Что царь небес, не пожалев похвал, В *Меркурии Архангела* избрал (Гавриилиада); Молю *Феба* и казанскую *богоматерь* (П. к Н. И. Гнедичу, 24 марта 1821 г.).

Такое «смещение» предметно-смысловой соотнесенности славянизмов происходило также при объединении их с просторечно-бытовой и заимствованной лексикой: Когда б писать ты начал *с дуру*, Тогда б наверно ты *пролез* Сквозь нашу *тесную* цензуру, *Как внидишь в царствие небес* (Когда б писать ты начал с дуру); Я забываю Свои гусарские мечты И с Соломоном восклицаю: *Мундир* и *сабля* — *суеты* (Орлову).

Подобное использование книжно-славянских слов приводило к тому, что в ряде случаев они выступали не в прямых, а в переносно-метафорических употреблениях, далеких от значений, которые они имели в церковных текстах. Например:

Когда сожмешь ты снова руку, Которая тебе дарит На скучный путь и на разлуку *Святую Библию Харит?* (Когда сожмешь ты снова руку); *Апостол неги* и *прохлад* (Пирующие студенты); Коль язвы тяжкой <и> глубокой *Елей надежды* не живит (И я слыхал); Октавию — в слепой надежде — *Молебнов лести* не пою (В стране, где Юлией венчанный). Ср. подобное употребление в переписке поэта: Не знаю, пустят ли этого бедного Онегина в небесное *царствие печати* (П. к А. И. Тургеневу, 14 июля 1824 г.); Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса и посвящу вам, *христолюбивому пастырю поэтического* нашего *стада* (П. к А. И. Тургеневу 7 мая 1821 г.).

Таким образом, семантическая ассимиляция славянизмов идет по линии соединения их с русской бытовой и заимствованной лексикой и принимает часто характер каламбура, иронии, шутки.

Однако у Пушкина уже в этот период в принципах употребления книжно-славянских слов появились черты, которые не умещались в рамки языковой практики и языковых предписаний карамзинистов. «Язык Пушкина

---

[216] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 84.

свободнее, разнообразнее и противоречивее в своих колебаниях. Он, наконец, «демократичнее», развязнее салонного языкового этикета»[217]. Это новое, что отличало язык Пушкина от языка карамзинистов, заключалось в соединении в одном контексте слов разных генетических пластов, резко отличающихся друг от друга своей стилистической окраской[218].

2. Славянизмы во второй период творчества Пушкина. По наблюдениям исследователей, для языка Пушкина во второй период его творчества характерно расширение состава славянизмов. Это было связано с определенной языковой позицией Пушкина, сложившейся к тому времени, когда поэт окончательно определил свое отношение к «славянской» стихии, признав ее одной из составных частей русского литературного языка.

Расширение состава славянизмов у Пушкина шло за счет вовлечения в произведения в основном архаических элементов. Этот процесс касался почти всех жанров поэзии Пушкина (его лирики, поэм, трагедий), но не затрагивал прозаических (за исключением некоторых публицистических) произведений поэта. Например, в этот период Пушкин употреблял такие архаические славянизмы, не встречающиеся в раннем творчестве, как *блато* (Медн. всадн.), *млат* (Полт.), *праг* (Сто лет минуло, как тевтоп), *мрежа* (Отрок), *кладезь* (Подраж. Корану; Бор. Год.), *злаченый* (Песни зап. сл.) и др.

Однако одновременно с расширением состава книжнославянской лексики в творчестве зрелого Пушкина шло количественное сокращение употребительности славянизмов, используемых в ранний период. Оно было вызвано изменением принципов употребления славянизмов, выразившимся в отказе от стилистически и семантически немотивированного их употребления.

В первую очередь сокращение испытывали такие славянизмы, основная функция которых была связана с версификационными задачами. Это прежде всего словообразовательные параллели типа *сопутник*, *пренести*, *премена* и др. Резкому сокращению или полному отказу от их использования подвергаются «высокие» славянизмы *брада, вран, мраз, нощь, полнощь, денница* и др.

---

[217] Там же, с. 94.
[218] См. об этом ниже.

Сокращается употребление славянизмов, относящихся в основном к «поэтической» лексике, типа *младость, хладный, брег, град* и др., хотя они продолжают широко употребляться на протяжении всего творчества Пушкина. Как и в более раннее время, у Пушкина «поэтическая» лексика могла свободно передвигаться и в разряд «высокой» и выполнять ее функции.

Отменив «гонения карамзинистов на церковную фразу и славянизмы»[219], расширив состав, репертуар используемой в произведениях книжно-славянской лексики, Пушкин выработал и принципиально новые приемы ее употребления. Если для шишковистов расширение вводимого в литературный язык состава славянизмов означало стремление сделать книжно-славянскую лексику основной, объединяющей силой национального русского литературного языка, то для Пушкина она является лишь одной составной, но не главенствующей частью литературного языка. Отсюда и две тенденции в подходе Пушкина к славянизмам.

Одна тенденция связана с дальнейшей ассимиляцией части славянизмов в литературном языке, как средством создания отвлеченного книжного языка. Ассимиляция славянизмов у Пушкина идет по пути объединения и взаимодействия их с русской разговорной лексикой. Поэт ищет новых принципов сочетаний этих слов, приемов их связи[220].

Другая тенденция противопоставлена первой и характеризуется стремлением закрепить за значительной частью славянизмов четкую стилистическую окраску. Она проявляется в отказе Пушкина от стилистически немотивированного применения славянизмов, в подходе к ним как средству художественной изобразительности. Такой подход к славянизмам был обусловлен принципиально новым взглядом Пушкина на язык художественной литературы.

У предшественников Пушкина вопрос о разграничении языка художественной литературы и литературного языка не ставился. Язык художественных произведений рассматривался и оценивался как со стороны границ словарного состава, так и принципов словоупотребления с точки зрения общих норм литературного языка. И для шишковистов, и для карамзинистов не стояло

---

[219] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 107.
[220] Подробнее об этом см.: Там же, с. 172 и след.

специфических задач языка художественной литературы, и это было закономерным для того времени. Лишь во второй половине XIX в. вопросы, связанные с языком художественной литературы и с нормами общелитературного языка, будут разграничиваться.

Пушкин выдвинул иной критерий словоупотребления, который стал в дальнейшем основным для языка художественной литературы, — критерий художественности. Отсюда, с одной стороны, у Пушкина наблюдалось сокращение определенной части славянизмов за счет отказа от немотивированного их употребления, освобождения от них как от простых поэтических условностей. С другой стороны, — расширение состава стилистически значимых славянизмов, необходимых в определенных контекстных ситуациях и обусловленных конкретной художественной задачей. «Стилистическая окраска слова для Пушкина сама становится изобразительным средством. Именно такое применение стилистических средств и характерно для дальнейшего развития русской литературы вплоть до наших дней», — отмечает Б. В. Томашевский, указывая на новый принцип использования Пушкиным языкового материала [221].

Для Пушкина периода творческой зрелости было характерно внимание к семантической и стилистической специфике славянизмов, учет всей совокупности значений слова, его фразеологических и, шире, контекстуальных связей, отражающих традиции употребления славянизмов как в книжно-славянском языке, так и в литературе нового времени.

Художественные функции славянизмов в творчестве Пушкина были многообразны. Это было связано вообще со стремлением Пушкина к стилистическому богатству литературного языка и языка художественной литературы. Оно находило свое выражение в объединении и столкновении в одном контексте слов, словосочетаний, выражений разной стилистической окраски, причем такое объединение должно было лишь ярче подчеркивать противопоставленность этих стилистических окрасок.

Пушкин разработал конкретные принципы употребления славянизмов. Книжно-славянские слова служили

---

[221] *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Л., Учпедгиз, 1959, с. 59.

у него и для создания восточного колорита, и для подражания библейской или античной поэзии, широко использовались как средство исторической стилизации, воссоздания языковой атмосферы определенной эпохи, определенного литературного направления, индивидуального стиля отдельных писателей. Пушкин употреблял славянизмы и для создания торжественного «высокого» стиля, и для выражения лирического подъема, «поэтических» эмоций автора. Нередко поэт применял их шутливо, иронически или даже сатирически.

В ряде случаев Пушкин опирался на уже сложившиеся в русском литературном языке этого времени традиции такого художественного применения славянизмов. Однако по сравнению с предшественниками и современниками, он более тонко учитывал контекстуальные и фразеологические связи слов, степень их ассимилированности и традиции употребления в литературном языке нового времени [222].

Широко используя книжно-славянскую лексику в поэзии как средство художественной изобразительности, Пушкин в то же время проводил четкую грань между объемом, составом и принципами употребления славянизмов в поэзии и прозе.

В. В. Виноградов отмечал, что «поэтическому языку Пушкин предоставлял право более свободного и широкого употребления обветшалых славянизмов» и что «стихотворный язык и в понимании Пушкина сохраняет свою обособленность — не только ритмико-мелодическую, но и грамматическую и лексическую» [223].

Это разграничение было связано с теми различными требованиями, которые предъявлял Пушкин к языку поэзии и прозы.

Для Пушкина проза была той сферой, которая формировала «метафизический» язык, т. е. язык мысли, культуры, науки, философии, политики. Поэтому Пушкин, требуя от языка прозы четкости мысли и простоты, отрицательно относился ко всякого рода «украшательствам», «орнаментальности», которые в то время были широко распространены в прозе карамзинистов и их по-

---

[222] Этот вопрос подробно освещается в кн.: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 111—194.

[223] *Виноградов В. В.* Пушкин и русский литературный язык XIX века. — В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, с. 563.

следователей, а также писателей других направлений (например, в прозе А. Бестужева-Марлинского, О. Сенковского, Н. Полевого, Н. Павлова и др.). Он писал, что «у нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм» [224].

Рассматривая стилистически значимые славянизмы как средства художественной изобразительности и используя их очень широко в поэзии, Пушкин очень осторожно употреблял их в прозе, большей частью лишь как средство речевой характеристики персонажей, в целях стилизации, в публицистике же — для выражения патетики, различных эмоций (см., например, в статьях «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико», «Александр Радищев» и др.).

В основном же славянизмы, функционировавшие в пушкинской прозе, принадлежали по своему составу к фонду литературной книжной лексики, уже ассимилированной литературным языком того времени. Так, в прозе Пушкина часто употреблялись союзы *дабы, ибо, а (но) токмо:*

Дабы удостовериться, что деньги его еще при нем (Дубр.); Р‹аевский› отправился в след за ним, *дабы* подкрепить его в случае опасности (Путеш. в Арзрум); Никогда не брал он карты в руки, *ибо* расчитал, что его состояние не позволяло ему (Пик. дама); Кирила Петрович... стал рассказывать подвиг своего француза, *ибо* имел счастливую способность тщеславиться всем (Дубр.); Когда поэзия не есть благоговейное служение, но *токмо* легкомысленное занятие (Илиада Гомерова).

Употребительны также местоимения *оный, кой*:... От другой части речи, управляемой *оною* частицею (‹Возражение на статью «Атенея»›); укрепление, состоящее из вала и рва, за *коими* находилось несколько шалашей и землянок (Дубр.).

Однако в пушкинский период преобладали (как в прозе, так и в поэзии) нейтральные или даже разговорные по происхождению синонимы названных слов.

Основной состав славянизмов, употребляемых Пушкиным в прозе, — слова, широко употребительные в языке этого времени и не воспринимавшиеся как славянизмы. Ср.: Первый раненый производит болезненное

[224] *Пушкин А. С.* ‹Материалы к „отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“›. — Полн. собр. соч., т. 11, с. 60.

впечатление и *истощает сострадание* наше («Заметки и афоризмы»); *сокровищница* гармонии (О предисл.); *заемлет* главное достоинство (Там же); Судьба привела его снова в общество, от коего был он *отторгнут* в *младенчестве* (Джон Теннер).

Многие славянизмы встречались у Пушкина только в поэзии. Таковы, по наблюдениям исследователей, — *вертоград, глад, днесь, златой* (за исключением одного случая — *златая посредственность*), *младой, мышца* 'рука', *рыбарь, стогна* 'площадь' и т. д.

И. С. Ильинская приводит следующие цифровые данные о различии в употреблении славянизмов в поэзии и прозе зрелого Пушкина. В произведениях Пушкина, написанных после 1822—1823 гг., славянизмы — *брег* и *младой* употребляются только в стихах (*брег* — 54 раза, *младой* — 83), *глава* и *златой* в прозаических текстах, в том числе и письмах, единичны (*глава* — 2 раза, *златой* — 1 раз), в стихах же *глава* употребляется 74 раза, *златой* — 21 раз; *глас* — в прозе употребляется всего 4 раза, в стихах — 54 раза; *очи* — в прозе 10 раз, а в стихах — 100. В прозе в основном употребляются русские параллели названных выше славянизмов — *берег* — 132 раза, *молодой* — 408, *голова* — 261, *золотой* — 26, *голос* — 159 [225].

Таким образом, определив состав стилистически значимых славянизмов и их художественные функции, Пушкин ограничил сферу их функционирования как специфических средств художественной выразительности в основном пределами поэтической речи. Это было важным шагом на пути постепенного передвижения значительной части книжно-славянской лексики на периферию литературного языка, выхода ее из состава живых и актуальных элементов русского литературного языка.

МЕСТО И РОЛЬ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

В пушкинское время «новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его» [226]. В теоретических высказы-

[225] *Ильинская И. С.* Лексика стихотворной речи Пушкина, с. 208.
[226] *Бестужев-Марлинский А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России. — Соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1958, с. 539.

ваниях ряда писателей все чаще раздаются призывы обратиться к языку «простонародному», провозглашаются его достоинства. Показательно, например, высказывание: «Я почти уверен, что французы не могут иметь истинной романтической трагедии. Не правила Аристотеля налагают на них оковы — легко от них освободиться, — но они лишены важнейшего способа к успеху: изящного языка простонародного»[227]. В. Жуковский считает «простонародный» язык наиболее характерным выражением народности: «Все языки имеют между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом или, лучше сказать, в простонародном»[228].

Пушкин видит в народно-разговорной лексике источник национального обновления литературного языка[229]. Его отношение к ней было сформулировано им в теоретических статьях. Считая, что разговорный язык простого народа достоин глубочайших исследований, Пушкин призывает «прислушиваться к московским просвирням... Они говорят удивительно чистым и правильным языком»[230]. Для Пушкина процесс демократизации литературного языка — признак «зрелой словесности»: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскучa однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и странному просторечию»[231]. Отстаивая право художника на свободу в использовании разных языковых средств в своих произведениях, Пушкин неоднократно доказывает, что самые поэтические мысли могут быть литературно выражены народной речью, «языком честного простолюдима»[232].

Простонародный язык, по мнению писателя, не должен противоречить тону «хорошего общества», в то время

---

[227] *Боратынский Е. А.* Письмо к А. С. Пушкину, 1-я половина дек. 1825 г. — В кн.: Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., ГИХЛ, 1951, с. 484.

[228] *Жуковский В. А.* О басне и баснях Крылова. — Собр. соч., т. 4. М.—Л., ГИХЛ, 1960, с. 411.

[229] См. об этом: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 377.

[230] *Пушкин А. С.* «Опровержение на критики». — Полн. собр. соч., т. 11, с. 149.

[231] *Пушкин А. С.* «О поэтическом слоге». — Там же, с. 73.

[232] Там же.

как многие современные ему писатели «стыдились пускать простонародные слова в авторскую литературную речь»[233], поминутно находя «одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей* и т. п.»[234]. Пушкин же писал: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и фр.‹анцузской› утонченности. Грубость и простота более ему пристали»[235]. Выдвигая принцип «нагой простоты», Пушкин отбирает из устно-бытовой стихии речи в литературный язык только то, что составляет коренные основы национального русского языка и вместе с тем не носит отпечатка «языка дурного общества»[236].

Пушкин производит тщательный отбор лексики из разговорного языка и употребляет ее таким образом, что она служит средством реалистического воспроизведения действительности или средством социальной характеристики персонажа. Такое применение лексических средств общенародного языка определяется творческим методом писателя и его мировоззрением. Вместе с тем оно отражает начало ведущей тенденции развития литературы и литературного языка эпохи в целом.

В художественной практике непосредственных предшественников и современников Пушкина заметно расширяются сферы применения разговорной лексики. В этом легко убеждает творчество ряда писателей романтического направления. Встав на путь создания национальной баллады и повести из народной жизни, П. Катенин первый вводит «в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные»[237]. Народно-бытовой стиль является отличительной особенностью его баллады «Ольга» (1816), а также стилизованной в народном духе переделке «Леноры» Бюргера.

---

[233] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 399.

[234] *Пушкин А. С.* ‹Опровержение на критики›, с. 152.

[235] *Пушкин А. С.* Письмо к П. А. Вяземскому, 1—8 дек. 1823 г. — Полн. собр. соч., т. 13. Изд-во АН СССР, 1937, с. 80.

[236] «Языком дурных обществ», по словам В. В. Виноградова, Пушкин называл речь тех полуинтеллигентных слоев буржуазии, которые стремились выражаться вычурно, а иногда и с претензией на европейскую манерность.

[237] *Пушкин А. С.* ‹Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина›. — Полн. собр. соч., т. 11, с. 220.

Освоению богатств живой разговорной речи способствовала деятельность романтика В. Жуковского — признанного мастера баллады. Однако народность «Светланы» и «Людмилы» носит половинчатый характер, В. Жуковский «боится далеко отойти от границ карамзинского канона»[238]. Свободнее вводит В. Жуковский «простую» лексику в свои басни. Здесь находим, например, такие слова и выражения: *вприсядку, не видать зги, подкурив,* на улице заснул (Мартышка, показывающая китайские тени); *пикнуть, детушки,* не *чван, верть* глазами, *гвоздят* друг друга, брат царский *хлоп* (Мартышка и лев); *прыг,* мордой *щелк* в стекло, *хвать-хвать,* когтями *цап-царап* (Кот и зеркало) и мн. др.

Тяготение к романтизму обусловило наличие народно-разговорной лексики у некоторых писателей-декабристов. Правда, в их стихотворных произведениях ее роль невелика. Народные и разговорные слова отмечены преимущественно в жанре «агитационно-сатирических песен, прямо обращенных к народу и написанных для него»[239]. Таковы в песнях, написанных К. Рылеевым совместно с А. Бестужевым: *мужик, баба* — в переносном употреблении применительно к мужчине, *морочить, подмахнуть* и нек. др. В художественной прозе особое пристрастие к словам народно-разговорного источника было у А. Бестужева-Марлинского. Такие слова и выражения, а также пословицы, поговорки А. Бестужев-Марлинский широко включал как в речь изображаемых лиц, как и в собственно авторское повествование. Например: *головорез, землячка, кувыркаться, набекрень, накликать, увиваться* (около *кого*), *шасть* (Аммалат-Бек); *впросонках, расхорохориться, рехнуться, улепетывать* (Латник); *мыкаться, надуть* (*кого*) и др. (Морех. Никит.).

Среди разговорных слов, употребляемых писателем, можно выделить такие, которые уже использовались в литературе XVIII в. Одни из них стали уже чужды образованной речи пушкинской поры (*побранка, пощечиться, охочий, тать*), другие же свободно проникали в разные литературные жанры первой трети XIX в., например, *заносчивый, облепить* ‘обступить во множестве’, *ринуться.*

---

[238] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 405.

[239] *Авилова Н. С.* К изучению языка поэтов-декабристов (лексика и словообразование), с. 260.

В произведениях А. Бестужева-Марлинского можно найти и такие народно-разговорные слова, которые не встречались в литературе предыдущего периода, например, *(за)артачиться* (применительно к человеку), *напропалую* и нек. др. Конечно, трудно утверждать, что именно А. Бестужев-Марлинский первый из писателей вводит эти слова в художественное повествование. Но отсутствие названных слов в словарях XVIII—первой половины XIX в. дает право высказать подобное предположение. А это, в свою очередь, позволяет говорить, что А. Бестужеву-Марлинскому удалось «сыграть заметную роль в истории обновления русской литературной лексики и манеры выражения»[240]. Однако языковые средства у А. Бестужева-Марлинского выполняют орнаментальную функцию, они привлекаются в связи с осуществляемым писателем принципом стилистической «раскраски» своих произведений, с его стремлением к занимательности изложения.

Большая заслуга в уточнении места и роли разговорной лексики в литературном языке принадлежала писателям реалистического направления, прежде всего — И. Крылову. Живая устная речь, по словам В. В. Виноградова, «басенным языком Крылова в начале XIX в. была возведена на степень основной базы общерусского национального языка»[241]. Среди употребляемых писателем слов народного источника преобладают разговорно-непринужденные, например: И вот я с той поры *калека* (Два мужика); Не *зевай* — тут будет на *харчи* (Разбойник и Извозчик); *Зверек* хоть *неказист,* да совесть в нем чиста (Лев и Барс); Работою *завален* я всегда (Откупщик и сапожник); Меня совсем ты *доконал* (Крестьянин и Разбойник); *Не миновать* драки (Волк и кукушка); Я бы рад соседа дорогого От сердца *наделить* (Крестьянин в беде).

Характерной чертой языка басен И. Крылова является широкое включение лексических элементов живой разговорной речи и в то же время резкое сокращение «низких», «простонародных» слов. Именно отказ от резко «простонародных» вульгаризмов «низкого» слога сыграл важную роль в развитии лексики русского литературного

---

[240] *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX в., с. 119.

[241] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 216.

языка, позволив народно-разговорной лексике оторваться от низкого стиля и получить доступ в общелитературный язык. Язык крыловских басен отличается от языка предшественников не только более широким вовлечением народно-разговорных элементов, но и свободным соединением их с книжными и даже высокими слоями языка [242]. «Басня Крылова... отражает все разнообразие стилевых средств русского литературного языка начала XIX в. и намечает новые пути их смешения и синтеза на широкой демократической основе» [243], подготовив Пушкину путь к реализму и народности.

Важным шагом на пути продвижения народно-разговорной лексики в литературный язык явилась комедия А. Грибоедова «Горе от ума». Она насыщена множеством свойственных народному русскому языку слов и выражений [244]. А. Грибоедов, как и И. Крылов, сохраняя самую тесную связь с живой разговорной речью, широко вводя элементы этой речи в язык произведения, в то же время отказывается от резко сниженных «простонародных» слов.

Народно-разговорная лексика в первой трети XIX в. составляет языковую основу (а не побочный элемент) литературных произведений ряда современников Пушкина (И. Крылова, А. Грибоедова и нек. др.). Хотя басня и комедия к пушкинскому времени претерпели значительную эволюцию, объем «простой» лексики оказался очень широким в тех жанрах, «права которых на известную грубость признавала даже классическая теория литературы» [245]. Еще нужны были усилия, чтобы сделать достоянием н о р м ы языкового употребления ту часть слов, которая до этого слабо проникала в книжно-письменную речь.

Наиболее значительные достижения в определении судьбы разговорных слов в литературном языке связаны с творческой практикой П у ш к и н а. Опираясь на ре-

---

[242] Там же, с. 220—222.

[243] *Он же.* Язык и стиль басен Крылова. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1945, т. 4, вып. 1, с. 33.

[244] Подробнее об этом см.: *Куницкий В. Н.* Язык и слог комедии «Горе от ума». — К столетию со дня рождения А. С. Грибоедова. 4 янв. 1795—4 янв. 1895. Киев, 1894; *Каменев В. Н.* Язык комедии «Горе от ума». М., 1930.

[245] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 381.

зультаты художественной деятельности своих ближайших предшественников и современников и обобщая речевой опыт передовых кругов образованного дворянства, Пушкин со свойственным ему чутьем производит отбор лексики. Он решительно отклоняет то, что воспринималось в этих кругах как устаревшее или резко «грубое», низкое, хотя и могло изредка употребляться в речи отдельных носителей литературного языка, и утверждает новые, начавшие складываться в данный период (а иногда еще до него) нормы употребления разговорных слов, определив тем самым тот слой разговорного пласта, который вошел в русский литературный язык как составная часть.

Показательно, в частности, что Пушкин отказывается от значительного массива такой лексики, приводимой в $САР_{1,2}$. Так, из слов, помещаемых этими словарями с пометами «просторечное», «простонародное» (их примерно 2000), у Пушкина отмечено только около 450[246]. Некоторых слов, зафиксированных $САР_{1,2}$, у Пушкина нет потому, что писателю не потребовались обозначаемые ими реалии или понятия. Преобладающую же часть разговорных лексических элементов, отвергнутых Пушкиным, составляют такие, которые лишены экспрессии или являются дублетными образованиями. Современники поэта и последующие поколения легко замечают тесную связь языка Пушкина с живой разговорной речью, его опору на разговорную речь. В составе слов, употребляемых Пушкиным, преобладают такие, которые закрепляются в литературном языке (в качестве нейтральных средств или разговорных), и единичны слова, которые не сохранились впоследствии.

Круг разговорных слов, которые Пушкин вовлекает в свои произведения, довольно широк[247]. Однако сам по

---

[246] В языке Пушкина встречаются также характерные для разговорной речи слова, не имеющие в $САР_{1,2}$ соответствующей пометы или отсутствующие в нем. Это, например, некоторые приставочные образования: *добудиться, доплясаться, заговориться* 'увлекшись разговором, не заметить времени', *зачитаться, наглядеться, нагрузиться, накричаться*, а также слова другого типа: междометие *батюшки*, наречие степени *больно* 'очень, весьма', *взаправду, вздуриться, заместо, зачуфыриться, здоровенный, испужать, кабы, молодица, недалечко, нету, ноне* (и *нонече), покаместь, свычай* и мн. др.

[247] Здесь приводится лишь незначительная часть таких слов. О других см. в разделе «Движение словарного состава».

себе широкий доступ разговорных лексических элементов в художественную литературу — явление не новое. Они свободно привлекаются, как говорилось выше, многими предшественниками и современниками Пушкина. И все-таки не случайно Пушкин был назван «полным реформатором языка» (Белинский), хотя известно, что Пушкин «не создавал никакого „нового“ языка, он не придумывал новых слов, форм и т. п., вообще совершенно не занимался словотворчеством»[248]. Новаторское отношение к языку заключается в изменении условий функционирования языкового материала в художественном произведении.

Принципы отбора «простой» лексики в языке Пушкина не остаются неизменными, они эволюционируют. Новые, пушкинские нормы словоупотребления характерны для зрелого периода его творчества. В ранний же период Пушкин во многом следовал уже существующей традиции.

В соответствии с традицией ранний Пушкин свободно включает характерные для простой речи слова в дружеские и шутливые послания, эпиграммы, сатирические стихотворения, мадригалы, бытовые сценки и тому подобные «мелочи» (преимущественно лицейской поры), например: ...в Париж... с червонцами *полез*; Молок не хочет *отцепиться*; как бледна тень *таскался, красоточка, покаместь, хвать* (Монах); *поутру, ах!* (Красавице, которая нюхала табак); шапка *на бекрене, хват, коханочка, милая, небось* (Козак); *удалый хват, головорез* (Пирующие студенты); *недосуг, увы,* в *досужный* часок, *детина, уходить* горе, *болтать, пропасть* вестей, *не знаток* (Городок); *что за* греческий *содом* (Раззевавшись от обедни); и сам *попался;* как ни *верчуся, так* и *сяк размажет* (К Наталье); *собутыльник* (К Пущину) и мн. др. Однако «тут еще нет и намека на стилистическую борьбу за „простонародность“. В зависимости от темы, жанра, экспрессии иногда прорываются в языке Пушкина „низкие“, „грубые“ выражения из разных стилей дворянского просторечия. Но границы литературного и „внелитературного“ от этого не смещаются»[249].

---

[248] *Винокур Г. О.* Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. — В кн.: Избранные работы по русскому языку, с. 386.

[249] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 407.

Разговорные элементы проникают и в некоторые более поздние дружеские послания, а также в сатирические, шутливые и т. п. стихотворения, например, «Телега жизни» (1823), «Второе послание цензору» (1824), «Послание Дельвигу» (1827), «Дорожные жалобы» (1829), «Румяный критик мой...» (1830) и др., что тоже не нарушало традиции. Не было новаторства и в широком использовании разговорных слов в повестях, драмах, сказках — в речи персонажей из «простонародья».

Отход от традиционных норм словоупотребления намечается в первом крупном произведении поэта — «Руслане и Людмиле», где разговорная лексика используется и в речи героев («В пустыню кто тебя *занес*», «Послушай, *убирайся прочь*», «*ага, дрожишь*»), и в авторском повествовании («*убрались* домой», «Сошлись и *заварился* бой», «Волшебник силится, *кряхтит*», «Прелестной пленницы искали, *метались*, громко призывали», «Домой он с витязем *пустился*»). Такое словоупотребление считалось неуместным в языке поэмы.

Дальнейшей ступенью к свободному, раскованному словоупотреблению явилась поэма «Граф Нулин» (например: «Шла *баба* через грязный двор», «Себя *казать*, как чудный зверь, В Петрополь едет он теперь», «И вдруг *бедняжку цап-царап*», «Пикар *кряхтит* за чемоданом» и др.), а также «Домик в Коломне», где Пушкин шутливо-полемически отстаивает право художника на употребление разговорных слов в поэтических контекстах. И хотя эти и подобные словоупотребления обратили на себя внимание критики[250], все же светски шутливая направленность повествования в «Руслане и Людмиле», в «Графе Нулине» и «Домике в Коломне», связывая стиль поэм с традициями шутливой поэзии XVIII—начала XIX в., не дают еще основания говорить об утверждении новых принципов употребления разговорной лексики в литературе. Иное дело — вполне «серьезные», подчас опирающиеся на традиции «высокой» поэзии творения зрелого Пушкина, включающие такую лексику.

Развитие в творчестве Пушкина реалистических тенденций обусловило обращение к теме быта образованного современника, а отсюда — и к его речевой практике. Переход к реализму означал опору на реальную речь дворянского круга, а не на некую идеальную норму, как

[250] См. об этом ниже.

было в «новом слоге». В связи с этим признаются законными литературные права многих собственно разговорных слов. Такие лексемы, являясь составной частью словарного запаса культурного общества, входят в художественный текст как нормативные элементы авторского повествования, что определило судьбу многих из них, обусловив закрепление в составе литературного языка.

Хотя многие разговорные слова можно встретить в литературе XVIII в. в разнообразных жанрах, все же они продолжали ощущаться в сознании отдельных носителей литературного языка как слова «просторечные» или «простонародные». Последнее подтверждается не только стилистическими пометами $САР_2$, но и высказываниями современников. Например, известные допушкинской литературе глаголы *взмоститься, вскарабкаться* еще воспринимаются как стилистически сниженные и включаются в число «простонародных» слов — рядом с такими, как *навьютить, взрютить* и т. п.[251] А. Воейков в отзыве на «Руслана и Людмилу», приводя цитату «Колдун упал— *да там и сел*» (курсив авт.), замечает: «Выражение слишком низкое» [252].

В то же время Пушкин утверждает литературные права «простых» слов. Примерно с третьей главы романа «Евгений Онегин» в языке Пушкина «укрепляются „низкие слова" — те, которые питали повседневный речевой быт дворянина» [253]. Свободное вовлечение в авторское повествование «простых» наименований бытовых деталей и явлений, характерных для разговорной речи, осуществляется поэтом наряду с одновременным сокращением готовых художественных штампов, традиционной поэтической фразеологии и т. п. выразительных средств, обычно привлекавшихся при изображении аналогичных ситуаций. Например, в лирических отступлениях: Я только в скобках замечаю, Что нет презренной клеветы, На чердаке *вралем* рожденной... Что нет *нелепицы* такой, Которой бы ваш друг с улыбкой Не повторил стократ *ошибкой* (гл. 4); в рассуждении об «оплошном враге», который, узнав себя в эпиграмме, «*завоет сдуру*: это я» (гл. 6). Разговорные элементы совершенно отчетливо проступают

---

[251] См.: *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. 2-е изд. СПб., 1818, с. 446.
[252] Сын отечества, 1820, ч. 64, № 37, с. 152.
[253] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 424.

в описании душевных переживаний и размышлений Онегина («Кокетства в ней *ни капли* нет» — гл. 8; «Но, *знать*, сердечное страданье Уже пришло ему *невмочь*» — там же), а также в письме героя («Для вас *Тащусь* повсюду *наудачу*» — там же). «Простые» слова и выражения пронизывают весь роман. Причем они не снижают стилистической тональности произведения. Язык романа не только литературный, но и «бесконечно поэтичный в своей простоте» [254].

В зрелый период творчества «простые» слова (с известным отбором) входят в стихотворные произведения, проникнутые глубоким лиризмом, задушевностью или философскими размышлениями. Это, например, *смиренница* («О, как милее ты, *смиренница* моя! О, как мучительно тобою счастлив я» — «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем»); *велеть* 'запретить, не разрешить' (с отрицанием *не*) («И, чтоб не потеснить гуляющих господ, Пускать *не велено* сюда простой народ» — Мирская власть); *былой* («Видал он дальные страны, По суше, по морю носился, Во дни *былые*, дни войны, На Западе, на юге бился» — Вадим; «Он дал бы грады родовые И жизни лучшие часы, Чтоб снова как во дни *былые* Держать Мазепу за усы» — Полт.); *поодаль* («Три сосны Стоят — одна *поодаль*, две другие Друг к дружке близко» — «Вновь я посетил...»). Аналогичные слова можно найти также в стихотворениях «Поэт и толпа», «Когда за городом задумчив я брожу», «Зима, Что делать нам в деревне», «Осень», «Зимнее утро» и др.

Разговорная лексика органически входит в «высокие» поэтические произведения, не только не нарушая, но и подчеркивая драматичность и эмоциональность повествования. Иллюстрацией может быть употребление глагола *ломить* 'теснить, решительно наступать, преодолевая сопротивление' в тексте «Полтавы»: Ура! мы *ломим*; гнутся шведы [255].

В литературе обращалось уже внимание на то, что раскованность в поэтическом словоупотреблении отличает

---

[254] *Благой Д. Д.* «Евгений Онегин». — В кн.: *Пушкин А. С.* Собр. соч., т. 4. М., ГИХЛ, 1960, с. 536; см. также: *Недзвецкий В. А.* «Иные нужны мне картины...» (О природе «поэзии жизни» в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина). — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1978, т. 37, № 3, с. 221 и след.

[255] Ср. также у М. Лермонтова: Уж мы пойдем *ломить* стеною, Уж постоим мы головою За родину свою (Бородино),

язык «Медного всадника». Например: «Нева *металась,* как больной»; она «всю ночь *рвалася* к морю», «Не одолев их *буйной дури*», «И спорить стало ей *невмочь*»; «Нева *вздувалась* и *ревела,* ... И вдруг, как зверь *остервенясь,* На город *кинулась*»; «Насилье, брань, тревога, *вой*» и др.

Необычность такого применения слов, характерных для живой разговорной речи, была сразу же подмечена современниками и частью их воспринята положительно. Таково приводимое В. В. Виноградовым суждение С. Шевырева об этой особенности пушкинского языка последней поры: «Пушкин не пренебрегал ни единым словом русским, и умел, часто взявши самое простонародное слово из уст черни, оправлять его так в стихе своем, что оно теряло свою грубость» [256]. В качестве примера С. Шевырев называет слова *буйная дурь* и *невмочь,* «вынутые из уст черни».

Тем самым «Пушкин сблизил поэтический «язык богов» с живой русской речью и сделал поэзию общенациональным достоянием. Непреодолимая граница между стихотворным языком и бытовой прозой была стерта» [257]. Включение разговорной и бытовой струи в поэтические контексты оказалось весьма важным моментом в развитии языка поэзии. Язык поэтический теперь мог служить средством реалистического изображения действительности.

Проникает эта лексика и в художественную прозу Пушкина, находя применение в повестях не только при описании крестьян, но и в речи созданных Пушкиным рассказчиков, повествователей (например, Гринева в «Капитанской дочке», Белкина в «Повестях Белкина» и др.): ... *вытянул* он пять стаканов (Станц. смотр.); он надеялся *выместить* убыток на старой купчихе (Гробовщ.); *баба здоровенная* (Ист. села Горюх.); любил *хлебнуть* лишнее (Кап. д.); *со смеху чуть* не *валялся* (Там же). Такая лексика используется нередко в нейтральном авторском повествовании. Например: Маша *остолбенела,* смертная бледность покрыла ее лицо (Дубр.) [258]; Мертвая старуха сидела, *окаменев* (Пик. дама); Насилу мог он *продраться* сквозь их усердную толпу, и взбежал на

---

[256] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 266.
[257] Там же, с. 255.
[258] Ср. также: Я *остолбенел* (Лерм., Герой наш. вр.),

ветхое крыльцо (Дубр.); *Краснорожий* старичок... гнуся, начал читать (Кирджали).

Итак, разговорные лексические единицы, сохраняя свою экспрессию, широко вовлекаются в художественное повествование Пушкина. Функционирование их на правах разговорных, но вполне литературных, нормативных элементов признано в современной научной литературе сущностью преобразования литературного языка в эту эпоху. Употребление названного разряда слов в нейтральной авторской речи со всей очевидностью свидетельствует о том, что складываются новые нормы словоупотребления, что расширяются границы самой литературной нормы. Эти нормы были приняты наиболее передовыми деятелями культуры пушкинской поры.

Однако с точки зрения традиционного понимания литературных канонов язык Пушкина мог казаться и действительно казался определенной части журналистов неприемлемым, так как он не укладывался в установившееся ранее представление о литературной норме: «лексика Пушкина поражала современников совершенной пестротой и новизной, создавая впечатление резкого диссонанса на фоне поэтической традиции» [259].

Вопрос о границах и принципах включения «простых» лексических элементов в литературные произведения, о функциях «простонародного» языка и нормах его «поэтизации» приобретает в этот период особую остроту, вызывает горячие споры. Наряду с призывами обратиться к «простонародному» языку [260] слышатся возражения против допустимости слов простой речи в ряде поэтических жанров, при описании некоторых героев художественных произведений. И как бы ни были субъективны такие мнения, они отражали представление о норме словоупотребления в данное время.

Писателям «карамзинской школы» казались низкими слова *бред, взмоститься, враки, вскарабкаться, фу пропасть* [261], а также выражения *на цыпочки, на цыпочках* [262] и т. п., хотя они употребительны в литературе этой поры, например: Все ходят в ней [России] *на цыпочках* (Лажечн., Лед. дом). Против употребления таких слов

[259] *Томашевский Б. В.* Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., «Образование», 1925, с. 89.
[260] См. об этом выше.
[261] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 211.
[262] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 389.

в художественной речи выступали и представители иных литературных кругов. Так, у писателей, отражавших вкусы провинциального дворянства, чиновничества, купечества, «крайние проявления „простонародничанья“ (как, например, в „лапотных“ сказках и повестях Даля) вызывают отрицательную оценку, враждебное отношение»[263].

Использование разговорных, «простых» слов Пушкиным вызвало самые ожесточенные нападки со стороны таких, например, журналистов, как Н. Надеждин, Н. Полевой, исходивших из традиционного понимания нормы литературного словоупотребления.

На Пушкина обрушились обвинения в «нелитературности» уже при выходе из печати его первого крупного произведения — поэмы «Руслан и Людмила». В журнале «Вестник Европы» за подписью *Житель бутырской слободы* была помещена статья, в которой высказывалось решительное недовольство тем, что Пушкин разрушал «язык богов», включая в поэму (нередко — в авторское повествование) такие слова и выражения: «Всех *удавлю* (курсив авт.) вас бородою», «Я еду, еду не свищу. А как наеду, не спущу» и др. Автор статьи спрашивает: «Если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: *здорово робята*! (курсив авт.) — неужели бы стали таким проказником любоваться?». И далее добавляет: «Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна»[264]. Но это были «упреки со стороны крайнего правого крыла „классиков“, которые готовы были категорически отрицать просторечные выражения, даже если они „поставлены у места“»[265]. В других же отзывах указывались лишь единичные отступления от нормы. Например, А. Воейков относил к низким слово *басурман* (Сын отеч., 1820, ч. 64, № 36), слово *да* в выражениях типа «но все легки *да* слишком малы» (Там же, № 37).

Вместе с тем важно, что в других рецензиях разговорная струя в «Руслане и Людмиле» берется под защиту (см., например, Сын отеч., 1820, ч. 63, № 31, с. 229); Карамзин не указывал автору «Руслана и Люд-

---

[263] Там же, с. 397.
[264] Вестник Европы, 1820, № 11, с. 219.
[265] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 415.

милы» на ошибки в употреблении лексики, выражая недовольство лишь синтаксисом и композицией (П. к И. И. Дмитриеву, 7 июля 1820 г.).

Пушкину, как известно, пришлось защищаться и от нападок на употребление слов *хлоп, молвь, топ* («Евгений Онегин»). Отстаивая свое право на применение подобных слов в художественном тексте, Пушкин ссылается на сказку о Бове Королевиче и на «Древние русские стихотворения» и доказывает: «*Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение* (следств.‹енно› и *хлоп* вместо *хлопание* вовсе не противно духу русского языка)»[266].

Особенно суровыми были критические высказывания Н. Надеждина (ВЕ, 1829, № 3). Он был крайне возмущен описанием барского двора, открывшегося взору Натальи Павловны (Граф Нулин). Отзыв рецензента был настолько резким, что вызвал ироническую оценку в «Сыне отечества» (1829, ч. 124, № 12): в статье «О чутье критика, живущего на Патриарших прудах» Н. Надеждин сравнивался с Крыловской хавроньей, которая «не приметила богатства никакого Все только лишь навоз да сор».

Внимание критики останавливало не только использование народно-разговорных слов в художественных произведениях. Причиной критических нападок явилось и вторжение в «язык богов» «низких» предметов, «простых» наименований, например, «*щекотит* ноздри копием» (Русл. и Людм.); *усы, вставай* (Полт.). Они показались Н. Надеждину «низкими, бурлацкими выражениями», очевидно, потому, что их произносит не традиционный для таких слов персонаж. Слова «и с диким воплем *завизжала*» раздражают рецензента тем, что это относится к Марии, дочери Кочубея: «Фай? этак говорят только об обваренной собаке». Выражение «и все *тошнит*» (в монологе Бориса) возмутило другого критика тем, что оно вложено в уста высокого персонажа исторической трагедии. «*Девчонки* прыгают заране» в «Евгении Онегине» сочтено нежелательным потому, что так были названы дворянские барышни. Если бы эти слова были применены иначе, они, по всей видимости, не дали бы повода для столь резких высказываний.

---

[266] *Пушкин А. С.* «Опровержение на критики», т. 11, с. 146.

Несмотря на неодобрительные отклики некоторых журналов пушкинские принципы употребления разговорной и бытовой лексики в литературе все более и более утверждались. Наличие рассмотренных и других аналогичных слов в произведениях гениального писателя оказало воздействие на их судьбу в русском литературном языке. Силою своего литературного авторитета Пушкин узаконил, закрепил возможность использования таких слов в литературном языке на правах нейтральных элементов или как стилистически окрашенных средств.

В пушкинский период и прежде всего в творчестве Пушкина углубляется процесс дифференциации в кругу разговорной лексики. В связи с этим одновременно с освоением значительного ее массива наблюдается обособление некоторых слов в стилистически ограниченных контекстах, например: *умора* (П. к Н. Н. Пушкиной), *дотащить, растаращить* («То-то друг мой *растаращит* Сладострастный свой глазок» — ‹Из письма к Соболевскому›), *почечуй* ‘геморрой’ (Ист. села Горюх.) [267]. Среди стилистически сниженных выделяется разряд слов, сфера употребления которых явно сужается (*вчерась, коли, кабы, покаместь, ужо* и др.). Применение слов этого типа у Пушкина отличается от употребления их у ряда других писателей. Анализируя употребление подобных союзов и наречий в начале XIX в., И. С. Ильинская приходит к выводу, что рассматриваемые ею слова «являются в языке Пушкина стилистически сниженными элементами», они «употребляются с определенной жанрово-стилистической мотивировкой» и лишь изредка используются в частной переписке; «те же элементы являются в письмах Грибоедова обычным средством его речи» [268]. Пушкин проявлял некоторую сдержанность в отношении народно-разговорных слов, и отдельные из них, в том числе экспрессивно окрашенные, у него отсутствуют. Например, им не были приняты издавна известные народно-разговорной речи, но почти не проникавшие в письменные источники слова *плевый, теплынь* (Пушкин употребляет только *тепло* и *теплота*), а также слова народного источника, начавшие входить в «низкие» жанры литературы в самом конце

[267] Подробнее об этом см. выше.

[268] *Ильинская И. С.* Из наблюдений над лексикой Пушкина. (Элементы современного просторечия у Пушкина). — В кн.: Труды Института русского языка АН СССР, т. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, с. 102—103.

XVIII в., например, *кишеть, костить, на фу-фу* (они укрепляются в литературном языке в послепушкинский период).

МЕСТО И РОЛЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Национальный русский поэт — Пушкин не замкнут в своем творчестве рамками русской культуры. В его творениях нашли отражение культуры Запада и Востока: современная, древняя, античная и средневековая. Слова различных языков, вплоть до самых экзотических (малайск. *анчар*), встречаются в языке поэта, и первое место среди них принадлежит галлицизмам. Пушкин употребляет слова французского происхождения в русском написании, французские слова и выражения в их французском оформлении, а также буквально переведенные с французского выражения и слова. Часть писем написана Пушкиным по-французски. Воспитанный в духе времени на французской культуре, писатель изучил английский язык, знал итальянский, читал в подлиннике «Коран», учился древнееврейскому языку. Он работал над латинским, греческим, украинским, польским, татарским, древнеболгарским, немецким языками.

Пушкин воздает должное культурам других языков. Не случайно он характеризует свой родной язык как «язык... гибкий и мощный в своих оборотах и средствах..., переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам» [269]. Во французском литературном языке Пушкина восхищает прозрачность и точность его средств, разработанность системы выражения отвлеченных понятий (официальных, идеологических, а также связанных со сферой чувства) [270]. Но французское влияние не является в его языке единственным. Недаром Пушкин, признавая, что «английская словесность начинает иметь влияние на русскую», добавляет, что это влияние во многом может оказаться «полезнее влияния французской поэзии робкой и жеманной» [271].

---

[269] *Пушкин А. С.* «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»». — Полн. собр. соч., т. 12, с. 144.

[270] См. об этом: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 238.

[271] *Пушкин А. С.* Письмо к Н. И. Гнедичу, 27 июня 1822 г. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 40.

В своих взглядах на роль заимствований в русском литературном языке Пушкин смыкался с передовыми людьми своего времени, например, с писателями-декабристами, А. Грибоедовым и др. Язык декабристов также не был национально замкнут: он обращен в своих истоках к античности, к новой европейской культуре, к литературе и быту Востока, к инославянскому фольклору и мифологии. Но Пушкин и декабристы привержены к русской национальной культуре и последовательно защищают русский язык от чрезмерного иноязычного влияния. Они — наиболее активные борцы с иноязычными излишествами в русском языке, прозорливые его теоретики и практики этой поры. Чувство горечи вызывает у Пушкина пренебрежение «сокровищами родного слова» ради иноязычного («для лепетания чужого») [272].

Признавая роль иноязычных источников в обогащении лексики литературного языка, Пушкин подчеркивал, что далеко не всегда нужно это влияние. Он считал, что оно не может быть слишком сильным при достаточном развитии собственной культуры. Показательно высказывание: «Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством» [273]. И далее, в связи с вопросом о татарском влиянии на русский язык в эпоху ига, Пушкин пишет: «Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства?» [274].

Пушкин трезво оценивает самый факт чрезмерного обилия иноязычных слов в языке как его искажение. Так же относится к употреблению иноязычных слов в русском языке А. Грибоедов, предпочитавший, по возможности, русские выражения. В эпоху, когда дворянство писало письма по-французски, А. Грибоедов пишет много писем по-русски, а в свои французские письма вставляет множество русских народно-разговорных слов и выражений [275].

[272] *Он же.* Евгений Онегин. Беловая рукопись 7-й главы. — Полн. собр. соч., т. 6. Изд-во АН СССР, 1937, с. 615.

[273] *Пушкин А. С.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова. — Полн. собр. соч., т. 11, с. 32.

[274] Там же.

[275] См. об этом: *Ильинская И. С.* О языке писем Грибоедова. — Лит. наследство, т. 47—48. А. С. Грибоедов. М., Изд-во АН СССР, 1946, с. 287.

Аналогичных взглядов придерживаются и декабристы. А. Бестужев-Марлинский указывает на погрешности в прозе «противу языка», на односторонность, произошедшую «от употребления одного французского и переводов с сего языка» [276]. Особенно ратуют декабристы за русские по языку исторические сочинения [277] и осуждают нерусский слог «Марфы-посадницы» Н. Карамзина. Некоторые современники Пушкина в оценке языковой моды на иностранное идут еще дальше. Так, член «Вольного общества любителей словесности» В. Панаев пишет: «Презрение к языку отечественному есть первый признак болезни политического тела» [278].

Для этой эпохи важно различие в использовании иноязычных слов в прозе и в поэзии. В поэзии их во много раз меньше, чем в прозе, что связано с большей традиционностью ее языка вообще и в рассматриваемую эпоху в особенности. Это относится и к традиционным жанрам поэзии Пушкина в период до 20-х годов. Иностранных слов в стихах Пушкина становится во много раз больше в годы работы поэта над новыми стихотворными жанрами (особенно — романа в стихах).

Западноевропейская иноязычная стихия в поэзии является в пушкинскую эпоху спутником новых жанров, либо признаком обновления (как это было в политической оде декабристов) старых жанров. Западноевропеизмы служат в гражданской поэзии декабристов для выражения политического содержания. Наиболее частотны слова: *деспот, жандарм, император, капрал, корона, монарх, революция, сенат, тиран, трибунал, эшафот.* Обилие бытовых иноязычных слов наблюдается в новом жанре бытовой стихотворной повести — в «Графе Нулине» Пушкина.

Сложнее обстояло дело с такими словами (прежде всего французскими) в русской прозе: здесь их в целом чрезвычайно много. В это время существует даже русская проза на французском языке (некоторые русские авторы пишут по-французски, а потом переводят свои произведения на русский язык). Борьба с иноязычными излишествами в литературном языке в 20-е годы XIX в. была связана прежде всего с борьбой за русский язык будущей русской прозы.

---

[276] *Бестужев-Марлинский А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России. — Соч., т. 2, с. 536.

[277] См.: *Глинка Ф.* Письмо к другу. — Декабристы..., с. 323.

[278] Сын отечества, 1819, ч. 53, № 14, с. 59.

Пушкин и декабристы считают первостепенной задачей русских авторов — создать русский «метафизический» язык и русскую прозу. В поисках новых средств выражения они призывают современных им писателей обращаться к неразработанным сокровищам родного языка и скрытым его семантическим возможностям.

Пушкин считает возможным переводить иноязычные слова и приспосабливать русские слова к выражению их значений, не злоупотребляя, однако, этими приемами в ущерб точности, правилам и традиции языка. Отличая все нюансы в иноязычных словах, он проявляет необычайную точность при их переводе. *Хладнокровие*, говорит писатель, перевод ошибочный, так как по-французски — sens (а не sang) froid, правильнее было бы *хладномыслие* [279]; *не в своей тарелке* — плохой, каламбурный перевод, возникший в результате перевода assiette в выражении Dans son assiette ordinaire не как assiette «положение» (от asseoir), а как assiette «тарелка» [280]. Пушкин считает насильственным введение в язык кальки *трогательный. Междуусобный*, — пишет он, — «значит *mutuel*, но не заключает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл» [281]. «*Вина*, culpa, faute. Symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У нас слово *вина* имеет два значения; одно из них здесь не имело бы смысла» [282].

Стремясь к точной передаче на русском языке иноязычного смысла, Пушкин в целом отрицательно относится к калькированию и словотворчеству. Наиболее перспективным, кроме подыскивания слов сходного значения, он считает тот самый способ, против которого особенно возражал А. Шишков, — семантическое приспособление русских слов к выражению иноязычных понятий.

В исследованиях, посвященных анализу творческого наследия Пушкина, неоднократно указывалось на прием семантического дублирования русского слова или выражения французским. «Ссылка на французское выражение в этих случаях замыкает значение русского слова, фразы

---

[279] *Пушкин А. С.* «Заметки и афоризмы разных годов». — Полн. собр. соч., т. 12, с. 181.

[280] Там же; см. также: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 275.

[281] *Пушкин А. С.* Письмо к П. А. Вяземскому, 14 авг. 1825 г. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 209.

[282] *Пушкин А. С.* Письмо к П. А. Вяземскому, 20 дек. 1823 г. — Там же, с. 82.

в ясные и твердые семантические границы. Происходит как бы примерка русских слов к передаче таких значений и их оттенков, которые имеют вполне точное... выражение на французском языке»[283]. Таковы, например, отмечаемые В. В. Виноградовым: *простодушие* naïveté, простонародность *vulgarité*, недотрога *prude* и др.

Для передачи семантического содержания заимствованных слов Пушкин прибегает к русским словам разного происхождения. Например, слово *самобытность* используется для французского individualité, «просторечное» (по САР) слово *недотрога* привлекается при раскрытии смысла французского prude. Чаще всего Пушкин прибегает к словам, освоенным разговорным языком «хорошего» общества. Так, он говорит, что русское *столбняк* с наибольшей верностью передает французское résignation[284].

Декабристы[285] и Пушкин разделяли убеждение, что русский язык должен брать из иностранных языков только необходимое. Чрезвычайно важно, однако, бесспорное признание ими прав на существование в русском языке необходимых иноязычных слов.

Пушкин был осторожен в выборе самих слов и выражений, подлежащих переводу. В. Горчаков вспоминает, что при чтении своего стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца» Пушкин «заметил, что, несмотря на усилие некоторых заменить все иностранные слова русскими, он никак не хотел назвать фонтан водометом, как никогда не назовет бильярда шарокатом»[286].

Иноязычных слов в языке Пушкина во много раз меньше, чем у большинства его современников. Это — либо давно освоенные русским литературным языком, «общепринятые» слова: *аппетит, котлета, симметрия, система, солдат, сцена, флаг, эликсир, этикет*, а также выражения карточной игры, например *на руте*, либо новые слова из западноевропейских языков, которые «нельзя перевести» (comme il faut — Евг. Онег.), либо заимствованные слова,

---

[283] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 263.

[284] *Пушкин А. С.* Письмо к Е. М. Хитрово, середина сент. 1831 г. — Полн. собр. соч., т. 14. Изд-во АН СССР, 1941, с. 225.

[285] См.: *Улыбышев А. Д.* Письмо к другу в Германию. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., Госполитиздат, 1951, с. 285.

[286] *Горчаков В. П.* Выдержки из дневника об А. С. Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., «Художественная литература», 1974, с. 248.

взятые из разговорного языка «хорошего» русского общества. Иных слов Пушкин в авторскую речь не вводит[287].

Таковы же принципы отбора и употребления иноязычных слов в поэзии декабристов. Ср.: *аппетит, бард, герой, гирлянда, гусар, доха, журналист, император, катафалк, климат, музыка, орден, патриот, секретарь, фаворит, эгоист, эшафот.*

Крайне осмотрительно относится Пушкин и к введению специальных терминов в литературный язык. В его произведениях не много узкоспециальных, иноязычных по происхождению, слов (например, типографский *стереотип*). Преобладают же не узкоспециальные обозначения, а уже известные в разговорном обиходе дворянства слова, относящиеся к некоторым специальным областям знания, например, литературы (*ле, фаблио, классицизм*), театра (*режиссер, антрепренер, водевиль*), музыки (*дуэт, такт, фагот, фортепьяно*), медицины (*аневризм, каталепсия, флюс*), войны (*бивак, ботфорта, кавалергард, форпост, шомпол*) и др.

При воссоздании колорита иной эпохи, культуры Пушкин включает в повествование только типичные, характерные слова соответствующего периода. Показательна в этом отношении историческая повесть «Арап Петра Великого». В ее первоначальном варианте писатель использует такие иностранные слова и выражения петровского времени, как *претензии, привести в конфузию, штурмовать, итти на секурс, бреши, укомплектовать.* Однако при окончательной обработке текста Пушкин вместо них употребляет общелитературные: *требования, расстроить, итти на приступ, укрепление, проломы* и т. п. Напротив, слово *увеселения* он заменяет исторически характерным и принятым — *ассамблеи,* а *забраны* заменяет на *конфискованы* и т. п.[288]

Для воссоздания колорита Испании в «Каменном госте» Пушкин прибегает лишь к немногим, «основным» испанизмам: *дон, дона, гитара, командор* и собственным испанским именам: *Севилья, Гренада.* В основном же писатель делает упор не столько на экзотические слова, сколько на экзотические предметы, воспроизводимые ра-

---

[287] См. об этом: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 248—249.
[288] *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина, с. 527.

нее вошедшими в русский язык средствами: [Лаура] Ночь лимоном и лавром пахнет (Кам. гость).

При воспроизведении картин чужого быта Пушкин, как и некоторые другие писатели той поры, стремясь к правдивости изображения, не злоупотребляет этнографическими деталями. Характерно, в частности, что наблюдается отказ от употребления местных названий жилищ разных кавказских народов (они очень различны), а грузинскому *сакля* придается общекавказское значение [289].

СИНТЕЗ РАЗНЫХ ГЕНЕТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПЛАСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

В творчестве Пушкина получает решение центральная проблема эпохи — с и н т е з всех жизнеспособных языковых элементов, пришедших в русский литературный язык из разных генетических источников. Свобода совмещения этих элементов, речевой синтетизм, как показывают результаты ряда современных исследований, является сущностью пушкинской языковой реформы. Именно под пером Пушкина происходит органическое слияние разнородных по источнику элементов: церковнославянизмов, русских слов (в том числе разговорных и диалектных), заимствований; для Пушкина характерно «свободное сочетание и взаимопроникновение языковых единиц, прежде разобщенных и противопоставленных в историко-генетическом, экспрессивно-стилистическом и социально-характерологическом плане» [290].

Наиболее важным моментом пушкинского синтеза было то, что завершается «акт скрещения книжного и обиходного начал» [291]. Для Пушкина характерно свободное соединение славянизмов в одном контексте с разговорными и бытовыми словами, подчас резко отличавшимися друг от друга своей стилистической окраской. Объединение таких слов противоречило понятию стилистической нормы у карамзинистов, нарушало принцип — «совершен-

---

[289] См. об этом: *Гальченко И. Е.* Русский язык... переимчивый и общежительный. — Русская речь, 1972, № 6, с. 26.

[290] *Горшков А. И.* О становлении норм современного русского литературного языка. — Slavistična revija, 1977, № 4, с. 430.

[291] *Винокур Г. О.* Русский язык. — В кн.: Избранные работы по русскому языку, с. 96.

ная одинаковость или единообразие в словах и течении оных, без всяких скачков и неровностей»[292]. Кроме того, у карамзинистов «фоном» для книжно-славянской лексики служили слова нейтральные, общеупотребительные. Пушкин же часто «сталкивал» высокие и «простые» слова, что имело большое значение для семантико-стилистической адаптации как славянизмов, так и «простой» лексики. Такое употребление было связано с демократизацией пушкинского языка, с расширением прав народно-разговорной речи.

Первые шаги в этом направлении были сделаны Пушкиным уже в «Руслане и Людмиле». Здесь оказались возможны такие, например, сочетания: Как ястреб богатырь летит С *подъятой*, грозною десницей И в щеку тяжкой рукавицей С размаха голову *разит* (п. III); И шум на *стогнах восстает*; В волненьи радостном народ *Валит* за всадником, теснится (п. VI); «Ты *вразумил* меня, герой, Со вздохом голова сказала: — Твоя *десница* доказала, Что я виновен пред тобой» (п. III) и др. Это свидетельствует о том, что уже в ранний период у Пушкина намечаются новые принципы объединения книжно-славянской и разговорной лексики. В таком употреблении заложены новые тенденции не только пушкинского языка, но и всего русского литературного языка последующего периода. В. В. Виноградов отмечает: «Так Пушкин приходит к проблеме смешения просторечия с книжным „славянским“ языком... Пушкин идет по пути стилистического сочетания „неровностей“. Это — основной принцип построения новой „общей“ системы литературной речи»[293]. Однако «Руслан и Людмила» — это лишь начальная стадия «сочетания неровностей». Поэма не свободна от нарочитого соединения разностилевых речевых элементов[294].

С середины 20-х годов тенденция к взаимодействию и слиянию славянизмов и разговорно-бытовых слов в творчестве Пушкина усиливается. Именно в этом «процессе взаимного приспособления, встречной ассимиляции церковнославянизмов и разговорных выражений устанавли-

---

[292] *Грот Я.* Карамзин в истории русского литературного языка. — В кн.: *Грот Я.* Филологические разыскания, ч. 1. СПб., 1899, с. 63.

[293] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 99.

[294] См. об этом: *Томашевский Б. В.* Вопросы языка в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, I. М.—Л., 1956.

ваются нормы общей, „нейтральной“ системы литературного выражения» [295].

Особый интерес в этой связи представляет «Евгений Онегин». Новизна пушкинского подхода к синтезированию в тексте двух речевых стихий состояла здесь, как признают исследователи, в том, что, объединяя книжные и разговорно-бытовые элементы, писатель не разрушает стилистической монолитности целого [296]. Таково, например, совмещение разностильных лексических единиц, соединение книжно-славянских слов со словами, обозначающими предметы и явления быта, подчас крестьянского, в следующих примерах: Да после скучного обеда Ко мне *забредшего* соседа, Поймав нежданно за полу, *Душу* трагедией в углу..., Пугаю стадо диких уток: *Вняв* пенью *сладкозвучных* строф, Они слетают с берегов (гл. 4); В избушке распевая, *дева Прядет*, и, зимних друг ночей, *Трещит лучина* перед ней (Там же).

С конца 20-х годов «простонародные слова и выражения в пушкинском языке начинают свободно двигаться в сферу авторского стиля и здесь смешиваются с литературно-книжными формами речи. Пушкин как бы стремится сочетать „крайности“» [297]: Принес — и ослабел и лег Под сводом шалаша на *лыки*, И умер бедный раб у ног Непобедимого *владыки* (Анчар); Я твой — люблю *сей* темный сад С его прохладой и цветами, *Сей* луг, *уставленный* душистыми *скирдами* (Деревня).

Новым шагом на пути объединения книжно-славянских и русских слов явилась поэма «Медный всадник». В ней углубляется намеченный в «Евгении Онегине» принцип «простого» называния предметов и явлений при сохранении эмоциональности, драматической напряженности повествования. Использование разговорно-бытовых и книжных единиц в поэме не зависит от существовавшей ранее традиционной прикрепленности их к определенной теме или объекту изображения; они слиты воедино в системе целостного повествования. Так, «простая» лексика вводится Пушкиным при создании образа Евгения (*бедняк, дичиться, толковать, тужить, домишко, близехонько, тихонько* и др.). Вместе с тем она характерна и для мо-

---

[295] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 172.

[296] Имеются в виду те части романа, где введение разговорных элементов не обусловлено характерологическими или какими-либо другими специфическими художественными целями.

[297] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 266.

нолога Петра (*на зло, прорубить окно, запируем на просторе* и др.), и для авторского повествования (челны *с разбега, чуя вешни* дни, народ *теснился кучами, пожитки* нищеты, тела *валяются, ни былинки* и т. п.). То же можно сказать о книжных и поэтических словах: они используются при изображении Петра (чаще), и (реже) — Евгения (*лик, глас*).

Развитие русского литературного языка, как считал Пушкин, должно было идти все дальше по пути ассимиляции церковнославянских и русских элементов, по пути углубления семантического и стилистического их взаимодействия.

Современная Пушкину критика заметила новое в принципах объединения у Пушкина слов разной стилистической окраски. В некоторых отзывах это начинание поэта было расценено положительно. Таково замечание С. П. Шевырева о словах *буйная дурь* и *невмочь* в «Медном всаднике» [298]. Однако в ряде критических высказываний эти новые тенденции были восприняты отрицательно. О «Руслане и Людмиле» журнал «Галатея» писал: «Неприятно... видеть со словами чисто русскими, взятыми из обыкновенного общественного быта, слова церковнославянские» (1839, ч. 3, № 20). «Сын отечества» (1820, ч. 64, № 37), цитируя строки из «Руслана и Людмилы» — «От ужаса зажмуря очи», замечает: «Славянское слово *очи* высоко для простонародного русского глагола: „*жмуриться*“».

Некоторые литераторы усматривали подобного типа нарушения норм литературного языка и в «Евгении Онегине». Так, журнал «Атеней» (1828, ч. 1, № 4), рецензируя четвертую и пятую главы романа, отмечал как недостаток совмещение слов «простых» и книжно-славянских «без соображения с духом языка и со свойствами самих предметов». Как пример указывались строки «В избушке распевая, дева Прядет», где вызывало критику совмещение слова *дева* со словами *избушка, трещит, прядет*. «Скажи это кто-нибудь другой, а не Пушкин, досталось бы ему от наших должностных аристархов» — писал журнал. Другой пример подобного смешения слов разной стилистической окраски журнал видел в строках «Зима!.. Крестьянин торжествуя На дровнях обновляет путь». Рецензент пишет: «В первый раз, я думаю, *дровни* в завид-

---

[298] См. выше.

ном соседстве с *торжеством*» (там же). Журнал «Галатея» (1830, ч. 13, № 14) также отмечал, что автор в VII главе «Евгения Онегина» «неудачно соединяет слова простонародные с славянскими; часто употребляет неточные выражения, неправильные метафоры». Подобные критические замечания об «Евгении Онегине» содержались в журнале «Вестник Европы» (1830, № 7).

В этот период все более отчетливо обнаруживается стремление к совмещению в контексте самых разнородных речевых стихий. Пушкин легко соединяет в одном контексте русские, книжно-славянские и иноязычные слова и выражения: А муж — в углу за нею дремлет, *В просонках фора* закричит, Зевнет — и снова захрапит (Евг. Онег.); Там, там *под сению кулис* Младые дни мои неслись (Там же); *Воспомня* прежних лет *романы* (Там же); [Самозванец] Я *верую* в *пророчества пиитов* (Бор. Год.). Ставший ведущим для Пушкина принцип совмещения разнородных по источнику и стилистической окраске слов проявляется и в прозаических сочинениях Пушкина. Например: *Дамы вструхнули* (Росл.); Он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и *ловкостью* самого *софизма* (О статьях кн. Вяземского); *Светильник* исторической его *критики* озарит вышепомянутые *тундры* области бытописаний (Отр. из лет.).

В Пушкине, по выражению Гоголя, «как будто в лексиконе заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он б о л е е в с е х, он далее всех р а з д в и н у л е м у г р а н и ц ы и более показал все его пространство». Тем самым Пушкин определил основное направление развития лексики русского литературного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 20—30-е годы XIX в. продолжается дальнейшее обогащение лексического состава русского литературного языка. Завершается утверждение в литературном языке слов, в той или иной мере известных предшествующему периоду. Вместе с тем быстро ассимилируются в литературном языке слова, которые лишь в начале XIX в. начали входить в литературный оборот.

Продолжается пополнение литературного языка новообразованиями, созданными на русской почве. Среди

них доминируют слова отвлеченного значения. Особая потребность в таких словах была вызвана развитием науки и производства, формированием философских и эстетических учений, а также тем, что начинает складываться критико-публицистическая проза, требовавшая усовершенствования книжно-отвлеченного языка. Параллельно шел процесс образования новых конкретных слов, в частности, обозначений лица. Несколько повышается продуктивность новообразований с разговорными суффиксами (например, *-ка* в кругу существительных, *-ничать* — в кругу глаголов). Преодолевается разобщенность слов разных генетико-стилистических слоев, и свободно функционируют на правах вполне «нормативных» слова, в которых соединяются морфемы разного происхождения.

Наряду с обогащением новообразованиями русский литературный язык продолжал осваивать новые лексемы. Заимствование иноязычной лексики несколько упорядочивается, приобретает более очерченные границы. Русский литературный язык стал вбирать из других языков главным образом слова, проникающие к нам вместе с заимствованием реалии, предмета. Однако в связи с тенденцией к развитию языка политики, науки, философии заимствуются и слова, обозначающие отвлеченные понятия, в частности, названия различных направлений, систем, мировоззрений и т. п.

Заимствование таких слов, а также появление русских новообразований отвлеченного значения свидетельствует о том, что магистральной линией в развитии лексического состава русского литературного языка было обогащение его отвлеченными словами.

Вместе с тем период формирования национальных норм русского литературного языка характеризуется активизацией в разных сферах литературного употребления элементов живой общенародной речи. Среди них преобладают конкретные слова.

В первые десятилетия XIX в. нарастает приток в литературный язык разговорных, «простых» слов. Именно в этот период окончательно входят в литературный язык многие из тех слов живой разговорной речи, которые стали проникать в литературу в XVIII в. Сохраняется, но несколько ослабевает по сравнению с предшествующим периодом, пополнение за счет разговорных слов, не обладающих экспрессией, которые укрепляются в ли-

тературном языке в качестве обычных номинативных единиц. В связи с потребностью языка в обновлении выразительных средств легко получают место в литературном языке экспрессивно окрашенные разговорные слова, которые входят в язык не нейтрализуясь, а сохраняя свои экспрессивные качества. Показательно, что наблюдается некоторое обновление состава экспрессивно-оценочных слов, входящих в литературное употребление. «Живые источники народного языка, к которым обращались Пушкин и последующие поколения русских писателей, нередко были нетронутыми еще в XVIII в.»[299] Наиболее легко усваивались литературным языком разговорные, «простые» слова, не имеющие соответствующих однословных эквивалентов. Эти слова, продолжая употребляться в тех жанрах и контекстах, в которых это допускалось предшествующей литературной традицией, проникали в нейтральную авторскую речь в таких жанрах, как поэма, роман, повесть, лирическая и «высокая» поэзия, научная и историческая проза, публицистика. Широкое включение их в литературный оборот показывает, что складывались новые нормы словоупотребления.

В значительно меньшей мере вливались в лексический фонд литературного языка диалектные (номинативные и экспрессивно окрашенные), а также профессиональные и жаргонные элементы. Словоупотребление писателей этой эпохи (и прежде всего Пушкина) способствует завершению процесса литературной канонизации ряда тех диалектных слов, которые проникли в русскую литературу в предшествующие эпохи. Можно думать, что выход их за пределы узкоместной среды содействовал включению их в речевой узус образованных лиц.

Одним из основных направлений в развитии русского литературного языка становится широко развернувшийся процесс демократизации. Важнейшим результатом этого процесса было становление разговорной разновидности литературного языка.

В составе литературной лексики продолжают сосуществовать вариантные формы. Однако существенной

[299] *Сорокин Ю. С.* К вопросу о сложении литературной нормы в русском языке XVIII в. — Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., «Наука», 1976, с. 190.

чертой литературного языка пушкинского периода становится стремление устранить тождественные, дублетные обозначения. 20—30-е годы — эпоха, «покончившая с этой множественностью наименований»[300]. Это связано с заметным укреплением ранее наметившейся тенденции к семантическому и стилистическому размежеванию вариантных средств.

Наряду с обогащением словарного фонда новыми словами происходит противоположный процесс — освобождение литературного языка от книжно-славянской архаики и от «низких» лексических единиц.

Активное осуществление названных процессов позволяет первой трети XIX в. войти в историю русского литературного языка как эпохе упорядочения языковых средств.

В 20—30-е годы XIX в. продолжается семантическое обогащение словарного состава русского литературного языка. Преобладающая часть изменений в семантике связана с переносно-метафорическим и образным применением слов разных генетико-стилистических пластов. Главную особенность этих преобразований составляет расширение семантического объема слов, ранее имевших очень узкое, конкретное значение. Довольно широкий круг конкретно-предметной, «простой» лексики включается в необычные для нее семантические сферы, что позволяет ей, по словам Ю. С. Сорокина, подняться в «верхние этажи» литературного языка (см. *замарать, опростоволоситься*). С другой стороны, некоторые слова, развившие переносные значения, переходят из книжной речи в разговорную, получая эмоциональную окраску (см. *разглагольствовать, разоблачаться*).

Заметное влияние на развитие русского литературного языка в этот период оказывали писатели, особенно — Пушкин. Историческая заслуга Пушкина состоит в том, что своим творчеством он способствовал увеличению о б ъ е м а словарного фонда литературного языка, расширению его границ, прежде всего, за счет народно-разговорной лексики.

Пушкин признает за каждым пластом право быть одной из составных частей литературного языка. Однако

[300] *Сорокин Ю. С.* Из истории русской естественнонаучной терминологии и ее литературного распространения (Термин *растение* и его синонимы). — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1966, т. 25, вып. 3, с. 218.

в привлечении генетически различной лексики писатель действовал обдуманно и осторожно. Так, он не злоупотребляет иноязычными заимствованиями, умеренно внедряет в литературу народно-разговорные элементы, корректируя их употребление «стилистическими оценками культурного и воспитанного человека из „хорошего общества“» [301].

В творчестве Пушкина углубляется тенденция к органическому слиянию, совмещению в контексте разностильных элементов. Пушкин «утверждает многообразие стилей в пределах единой общенациональной нормы литературного выражения» [302]. Становление ее, как отмечает А. И. Горшков, связано прежде всего с новой организацией литературного текста, проходившей по многим линиям, из которых наиболее важны: «1) утверждение словоупотребления, основанного на принципе максимально точного обозначения явлений действительности, 2) отказ от формальных словесных ухищрений, риторических перифраз, беспредметных метафор и т. п., 3) «синтаксическое сгущение речи», 4) свободное объединение языковых единиц, ранее разобщенных по разным стилям и сферам употребления» [303]. Свободное взаимодействие разнородных речевых стихий могло осуществиться благодаря тому, что на протяжении XVIII в. активно протекали процессы взаимосвязей и взаимовлияний между русской лексикой, славянизмами и заимствованиями.

Пушкин разрешает одну из основных проблем эпохи — проблему соотношения книжного и разговорного в литературном языке. Стремясь подобно Н. Карамзину к созданию единой общелитературной нормы, Пушкин, в отличие от своего предшественника, «решительно восстает против полного слияния книжного и разговорного языка в одну нейтральную систему выражения» [304].

Писатель утверждает в литературном языке (главным образом в его книжной разновидности) тот слой книжно-славянских слов, который уже был ассимилирован в предшествующий период. Одновременно он опре-

---

[301] *Виноградов В. В.* Язык Пушкина, с. 13.
[302] *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 229.
[303] *Горшков А. И.* Указ. соч., с. 432.
[304] *Виноградов В. В.* Пушкин и русский литературный язык XIX века. — В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, с. 564.

деляет судьбу заметной части славянизмов, продолжавших вызывать споры и в пушкинский период: писатель употребляет их лишь в определенных стилистических целях. Ограничение сфер применения многих славянизмов художественными (преимущественно поэтическими) текстами говорит о выходе их из активного фонда литературного языка — при одновременном утверждении, сохранении за соответствующими им словами русского происхождения позиций общелитературного слова.

В пушкинский период заканчивается процесс окончательного слияния книжно-славянской и русской лексики. Славянизмы как особая функциональная генетико-стилистическая категория после 30—40-х годов перестают существовать. «В сущности вопрос о славянизмах был уже окончательно разрешен к началу 40-х годов. Еще правильнее сказать, пользуясь философским термином, что он был с н я т (разрядка авт.) практикой развития русской литературной речи 20—30-х годов. Решающей здесь была, как и во многих других отношениях, литературная деятельность Пушкина» [305].

В то же время народно-разговорная лексика признается важнейшим структурным элементом литературного языка. Пушкин устанавливает новую традицию употребления таких слов в литературе. В ней закрепляются нормы разговорно-литературной речи и на этой основе формируется разговорность как стилистическая категория в пределах литературного языка. Иными словами, определяется группа слов, которые функционируют в это время как разговорные, но вполне литературные, «нормативные». Этот процесс подготавливался всем предшествующим развитием языка. Осуществлению его в пушкинскую эпоху немало способствовало и то обстоятельство, что круг людей, живая речь которых могла служить литературным образцом, оказался к этому времени достаточно широким.

Сказанное свидетельствует о том, что в пушкинскую эпоху происходит перераспределение лексического состава языка.

---

[305] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 27.

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В 70-е ГОДЫ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА (до 1917 г.)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ. РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА

Последняя треть XIX—начало XX в. — важный этап в истории развития русской лексики.

Общеизвестны социально-экономические процессы и историко-политические вехи этого времени: развитие капитализма в России, острая полемическая борьба между идеологами народничества и марксизмом, переход от индивидуальной и кружковой агитации к широкой пропаганде, развитие пролетарского движения, завершившееся Октябрьской революцией. В 1872 г. был переведен на русский язык «Капитал», и началось широкое распространение его идей в русской революционной среде. Вехой в истории не только русской, но и всей мировой науки было зарождение ленинизма, ознаменовавшего новую эпоху в развитии революционной теории и практики.

Последние десятилетия XIX—начало XX в. характеризуются развитием науки и техники, отмечены большими достижениями русских ученых в разработке узловых проблем мировой науки (А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, С. В. Ковалевская, А. Н. Северцев, К. А. Тимирязев, К. Э. Циолковский). Всеобщее признание в мире получило художественное творчество великих русских писателей — Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, М. Горького.

Процессы, происходившие в истории русской лексики этого времени, освещены в ряде лингвистических исследований [1], однако надлежащих обобщений по истории этого периода у нас нет.

---

[1] Наиболее известны из них написанные в 20-е годы монографии: *Mazon A.* Le lexique de la guerre et de la révolution en

В данной главе ставится задача в известной степени восполнить пробел, возникший в истории изучения русской лексики в новое время, и дать возможно полное и целостное описание процесса ее развития в последние десятилетия XIX—начале XX в. Известной неизученностью этого времени объясняется и тот факт, что ряд языковых явлений, уже бытовавших в русском литературном языке конца века в демократической печати и публицистике, были произвольно зачислены в разряд «революционных новшеств» [2].

Работа ставит своей задачей конкретизировать и уточнить факты, связанные с вхождением и функционированием слов, и показать, что разрыв между старым и новым состоянием литературного языка, декларировавшийся в ряде исследований, на самом деле оказался мни-

---

Russie. Paris, 1920; *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М., 1928; *Карцевский С. О.* Язык, война и революция. Берлин, 1923. — Некоторые сведения, относящиеся к развитию лексики начала XX в., см.: *Баранников А.* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. — Учен. зап. Самарского ун-та, 1919, № 2; *Киселев И.* Революция и язык. — Вестник жизни, 1919, № 6—7; *Ремпель Е.* Язык революции и революция языка. — Газ. Новый путь, Рига, 1921, 28 авг.; *Горнфельд А. Г.* Новые словечки и старые слова. Пб., 1922; *Успенский Л.* Русский язык после революции. — Slavia, 1931, т. X, вып. 2; См. также: *Ожегов С. И.* К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху. — ВЯ, 1953, № 2; *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., «Наука», 1965; Лексика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968; *Бельчиков Ю. А.* Русский литературный язык во второй половине XIX века. М., «Высшая школа», 1974; *Коготкова Т. С.* Из истории формирования общественно-политической терминологии (по материалам последних десятилетий XIX в.). — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971; *Панфилов А. К.* История становления публицистического стиля современного русского литературного языка. Автореф. докт. дис. М., 1974.

[2] К примеру, авторы книги «Лексика современного русского литературного языка» относят к словам, семантически преобразованным в послеоктябрьское время: *кустарный, перековаться, прослойка, сигнал, смотр, цементировать, чистка* (с. 99). В работе Н. А. Газанчиян (*Газанчиян Н. А.* Семантико-стилистические сдвиги в заимствованной лексике (советский период). Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1972) в список слов, определившихся в переносном значении в послеоктябрьский период, включаются: *авангард, агитация, аппарат, арсенал, ас, багаж, гамма, демонстрация, лозунг, марионетка, маяк, партия, рекорд, ритм, симфония, формула, фронт* и др. (с. 11—12).

мым, и лексический состав языка, сложившийся в послеоктябрьский период, почти целиком вошел в современный литературный язык. «Это делает русский язык советской эпохи языком традиционным в лучшем и самом точном значении этого слова» [3].

Для взятого отрезка времени совершенно очевидна так называемая верхняя граница, обоснование которой содержится почти во всех работах, посвященных языку советской эпохи. Сложнее выделить конец 70-х годов как особый период в развитии русской лексики.

Внешне, казалось бы, нет никаких объективных факторов, выявляющих специфику лексико-семантического развития именно в этот период: непрерывность изменений, не нарушаемых никакими резкими сдвигами, отмечается, примерно, до 90-х годов XIX в. Однако тщательное изучение материала показало, что со второй половины 70-х годов возникают явления, которые свидетельствуют о явных изменениях словаря. Происходит семантическая перестройка множества слов, сопровождающаяся их стилистическим перемещением, определяются новые соотношения книжного и разговорного пластов слов в разных функциональных стилях литературного языка [4].

Вторая половина 70-х годов — период позднего народничества. Литература этого времени, почти не подвергавшаяся лингвистическому обследованию, содержит интересный материал об истории возникновения ряда терминов, переосмыслении широкого круга слов, их стилистической переквалификации.

Ведущая роль в развитии лексической системы русского языка второй половины XIX в. принадлежит газетно-публицистическому стилю, влияние которого, начиная с первой половины XIX в., непрерывно возрастало. «Журнальная критика была и парламентом, и университетом, и баррикадой» [5].

Рост влиятельности и общественной значимости публицистического стиля определился дальнейшей диффе-

---

[3] *Винокур Г. О.* Русский язык. Исторический очерк. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., Госучпедгиз, 1959, с. 108.

[4] См.: *Бельчиков Ю. А.* Некоторые вопросы развития русской разговорной и книжной лексики во второй половине XIX века. — Филол. науки, 1975, № 6.

[5] *Чуковский К.* Об эстетическом нигилизме. — Весы, 1906, № 3, с. 80.

ренциацией его жанров, возникновением стилистически по-новому организованных контекстов, а внутри них — новых соотношений нейтральных и стилистически окрашенных пластов слов.

С середины 70-х годов агитационная и пропагандистская литература, ранее только зарождавшаяся, получает широкое распространение, причем большое место в ней занимают «малые» ее жанры — воззвания, листовки, прокламации, письма к товарищам по борьбе.

Обращение к народу вызывает необходимость особого отбора лексического материала, его комбинации в пределах небольшого контекста. В агитационных жанрах вырабатываются общие приемы построения, исключающие индивидуальные манеры изложения. Писатели и публицисты активнее используют богатство живой народной речи (диалектной и просторечной).

В жанре прокламаций вырабатываются стилистические особенности, обусловленные характером их содержания и их назначением — воздействием на широкие народные круги: «высокость», отражающая сложившиеся нормы словоупотребления в торжественной, ораторской речи, сочетается со сниженностью, граничащей с вульгарностью. Роль художественной литературы в выработке общих норм литературного словоупотребления во второй половине XIX в. падает[6].

Важным языковым показателем для стилистической системы русского литературного языка в 70—80-е годы является четкое разграничение и противопоставление двух стилистически разнородных процессов: с одной стороны, размежевание, дифференциация стилей, и закрепление за каждым из них определенных средств выражения, с другой — создание на стыке разных функциональных стилей новых стилевых разновидностей.

Особым объектом описания в данный период представляется изучение (в условиях обостренной классовой борьбы) «искажающих» словарных толкований, отражающих разные способы интерпретации содержания ряда слов в мировоззренческой позиции интерпретатора, его политического кредо. Будучи социально обусловленными, они, несомненно, составляют часть проблемы «Язык и общество».

---

[6] *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., Госучпедгиз, 1938, с. 389.

Одна из самых актуальных проблем в истории развития русского литературного языка последних десятилетий XIX—начала XX в. и в частности его словарного состава — язык В. И. Ленина, «классический образец русской научной и публицистической речи конца XIX—первых десятилетий XX в. В нем отражаются великие достижения марксистско-ленинской науки о природе и обществе, по вопросам философии, экономики, права и государства, мирового коммунистического движения, пролетарской революции и социалистической идеологии, научного коммунизма»[7].

ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

НОВООБРАЗОВАНИЯ НА ПОЧВЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В обогащении лексического состава русского литературного языка в эту эпоху главная роль принадлежит словообразованию. В главе описывается процесс пополнения лишь тех лексико-семантических групп слов, в которых он протекал наиболее интенсивно.

Весьма активно пополнялся состав личных имен существительных, обозначающих людей по их принадлежности к известным партиям, политическим группировкам (и в силу этого отмеченных неустойчивостью, являющихся в большинстве случаев приметой своего, исторически замкнутого времени): *автономист* ‘сторонник автономии’, *бойкотист* ‘участник политического бойкота’, *конституционалист* ‘член партии кадетов’, *мирнообновленец* ‘относящийся к буржуазно-либеральной партии «мирного обновления»’, *народоволец, черносотенец* ‘крайний реакционер’, *шовинист* ‘монархист’ и др.

Среди новых номинаций — значительное число образований от имен собственных: *долгушинец* ‘член революционного кружка А. В. Долгушина, а также участник политического процесса, в центре которого стоял Долгушин’; *бакунист* ‘сторонник и последователь анархиста

[7] *Филин Ф. П.* О словаре языка В. И. Ленина. — ВЯ, 1974, № 6, с. 3.

М. А. Бакунина'; *гвоздевец* 'сторонник меньшевика, социал-шовиниста Гвоздева'; *плехановец, бернштейнианец, махаевец* 'сторонник теории Я. Махайского—Вольского, стремившегося обособить рабочее движение от интеллигенции'; *жоресист* 'сторонник Жореса, выступавшего с «ревизией» основных положений марксизма' и др. Эта группа слов включала новый тип наименований — образования от названий газет и журналов, выдвигавших известную политическую программу: *искровец, правдист, беззаглавец* 'член полукадетской, полуменьшевистской группы русской буржуазной интеллигенции (по названию политического еженедельника «Без заглавия»)'; *воленародовец* 'правый эсер, разделявший платформу газеты «Воля народа»', *рабочемысленец* 'принадлежавший к группе экономистов, издававших газету «Рабочая мысль»'; *освобожденец* 'наименование, данное по названию журнала «Освобождение», органу либеральной буржуазии' и др.

Небольшое число образований, характерных для русского языка последних десятилетий XIX в., — слова, называющие лицо по месту ссылки или заключения: *енисеец, кариец, шлиссельбуржец.*

Этот круг слов в большей своей части представлял слова-однодневки, пущенные в речевой обиход событиями времени и уже в начале 20-х годов передвинувшиеся в состав историзмов.

В последние десятилетия распространяется и закрепляется в литературном языке слово *марксист.* Одно из самых ранних его употреблений — в «Вестнике Народной Воли»: Французские *марксисты* имеют за собою в литературном отношении огромную выгоду пред своими соперниками (1884, № 3). Первые лексикографические фиксации относятся к началу XX в.: *марксист* 'последователь марксизма' (Битнер, СИС — 1905; Ефр., СИС — 1911). Пример: Человек будущего в России — рабочий, думали марксисты, и развитие русского капитализма, как в земледелии, так и в промышленности, все более и более подтверждает их взгляды (В. И. Ленин, т. 12, с. 41).[8]

Значительна группа новообразований, тематически связанная с наименованием людей по их принадлежности к известным философским направлениям (*махист, ниц-*

[8] Все цитаты из произведений В. И. Ленина даются по Полному собранию сочинений. Изд. 5-е. М., 1973.

шеанец, соловьевец), религиозно-мистическим сектам (*малевановец, пашковец*), литературно-художественным школам, течениям, в основном модернистского толка: *адамист, весовец* (по названию символистского журнала «Весы») *натюрмортист, парнасец, пастелист, прерафаэлит, примитивист* и др.

Обширную группу составляли новообразования на *-к(а)*, относящиеся к разным тематическим группам и выступавшие как разговорные дублеты атрибутивных и некоторых других типов словосочетаний: *монополька* 'казенная винная монополия' (Даль, Сл.); *казенка* 'монопольная водка' (Там же); *ночлежка* 'ночлежный дом, приют для босяков' (Там же); *одиночка* 'одиночная тюремная камера'; *Петропавловка* 'Петропавловская крепость'; *предварилка* 'камера предварительного заключения'; *централка* 'центральная тюрьма' (Даль, Сл.); одна из первых фиксаций — письмо В. А. Осинского из тюрьмы, датированное 5 апр. 1879 г. (Арх. «З» и «В» и «НВ»); «*Биржевка*», газ. «Биржевые ведомости»; *теплушка* 'отапливаемый солдатский военный вагон' (Даль, Сл.); *четырехвостка* 'сокращение названия всеобщего, равного, прямого и тайного голосования', 'четырехчленная формула': Недавно пущенное словечко, обозначающее сокращенно четыре качества полного избирательного права, которого требуют все — прогрессивные политические партии в России, т. е. избирательные права: всеобщего, равного, прямого и тайного (Линский, Полит. сл.); *электричка, миноноска* 'военное судно, приспособленное для атаки неприятеля минами' (Даль, Сл.); *вечерка* 'вечерняя газета'. Примеры: Ты теперь от *монополъки* за версту Вписан в «Трезвости» в Успеньевом посту (Измайлов, Осин. кол); Самым видным членом *ночлежки* после Кувалды является учитель (А. Богд., Годы перелома); Как скучно в *одиночке*, вечер длинный (Эренб., Одуванчики); Убийство приписывалось... лицам, давно сидящим в *Петропавловке* (Черн. передел); У нас есть только входы в... Кресты, в *Петропавловку* (Аргус, 1906, № 8); А. А. Ванеев скончался в 1899 году в Восточной Сибири от чахотки, которую он вынес из одиночного заключения в *предварилке* (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 6, с. 31); Политические убийства... вызваны массою загубленных молодых сил по разным тюрьмам, в *централках,* на каторге (Из речей Квятк. и Ширяева); Появилась статья... инспирированная Сухомли-

новым в «Биржевке» (Допрос Поливанова); От центра очень далеко, но скоро в 2-х шагах от нас проводят métro — подземную *электричку* (курсив наш. — *Л. Г.*), да пути сообщения вообще имеются (В. И. Ленин, т. 55, с. 264); Туши огни. Пора закрывать магазин. В *Александринке* уже началось представление (Буренин, Венок и швабра); Около полуночи с 26 на 27 января японские *миноноски* произвели внезапную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур (Из офиц. отчета).

Источником таких новообразований в ряде случаев была профессиональная и, реже, жаргонная речь. Так, *санитарка* 'санитарный автомобиль', *манлихеровка* 'винтовка системы Манлихера', *защитка* 'военная форма защитного цвета', *нателка* 'сетчатая безрукавка', *зеленка* 'карта генерального штаба' вошли на короткое время в речевой обиход из речи военных; слово *раздевалка,* соперничающее с начала XX в. с *гардероб,* — из жаргона театральных завсегдатаев, *дисциплинарка* 'дисциплинарное взыскание' — из речевого обихода юристов.

Пополнение словаря этим лексико-словообразовательным разрядом слов значительно увеличило число стилистически окрашенных единиц. Словообразование становится одним из способов пополнения слов с ярко выраженной разговорной окраской. Распространение и активизация процесса их образования падает в основном на XIX в. и «по направлению к современности степень его продуктивности еще более возрастает»[9]. Освоение их было неравномерным и на каждом этапе характеризовалось своими ограничениями и запретами, при этом московская норма шире допускала новообразования, чем петербургская. (Ср. у А. Г. Горнфельда: *Мариинка* нас возмущает, *Александринка* коробит меньше, к *предварилке* мы привыкли, а московские улицы — *Варварка, Ильинка, Лубянка* и даже — столь неуважительно — *Покровка, Сретенка, Воздвиженка* кажутся просто незаменимыми. В Москве *Знаменка* и *Владимирка* естественны, но дурным тоном показалось бы нам, если бы так назвали в Петербурге Знаменскую и Владимирскую: так

---

[9] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М., «Наука», 1964, с. 101.

условны эти причуды языка, так из бытовых *грубостей* они становятся психологическими и стилистическими *тонкостями* — Нов. словечки); «Петербургизмы» немногочисленны: Люба пошла... за билетом на спектакль в *Александринку* (Блок, Зап. кн.). *Путейка* (Институт Путей сообщения, Путейный институт в Петрограде) (Зайцев, Дальн. край); Почему «*учредилка*»? (Между прочим, это вовсе не так обидно. У крестьян есть обычное — «*потребилка*» (Блок, Интеллигенция) [10]; Лет двадцать пять тому назад слово «*открытка*» казалось мне типичным и препротивным созданием одесского наречия; теперь его употребляют все, и оно действительно потеряло былой привкус пошлой уличной бойкости (Горнфельд, Нов. словечки). Ср.: Ты написал *открытку* Толстому (Л. Андр., П. к М. Горькому и М. Ф. Андреевой, 10—11 марта 1905 г.).

В начале XX в. вульгарный и разговорно-просторечный характер утратили прежде всего многие из отглагольных существительных со значением процессуального признака и отвлеченного действия: *баллотировка, детализировка, ассигновка, трактовка, транспортировка* и др.

Разговорный характер сохраняется у существительных со значением лица женского рода: Неужто, в самом деле, *бестужевки* и *медички* могли прельститься баронами? (Чуковск., Вербицкая); Жить не стоит, — говорила мне еще на днях одна девушка, бывшая революционерка и «*толстовка*» (Оболенск., П. к В. А. Гольцеву, 22 февр. 1894 г.). Показательно широкое употребление ряда таких образований в официальных документах, публицистике, художественном повествовании без имитации особенностей разговорной речи.

Процесс нейтрализации ряда таких слов изменил стилистические соотношения между образованиями на *-к(а)* и соответствующими им словообразовательными дублетами па *-ние, -ость* и др. Последние, перемещаясь из сферы нейтрально окрашенной лексики, приобретают функционально-закрепленный, книжный характер.

Интенсивную разговорную окраску приобретают новообразования на *-ик, -ник,* возникающие на базе описа-

[10] Ср. у А. Горнфельда: Совершенно правильно, в духе своих воззрений отвергающие Учредительное собрание говорят *учредилка*. По этому суффиксу можно представить себе психологию и даже возраст того, кто воспользовался им при словообразовании (Нов. словечки).

тельных оборотов: *аграрник* 'осужденный за участие в аграрных беспорядках'[11], *боевик* 'член эсеровской Боевой организации', *босовик* (ср. *босяк*): Это элемент, составляющий принадлежность огромного промышленного центра в России (Черн. передел), *бытовик* 'о писателях, изображающих преимущественно быт' (Венгеров, Осн. черты ист. русск. литер.), *воскресник*, в 90-е годы 'ученик воскресной школы и преподаватель её'[12]; *восточник* 'студент восточного факультета' (Сл. Акад. 1891), *шестидесятник, семидесятник, восьмидесятник, девятидесятник, мирискусник* 'представитель «Мира искусства»', *кирпичник* 'представитель партии владельцев кирпичных заводов', *краснофлажник, смертник* 'приговоренный к смертной казни', *культурник* 'сторонник культурничества' (Лист. петерб. больш.); *надрывник* 'писатель, любящий изображать надрыв' (Белый, Арабески); *охранник* 'работник охранки' (Витте, Восп.); *обратник* 'эмигрант, едущий на родину'[13]; *областник* 'проповедник самоопределения Сибири в качестве автономного государства' (Серошевск., Дальн. Восток); *подмаксимовик* 'шутливое название писателей, близких М. Горькому'[14]; *призматик* 'художник-импрессионист' (Аполлон, 1908, № 8); *самобытник* 'приверженец и защитник самобытности' (Даль, Сл.); *стачечник* (Лист. моск. больш.); *чрезмерник* 'представитель в России l'ecole excessiviste' и др.

Последние десятилетия XIX—начало XX в. — время активного пополнения класса имен существительных отвлеченного значения.

В начале XX в. значительно расширяется словообразовательный ряд слов на *-щина, -овщина,* обозначающих «характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской»[15]. А. М. Селищев относил активизацию образований к 900-м годам, а сферой их распространения считал революционную среду, однако этот тип был продуктивен и раньше. Помимо перечисленных Ю. С. Сорокиным новообразований[16], на

---

[11] *Карцевский С. О.* Язык, война и революция, с. 22.
[12] Там же, с. 60.
[13] Там же, с. 59.
[14] Там же, с. 26.
[15] *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, с. 118.
[16] См.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 224—227.

последние десятилетия XIX—начало XX в. приходится ряд новых вхождений:

1) Образования, обозначающие деятельность политических партий (*эсеровщина*), общественно-идеологических направлений мелкобуржуазного (*абрамовщина, махаевщина*) и реакционно-охранительного толка (*катковщина, победоносцевщина*). Особую группу, показательную для конца XIX—начала XX в., составляли обозначения, связанные с деятельностью охранки: *дегаевщина, судейковщина, азефовщина, богровщина, гапоновщина, зубатовщина.* В большинстве случаев — это образования от имен собственных (*керенщина, корниловщина, нечаевщина, николаевщина, распутиновщина, сухомлиновщина, толмачевщина, штюрмеровщина*). Ряд таких слов — новообразования, принадлежащие В. И. Ленину: «*акимовщина* (т. 11, с. 5); *мартыновщина* (т. 10, с. 127); *веховщина* (т. 20, с. 93); *толмачевщина* (т. 20, с. 408); *пуришкевичевщина* (т. 21, с. 282); *гвоздевщина-потресовщина* (т. 31, с. 16); *плехановщина* (т. 4, с. 347).

2) Названия литературно-художественных направлений, стилевых манер, возникающих на базе собственных имен: *андреевщина, басовщина, декадентщина, евреиновщина, крыловщина, мейерхольдовщина, мережковщина, метерлинковщина, оффенбаховщина, передоновщина, польдекоковщина, пшибышевщина, растеряевщина, розановщина, ропетовщина, сологубовщина, станиславщина, стриндберговщина, природовщина, шебуевщина* и др. Некоторые серии слов представлены здесь в известной тематической группе, например слова, связанные с «достоевщиной»: Черты *свидригайловщины* и *карамазовщины* сплетаются здесь с гнусной *смердяковщиной* (Измайлов, Литер. Олимп.); Нас *смердяковщиной* не запугаешь... наш материализм не есть эгоизм (Безсалько, Катастрофа); *Смердяковщиной* называют мироощущение и вызванное им поведение растленных людей, подобных Смердякову [17]; *Шигалевщина* служит в романе как бы антитезою демонизму Петра Степановича (Волынск., Достоевск.).

3) Наименования явлений и качеств отрицательного характера: *банальщина, злободневщина, обыденщина, обывательщина* 'узость интересов' (Даль, Сл.); *услов-*

---

[17] *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., Гослитиздат, 1955, с. 509.

щина: В нынешней литературе З. Гиппиус представляет любопытным образом писателя, ужаснувшегося перед морем книжной *банальщины,* — *банальщины* замыслов и приемов (Измайлов, Пестр. знам.); Это отнюдь не какая-нибудь политическая *злободневщина,* которую я сам ненавижу (Л. Андр., П. к Станиславскому, 1906 г.); Началась оргия *обывательщины,* нашедшей оправдание своей косности и распущенности в богоборчестве (Философов, Стар. и нов.); Основной нитью рассказов Чехова этого периода является мысль о власти *обыденщины,* о засасывающей тине обывательского прозябания (Жураковск., Литер. очерки); Толкование роли Шейлока Алексеевым настолько далеко от рутины, настолько оригинально, что он не смеет даже протестовать, а покорно, хотя и не слепо (на это он слишком умен), переучивает роль, отделывается от *условщины* (Мейерхольд, П. к О. М. Мейерхольд, 22 июня 1898 г.).

Стилистическая отмеченность первоначально была свойственна далеко не всем образованиям этого типа. Так, слово *военщина* обозначало 'собрание офицеров и вообще служащих в военной службе' (Даль, Сл.): На балу почти вся *военщина* была (Наумов, Доп.) [18]. Оценочное значение, актуальное и в современном языке, возникает в последние десятилетия XIX в.: И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия *военщины* (курсив наш. — *Л. Г.*) и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих (В. И. Ленин, т. 33, с. 38).

Сосуществование двух окрасок — нейтральной и стилистически маркированной — определяется сферой употребления слова.

Стилистической переквалификации подвергается ряд слов на *-щина, -овщина.* Общественно-политическая литература и публицистика — основные, опорные жанры ли-

---

[18] Любопытна «стыковка» этих окрасок в пародии А. А. Измайлова: там, где имитируется некрасовская манера, слово *военщина* — нейтрально: Утопала в блаженстве страстей с бонвиванами, знатью, *военщиной*; в комментариях «современного цензора» слово именуется «непристойным выражением стихотворца» (Измайлов, Крив. зерк., с. 93).

тературного языка, сдвигающие эмоционально-экспрессивный, а с ним и смысловой статус слова. Слово *кружковщина* первоначально употребляется как нейтральное, обозначая 'кружок', 'сеть кружков': Писатель объявляет, что наши новые художники составляют «кружок», «*кружковщину*», что они «маленький Китай» (Стасов, Худож. направл.); Организация *кружковщины* в начале 70-х годов была самым распространенным явлением среди интеллигентной молодежи, и она, эта *кружковщина*, была главою... носящею название «движение в народ» (Глинск., Рев. период).

В конце XIX в. в эпоху перехода от узкокружковой работы к широкой массовой агитации марксизма слово получает в партийной публицистике новое значение и изменяет окраску: 'замыкание в узкие рамки кружка, его частных интересов и целей' (БАС): Кричат люди о пользе «объединения», о вреде «кружковщины», а не могут выработать объединенного мнения даже «своего» кружка ни по принципиальным, ни по практическим вопросам всей нашей работы! (В. И. Ленин, т. 21, с. 166); Создана полная возможность для всех социал-демократов работать вместе, вступать в ряды одной партии, «достаточно окрепшей и сильной, чтобы парализовать традиции старой *кружковщины*» (Лист. больш. орг.). Нейтральным было слово *нелегальщина*: 'все нелегальное: издание, люди, стремления' (Даль, Сл.); *нелегальная литература или нелегальщина* — 'подпольная, запрещенная литература' (Сл. для всех): По яру добрался до анатомического театра, где я спрятал свою *нелегальщину* (Торгашев, Зап.); Жандармы неожиданно наткнулись на целый склад *нелегальщины* (Корол., Ист. моего совр.). Нейтральную окраску в народовольческой литературе (в отличие от официальной и официозной) сохраняет слово *каракозовщина*: Посреди этой дремоты, лишь изредка прерываемой *каракозовщиной*... раздались раздирающие душу стоны парижского народа (Вольн. слово, 1881, № 10).

В речевом обиходе революционных кружков в 70-е годы слово *деревенщина* было обычным обозначением группы пропагандистов, полем деятельности которых была деревня: В редакции остались два прежних редактора, оба террористы. *Деревенщине* естественно хотелось, чтобы в редакцию попал ее сторонник (Серебр., Общ. «З» и «В»).

Сдвиг нейтральной окраски, обусловленный возникновением определенной оценки явления, мог не совпадать со временем вхождения самого слова. Так, например, на первых порах стилистически немаркированным было слово *постепеновщина* (политический минимализм, возникший как особое направление среди части русской интеллигенции в 80-е годы); ср.: Холодный ужас... житейской *постепеновщины* способен дать людям... гораздо больше, чем занимательная и красивая выдумка (Блок, О театре). Слово *толстовщина* обозначало вне всякой оценки 'проповедь идей Толстого, их совокупность' (См.: Е. Андр., Опыт). Ср.: Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является *толстовщина* (курсив наш. — *Л. Г.*) в ее реальном историческом содержании (В. И. Ленин, т. 20, с. 102). Стилистически нейтральным было слово *чеховщина,* называвшее своеобразно понятое известной частью русской критики чеховское творчество как отражение сумеречного общественного настроения 80-х годов (См.: Жураковск., Литер. черты). Ср. у М. Цветаевой: Мифотворчество: то, что быть могло и быть должно, обратно *чеховщине*: тому, что есть, а чего, по мне, вовсе и нет (Цветаева, Жив. о живом).

Любопытна в связи с этим история слова *интеллигентщина,* не совсем точно определяемого современными словарями: разг., неодобрит. 'о чем-либо присущем, свойственном интеллигенту, интеллигентам' (БАС). Возникшее в первое десятилетие XX в. как терминологически нейтральное, оно противопоставлялось понятию *интеллигенция,* обозначая 'кастовость, замкнутость узкокружковых интересов, отличных от национальных': Интеллигенция готова была довольствоваться такой литературой, такими «резолюциями» и «лозунгами», которые были понятны интеллигенции и привыкшим к ее жаргону, но оставались совершенно недоступными для широкой массы. Это я называю «*интеллигентщиной*» (Плехан., Зам. публиц.). Окраска в слове появляется как производное от установившего значения: *Интеллигентщина* наизнанку — хуже кадетства (Блок, П. к Е. А. Иванову); «Дачники» не только драма общественного расслоения интеллигенции, это также окончательное размежевание Горького с *интеллигентщиной* (Луначарск., Отклики жизни). Слово *карамазовщина,* распространившееся в начале XX в. («Оно должно было бы сделаться всемирным

термином нашей эпохи») [19], употребляется как окрашенное («Это грубый материализм, борьба веры и мистицизма с животным культом плоти») [20] и нейтральное, выступая в литературе по психиатрии в качестве терминологического обозначения: 'повышенная болезненная страстность, переходящая в известных условиях в разврат и цинизм' (Шайкевич, Психопатолог.). Нейтральная окраска прочно сохраняется в названиях сект: *аввакумовщина* 'секта последователей Аввакума' (Павленков, Энц. — 1913), 'название особого толка в поповщине' (Русск. энц.); *пашковщина* 'сектантское учение, запрещенное правительством в конце 70-х годов, по имени его основателя В. А. Пашкова'. Заимствования, совпавшие по своему морфологическому облику с русскими образованиями на *-щина,* осваивались как нейтральные, поскольку не соотносились в русском и языке-источнике с какими-либо отрицательными понятиями, например: *скупщина,* серб. 'собрание сербских представителей', впервые появилось в статье М. Протича: Свято-Андреевская *скупштина* (Русск. мысль, 1880, кн. I).

В последние десятилетия XIX в. сильно сокращается возможность образования и употребления имен на *-ость* с предметно-собирательным значением. Например: *парусность* 'все паруса, которые несет судно в данный момент, составляют его парусность в это время' (Объяснит. сл., 1895); *атомность* 'способность вступать в соединение в известном количестве атомов на один атом другого элемента' (Битнер, СИС — 1905); *санитарность* 'очистка, дезинфекция' (Чириков, Обыват. и микробы).

Пополняется сложившаяся задолго до описываемого времени группа существительных на *-ость,* обозначающих отвлеченный признак, свойство или качество и функционально закрепленных за книжными стилями речи. Отметим некоторые из вхождений: *беспочвенность* (Сл. Акад. 1891); *загнанность* (Сл. Акад. 1900); *запоздалость* (Сл. Акад. 1902); *заражаемость, затасканность* (Сл. Акад. 1903); *злостность* (Сл. Акад. 1907); *захолустность, заурядность, заученность, заядлость* (Сл. Акад. 1905); *закабаленность* (БАС); *закономерность, законосообразность* (Сл. Акад. 1900); *изломанность* (Боборык., Восп.); *изотопность* (Брокг.—Ефр., Энц.); *карикатурность,*

---

[19] *Андреевский С. А.* Литературные очерки. СПб., 1902, с. 112.
[20] Там же, с. 63—64.

каузальность (Сл. Акад. 1908—1911); *колоритность* (Сл. Акад. 1911); *ландшафтность* (Аполлон, 1913, № 8); *молочность, пористость* (Брокг. — Ефр., Энц.); *плакатность* (Чуковск., Л. Андр.); *перманентность* (Александр., После Чех.); *неизменяемость* (Шейн, Доп.); *интеллигентность* (Блок, Дневн., 1918 г.). Слова *собранность, тряпичность, удобримость* отмечены в списках дополнений Р. Ф. Брандта к Словарю В. И. Даля. По данным Ф. Б. Иноятовой, термин *метафизичность* впервые в марксистской литературе использовал В. И. Ленин за ним Г. В. Плеханов[21]. Конец XIX—начало XX в. отмечены своеобразной модой на эти новообразования в художественной речи, особенно в произведениях символистского направления: *модерность, светлость, темность, победность, всестрастность, безудержность, мглистость, иглистость, льдистость, забвенность, ретроспективность* и др. Наводнение стихотворной речи образованиями на *-ость* идет в значительной степени от Бальмонта, выведшего «из оцепенелости сингулярных форм целый ряд отвлеченных слов»[22] типа: *безглагольность, безызмерность, печальность, пьяность, беспредельность, напевность, коридорность, гробность, многозыблемость, кошмарность, шестикратность, полнозвонность, опрокинутость, суховлажность, звездность, несказанность, любовность, изумрудность, небесность, свирельность, занеженность, всебожность, всезвонность, непознанность, несотворенность, предвиденность, медвяность, изваянность, ручьистость, зажженность, мускусность, быстрокрылость, истонченность* и др. С легкой руки Бальмонта в речевом обиходе начала века распространились: *воздушность, бескрайность, кошмарность*[23].

Существительные на *-ство* продолжают пополнять прежде всего группу отвлеченных имен существительных, обозначающих явления социально-идеологического порядка[24]. Это названия политических, философско-рели-

---

[21] *Иноятова Ф. Б.* Общественно-политическая терминология ранних работ В. И. Ленина. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1971, с. 7.

[22] См. об этом: *Анненский И.* Бальмонт-лирик. — В кн.: *Анненский И.* Книга отражений. СПб., 1906, с. 204 (Одна из пародий на Бальмонта: «*Сигарность* моей *папиросности*»).

[23] См.: *Посадский И. В.* Курсы по гуманитарным наукам для учителей и учительниц городских и начальных училищ Варшавского учебного округа. Варшава, 1911, с. 668.

[24] См.: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 220—224.

гиозных, литературных объединений, направлений и течений: *бернштейнианство* (Ефр., СИС—1911); *богоискательство* (Базаров, Богоискат.), *богостроительство, богочеловечество, восьмидесятничество* (Неведомск., Наша худож. лит.), *декадентство* (Битнер, СИС — 1905), *землячество* (Лит. «НВ»), *искровство* (Мартов., Зап.), *мифотворчество* (Мейерхольд, О театре), *манчестерство* (Совр. мир, 1908, кн. 4), *младотуречество* (Допрос Гучкова), *народничество, ницшеанство, нововременство* (Потресов, Эволюц. общ.-полит. мысли), *рабочедельство* (СУ), *толстовство* (Пругавин, О Толст.; В. И. Ленин, т. 20, с. 104), *хлыстовство* (Блок, Дневн.), *богофильство, богофобство* (термин А. Л. Волынского).

По сравнению со второй половиной XIX в. незначительно пополнение новообразованиями, несущими отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску: *черносотенство, попустительство* (Даль, Сл.), *примиренство, психопатство* (Стасов, Нищие духом). К началу XX в. выходит из активного употребления в книжной речи слово *асцендентство* 'движение в вышину'.

Ближайшим следствием притока структурно-однотипных слов было усложнение их семантической структуры: образования с определенным типом форманта, определявшиеся до описываемого времени семантически однозначно, усложняются в своей смысловой структуре. Так, существительные на *-изм,* ранее обозначавшие отвлеченное качество, названия общественно-политических или эстетических направлений[25], начинают широко использоваться в качестве конкретных обозначений. Семантическая система не справляется с потоком новых слов и при отсутствии словообразовательно выраженной корреляции *конкретное — абстрактное* приводит к формированию в одном слове разных значений, например: *Американизм*: 1) 'совокупность черт, свойственных американцам качеств, поведения, деятельности' (БАС); 2) 'особенность английского языка, сложившаяся в Америке' (Ефр., СИС — 1911), 'особенности изменения, внесенные американцами в английский язык' (Попов, СИС — 1907)[26].

---

[25] Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, с. 95.

[26] О неоднозначности лингвистического термина *американизм* см.: *Степанов Г. В.* Некоторые соображения по поводу лингвистических терминов *американизм, иберизм.* — В кн.: Общее и романское языкознание. Изд-во МГУ, 1962, с. 101.

Демонизм: 'верование в злых духов' (Бурдон — Мих., 1877), ср. толкование в словарях начала XX в.: 1) 'вера в демонов'; 2) 'особенность характера, выражающаяся в том, что человек находит наслаждение в страданиях другого'; 3) 'литературное направление, характеризующееся тем, что героями являются так наз. демонические натуры' (Майданов, СИС — 1907). В БАС: *демонизм* 'свойства, сила, приписываемые демонам' — толкование для словаря явно недостаточное. См. примеры: Если Гоголь неудачно пытался убить свой *демонизм* реализмом, Сологуб в наследии Гоголя покончил с *демонизмом* навсегда, воображая при этом, будто он воскрешает *демонизм* (Белый, Луг зел.); *Максимализм*: 1) 'крайность во взглядах, требованиях и т. п., не оправданная реальной действительностью; доведение требований до нереального максимума'; 2) 'крайнее левое полуанархическое течение среди эсеров' (БАС): Никто уже не пишет тех экстравагантностей, которые создают желание назвать годы наибольшего увлечения «новыми течениями» периодом литературного *максимализма* (Венгеров, Этапы неоромант. движ.); *Модернизм*: 1) 'следование модам и вкусам новейшего времени' (Ефр., СИС — 1911); 2) 'упадочные течения в литературе и искусстве конца XIX— начала XX вв.' (СУ): Полоса крикливого *модернизма*... сошла на нет (Неведомск., Зачинат. и продолжат.). *Техницизм*: 1) 'чрезмерное увлечение технической стороной какого-либо дела в ущерб его сущности'; 2) 'чрезмерное увлечение изображением техники, производства, машин в художественном произведении' (МАС): Полосу передвижничества сменила полоса «*техницизма*», т. е. увлечение чисто формальной стороной искусства (Неведомск., Наша худож. лит.); Бюрократия... стала усиленно интересоваться техническим образованием. *Техницизм* — это ее современная мания (Неведомск., Перв. год Ник. II). *Урбанизм*: 1) 'буржуазное течение, отстаивающее интенсивное развитие в городских центрах'; 2) 'изображение жизни крупных городов в произведениях литературы' (БАС): Большинство германских милитаристов... усматривают главную причину возрастающего понижения воинственности и крепости наций в характерном для современной культуры росте *индустриализма* [курсив авт.] и *урбанизма* [курсив авт.] (Фриче, Герм. милитаризм); Что же нес в себе Троянский конь, приветливо введенный Брюсовым в Трою символизма? Слово, как

таковое, и неологизирование. *Урбанизм.* (Гаер, У края бездны).

При семантической дублетности ряда новообразований (*бундовец — бундист, веховец — вехист* и др.) многозначными становятся слова на *-ист*: *пушкинист* 'любитель поэзии Пушкина' и 'исследователь творчества Пушкина'[27]; *фельетонист* 'автор фельетонов' и 'скользящий по поверхности явлений писатель' (Майданов, СИС — 1907).

В начале XX в. множество новообразований возникало из усечений полных имен прилагательных. Поскольку они использовались в качестве наименований лица (*абсолют, астрал, грандиоз, криминал, принципал,* 'хозяин, глава по отношению к своим служащим', *централ*), то резоннее говорить здесь о процессе преобразования, или сжатия двухчленных сочетаний, вошедших в живую разговорную практику из отдельных терминологических систем («сокольская гимнастика»), профессиональной речи (*примитив*) и индивидуально-авторского словотворчества: *вычур* (слово, созданное А. Н. Майковым), *хрупь, сонь, юнь, влажь, гнусь, улыбь, светозарь* — неологизмы И. Северянина. Из последних в разговорно-обиходную речь вошло слово *бездарь*: Вокруг талантливые трусы и обнаглевшая *бездарь*. «Оно такое бьющее, клеймящее, звучит как затрещина и куда энергичнее вялого речения бездарность», — писал о нем К. И. Чуковский[28]. Некоторые из этих слов, образованные от глаголов (*нагрев, обжиг*), были предметом пуристической критики еще в 80-е годы, однако позднее они стали восприниматься в системе структурно-однотипных заимствований-усечений или полных слов, совпавших по форме с соответствующими русскими образованиями[29]. Примеры употребления: Человек не без дарования, но весь уходит в *вычуры* изысканного стиля (Корол., П. к Ф. Д. Батюшкову, 26 авг., 1906 г.).

Определенных комментариев требует явление аббревиации, причисляемое к «революционным новшествам» (белоэмиграция относила аббревиатуры к «большевистскому воляпюку»), а в действительности восходящее к началу XX в.: огромное число сокращений вошло в офи-

---

[27] См.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка, с. 129.

[28] *Чуковский К. И.* Футуристы. Пг., 1922, с. 24.

[29] См.: *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке, М., «Наука», 1968, с. 23—24.

циальную речь, печатную и устную, еще в первую мировую и гражданскую войны (типа: *дегенрум* 'дежурный генерал армии', *штабад* 'адъютант штаба', *коринт* 'корпусный интендант', *корвет* 'корпусный ветеринар', *наштакор* 'начальник штаба корпуса', *ГАУ* 'Главное артиллерийское управление' и мн. др.). Удельный вес военных сокращений был велик и создавал образцы для новообразований [30].

В начале XX в. был широко распространен и ряд других сокращений: названия синдикатов (*Продуголь, Ростоп, Продаруд, Юротат, Продамет, Лензото*), обозначений партий и политических группировок: *эсдек* (*эсдет*) 'социал-демократ', *энес* 'народник-социалист', *кадет* 'представитель политической конституционно-демократической партии' (Сл. Акад. 1906—1907), *чеэс* 'черная сотня' и др.

В послеоктябрьский период между полным и сокращенным наименованиями устанавливаются определенные соответствия: политическая квалификация вводит слова *эсер, кадет* и др. в иной, качественно-оценочный, нетерминологический ряд («предатель», «враг»). За старым — полным наименованием сохраняется нейтральная окраска и другой семантический объем [31].

Таким образом, процесс пополнения, сильно раздвинув границы словаря, создал определенные словообразовательные и семантические «излишества». Часть из них вводится в дифференциальные противопоставления стилистической системы, усложняется семантическая структура ряда слов, приобретающих способность обозначать конкретные и отвлеченные понятия. Часть словаря, особенно относящаяся к заимствованной лексике, уже в предоктябрьский период представлялась исторически неустойчивой и отодвигалась новыми словарными поступлениями на периферию лексической системы.

---

[30] См. замечание В. Шкловского: Было у нас общество изучения теории поэтического языка, которое мы называли «ОПОЯзом» по типу сокращений военного времени. (*Шкловский В.* Жили-были. М., 1964, с. 105); см. также: ПП «Общество поэтов и прозаиков» (1914 г.).

[31] См. также о слове *нэп* и сочетании *новая экономическая политика* в кн.: *Винокур Г. О.* Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., 1925, с. 59—61.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА

1. В последние десятилетия XIX—начале XX в. продолжается активное освоение новых заимствований. В отличие от предшествующего времени заимствование собственно лексических единиц становится менее значительным, а освоение иноязычных морфем, развивших на русской почве большую словообразовательную активность, расширяется. Широкое использование иноязычных элементов в качестве строительного материала для новых образований создает новую структуру слова. Утратив морфологическую связь с языком-источником, иноязычные элементы типа: *гидро-, гипер-, мета-, пан-, поли-, супра-, деми-, аэро-* и др. в последние десятилетия XIX—начале XX в. служат источником для создания целых серий новых слов, вычленяясь в ряде случаев и как семантически полнозначные слова. Значительный рост словообразовательных калек и семантических заимствований свидетельствует о широких возможностях системы, легко осваивающей иноязычный материал.

Для данной эпохи показательна слабая фонетическая и грамматическая адаптация заимствований (особенно в области терминологии). Традиции, сложившиеся в процессе длительного освоения материала, создали благоприятную языковую ситуацию, способствующую сохранению неизменными форм и значений иноязычного прототипа. Характерно отношение к несклоняемым словам: нарекания вызывает не форма иноязычного слова, а вопрос о том, нужно ли оно (при наличии русского эквивалента): «К чему французское «депо», когда у нас есть слово *склад*» [32].

Значительная часть несклоняемых слов по-прежнему заимствуется из французского языка: *ателье, бри, клише, коммюнике, модерн, салями, танго, травести, шасси*; несравненно меньше — из английского: *дерби, джерси, интервью*. Среди несклоняемых слов редкий южноамериканизм: *сомбреро* и новая серия японизмов: *харакири, джиу-джитцу*. В речевой обиход входит интернационализм *эсперанто*, 'один из искусственных всемирных языков, заимствующий коренные слова из главных европейских языков, отличающийся упрощенной грамматикой' (Ефр., СИС — 1911).

[32] *Карский Е.* К вопросу об употреблении иностранных слов. Варшава, 1910, с. 5.

Тематически вычленяется группа заимствованных несклоняемых цветообозначений, грамматически подводимая под категорию имен прилагательных: в 70-е годы: *бордо* 'темно-красный', *беж* 'светло-коричневый', *сомон* 'розовато-желтый', *терракот* 'коричневато-красный'; в 80-е годы: *гелиотроп* 'светло-лиловый', *фрез* 'грязно-розовый'; в самом конце XIX—начале XX в.: *танго* 'апельсиновый или оранжевый', *хаки* первонач. 'английская военная пехотная форма в виде куртки землистого цвета с перехватом' (Ефр., СИС — 1911), 'цвет английской солдатской амуниции' (Майданов, СИС — 1907), *маренго* 'черный с серым отливом', *электрик* 'голубой (или синий с серым отливом)'.

Несклоняемая модель становится привычной, по ее образцу создаются несклоняемые слова-усечения типа: *авто, фото, кино, метро* и др., которые образуют новые слова. Внешне эти образования, наряду с аббревиатурами, можно рассматривать как пополнение класса несклоняемых слов: в языке вырабатывается модель, обеспечивающая жизненность несклоняемым формам. Противопоставление склоняемых форм несклонямым как разговорных — книжным, сниженных — нейтральным (*бордо — бордовый, беж — бежевый* и др.) свидетельствует о гибкости и высокой избирательной возможности языковой системы, сделавшей эти противопоставления одним из дифференциальных стилевых признаков. В сохранении и укреплении несклоняемых слов проявились новые возможности системы, принимающей чужие модели слов и строящей по их образцу новые образования-усечения.

2. В последние десятилетия XIX в. заимствования, за исключением политического словаря, не вызывали особой полемики: основным становится вопрос об освоении иноязычных слов и нормах их употребления.

Ускорению процесса заимствований способствовало их широкое распространение в интеллигентском говорении, расцвет агитационных жанров, подхватывающих каждое новое слово, относящееся к политическому словарю, влияние газет, популяризировавших новые заимствования. Часть этих слов, ранее замкнутая областью профессионального употребления, в революцию 1905 г. широко входит в разговорную речь и быстро ассимилируется. Роль художественной литературы в этом процессе становится менее значительной: газета быстрее, чем художественный текст, «переваривает» новые слова. Распространение

ряда иноязычных слов в демократической публицистике, ораторском и судебном красноречии вызывает со стороны консервативной печати критику, выходящую далеко за пределы собственно лингвистической оценки материала. Речь идет не о заимствованиях вообще, а об употреблении определенного круга слов-политических терминов, под которые реакционная пресса пытается подставить «низкие смыслы», лишить их собственно терминологического содержания.[33] Реакция на новые заимствования в начале XX в. сливается с критикой газетной речи и языка политических сочинений, концентрированно использовавших этот материал. Косвенно она осуждала язык демократической печати, выражаясь в сословно-высокомерном именовании его «полуинтеллигентным». Эти нападки продолжались белоэмиграцией и имели ту же социальную подоплеку.

Разумеется, неприятие отдельных заимствований могло быть вызвано и другими причинами. Известен, например, протест Блока против злоупотребления словом *дифференциация*: «термин необычайно бездарный, пущенный в ход людьми... не чувствующими подвижности и прелести русского» (Блок, Вопросы). Отказ от использования целых групп заимствованных слов при построении художественного текста был обусловлен и особенностями организации материала на совершенно иной основе, например, обращением к новым пластам диалектной лексики («диалектный взрыв» в прозе), семинарскому

---

[33] Выступает... председатель Совета Министров. Группа депутатов... начинает свистеть, галдеть, производить шум. На обиходном языке это называется озорством, хулиганством, пресса же с чисто иезуитским ехидством поспешила окрестить это милое занятие замысловатым, неблагородным иностранным термином «обструкция» (*Гордон Д.* Интеллигенция. Ташкент, 1916, ч. 1, с. 8—9); Пышно расцвело не наблюдавшееся до сего в таком явлении, окрещенное с думской кафедры словом «экспроприация». Прежде это называлось попросту грабежом (*Кошко И.* Воспоминания губернатора. Пг., 1916, с. 37). Между тем слово *экспроприация* и раньше было известно царскому законодательству: *экспроприация в казну* 'принудительное отчуждение частных имуществ по постановлению суда в интересах общества или государственной пользы' (Майданов, СИС—1907), а распространение его в ученой прозе «началось не с начала XX в.» (*Карцевский С. О.* Язык, война и революция, с. 23), а много раньше (см.: Лит. «НВ», с. 339—340), хотя отмечается словарями только в 10-е годы: 'конфискация имущества в интересах революционного дела' (Сл. по агр. вопр.).

языку, апокрифам, введением в стилизованные тексты неоархаизмов («Кто теперь не стилизует?» — риторический вопрос литературной критики начала века).

3. Процесс вхождения иноязычного слова определяется известным «стилистическим рефлексом», который может быть очень косвенно связан с эмоциональным отношением к чужому языку вообще[34], хотя для продвижения самого потока заимствований культурная ценность каждого языка и традиции его восприятия, несомненно, играют определенную роль.

Иноязычное слово в ряде случаев заимствовалось как стилистически окрашенное; английское *босс* 'сниженное обозначение руководителя фирмы, партии': Коновод (Boss) — специалист политической игры (Русск. мысль, 1890, кн. 12); *путч* (нем. Putsch) 'авантюристическая попытка заговорщиков совершить государственный переворот' (БАС), 'организаторы дутых восстаний (Putsch)' (Гуго, Справочн. кн.); *пижон* 'молокосос, птенец, неопытный молодой человек' (Виллиам, СИС — 1915). Примеры: Буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмехаться над ним. Напр., в немецкой так называемой «научной» литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой работе о политическом развитии России назвал московское восстание «*путчем*» (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 30, с. 324—325); Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западней для наивных «*пижонов*» (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 4, с. 343).

Ироническая окраска чаще всего была связана не с оценкой слова как иноязычного, а явилась результатом освоения и переосмысления его на русской почве. Так например, слово *воляпюк,* изобретенное в 1880 г. пастором Шлейером, заимствовалось в качестве стилистически нейтрального: Последнее время наделило нас всемирным языком, который стал весьма известен под названием *воляпюк* (*вол* есть измененное английское world «свет», «мир», а *пюк*... из английского puck «говорить») (Шерцль, Всемир. язык). Переносное значение: 'испор-

---

[34] См. об этом: *Успенский Б. А.* Семантические проблемы стиля в лингвистическом освещении. — В кн.: Труды по знаковым системам, т. 4. Тарту, 1969, с. 498.

ченный, непонятный язык, набор слов из разных языков' (БАС) развилось в середине 80-х годов: Литературная речь как бы в воздухе между журнальным *воляпюком* и говореньем, т. е. зыбкой беспредельностью великорусских наречий и поднаречий (Анненск., Кн. отраж.).

В слове *фабрикат* (нем. Fabrikat) значение 'нехудожественная, шаблонная работа, подделка, фальсификация' (Ефр., СИС — 1911) в русском языке сформировалось в конце XIX в.: Человеческая личность — это просто мертвенно-пассивный *фабрикат* общества (Д-н., Герои ликвид.).

В стилистической перекваливикации и изменении значений тюркизмов важную роль сыграло то обстоятельство, что в начале XX в. целый ряд слов в переосмысленном виде вовлекается в систему «эзопова языка» для обозначения образа правления, произвола, насилия, творящегося в России. События русско-турецкой войны способствовали снятию романтического ореола там, где он был в известной степени навеян художественной практикой писателей-романтиков первой половины XIX в. Этот сдвиг происходит первоначально в публицистике, а затем распространяется в обиходном говорении. Например, слово *баши-бузук,* означавшее 'иррегулярное турецкое войско' (Бурдон—Мих., 1877), со времени балканской войны превращается в обозначение самодурства и жестокости: *баши-бузуки* 'насильники, дикари' (Спутн. чит.): Вот *баши-бузук* Трепов, накидывающийся на него за неснятие шапки (Вестн. Народн. воли, 1884, № 3); *сатрап* 'управитель-чиновник, облеченный неограниченной властью, пользующийся полным произволом в управлении' (Смирнов, Народн. сл.); Теперь *сатрапом* часто называют богача, живущего независимо, или т. н. высшего начальника, который в своих заботах о вверенном ему управлении не очень охотно справляется с законом (Попов, СИС — 1907).

К концу XIX в. ряд галлицизмов, широко употребляясь в языке городского мещанства[35], приобретает фамильярно-сниженный оттенок см.: *амбре* 'дурной запах', иронич. (Майданов, СИС — 1907).

4. Приток структурно однотипных заимствований на всем протяжении XIX—начале XX в., как известно, спо-

---

[35] «Полуграмотный класс любит без... надобности щеголять» (*Грот Я.* Филологические разыскания. СПб., 1873, с. 21).

собствовал вычленению и, более того, осознанию семантической полноценности ряда иноязычных словообразовательных формантов. Для конца XIX—начала XX в. показательно увеличение слов на: 1) *-мен* (англ.) с общим значением лица: *полисмен* 'нижний полицейский чин', *спортсмен*, *рекордсмен*, *яхтсмен*: Признаем в лице Ноя первого *яхтсмена* (Эш, Парусн. спорт) [36]; 2) *-инг* (англ.): *доппинг* 'возбуждающее питье, даваемое иногда скаковым лошадям' (Ефр., СИС — 1911); *смокинг*: *Смокинг*, черный галстук... из бокового кармана торчит уголок фиолетового платка (Купр., Интервью); *шокинг* [37]: Англичанка объявила, что это *шокинг* — девице ездить одной (Эртель, Гарденины); 3) *-аж* (франц.) [38]: *вираж*, *вернисаж*, *каботинаж*, *пилотаж*, *саботаж*, *шантаж*; *фиксаж* 'раствор... для закрепления полученных фотографических изображений' (Павленков, Энц. — 1913), *гараж* 'постоялый двор для автомобилей' (Ефр., СИС — 1911), 'помещение для хранения автомобилей... с мастерской для их исправления' (Русск. энц.); *репортаж* 'занятие, работа репортера; доставленный им материал' (Ефр., СИС — 1911) [39], *трикотаж* 'вязанье' (Сл. для всех), *эпатаж* 'скандальная выходка; поведение, нарушающее общепринятые нормы и правила' (БАС), *шпионаж* 'деятельность шпиона, шпионство' (БАС). Примеры: Шофер озабоченно вбежал в *гараж* (Свет, 1911, № 59); В результате журналистика свела критику к нулю... т. е. на место эстетики водворился *репортаж* (И. Иванов, Ист. русск. крит.); Не оригинальничанье и не *эпатаж* побудили меня поступать так (Шершеневич, Автомоб. поступь); Громадные деньги немцы затрачивают на *шпионаж* (Син. журн., 1916, № 1).

К заимствованиям на *-изм* с известной уверенностью можно отнести слова, для которых в русском языке нет

---

[36] Слово *спортсмен* упоминается в «Дыме» И. С. Тургенева. Л. П. Крысин относит к заимствованиям конца XIX—начала XX в. только два слова: *джентльмен* и *полисмен* (см.: *Крысин Л. П.* Иноязычные слова, с. 25).

[37] В 70—80-е годы употребляется в английском написании: кричать shoking, когда заговорят о панталонах (Слово, 1878, № 3, с. 55).

[38] См. также: *Ожегов С. И.* Существительные на *-аж* в русском языке. — Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ, 1947, вып. 3, с. 31—43.

[39] В книге «Лексика современного русского литературного языка» вхождение его датируется 20-ми годами XX в. (с. 84).

прототипа, от которого они могли быть образованы. *Витализм* 'идеалистическое течение в естествознании, объясняющее процессы жизни особой жизненной силой, якобы присущей живым организмам' (БАС), *пацифизм* 'движение, требующее международного мира' (Гомартели, Полит. сл.); *садизм* 'половое извращение, сладострастие одновременно с жестокостью' (Ефр., СИС — 1911); *феминизм* 'общественное движение в пользу эмансипации женщин' (Ефр., СИС — 1911).

Вместе с тем соотносительность с русской основой — не показатель образования слова на русской почве. Эти случаи требуют особых разграничений. Например: *анимизм* — русское обозначение, введенное А. Н. Аксаковым: Этим словом я обозначаю бессознательные психические явления, имеющие место вне пределов телесной сферы медиума (А. Акс., Аним. и спирит.), и *анимизм* — заимствованный термин, принадлежащий английскому этнографу Тэйлору: 'склонность первобытных народов объяснять действия вещей присущей им душой' (Кондратьев, Г. Кунов о религии).

Для отграничения новых заимствований от русских слов важны и другие сведения — нелингвистического характера о способах ввода слов в русский речевой обиход. Это относится как к обозначениям, заимствованным из других языков, так и к собственно русским наименованиям, созданным деятелями русской науки и общественной мысли.

В русском языке слова *оппортунизм, бакунизм, бланкизм*[40], *прудонизм, ткачевизм* были введены Г. В. Плехановым, *терроризм* — Л. Тихомировым, *хвостизм, мильеранизм, брентанизм, струвизм, зомбартизм, вильсонизм, мартыновизм* — В. И. Лениным. Например: Нет, господа, это — соединение революционной теории с революционной политикой, то соединение, без которого марксизм становится *брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом*

[40] Ю. О. Мартов утверждал, что термин *бланкизм* был введен им в 1894 г. (см.: *Мартов Ю. О.* Записки социал-демократа. М., 1924, с. 217). Однако гораздо раньше он появился в работе Г. В. Плеханова «Наши разногласия» (1884 г.): Русский *бланкизм* возвышает теперь свой голос с особенной силой... обвиняет всех инакомыслящих в умеренности и аккуратности (*Плеханов Г. В.* Наши разногласия. Изд. 3-е. СПб., 1906, с. 59). Словари начала века фиксируют это слово: 'школа политического заговорщичества с целью внезапного захвата власти' (Майданов, СИС—1907).

(весь курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 14, с. 375); Да! Тов. Плеханов, иное дело марксизм, иное дело *мартыновизм* (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 10, с. 132).

Новое значение слова *царизм* 'царский режим, основанный на самодержавной власти, безграничном произволе' сложилось в 80-е годы в среде русской революционной эмиграции и утвердилось в литературном языке начала века: ... нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне *царизму* (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 26, с. 108—109). Первоначальное значение его: 'преданность царю, политическое мировоззрение, признающее необходимость царя' (Даль, Сл.; Ефр., СИС — 1911) сосуществует до конца XIX в.: У нас родовой, наследственный *царизм* был... крепок (Леонтьев, Визант. и слав.). Словари начала XX в. не фиксируют этого сдвига, хотя в какой-то мере отклоняются от толкования В. И. Даля, предлагая нейтральное определение: 'форма правления, при которой неограниченная власть в государстве принадлежит монарху' (Битнер, СИС — 1905; Павленков, Энц. — 1913); 'монархизм в России' (Стоян); 'государственное устройство, основанное на самодержавной верховной власти' (Гомартели, Полит. сл.). Эти смысловые изменения находят отражение в слове *царист*: 'член партии, признающий монархический, ограниченный конституцией, образ правления': В области внутренней политики *цариста* признают всю неприглядность отжившего свой век государственного строя (Программы царистов).

Собственно русскими образованиями, введенными в активный обиход политической жизнью России и укрепившимися в русском литературном языке, были: *марксизм* (первая лексикографическая фиксация в «Большой энциклопедии» Южакова [1901—1902 гг.]), *большевизм*. Нежизнеспособными оказались новообразования: *лавризм* (*лавровизм*), *правдизм*, *стачкизм*, *ллойджордизм*, *октябризм*, *экономизм*, введенные в речевой обиход политическими течениями конца XIX—начала XX в. (1901—1902 гг.).

ИСТОЧНИКИ ЗАИМСТВОВАНИЙ

1. Для последних десятилетий XIX—начала XX в. характерно усиление притока прямых заимствований из английского языка — явление, объясняющееся в извест-

ной степени и экстралингвистическими факторами — укреплением русско-английских связей перед первой мировой войной (как выражались газеты того времени, из «германского фарватера мы перешли в английский»), известной англоманией русского дворянства, а также чисто литературными влияниями — переводами английских романов, в особенности Р. Киплинга, имевшего большой успех в России, знакомством с американской поэзией (в 1907 г. К. И. Чуковским были переведены «Листья травы» У. Уитмена, И. А. Буниным «Песня о Гайавате» Лонгфелло). Популярность жанра «сыщической» литературы, первоначально описывающей чисто американский образ жизни, быт и нравы Англии, способствовала быстрому усвоению через литературно-критические статьи и журнальную хронику слова *детектив*[41]: Выписан из Америки и сам прославленный *детектив* Нат Пинкертон (Син. журн., 1911, № 27); Но Конан-Дойль, заполнивший весь земной шар *детективными* рассказами, все-таки умещается... в небольшое гениальное произведение Э. По «Преступление в улице Морг» (Купр., О литер.).

Английский язык — посредник в передаче новых «серий» экзотизмов — слов американских индейцев (*томагавк*, *тотем*): *Томагавк* 'национальное оружие индейцев Сев. Америки, играющее большую роль во всей общественной жизни их' (Ефр., СИС — 1911); Они кинулись было на дядю Васю с *томагауками* (Купр., На переломе). *Тотем* 'предмет особого поклонения среди групп североамериканских индейцев, объект тотемизма' (Ефр., СИС — 1911), «слово, введенное английскими этнографами и взятое ими еще в XVIII в. от племени индейцев... *тотем* — не бог, а равное человеку существо» (Тиандер, Мист. мировоззр.). *Тотемизм* (введено английским этнографом Лонгом) 'весьма распространенная среди диких племен форма культа предков, связанная с родовым бытом' (Павленков, Энц. — 1913).

В 90-е годы из переводов Р. Киплинга становятся известными *рикша* и *дженрикша* 'японский двухколесный

---

[41] Л. П. Крысин явно опаздывает с фиксацией этого слова, относя его к концу 20—нач. 30-х годов XX в. (см.: *Крысин Л. П.* О слове *детектив*. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. VI. М., «Наука», 1963, с. 178). Это слово не сокращение, как утверждает А. А. Брагина (*Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., «Просвещение», 1973, с. 142), а заимствование, образовавшее группу производных.

экипаж', квалифицируемые словарями как японо-китайские заимствования, поскольку они совпали с соответствующими заимствованиями, распространившимися лишь после русско-японской войны.

Английские заимствования занимают большое место в общем потоке усвоенных русским языком западноевропеизмов. Основным проводником их становится политическая литература, которая быстро вывела ряд экзотизмов — политических терминов за пределы английского словаря, оторвав их от обозначений чисто национальных понятий: *бойкот*, *локаут*, *тред-юнион*. Почти весь состав англицизмов, вошедших в русский язык, становится достоянием и европейского интернационального словаря[42]: *бар*, *ватерпруф*, *кодак*, *линолеум*, *лифт*, *стенд*, *трест*. С развитием кинематографии стало известно английское слово *фильм* (*фильма*) и *зафильмовать*, т. е. «снять при помощи кинематографа»[43]. Целую группу заимствований представляли наименования вошедших в моду американских и английских танцев: *кэк-уок*, *фокстрот*, *ту-степ* (*тустеп*). В годы первой мировой войны вошло слово *танк* (англ. tank): *Танк*! Новое создание англосаксонского гения! В страхе бегут от *танка* боши, но им от *танка* не уйти! (Нива, 1916, № 13).

Англичане закодировали правила многих спортивных игр и ввели в европейский интернациональный обиход целую группу спортивных терминов, имевших первоначально все особенности слов — экзотизмов — прикрепленность к обозначению реалий английского быта. Это обстоятельство последовательно отражено русскими словарями: *Бейсбол*, (первонач.: *без-боль*) 'американская игра в мяч' (Брокг. — Ефр., Энц.). *Бокс* 'кулачный бой в Англии', 'род кулачной борьбы, составляющий одну из национальных особенностей Англии' (Там же): Процветает ловля крыс и самые жестокие виды американского *бокса* (Купр., В цирке). *Боксер* 'в Англии кулачный боец' (Сл. для всех). *Футбол* 'английская игра в мяч, в которой мяч ударяют ногой' (Даль, Сл.): Днем была еще [Люба] на «*футболе*» (Блок, Дневн.); Под вашим божеским *футболом* дрожала древняя земля (Брюсов, У круглого камня).

---

[42] См. списки английских вхождений во французский язык в кн.: *Дова А.* История французского языка. М., Изд-во иностр. лит., 1956.

[43] *Карцевский С. О.* Язык, война и революция, с. 27.

Лаун-теннис 'английская игра в мяч на открытом воздухе' (Виноградов, СИС — 1907): Не умел представиться, что не хочет играть в *лаун-теннис* (Гуро, Небесн. вербл.).

Кроме названных, в русский речевой обиход вошли слова: *матч* 'состязание игроков в шахматы, обусловленное заранее определенными условиями, состязание на велосипедных гонках' (Попов, СИС — 1907); *рекорд,* спортивн. (Ефр., СИС — 1911); 'наибольший успех, достигнутый при состязаниях в каком-либо спорте' (Павленков, Энц. — 1907, Энц. — 1913): [Поливанов:] Появилось понятие о так называемом побитии *рекордов,*— такой-то летчик перелетел такое-то расстояние (Допрос Поливанова). *Старт* 'начало гонки' (Объяснит. сл., 1895): На Исаакиевской площади был назначен *старт* (Син. журн., 1911, № 20). *Трек* 'часть циклодромного эллипса' (Майданов, СИС — 1907), в спорте: 'площадь для спортивных упражнений, преимущественно велосипедных' (Даль, Сл.); Парус укрепился... по настилу *трэка* (Грибов, Завоев. возд.); *Старт* в Бруклэндсе... который одновременно служит и автомобильным *трэком* и аэродромом (Син. журн., 1911, № 31). *Тренер* первонач. 'тот, кто тренирует, т. е. подготовляет лошадь к бегам или скачкам' (Виноградов, СИС — 1907); *тренировать* 'подготавливать к состязанию лошадей, велосипедистов' (Попов, СИС — 1907); *тренировка* 'приготовление лошади к скачкам, велосипедиста к гонке' (Бурдон—Мих., 1899). *Финиш*[44] 'последняя, решающая часть состязания на конских скачках, гонке яхт, велосипедной езде' (Ефр., СИС — 1911): Вы знаете, что такое *финиш*? Это что-то лошадиное, кажется? (Купр., Молох). *Чемпион* 'первый между представителями данного спорта'; *чемпионат* 'спортивное состязание на звание первого между всеми известными представителями данного рода спорта' (Майданов, СИС — 1907).

Показательно увеличение английских вкраплений в источники разных жанров (публицистика, научные статьи, бытовая и деловая переписка), свидетельствующее о начальном этапе их проникновения в речевой обиход: ...Англичане и американцы... всю жизнь одну часть своего дня отдают для business, а другую — для hobby (Левин, Памяти А. И. Эртеля — Совр. мир, 1908, кн. 5);

---

[44] См.: *Фелицына В. П. Старт* и *финиш.* — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 8. М., «Наука», 1967, с. 195—199.

Ярко обнаруживается в глазах всей Европы и передовых слоев русского общества... весь наш дальневосточный bluff (Павлович, Внешн. полит.); У каждого в душе свои skeletons (Л. Толст., Анна Каренина) [45]; С моей рукописью, надеюсь all right (Соловьев, П. к М. М. Стасюлевичу, 20 янв. 1895 г.); Кресло типа sleeping room, манящее отдохнуть (Син. журн., 1911, № 31); Standard of life — выражение, под которым англичане разумеют обычный уровень материальных затрат для жизни (Ковалевск., Совр. социол.).

2. Французские заимствования последних десятилетий XIX—начала XX в. представляли собой довольно обширную группу слов, среди которых можно вычленить прежде всего термины авиации и воздухоплавания: *авиатор*, *ас*, *аэроплан*, *аэродром*, *дирижабль*, *планер*, *пропеллер*, *орникоптер*, *пилот* и др.

Летная терминология на первых порах использует элементы других терминологических систем, например: *пилот* (франц. pilote) 'лоцман, проводник' (Чудинов, СИС — 1902); 'знакомый с морским бассейном или фарватером реки и проводящий суда через опасные места' (Ефр., СИС — 1911); *пилотировать* первонач. 'вести корабль'; *пилотаж* 'вколачивание свай' (Чудинов, СИС — 1902). Французская лексика этого терминологического ряда с самого начала не была замкнута узкопрофессиональными рамками благодаря спортивному направлению летного дела. Многочисленные русские журналы, помимо специальных — «Воздухоплаватель», «Вестник воздухоплавания», «Автомобиль и воздухоплавание» и др., охотно предоставляли свою хронику и другие разделы полетам аэронавтов. Естественно, что часть слов, даже сугубо специальных, быстро входила в речевой обиход. Героика полетов, нередко сопровождавшихся гибелью авиаторов, стала одной из тем русской литературы XX в., обогатила ее новой символикой.

Из французского языка заимствуется ряд терминов живописи (*кубизм*, *хроматизм* 'способ изображения, состоящий в расположении на полотне пятен чистых спек-

[45] «Это выражение взято из английских романов. Выражением skeletons in the closet (скелеты в чулане) назывались постыдные тайны человека или семьи, которые тщательно скрываются от посторонних» (Об отражении жизни в «Анне Карениной». Из воспоминаний С. Л. Толстого. — В кн.: Литературное наследство, № 37—38, т. 2. М., 1939, с. 574).

тральных цветов', *импрессионизм*, *дивизионизм* (la touche divisée), *натюрморт*) [46], названий литературных направлений (*имажинизм*), а также понятий, связанных с кинематографом (*иллюзион*), сферой искусства, бытом художественной среды: *богема* 'мелкие писатели, перебивающиеся со дня на день, литературный пролетариат' (Сл. Акад. 1891); *каботинаж* 'подчеркнутое актерство, привнесение в жизнь привычек, манер и мелких интересов сцены' (Гранат, Энц.) [47], *вернисаж* 'освящение, открытие какой-нибудь выставки, преимущественно художественной' (Ефр., СИС — 1911).

Французский язык, ранее в XVIII—XIX вв. поставлявший общественно-политическую и социально-экономическую терминологию и другие специальные обозначения русскому языку, уступает место в этой сфере английскому и немецкому. Заимствования здесь немногочисленны:

Авторитарный (франц. autoritaire) 'основанный на беспрекословном подчинении власти, авторитету; имеющий притязание на авторитет, самоуверенный' (БАС); слово распространилось в 70-80-е годы, будучи использовано как одно из основных понятий землевольческой доктрины: *авторитарный принцип* (см.: Дебогор., Восп.). *Картель* 'состоявшееся путем свободного соглашения соединение самостоятельных предпринимателей, имеющих общие интересы, в целях воздействия на отношения производства и сбыта посредством ограничения или устранения свободной конкуренции' (Сл. Акад. 1908); заимствовано в 90-е годы, до этого времени словарями не отмечается, в 80-е годы употреблялось как еще неосвоенное: Полезно было бы... взаимным соглашением (cartel) ограничить пределы производства каждого завода (Дневн. Половцева). Новое слово стало активным элементом политического словаря и фиксируется почти всеми лексикографическими источниками начала XX в.: ...Германия *обогнала* другие страны в процессе образования *картелей* (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 34, с. 367). *Кооптация* (франц. cooptation) (Сл. Акад. 1913) 'пополнение

---

[46] Об этом слове см.: *Сергеев В. В.* Из истории русской искусствоведческой терминологии (*жанр, видопись, натюрморт, анималист*). — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. V. М., 1966, с. 138—139.

[47] Об этом слове и его производных см.: *Филин Ф. П.* О новом толковом Словаре русского языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1963, т. XXII, вып. 4, с. 183.

состава какой-либо организации путем приглашения самой организацией новых членов' (Гомартели, Полит. сл.): Во главе партии (народнической) стоял центральный комитет... пополнявшийся «кооптацией», т. е. приглашением новых членов старыми членами (П. Маслов, Народнич. партии).

Слово *саботаж*, отнесенное впоследствии к послеоктябрьским новшествам, было известно в первое десятилетие XX в.; Карцевский считал его редким словом, однако оно широко представлено в публицистике и в словарях данного времени: Меры эти сломить предпринимателя — забастовка, бойкот, *саботаж* (Полянск., Стачки раб.). В словарях: 'исполнение работы наскоро и плохо (порча при забастовке орудий производства и имущества предпринимателя с целью добиться от него уступок)' (Сл. для всех; Ефр., СИС — 1911); 'насильственная остановка дела; заглушение стуком' (Кондурушкин, ТС); 'особая борьба с предпринимателями, выражающаяся в медлительности работы, порче материалов' (Гомартели, Полит. сл.); '„ляпанье", намеренная порча работаемого предмета' (Г. Ч., Сл. по раб. вопр.).

Французские заимствования пополняют состав и других тематических групп (слова — названия лиц, конкретных предметов: лекарств, растений, напитков; качеств).

В начале XX в. из переводной французской литературы вошло слово *апаш* 'прозвище парижских бандитов' (Русск. энц.), *аперитив* 'возбуждающий аппетит напиток, подаваемый, главным образом, во французском кафе перед завтраком или обедом' (Ефр., СИС — 1911); *бидон* 'сосуд, оцинкованный из железа или жести для горючих и смазочных материалов' (Воен. энц.); *бриз* (франц. brise) 'легкий береговой ветер' (Сл. Акад. 1895), *вазелин* (франц. vaseline), в ряде словарей идет с пометкой: *химич.* (Ефр., СИС — 1911); *гетры* (франц. quêtre); *код* (франц. code) 'сборник условных сокращенных обозначений для телеграфической передачи коммерческих и др. известий' (Ефр., СИС — 1911); *муар* (франц. moire) 'объярь' (Михельсон, СИС — 1891), *фетр* (франц. feutre) 'лучший сорт войлока'; 'мягкая войлочная шляпа' (Майданов, СИС — 1907), *шезлонг* (и его «перевертыш» *лонгшез*) 'то же, что и кушетка' (Чудинов, СИС — 1902); *шикарный* (франц. chicard) 'элегантный, модный, изящный, красивый, щегольской, удачный' (Даль, Сл.); *экстатический, экстатичный* 'проникнутый экстазом' (СУ);

шофер 'так называли во Франции во времена Первой Французской революции разбойников, которые нападали на дома и жгли ноги у живущих там, чтобы выпытать, где деньги' (Михельсон, СИС — 1891); 'кучер автомобиля' (Стоян). Примеры: Средневековый менуэт уступил место бесстыдному танцу *апашей* (Я. Тугендхольд, Русский сезон в Париже. — Аполлон, 1910, № 10); Десятка два мужчин... пили *аперитив* (А. Толст., Прекрасн. дама); Я запряг свою телегу и с *бидонами* вечернего и утреннего удоя поехал домой (Верес., В юн. годы); С моря тянет свежий *бриз* (Горький, Ск. об Итал.); Я молча стал снимать вату с пораженных суставов, смазанных мазью из хлороформа и *вазелина* (Верес., Зап. врача); Позади всех... в отличной визитке, рейтузах и *гетрах*, подпрыгивал на английской кобыле Цурюпа (А. Толст., Хром. барин); Международная телеграфная конференция приняла регламент, касающийся телеграфных *кодов*. *Коды* будут представляться на утверждение особому контрольному бюро. Телеграмма составлена по *коду*. Сигнальный *код* во флоте. (Сл. Акад. 1911); Политик (растянувшись на *шезлонге*) говорит тоном, напоминающим нечто среднее между беззаботными богами Эпикура, прусским полковником и Вольтером (Соловьев, Три разг.); Они лежали рядом в *лонгшезах*, — он, закрытый пледом (Дорошевич, Убийство); Что говорить, *шикарная* женщина! Замечательно *шикарная*! (Чехов, Perpetuum mobile); Муза Достоевского с ее *экстатическим* и ясновидящим проникновением в чужое я, похожа вместе на Дионисову мэнаду (В. Иванов., Борозды и межи).

А. Мазон считал, что из всех европейских языков французский в начале XX в. действовал с наибольшей силой в связи с близостью его к ораторской речи с ее латинской основой и по традиции, а затем немецкий (в технике, в области политики — распространение марксизма). Английское влияние А. Мазон считал совсем незначительным, но, как видим, суждение это явно не обоснованно. Для французских заимствований в конце XIX в. действительно не было преград. Игра слов в дворянской речевой среде зачастую строится на французской основе. Вне поля зрения исследователей осталось также то обстоятельство, что известное число галлицизмов к концу XIX в. устаревает, например: *монтирован*, *вертиж*, *галантизировать* и др. Последняя лексикографическая фиксация их отно-

сится к 70-м годам XX в. (возможно, уже без учета реального словоупотребления).

В исследованиях, посвященных иноязычной лексике в послеоктябрьский период, практически не учтено отмирание множества слов, замкнутых речевым обиходом дворянской среды и оказавшихся вследствие этого бесперспективными, вытесненными к этому времени соответствующими русскими дублетами типа: *алабандизм* 'отсутствие вкуса, шарлатанство в искусстве', *антреме* 'блюда, подаваемые перед десертом', *коммераж* 'сплетня, болтовня', *гутировать* 'пробовать', *брульон* 'черновое письмо', *абгрегация* 'удаление из общества', *абдикация* 'отречение от престола, сложение с себя власти или сана', *адорация* 'поклонение, обожание', *куртаж* 'вознаграждение', *сикофант* 'низкий лицемер', *сервилизм* 'рабское угодничество', *аперсю* 'обзор', *амбюскада* 'засада', *аррогация* 'дерзкое обращение', *серизовый* 'вишневый', *абалиенция* 'отчуждение имущества', *авалировать* 'поручаться по векселю ', *вахтпарад* 'развод войска', *гильошировать* 'обозначать, очерчивать извилистыми линиями', *жиро* 'перевод векселя', *импробация* 'неодобрение', *аброгация* 'отмена', *авизировать* 'объявлять, уведомлять', *октроировать* 'жаловать', *апанаж* 'в России удельные земли', *афишер* 'разносчик афиш', *ажюстер* 'механик, занимающийся сбором частей машины' и др. Некоторые из них по традиции, без всякой опоры на общее употребление отражены словарями 20-х годов. Использование ряда французских слов оказалось замкнутым рамками отдельных художественных произведений (например, *бланбек, авенантненькая* у Достоевского) [48].

3. Немецкие заимствования (*аншлаг, бедекер, Интернационал, кинематограф, коллектив, компостер, крах, культуртрегер, лейтмотив, раритет, цеппелин, цугундер, штепсель, штрейкбрехер*) оказались устойчивыми и жизнеспособными. Исключения редки, например, слово *цугундер*, вышедшее из активного употребления в конце 10-х годов XX в.[49], но сохранившиеся в устойчивом соче-

---

[48] *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958, с. 40.

[49] Ягич посвятил ему специальную заметку (Arhiv, т. 26. СПб., 1904, с. 575—578) (см.: Труды Я. Грота, т. II. СПб., 1899, с. 431, а также: Ягич, П. к Я. Гроту, 1 дек. 1878 г., с. 142).

тании *взять на цугундер*. Слова: *крах*[50], *культуртрегер, коллектив*[51], *лейтмотив*, *штепсель* (нем. Stepsel) вошли в русский язык в 70—80-е годы.

В 1871 г. в русских газетах впервые появляется слово *интернационалка* (Международная ассоциация рабочих): Ни один невежа-купец даже немыслим в рядах, как вы говорите *Интернационалки* (И. С. Тургенев, П. к А. А. Фету, сент. 1871 г.— ЛК); Бакунин был изгнан из *Интернационалки* (Неведенск., Катков и вр.). Прототипом его было нем. International, которое в 90-е годы освоилось в форме женского рода. *Интернациональ*, а после революции 1905 г. утвердилось в форме мужского[52]: На Конгрессе *Интернационала*... был поставлен на обсуждение вопрос о постоянных войсках (Гуго, Справочн. кн.).

В 90-е годы в русскую публицистику проникает *штрейкбрехер*, первоначально в форме, известной в польской революционной среде, *страйк*, а затем как сложение, образованное по немецко-английской модели: strike (англ.) + brechen 'ломать', Brecher 'ломающий'[53] 'человек, нарушивший стачку, начатую вместе с товарищами'; 'рабочий, исполняющий во время стачки свою работу и тем мешающий успеху стачки' (Гомартели, Полит. сл.). Карцевский «первоформой» считал немецкий прототип, «просочившийся» из немецкого рабочего жаргона в интернациональный речевой обиход[54]. Пример: Многим лишь один раз представился случай быть человеком. Для сего надо было сделаться *штрейкбрехером* при забастовке официантов (Стрелы, 1905, № 7).

Слово *кинематограф* первоначально было заимствовано во французской огласовке *синематограф*, которая была

---

[50] В 70-е годы это слово еще закавычивается как принадлежащее чуждому речевому обиходу: И «*крах*» пришел, яко тать в нощи! (*Брекке И.* Политические партии в Германии. — Слово, 1878, № 3, с. 24).

[51] Ср.: *Mazon A.* Le lexique de la guerre et de la révolution en Russie, p. 15; *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 149—150; *Крысин Л. П.* Иноязычные слова..., с. 72, где заимствование датируется 10-ми годами XX в.

[52] Этому слову посвящена глава в диссертации Г. Зикмунда: Lenins Sprachliche Bezeichungen zu Marx und Engels. См. об этом: *Зверковская Н. П.* Изучение языка и стиля трудов В. И. Ленина в ГДР. — ВЯ, 1959, № 5, с. 131—132.

[53] *Mazon A.* Op. cit., p. 17.

[54] *Карцевский С. О.* Указ. соч., с. 17.

вытеснена немецкой, близкой по звучанию к древнегреческой; то же в сокращениях *кино*, *кинемо* [55] в отличие от франц. cinéma. В начале XX в. обе формы сосуществовали: *Синематограф*! Сколько целомудренной грусти... при этом слове (В. Бугаев, На перевале. — Весы, 1907, № 7); *Кинематограф* — забвение, искусство—напоминание (Блок, Зап. кн.). Производные наименования *кинематографический*, *кинематография*, *кинематографщик* 'содержатель иллюзиона' возникли уже на русской почве. Первоначально *кинематограф* обозначало: 'прибор, служащий для фотографирования ряда последовательных положений, движущихся предметов и лиц' и 'здание, где установлен такой прибор для зрителей; точнее: *театр-кинематограф*' (Сл. Акад. 1909); наряду с этим наименованием бытовали и *иллюзион*, *биоскоп*, *кинетоскоп*, *биограф* (Ханжонков, Русск. кинематограф.) и *электрический театр*; *кинемаколор*, *кинетофон*, *кинемарофон* (См.: Лихачев, Кино в России).

К началу 900-х годов относится заимствование *компостер* (нем. Komposter), впервые отмеченное Сл. Акад. 1912, а также *раритет* (нем. Rarität), внесенное Р. Брандтом в дополнения к Словарю Даля [56].

Слова немецкого происхождения обогатили также лингвистическую терминологию.

Немецкий язык был весьма распространен среди профессиональных революционеров-марксистов, русской эмиграции. Показательна также многочисленность немецких вкраплений, вызванных политическими событиями времени и попавших через переводы немецкой пропагандистской литературы. Влияние немецкой социал-демократической литературы отметил в 1912 г. в книге «Государство и революция» В. И. Ленин: ...русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускорен-

---

[55] Там же, с. 27.

[56] См. об этом: *Канкава М. В.* Заметки Р. Ф. Брандта к «Толковому словарю живого великорусского языка». — Сб. статей по языкознанию. К 60-летию акад. В. В. Виноградова. МГУ, 1958, с. 182.

ным образом громадный опыт соседней, более передовой страны (т. 33, с. 104).

Некоторые из слов, получивших широкое распространение, отмечаются словарями, например: *ландштурм* 'народное ополчение в Германии', *партейтаг* 'название партийного съезда в Германии, обыкновенно — съезд социал-демократической партии' (Ачадов, Сл. полит.).

Немецкий язык широко используется в полемической литературе — прениях съездов, ораторской практике и проч. Часть этих источников представляет собой буквальный перевод немецкого языкового материала. Большое место занимают в это время германизмы в языке В. И. Ленина [57].

Заимствования из других европейских языков малочисленны. В 70-е годы из испанского через французский заимствуются: *силос* (исп. silos), получившее более широкое, нежели в этих языках значение 'всякое помещение, предназначенное для хранения хлебов и заквашивания кормов' [58] и *кокаин* (франц. cocaine) 'алкалоид, содержащийся в листьях перувианского растения кока и служащий анестезирующим и болеутоляющим средством' (Ефр., СИС—1911; первая лексикографическая фиксация в Сл. Акад. 1911): Одно из самых драгоценных врачебных средств — *кокаин*, который вызывает прямое идеальное местное обезболивание (Верес., Зап. врача). *Мафия, мафиа* (итал.) в начале XX в. известно в значении 'тайное общество в Сицилии, присвоившее себе роль народного суда' (Сл. для всех; Ефр., СИС—1911): Я изучал в Сицилии тамошнюю *мафию* (Амфитеатров, Вредн. раса). *Маттоид* — слово, изобретенное итальянским психиатром Ломброзо (итал. matto 'безумный'), введено в русский литературный язык переводчиками книги М. Нордау «Вырождение» (СПб., 1894): Если бы знаменитый криминолог Ломброзо увидал некоего Нечаева, которого мне пришлось обвинять в Казани весной 1871 года, то он, конечно, нашел бы, что это яркий представитель изобретенного итальянским ученым преступного типа и прирожденный преступник — *маттоид* (Кони, Из казанск. восп.).

---

[57] См.: *Цейтлин А. Г.* Стиль Ленина-публициста. М., «Наука», 1969, с. 178.

[58] См.: *Короленко И. А.* История слова «силос». — В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958, с. 139—141.

5. Лексические заимствования из славянских языков в последние десятилетия XIX—начале XX в. были немногочисленны, хотя внешние для развития лексической системы факторы (события русско-турецкой войны 1877—1878 гг., способствовавшие подъему патриотических настроений в России, осознанию ее связей со славянским миром) создали чрезвычайно благоприятный «климат» для их приятия и усвоения. Влияние славянских языков выявилось не столько в количественном пополнении, сколько в особенностях их внутреннего воздействия на развитие лексической системы русского языка: ориентацией на славянский материал определилась борьба с новыми западноевропеизмами, семантическая и стилистическая переквалификация ряда слов, пуристические рекомендации в трудах Е. Ф. Карского, Р. Ф. Брандта, П. М. Гилярова—Платонова и др. Опыты Р. Ф. Брандта преобразовать лингвистическую терминологию «отсвечены» внутренней формой славянского слова: существительное — *предметница*, прилагательное — *прикладок*, гибридное образование — *сумесок* и др.[59]

Лексика русского литературного языка испытывает известное воздействие других славянских языков, и в этой связи нельзя не возразить. А. Мазону, который в своей шкале оценок заимствований в русском языке нового времени свел роль славянских языков к нулю.

Явное предпочтение отдается славянскому материалу перед западноевропейским в официальной печати конца XIX—начала XX в. Эти тенденции, с особой отчетливостью проявившиеся после балканской войны, поддерживаются и позднее. В годы первой мировой войны «с высочайшего одобрения» болгарское *здравница* в официальной печати почти целиком вытеснило европеизм *санатория*. Нет поэтому оснований рассматривать слово *здравница* как словообразовательную кальку с французского (sanatorium), образованную уже в послеоктябрьское время[60].

Из сербского в конце 70-х годов заимствуется слово *задруга*, введенное в научный обиход книгой А. М. Евреиновой «О задружном праве у славян»; *задруга* ‘пат-

---

[59] *Брандт Р. Ф.* Загробный голос о русском языке и письме. Воронеж, 1905, с. 1—3.

[60] См.: *Шанский Н. М.* Слова, рожденные Октябрем. — РЯШ, 1967, № 5, с. 96.

риархальная община у южных славян', 'союз семей у южных славян, допускающий в свой состав и посторонних' (Сл. Акад. 1900; Мичатек): Отец поселился в городе... из родовой деревни-*задруги* «Ягичев брег» (Ягич, П. к Я. К. Гроту, 8 апр. 1880 г.). Из болгарского в период русско-турецкой войны приходит слово *беженец:* 'слово, недавно вошедшее в употребление: беглец с оттенком вынужденного каким-либо бедствием удаления' (Сл. Акад. 1891). Например: В Петроград стали прибывать большие партии тех особенных, выброшенных жизнью из обычной обстановки людей, которых газетный язык окрестил *беженцами* (Биржевые вед., 1915, 2 авг., № 15001 — ЛК); Разговор о раненых и *беженцах*: — А на раненых подай да подай! (Бунин, Последн. весна).

Польские заимствования в основном были привнесены политической литературой, хотя художественное влияние, в том числе декадентского толка («пшибышевщина») были тоже весьма значительны[61]. Существенно в этой связи и то, что многие деятели русской революции были выходцами с юго-запада, в частности из Польши. Это влияние А. М. Селищев усматривал не только в распространении ряда лексических заимствований, но и в конструкции с *ибо* в начале фразы, употреблении *пара* в значении 'несколько' (ср. более ранние фиксации такого словоупотребления: — Стасов, П. к В. Д. Комаровой, 4/16 июля 1898 г.; Ср. также: Переп. Верещаг. и Третьяк. и др.); *пол* — в значении 'половина'. Польской аббревиатурой А. М. Селищев считал и слово *эсдек* «с характерным польским суффиксом *-ек*, вместо ожидаемого *-ок*», усечение *экс,* от *экспроприатор*[62]. Можно предположить, что это явное преувеличение: слово *эсдек* (первонач. *эс-де*) имело ряд аналогий, например: *ка-де*: Ой, полна тюрьма пред Думою, есть эсеры и *ка-де*! (Зоргенфрей, Ой, полна тюрьма). Польскими по происхождению аббревиатурами, транслитерированными русским языком, были *гаката* (сокращение, составленное от первых букв фамилий наиболее рьяных ненавистников Польши — немецких политиков Ганземана, Тидемана и Кенемана), *ППС* (Польская социал-демократическая рабочая

---

[61] *Короленко В. Г.* С. Пшибышевский. — Русское богатство, 1904, № 9, с. 85—91; *Горький М.* Соч., т. 29, с. 224.

[62] *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи, с. 41.

партия), ср. образования *гакатистский, гакатизм* (Егоров. Зарожд. полит. партий), *пепеэсовцы,* оказавшиеся, как и многие другие слова, недолговечными. Сам круг польских заимствований малочислен: *Брутальный* (польск. brutalny), русск. образование *брутальность* (см. франц. brutalite 'грубость'): Можно быть мужественным без *брютальности* (Блок, Зап. кн.). *Варшавянка* (польск. Warszawianka): По улице идешь в рубашке ярко-красной и *варшавянку* запоешь (Дятел, 1905, № I). *Концовка* (польск. koncowka), 'черта, иногда с украшениями при конце статьи или книги; заставка' (Сл. Акад. 1913), но не исключено, что это собственно русское образование от прилагательного *концовый,* или *концевой,* совпавшее по звучанию с соответствующим польским образованием[63]. *Маевка* (польск. majowka), с 80-х годов, сначала в значении 'празднование первого дня месяца мая' (Даль, Сл.); Провели целый день... справляя *маёвку* со знакомыми барышнями (Купр., Яма), к концу века это слово получило в рабочих кружках новое значение: 'собрания рабочих для беседы по общественным вопросам или политического воспитания'. *Массовка*[64] (польск. massowka) 'тайная сходка', 'митинг': Узкие конспиративные собрания ...начинали почти всюду сменяться более или менее широкими *массовками,* происходившими уже наполовину открыто (Маевск., Общ. карт. движ.). *Шпик* (польск. szpieg) 'сыщик за политическими': Когда корабль тонул, спаслись только двое: Павел Нарымский — интеллигент, Пров Иванов Акациев — бывший *шпик* (Аверченко, Робинзоны).

С конца XIX в. в область спортивной терминологии проникают слова чешского происхождения (теория и практика «сокольства» — деятельность телесного воспитания, разработанная Тыршем). Это объяснялось полным отсутствием гимнастической терминологии в русском языке[65]. Таковы, например: *перешмыг, метъ* 'быстрые движения ногами', *отбочка, уножка, перескок, надхват*[66] и др.

---

[63] См.: *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5, с. 5.

[64] Все эти заимствования, аналогичные русским образованиям на *-к(-а)*, сразу приобрели разговорную окраску.

[65] *Манохин Н. В.* Курс сокольской гимнастики. Пер. с чешского. Пг., 1917, с. 2.

[66] Там же, с. 47, 125.

Влияние украинского языка до конца XIX в. было очень ограничено, главным образом, сферой полуэтнографической беллетристики. Украинизмами являются также *хлебороб, житница* и *закордонный,* т. е. 'заграничный', распространившееся в первую мировую войну. Формы побуждения общечеловеческого и гражданского самосознания... были весьма примитивны, так как были обусловлены... узостью рамок, в которых протекает жизнь белорусских *хлеборобов* (Рубакин, Среди книг); В *житнице* Забайкалья части Верхнеудинского округа, живет 40 тыс. староверов (Слово, 1908, № 427). Локальная окраска у слова *самостийность* в русском языке быстро стерлась (см. в БАС 'независимость, самостоятельность').

В русской публицистике на недолгий срок возрождается употребление ряда украинских историзмов, «старых призраков» политической идеологии: *гайдамак* (ср. в официальной печати: 'разбойник, грабитель'), *мазепинец* и др.

Одна из особенностей лексического развития этого отрезка времени — быстрое превращение неологизмов в историзмы. Это ощущение недолговечности, эфемерности ряда словоупотреблений явственно ощущается современниками, хотя и по-разному комментируется.

6. Незначительно, по сравнению с первой половиной XIX в., число тюркско-арабских заимствований-этнографизмов. Приток слов идет, в основном, из общественно-политической литературы (особенно усиленно — в период русско-турецкой войны), вводившей новые слова в речевой обиход, например, *вилайет* 'административно-территориальная единица в Турции' (Сл. Акад. 1891); *меджилис* 'собрание должностных лиц в Турции' (См.: Маслов, Год войны), а также немногие другие, оказавшиеся недолговечными (типа: *санджак, селямлик*).

7. В годы русско-японской войны относительное усиление притока японских слов не оставило заметного следа в словарном составе русского литературного языка. Экзотизмы, ранее мало известные русскому языку, входят в широкий речевой обиход, проникают в художественные и газетные жанры: *гейша, фанза, самураи* 'японские вассалы' (Чудинов, СИС — 1902); в русско-японскую войну слово *самурай* стало обозначать 'японский офицер'; *ханжа, ханшин* 'водка из гаоляна' (Летоп. войны), русское производное *ханшинный*: Дома

сгруппированы вокруг бывшего *ханшинного* (водочного) завода (Прол. русско-японск. войны). Большая часть этих слов так и остается на правах экзотизмов, например, слово *банзай*, введенное в «большую литературу» А. И. Куприным (Штабс-капитан Рыбников): А приеду я в СПб. с женой 20-го, и поэтому я очень рад. *Банзай*! (Л. Андр., П. к М. Горькому, 14—16 нояб. 1904 г.); *банзай* восклиц. «ура» (Майданов, СИС—1907).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что на рубеже XIX—начала XX в. процесс лексического заимствования сильно изменил количественные характеристики русского словаря, ближайшим следствием чего была перестройка синонимических рядов, изменение семантического содержания и стилистической характеристики ряда слов (см. раздел «Семантические процессы»).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАЛЬКИ

Калькирование и ряд сходных с ним явлений — один из важных факторов развития словарного состава русского языка в данную эпоху. Приведем некоторые примеры.

Слово *сверхчеловек* появляется в русских переводах произведений Ф. Ницше как буквальный перевод нем. Übermensch 'считающий себя чем-то выше человека' (Даль, Сл.): Одно из самых характерных явлений современной умственной жизни и один из самых опасных ее соблазнов есть модная мысль о *сверхчеловеке* (Соловьев, Воскресн. п.); Человек математического языка... может назвать себя новым *сверхчеловеком* не только в том смысле, который придал этому слову Ницше, но и в более привлекательном и более человеческом смысле, в каком соответствующее понятие мыслится всеми великими философами учителями человечества (Линцбах, Филос. яз.). К. Флекенштейн относит к точным словообразовательным калькам и слово *скоросшиватель* (нем. Schnellhefter) [67]. В других случаях возможна свободная передача моделей прототипа русскими и иноязычными формантами, либо самостоятельная интерпретация содержания. Примеры: Первый шаг на пути, по которому

---

[67] *Флекенштейн К. Ф.* Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. М., 1963, с. 21.

ведет человека язык, возбуждает стремление обойти весь круг сродных явлений. Этому соответствует так называемая Гумбольдтом *цельность* (Totalität искусства) (Потебня, Мысль и язык); Опыт никогда... не может захватить *все* (Totalität) возможное знание (О закон. соц. явл.). Неоднозначная передача содержания заставляет в ряде случаев предпочесть переводу заимствование, которое «дает перевес отвлеченному мышлению над наглядной изобразительностью»[68]. Таково, например, слово *тотальность* 'множество, объединенное в мысли' (Радлов, ФС).

Разные способы передачи структуры иноязычного слова служат в ряде работ для весьма дробных классификаций материала.

Большинство словообразовательных калек оформляется русскими словообразовательными формантами.

1) *-ОСТЬ*[69]: *боеспособность* (нем. Kampffähigkeit), бытовавшее долгое время без перевода: [У пролетариата] Kampffähigkeit гораздо сильнее (В. И. Ленин, т. 10, с. 361); *себестоимость* (нем. Selbstkosten); *целостность* (нем. Ganzheit), *лучистость* (франц. rayonnement, термин Дармстетера 'распространение названия на серию других слов, совпадающих по звучанию') [70].

2) *-СТВО*. Кальки этого типа оказались нежизнеспособными (*немечество*, нем. Deutschtum; *полячество*, нем. Polentum).

3) *-НИЕ*: *обобществление* (нем. Vergerellschaftung), *обособление* (нем. Besonderung) — калька, составленная М. Бакуниным. *Самоопределение* (нем. Selbstbestimmung) 'самостоятельное распоряжение собственною судьбою по собственному выбору' (Даль, Сл.). *Вчувствование*: Субъективное «я» так проецируется в объект, что человек как бы чувствует самого себя в этом объекте, вносит в него собственную жизнь и одушевленность. Такое «*вчувствование*» (Einfühlung) имеет место в детских играх, в искусстве и, наконец, в мифотворчестве (Кагаров, Очерк мифол. науки). Русское новооб-

---

[68] *Грот Я.* Филологические разыскания, с. 16.

[69] В. В. Виноградов считает новообразованиями этого времени *наглядный, наглядность* (см.: *Виноградов В. В.* Очерки..., с. 393). Однако, если это и словообразовательные кальки, то более ранние (в ЛК содержатся примеры их употребления уже у Н. В. Гоголя, Ф. И. Буслаева и Материалах акад. Кеппена).

[70] *Сорокин В.* Наш язык. СПб., 1889, с. 32.

разование — *вчувствоваться* («модное слово»). *Вкладывание* (лат. introectiv): Интроекция есть теоретическая попытка вложить психические переживания внутрь человеческого организма. В результате этого *вкладывания* появляется новая субстанция и создает «мировую загадку» (Ланц, Авенариус). Некоторые из этих слов оказались неперспективными (*вчувствование*, *вкладывание*) и после первого десятилетия выходят из употребления.

4) *-НИК: распадник* и *упадочник* (франц. dékadent) 'писатель новейшего вычурного и слабосильного направления, где ум за разум заходит' (Даль, Сл.): Свободнее вздохнешь, когда доберешься до Луначарского, этого единственного таланта среди *распадников* (Абрамович, В осен. садах); Сологуб — единственный настоящий, органический «*упадочник*» среди напускного ломанья нашего декадентства (Венгеров, Этапы Неоромант. движ.). *Точечник* употреблялось параллельно с франц. *пуэнтелист*: Синьяк особенно восстает против клички «*пуэнтеллисты*»: Нас называют *точечниками*, на самом же деле наша эстетика очень далека от эстетики тех, кто смешивает краски на палитре и покрывает холст точками (А. Шервашидзе, Жорж Сёра — Аполлон, 1911, № 7).

Вследствие своей словообразовательной структуры кальки с трудом отграничиваются от собственно русских образований. Так, слово *партийность*, безоговорочно относимое некоторыми исследователями к словообразовательной кальке[71], построенной по немецкой модели, употреблялось параллельно и с собственно русским образованием *партийность*, имевшим значение 'дробление на партии, т. е. на не согласные между собой части целого' (Попов, СИС—1907); 'во всяком деле кружковщина, мелочная непримиримость' (Там же): Олигер в «Белых лепестках» развенчивал кружковую работу и *партийность* людей (М. Морозов, Очерки); Трудно было втянуть его [Овсянико-Куликовского. — *Л. Г.*] в спор и невозможно втянуть в общественную или литературную котерию, пристрастность, *партийность* (Горнфельд, Восп. о Овсян.-Кулик.). Если перед нами калька, то, конечно, не словообразовательная, а семантическая. Других материалов, подтверждающих нерусское происхождение слова, помимо чисто структурной соотносительности

[71] *Флекенштейн К. Ф.* Указ. соч., с. 13.

с немецким прототипом (нем. Parteilichkeit), нами не найдено. Слово известно с 90-х годов: Характер «Сборника», как справочной книги, должен исключать всякую *партийность* (Предисл. изд.); Мэттью Арнольд... жаловался на тенденциозность и *партийность* английской критики (Боборык., Восп.). С начала первого десятилетия новое его значение отмечается и словарями: 'деление на партии//приверженность к партии, партийный дух//пристрастность, тенденциозность' (Ефр., СИС — 1911). Примеры: 1) Редакция, стараясь избегать односторонности, пристрастия, *партийности*, заимствовала примеры у разных «партий» (Бодуэн де Курт., Предисл. к «Толк. слов». Даля); 2) Народ голосует не за лиц, а за партию. *Партийность* (курсив наш. — *Л. Г.*) в России весьма велика, и перед народом партия имеет определенное политическое лицо (В. И. Ленин, т. 35, с. 110); см. реализацию этого значения в новообразованиях *беспартийность*, *внепартийность*: Театр объединил в себе все классы... заявил свою *беспартийность* (Мейерхольд, П. к А. П. Чехову, 18 апр. 1901 г.); Пройдя через огонь *внепартийности*... идеологи русской буржуазии оказываются мастерами на все руки (Олехн., Идеол. русск. бурж.); С 80-х годов среди интеллигенции раздается лозунг *беспартийности*, причем эту *беспартийность* нужно понимать в идеологическом смысле — свободы от обязательных норм той или иной идеологии (Овсян.-Кулик., Русск. интел.).

Калькированный материал в основном представлен именами существительными, функционально закрепленными за книжным типом речи, например: *целеустановка* (нем. Zielstellung), *младограмматики*[72]. Крайне редки словообразовательные кальки — глаголы и прилагательные: *листать* (нем blättern), *огнеопасный* (нем. feuergefühlich) [73].

В процессе калькирования возникли серии единообразных морфем для однозначной передачи иноязычных структурных элементов, ставших самостоятельными словообразовательными формантами: *противо-*, преимущест-

[72] Слово, придуманное Царнке, первоначально шутливое, а затем принятое Бругманом как термин, закрепилось за новым направлением (см.: *Шпехт Ф.* Индоевропейское языкознание от младограмматиков до первой мировой войны. — В кн.: Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956, с. 19).

[73] *Флекенштейн К. Ф.* Указ. соч., с. 17.

венно в терминологии в качестве кальки *анти-*[74], *со-*: *сожитие* (нем. Zusammenleben), *сочеловек* (нем. Mitmensch [см. Логос, кн. 2—3].

Перевод диктовался необходимостью ограничить поступление заимствований, особенно в тех терминологических системах, где на первых порах почти не было слов. Обширный круг слов-заменителей для летной терминологии был представлен Ф. Купчинским в газете «Новая Русь» (1909, № 311, 12 ноябр.): *авиатор — летатель, стабилизатор — равновесник, пропеллер — толкатель, аэродром — лётокруг, тангаж — лётоклон, траектория — лётопуть.* Часть из них полукальки, в которых обычно переводился один интернациональный формант: моноплан — *одноплан,* биплан — *двуплан,* орникоптёр — *птицеплан* (Б-ка воздухопл., 1909, № 1—3).

В ряде случаев, когда структура новообразований не выдерживала морфемной нагрузки, значение и форма иноязычного слова передавались словосочетанием. Такие кальки можно считать и словообразовательными (поскольку они калькируют слово) и фразеологическими (поскольку они переводятся словосочетанием). Например, нем. Verelendumstheorie: [Акимов и Мартынов] дошли и до опровержения «*теории обнищания*» и до «оспаривания» диктатуры пролетариата (Прот. II. съезда); Не хотел ли тов. Акимов сказать об Ausholungstheorie, о теории опорожнения капитализма, т. е. об одной из самых популярных ходячих идей бернштейнианской теории (Там же); Возьмем хотя бы Zusammenbruchtheorie[75], теорию фатального крушения капиталистического строя (Вестн. русск. револ., 1902, № 2); Gedankenheit 'свобода мыслей', Bücherwurm 'книжный червь', Zukunftstadt 'город будущего', Galgenhumor 'юмор висельника': «Куренка некуда выпустить», — эта горькая крестьянская правда, этот «*юмор висельника*» (курсив наш. — *Л. Г.*) лучше всяких длинных цитат повествует о той особенности крестьянского землевладения, которая не поддается статистическому выражению (В. И. Ленин, т. 17, с. 66); Есть

---

[74] См.: *Голанова Е. И.* Активные процессы в префиксации современного русского литературного языка. Автореф. канд. дис. М., 1963, с. 12.

[75] См. также употребление его без перевода: Все фабрики и заводы отобрать надобно, а без этого *цузаменбруха* не сделаешь (*Сологуб Ф.* Заклинательница змей. — В кн.: Эпоха. М., 1918, с. 91).

горький смех приговоренных к виселице — Galgenhumor (Рудин, 1916, № 8). В 1902 г. в «Неподанном заявлении» В. И. Ленин, наряду с немецким словом Tagesordnung, впервые употребил кальку *порядок дня*, которая укрепилась в языке.

В процессе перевода обнаруживаются разные возможности передачи нерусского прототипа. Например: sweating—system *светинг-система* (Рабоч. кабала), 'система выжимания пота' (Гуго, Справочн. кн.), 'система вышибания пота' (В. И. Ленин, т. 2, с. 398; т. 3, с. 442); нем. Lautmalerei передается как 'звуковая, словесная инструментовка', 'живопись словом' и 'звукопись' (последнее создано А. Белым, распространилось в художественной критике начала века): Готье является одним из создателей *живописи словом* рядом с Тэном в прозе (Бобо-рык., Восп.); Самые приемы *звукописи* Дебюсси до чрезвычайности утончились (Е. Браудо, Творчество Клода Дебюсси. — Аполлон, 1915, № 10). Параллельно со словами *натюрморт* в раздельном, а потом в слитном написании в искусствоведческой литературе употреблялась калька *мертвая природа*, отвергаемая в ряде источников как неудачная. Я. Тугендхольд сочувственно цитирует «поэта-ювелира» Т. Готье: «Есть одно освященное выражение, которое претит нам, это nature morte как будто природа не всегда живая»[76]. Впоследствии им же был предложен термин *спокойная природа* (нем. Stilleben, англ. Stillife) [77], который, однако, не привился.

При всем многообразии способов перевода обнаруживаются известные ограничения. Так, преобразование иноязычных идиом и свободных сочетаний в слова — явление не типичное для русского языка; см.: *наплевизм* (франц. je m'en fiche) [78], *жизнесохранение* (нем. vitale Erhaltung) [Логос, кн. 2—3].

Основным источником для словообразовательного калькирования служит немецкий язык, роль которого в последние десятилетия XIX—начале XX в. сильно возрастала благодаря переводам политической литературы, распространению ее терминологии, быстро осваиваемой ре-

---

[76] См.: *Тугендхольд Я.* Проблема «мертвой природы». — Аполлон, 1912, № 3—4, с. 25, 27.

[77] *Тугендхольд Я.* Проблемы и характеристики. Пг., 1915, с. 3.

[78] *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи, с. 40; *Mazon A.* Op. cit., p. 53; *Ханпира Э.* По поводу слова *наплевизм*. — В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М., «Наука», 1966.

чевой практикой. Прозрачность структуры и внутренней формы немецких слов издавна служила базой для поморфемного перевода. Ряд словообразовательных калек распространяется в связи с переводом «Манифеста Коммунистической партии». Как известно, Россия была первой страной, которая переводит «Капитал». В первом переводе «Капитала» были разработаны способы передачи терминологии, в том числе и калькированной, на которые в известной степени ориентировались и последующие переводчики этого труда, например: *рабочие массы* (нем. arbeiten Massen), *полуфабрикат, работодатель* (нем. Arbeitsgeber).

Кальки из других европейских языков немногочисленны: *наплевизм* (см. выше) и *небоскреб* (англ. Skyscrapers) — название, возникшее в Америке в 1890 г. и калькированное многими языками, повторившими структурное сходство и внутреннюю мотивировку: франц. gratte-ciel, итал. grattacielo, нем. Wolkenkratzer [79]: На приводимом рисунке изображен вид с птичьего полета на колоссальные нью-йоркские дома (*«небоскребы»*) (Син. журн., 1911, № 8); Этот стиль мебели и утвари идеально дополняет другие продукты нынешней культуры: отель-*небоскреб*, как человеческое жилье, — телефон, телеграф и газета (S. A. Письмо из Мюнхена. — Аполлон, 1913, № 6).

Наконец, возможности поморфемного перевода коррелировались семантическим соответствием русского слова иноязычному, определялись степенью их закрепленности в языке и стилистической окраской.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В последние десятилетия XIX—начале XX в. семантические изменения охватили широкий круг слов русского литературного языка и в общем потоке лексических изменений оказались весьма значительными: количество слов, употреблявшихся в новых, отвлеченных значениях, едва ли может быть представлено даже в беглых перечнях. Дело в том, что некоторые смысловые изменения могут быть поняты лишь в определенном социально-философском и историко-культурном контексте, составляя тот «фоновый» слой значений, который характеризует речевой

[79] *Ульман С.* Семантические универсалии. — В кн.: Новое в лингвистике, вып. V. М., «Прогресс», 1970, с. 275.

обиход известного времени и определяется в соотнесении с ним. Понятийное содержание этих слов было объектом разных комментариев, поскольку ряд таких обозначений претендовал на роль терминов. В этом смысле они не могут быть изъяты из описания семантических процессов, хотя все эти изменения носили периферийный характер и впоследствии не закрепились в языке, будучи обусловлены узкой сферой употребления слов, обозначавших явления исторически недолговечные: *лунный* 'романтически-мечтательный, неземной, несбыточный'; *матовый* 'без внешнего блеска, благородный, простой' [80], *огарки, огарчество* 'бывшие люди', а также 'общества молодежи, провозгласившие свободную любовь и проводившие свои бдения при огарках' (Бехтерев, Внушен.); *отражение* 'прочтение критиком произведения таким образом, чтобы его трактовка всецело растворялась в мировоззрении писателя; критик — с ним, а не вне его, «где-то над ним»' (Анненск., Кн. отраж.); *перевал* 'начало нового подъема, последовавшего за мрачной реакцией 80-х годов' (образно-переносный смысл навеян названием романа П. Д. Боборыкина «Перевал»). Иной оттенок значения в названии журнала «Перевал», выходившего в годы реакции и провозгласившего идеал «надпартийности» (см.: Перевал, 1906, № 1. От редакции). Изучение этих преобразований, на фоне которых выявились основные тенденции семантических изменений, в лексикологических исследованиях последних лет определяется как актуальное [81]. Характерной особенностью семантической системы русского литературного языка в последние десятилетия XIX—начале XX в. по сравнению с первой половиной XIX в. была смысловая неопределенность ряда слов, принадлежащих к разным общественно-политическим и философским системам, «идеологическим лексиконам» [82], неоднозначно ин-

---

[80] Определение критика М. Неведомского для характеристики стилевых черт чеховской прозы (см.: Юбилейный Чеховский сборник. М., 1910, с. 59—60), а затем подхваченное рядом исследователей (*Пильский П.* Критические статьи. СПб., 1910, с. 244; *Закржевский А.* Карамазовщина. Киев, 1912, с. 31).

[81] См.: *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., «Просвещение», 1971, с. 134.

[82] *Бельчиков Ю. А.* Значение трудов В. И. Ленина для изучения истории русского литературного языка XIX—XX вв. — ВЯ, 1970, № 2, с. 28.

терпретирующим целый ряд так называемых ключевых слов мировоззрения и культуры[83].

В 90-е годы Н. К. Михайловский указывал на отсутствие единого определения для слова *народ:* «Под словом „народ“ мы сплошь и рядом безразлично разумеем то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключительно „мужика“, то „чернь“, „простонародье“, то представителей труда... то толпу» (Михайловск., Литер. восп.). «В течение 30-ти последних лет, — пишет А. И. Богданович, — создалась даже особая «народническая» литература, до сих пор не выяснившая, что же собственно понимать надлежит под ее таинственным народом» (А. Богд., Годы перелома). Слово, не сходящее со страниц книг, статей, брошюр, политических воззваний, каждый раз вбирало в себя то содержание, которое определил для него пишущий[84]. Отчетливое общественно-политическое содержание закрепляется за словами *рабочий, пролетариат* только с развитием марксизма[85].

В «Листовках московских большевиков» (1905, № 2) говорится, что «буржуазная интеллигенция присвоила себе только имя «демократов» и ей было удобно сделать это потому, что настоящих демократических партий у нас вовсе еще нет, лучшие из настоящих демократов скрываются в оболочке партии социалистов-революционеров, где они перемешались с менее определенными из социалистических элементов». Известно, как изменялась содержательная сторона у слова *социал-демократ,* имеющего своим первоисточником немецкий язык. В дополнение к весьма обстоятельному исследованию истории этого слова у Т. С. Коготковой следует сказать, что название первоначально предназначалось для партии «Черный передел», отделившейся от «Земли и Воли», и что оно было отклонено А. И. Желябовым именно из-за несход-

---

[83] *Будагов Р. А.* Несколько замечаний о «ключевых словах» в истории культуры. — В кн.: Искусство слова. М., «Наука», 1973, с. 392—395.

[84] См. в связи с этим материалы полемики, разгоревшейся вокруг понятий *народник, народничество* (Русское богатство, 1892, № 2 и 3, 6; Русское обозрение, 1892, № 12; Вестник Европы, 1892, № 10).

[85] См.: *Коготкова Т. С.* Указ. соч.; *Протченко И. Ф.* Из истории слов *работник, работница, рабочий.* — В кн.: Проблемы современной филологии. М., «Наука», 1965, с. 234.

ства с программой германской социал-демократической партии, взявшей себе это название [86].

В социально неоднородном языковом коллективе перетолкование слов, их «передвижка» от одной социальной группы к другой нередко приводит к изменению значений даже той части словаря, которая выступала как семантически устоявшаяся. Социальная обусловленность такого рода смысловых сдвигов отмечена рядом исследователей [87].

Интерпретация семантического содержания подключает как один из методов аргументации обращение к внутренней форме слова, его ближайшему этимологическому значению. Для истории русского литературного языка начала XX в. весьма показателен интерес к «филологическому» прочтению слова, в разных целях использующегося в полемической литературе. Так, слово *крепостник* в официальной печати, как отмечает Вл. Соловьев, «означает... патриотов, радеющих о *крепости* (курсив авт.) государственного и земского строения» (Соловьев, Идолы). Богословская и философская идеалистическая литература начала XX в. истолковывает слово *религия* в чисто духовном, а не религиозном смысле, выводя его из 'соединять'. В качестве основного его значения выдвигается «связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего» (Соловьев, Чтения о богочел.). «Подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своего происхождения» [88].

Религиозность — понятие, в известной мере дискредитированное в глазах общества официальной религией, начинает применяться к взглядам, течениям, настроениям, ничего общего не имеющим с религией: 'вера', 'совокупность взглядов, принципов, догматов', 'императив нравст-

---

[86] *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964, с. 198. О разном толковании понятия *революция* см.: *Ткачев П. Н.* Задачи революционной пропаганды в России. Лондон, 1874, с. 6—7.

[87] Эта мысль содержится в одной из ранних работ Бреаля, см.: *Bréal M.* Essai de sémantique (Sience de significations). Paris, 1904.

[88] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, М., 1961, с. 293.

венности', 'интенсивное чувство связи личности с универсальным коллективным бытием' и др. Это определение религии, очевидно, идет от «Записок профана» Н. К. Михайловского, придавшего этому слову весьма широкий смысл: Религия есть та неразрывная связь понятий о сущем (наука) и долженствующем быть (мораль и политика в обширном слове), которая властно и неуклонно направляет деятельность человека. В. И. Ленин прокомментировал это словоупотребление в статье «Об отношении рабочей партии к религии» (1909): ... можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «социализм есть моя религия» и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке (В. И. Ленин, т. 17, с. 422—423) [89].

Активизация употребления общественно-политических терминов, наполняемых различным содержанием, вызвала к жизни необходимость строгого уточнения содержания этого круга понятий [90].

В. И. Ленин и его сподвижники, выработавшие и отшлифовавшие в процессе великой идейной борьбы марксистскую терминологию, неизменно комментировали ту сложившуюся терминологическую ситуацию, при которой слово делается в руках ловких политиков хамелеоном, готовым в любом случае употребления изменить свой смысл. В. И. Ленин неустанно разъяснял и уточнял те слова, которыми пользовался: «Заметим, что термин реализм употребляется здесь в смысле противоположности идеализму. Я вслед за Энгельсом употребляю в этом смысле *только* слово: материализм, и считаю эту терминологию единственно правильной, особенно ввиду того, что слово „реализм" захватано позитивистами и прочими путаниками, колеблющимися между материализмом и идеализмом» (В. И. Ленин, т. 18, с. 56).

---

[89] Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — *от* социализма к религии (*В. И. Ленин*, т. 17, с. 423).

[90] Ср. попытку уточнить содержание понятия *воля* известным русским социологом и философом-идеалистом Б. А. Кистяковским в кн.: «Социальные науки и право» (М., 1916).

Указывая на ошибочность определения понятия *империализм* в работах Каутского, В. И. Ленин писал: «Спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять „слово" империализм так или иначе невозможно. Но надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию» (В. И. Ленин, т. 30, с. 93).

Не случайно широкое использование В. И. Лениным иронических кавычек в качестве знака отмежевания от слова противника, подлинное содержание которого надо не только вскрыть, но и выразить к нему свое отношение. В этой связи естественно, что основным объектом описания в данном разделе является выявление пути становления большинства слов идеологического словаря в описываемый период: от диффузности терминов, представленных в мировоззренческой позиции интерпретаторов, к строгой детерминации значений и их закреплению в языке. Словари конца XIX—начала XX в. весьма последовательно отразили этот процесс. Фиксация материала отражала не только лингвистические вкусы составителя, но и его политическое кредо. Часть политических терминов вообще оказалась исторически недолговечной. Самое же определение термина, его укрепление в системе сложившихся понятий протекало в острой идеологической борьбе. Огромная, основополагающая роль в процессе становления общественно-политической терминологии, как уже говорилось, принадлежала В. И. Ленину.

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ

1. Терминологизация — ведущий семантический процесс, охвативший широкий круг слов литературного языка и способствовавший перестройке их семантической структуры. Основное место в этом процессе, активизировавшемся еще в XVIII—XIX вв., принадлежит в рассматриваемое время формированию идеологических лексиконов, пополняющихся за счет единиц других терминологических систем и ряда конкретных наименований. В построенном таким образом полисемантичном слове актуальным или основным, как правило, становится общественно-политическое значение, либо отодвигающее остальные на второй план, либо вытесняющее их. Так, например, слово *листовка* первоначально было разговорным и употреблялось для названия 'книжки в один печатный лист, приспособленной для наиболее широкого распространения, в народе'

(Сл. Акад. 1895): Тут были листовки, изданные Сытиным и «Посредником» (Рубакин, Перед рассветом). Значение 'печатный листок обычно злободневного, политического, агитационного содержания' (БАС) впервые отмечается в книге В. И. Ленина «Что делать»?[91] и закрепляется в языке: Как только рабочие увидали, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их, — они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов (В. И. Ленин, т. 6, с. 54).

Слово *подполье* и его производные (*подпольный* и др.) развили, как известно, два значения: первое, сложившееся под влиянием известного памфлета Ф. М. Достоевского «Человек из подполья»: 'изолированность от жизни, отказ от борьбы, индивидуализм, сочетающий натуру ядовито-колющую и мучительно-раздавленную' (Анненск., Втор. кн. отраж.), и второе, социально-политическое, сформировавшееся в середине 70-х годов в народовольческих кружках, и значительно расширившее лексические связи этого слова (ср.: *подпольный человек*, но: *подпольная пропаганда, агитация, брошюра* и др.): К чему, утверждали, все эти тайные общества, *подпольная* пропаганда, агитация (Лит. «НВ»); Поле деятельности революционера тайная *подпольная* агитация (Куклин, Итоги рев. движ.). В дальнейшем это слово получает распространение в партийной литературе, а затем в литературном языке вообще: Ликвидаторство есть отрицание или умаление подполья, т. е. нелегальной (единственно существующей) партии. Только подполье вырабатывает *революционную* тактику и несет ее в массы как через нелегальную, *так и через легальную* печать (В. И. Ленин, т. 23, с. 206); В течение долгого времени они [христиане] могли работать на пользу своего дела лишь тайно, лишь в *подпольях* (Плехан., Перв. фазы учения); Революция выходит из *подполья* и под именем явочного порядка овладевает русскою жизнью (Памяти Шишко).[92] По-видимому, следует говорить о сосуществовании не одного, а двух терминоло-

---

[91] См.: *Вирковская А. М.* Общественно-политическая лексика в книге В. И. Ленина «Что делать?» Автореф. канд. дис. Минск, 1961, с. 20.

[92] Ю. С. Сорокин считает, что первоначальная экспрессивность выветрилась, и слово «получило точное значение общеупотребительного термина» (*Сорокин Ю. С.* Указ. соч., с. 512).

гических значений, развившихся в литературном языке для обозначения разных по характеру явлений: И вот я подхожу к большому роману большого... но, увы! соблазненного *подпольем* художника. «У последней черты» — так называется этот роман Арцыбашева (Кранихфельд, В мире идей); Так же, как и в старину, *подполье* бунтует против бентамовской таблицы умножения. Для него — призыв к столу — больше хлеба, и колокол выше колокольни. Духовное творчество является вещью в себе — вот скрытый постулат *подполья* (Чуковск., Об эстет. нигил.). Новое значение: 'подпольная деятельность заговорщиков и революционеров' впервые фиксирует Словарь В. И. Даля. Переносное употребление слова *надпольный*, распространившееся в начале XX в. на базе второго, общественно-политического значения *подпольный*, дублировало понятие *легальный* (см.: Арс., Законод. о печати) и не закрепилось в языке.

Первоначальное значение слова *провокация* 'вызов к началу иска на дуэль' (Словотолк. — 1877), 'то же, что апелляция' (Чудинов, СИС — 1902) (*провокат* 'вызванный в суд') было вытеснено к началу XX в. политическим значением, сформировавшимся на базе старого: 'возбуждение, науськивание, призыв к возмущению' (Даль, Сл.), 'подстрекательство' (Битнер, СИС — 1905); *провокатор* 'вызыватель, возбудитель, науськиватель, кто умышленно возбуждает толпу и вообще народ с целью вызвать возмущение и беспорядки' (там же). Современное значение слова *провокатор*: 'тайный агент, проникающий в нелегальную организацию с предательскими целями' (БАС) сформировалось в среде революционеров в 70-е годы и впервые отмечено Словарем Ефремова: 'входящий под видом члена в тайную революционную организацию с целью следить за ее действиями и выдавать её деятелей полиции'. Словарь зафиксировал и то промежуточное значение, которое послужило основанием для развития нового и которое фиксируют последующие словари: *провокация* 'подстрекательство отдельных лиц или толпы к какому-нибудь политическому выступлению или преступлению, с целью выдать некоторых лиц в руки властей или вызвать репрессии полиции' (Ефр., СИС—1911). Пример: Агенты выдавали своих близких жандармерии, служа для нее шпионами, и назывались у политической полиции «сотрудниками», у своих же шли под именем *провокаторов* (Спирид., При царск. реж.). В слове *провоцировать*

до начала 20-х годов XX в. сохраняются оба значения: 1) 'требовать судом, апеллировать к народу'; 2) 'побуждать, подстрекать'.

В слове *прокламация* первоначальное значение 'публичное объявление или воззвание к народу царя, главнокомандующего на театре военных действий для возбуждения в них мужества, доверенности, усердия и самоотвержения' (Толль); 'объявление о каком-либо госуд. предприятии' (Словотолк. — 1877) в последние десятилетия XIX в. оттесняется общественно-политическим: [Осип:] А проще всего составить *прокламацию*, воззвание, значит, к рабочим (Стачка). Словари начала века фиксируют это значение: 'воззвание политической партии ко всему народу возбуждающего характера' (Берг, СИС — 1901), 'воззвание оппозиционной или революционной партии, выражающее отношение к какому-нибудь событию, призывающей к к.-н. действию' (Ефр., СИС — 1911), 'совместное прекращение работы на предпринимателя для улучшения рабочих условий' (Яновский, СИС — 1905).

Слово *стачка*[93] в последнее десятилетие XIX в. развивает общественно-политическое значение, сузив первоначальное значение 'союз', 'действие стакнувшихся' (Сл. 1847)[94]. Обозначая первоначально 'уговор, сделку, объединение, коалицию, уговор к забастовке' (Сл. для всех), слово начинает вбирать в себя то значение, которое закрепилось за словом *забастовка* 'прекращение работ фабричными рабочими с целью добиться каких-нибудь уступок по стачке между собой' (Чудинов, СИС — 1902; Сл. для всех; Ефр., СИС — 1911), ср. в европейских языках: *стачка* — coalition, Verabredung, combination и *забастовка* — grève, Arbeitseinstellung, strike. В словаре Даля эти значения еще дифференцируются: *забастовка* 'отказ продолжать что-либо, шабаш или прогул по стачке, сообща, чтобы вынудить повышение платы'. Однако другие словари начала века, целиком ориентирующиеся на современное им словоупотребление, этого разграничения уже не делают: Наше уголовное законодательство отличает стачку — уговор к забастовке, подготовку к ней, от самой забастовки — прекращения работ рабочими по «стачке

---

[93] См. об этом слове: *Коготкова Т. С.* Стачка и забастовка. — Русская речь, 1971, № 6, с. 89—94.

[94] Об этимологии этого слова см.: *Вяземский П. А.* Sonety A. Mickiewicza (Сонеты Адама Мицкевича). М., 1826. — Московский телеграф, 1827, т. XIV, № 7, с. 195.

между собою», хотя в обыденной речи стачка и забастовка обыкновенно не различаются (Сл. для всех). Ср. совр.: *стачка* 'то же, что и забастовка' (БАС, Сл. Ожегова). Прозрачна неязыковая мотивировка такого объединения слов: соединение, союз, стачка предполагали не пассивную, а активную форму протеста — прекращение работы и выдвижение известных требований. В начале XX в. в законодательной печати были предприняты попытки разграничить эти понятия: *стачка прекратить работу* и *прекращение работы* 'забастовка', уже не дифференцировавшиеся в речевом обиходе: Мы забастуем, *стачку* устроим (Стачка); Какое же значение имеют забастовки (или стачки) в борьбе рабочего класса? (В. И. Ленин, т. 4, с. 291).

Формирование терминологических систем, как уже указывалось, связано с переосмыслением слов нетерминологического характера. Известно, далеко не всегда возможно определить, имеем ли мы дело с усложнением семантической структуры однозначного слова или образованием двух слов-омонимов даже в тех случаях, где речь идет о собственно русских словах или освоенных заимствованиях, когда так или иначе прозрачна мотивировка переноса. Например, в слове *буфер*: 1) 'подушки, ослабляющие толчок при сближении двух вагонов' (Сл. Акад. 1895) и 2) сложившееся в публицистике конца XIX в., а затем распространившееся в разговорной речи — 'политически слабая страна, расположенная между двумя могущественными державами, которые охраняют ее независимость, дабы сами они, во избежание столкновений, не приходили в соприкосновение друг с другом' (первая лексикографическая фиксация: Яновский, СИС — 1905): Едва ли удастся создать «*буфер*» и за счет надельных земель (Пешехонов, В темн. ночь); Россия должна потерять губернии Привислянского края, входящие в состав возрождаемой Польши — государства-*буфера* (Ковалевск., Нац. вопр.).

Развитие новых, общественно-политических значений в ряде слов-терминов предполагает известное семантическое преобразование: выход слова за пределы узкотерминологического значения и сужение его смыслового содержания на базе нового, более широкого значения. Семантический процесс происходит чаще всего не в пределах терминологически замкнутых систем, а в системе общелитературного языка в целом.

Слова *ликвидация, ликвидаторство, ликвидаторский,* принадлежащие к кругу финансово-кредитной терминологии, с начала 70-х годов начинают употребляться за ее пределами: 80-е годы — момент *ликвидации* русских общественных направлений и симпатий (Лит. «НВ»); *ликвидация старого строя* 'переходный момент, когда политическая власть переходит в руки новых общественных слоев' (Сл. для всех). Лишь на базе нового, более широкого значения формируется общественно-политическое его значение, возникнув в большевистской печати после революции 1905 г.[95], а затем распространившись в публицистике вообще: *Ликвидаторы,* течение русской соц.-дем. партии, настаивающие на необходимости отказаться от старой заговорщицкой тактики и стремиться к созданию открытой широкой партии (Русск. энц.); *Ликвидаторство* (курсив наш. — *Л. Г.*), это — «попытки некоторой части партийной интеллигенции *ликвидировать*» (т. е. распустить, разрушить, отменить, прекратить) «существующую организацию партии и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности» (т. е. законности, «открытого» существования) «во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою *явного отказа от программы, тактики* и традиций» (т. е. прежнего опыта) «партии» (В. И. Ленин, т. 23, с. 69).

Исключение составляют слова, относящиеся к религиозно-догматической сфере и не пережившие процесса переосмысления в общелитературном языке; в последний они вошли со своими особыми значениями, к этому времени сложившимися в партийной печати (*сектант, раскольник* и др.).

Основная масса терминов, пополнившая идеологические лексиконы в предоктябрьский период, сформировалась на базе сужения семантического объема целого ряда слов. Это обстоятельство могло бы в некоторых случаях быть основанием для отграничения переносных значений слов от семантических заимствований. Например, вторичное значение слова *каучуковый* 'о расплывчатых, допускающих двусмысленные толкования, решениях, формулировках, определениях' (БАС), распространившееся в политической литературе начала XX в., развилось не на базе прямого значения (литературное: *каучуковый* 'сделанный из каучука, резиновый'), а было привнесено из-

[95] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 471.

вне. Пример: Марксистская «Заря», выходившая в 1901—1902 гг. в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть *«каучуковой»* (курсив наш. — *Л. Г.*) его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 года (В. И. Ленин, т. 33, с. 105).

Политический смысл слов *дезорганизация, дезорганизовать, политдезорганизатор* (ср. 'расстройство организма') сформировался под влиянием французского языка [96] (*дезорганизовать* 'разрушить политическую организацию, порядок') в 70-е годы XIX в. в среде революционной молодежи, выдвинувшей тезис *дезорганизовать правительство,* т. е. расшатать, ослабить его: Ослабить, расшатать, т. е. дезорганизовать силу государства [разр. авт.], без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного, плана восстания (Программа «З» и «В»); Подозрения в том, что приехавший террорист — *дезорганизатор,* рассеиваются (Лит. «НВ»); *Дезорганизаторская* группа — одна из групп революционной партии «Земля» и «Воля», имевшая целью всеми способами дезорганизовать правительство и заставить его отказаться от власти, призвав к ней народ (Майданов, СИС — 1907). Первоначально словом *дезорганизация* в политической литературе обозначались только террористические акты: 'устранить правительственных агентов, вредящих деятельности организации, а также тех правительственных чиновников, которыми определялась внутренняя политика России' (Былое, 1906, № 8). Позднее в марксистской литературе это слово и его производные употреблялись в чисто политическом смысле: 'расшатать, разрушить организацию партии': Тут отмахнуться нельзя: кто не научился пресекать в корне дезорганизаторство, тот не годится в организаторы. А без организации рабочий класс — *ничто* (В. И. Ленин, т. 24, с. 166).

Слово *кустарный* (*кустарничество*) как политический термин впервые выступает у В. И. Ленина. Этим словом В. И. Ленин называл метод работы первых социал-демократических кружков: Главная черта нашего движения,

---

[96] См.: *Будагов Р. А.* Из истории политической терминологии во Франции. — Литературный критик, 1938, № 4, с. 213.

которая особенно бросается в глаза в последнее время, это его раздробленность, его *кустарный* (курсив наш. — *Л. Г.*), если можно так выразиться, характер: местные кружки возникают и действуют почти совершенно независимо от кружков в других местах и даже (чтб особенно важно) от кружков, действовавших и действующих одновременно в тех же центрах; не устанавливается традиции и преемственности, и местная литература всецело отражает эту раздробленность, отражает отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией (В. И. Ленин, т. 4, с. 323); ... и вдруг опять рассыпать храмину и возвращаться к старому *кустарничеству*! (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 46, с. 138); Ликвидация периода *кустарничества* шла вперед, и вот здесь на съезде мы видим единую Партию, созданную, в значительной степени, деятельностью «Искры» (Прот. II съезда). Первая лексикографическая фиксация — в «Политическом словаре» Попова (СПб., 1907): *кустарничество* 'в переносном смысле, обозначает раздробленность, разъединенность такой деятельности, которая, по самому существу своему, должна быть широкой и в то же время тесно сплоченной, объединенной, централизованной, планомерной; например, кустарничество в партийной работе' [97].

Общественно-политический смысл слова *партия* [98] сложился в 70-е годы XIX в. И. Мышкин в своей знаменитой речи на суде доказал, что группа людей, объединенная стремлением разрушить существующий строй, и составляет социально-революционную партию. Это явление положило начало официальному признанию за словом *партия* чисто политического смысла, в отличие от кружков, обществ, объединений, союзов (ср. замечание Г. В. Плеханова: Разночинцы не могли и подумать о том, чтобы составить какую-нибудь «*партию*». Тогда вообще невозможно было существование никаких *партий*, кроме литературных (Литер. и крит.). В официальной и официозной печати со второй половины 70-х годов говорится о деятельности русской социально-революционной партии

---

[97] В книге «Лексика современного русского литературного языка» это слово ошибочно зачисляется в разряд таких слов, «значения которых видоизменялись в сторону выражения ими понятий, возникающих именно в общественной жизни послереволюционной (разр. наша. — *Л. Г.*) эпохи» (с. 98).

[98] См.: *Сорокин Ю. С.* Указ. соч., с. 326—327.

как союза политических единомышленников. То же в документах народовольческой пропаганды: Революционная *партия*, существование которой также обусловливается известными жизненными отношениями... способна так или иначе влиять на ход и направление общественной жизни (Черн. передел); *Партия*... должна была составить ту народную силу, которая низвергла бы существующий порядок (Там же); Мы составляем лишь частицу многочисленной в настоящее время на Руси социально-революционной *партии*, понимая под этим словом всю массу лиц одинаковых с нами убеждений (речь Мышкина); см. в словарях: *партия* 'сторонники, одномышленники, товарищи по убеждениям' (Даль, Сл.); *политические партии* 'партии людей одинаковых политических убеждений и стремлений' (Сеславин, КЭ; Битнер, СИС — 1905). Четкое терминологическое содержание это слово получает в ленинском словоупотреблении: Партия *есть* сумма связанных воедино организаций. Партия *есть* организация рабочего класса, расчлененная на целую сеть всяческих местных и специальных, центральных и общих организаций (В. И. Ленин, т. 24, с. 30); Партия — это авангард класса, и задача ее вовсе не в том, чтобы отражать среднее состояние массы, а в том, чтобы вести массы за собой (В. И. Ленин, т. 35, с. 94).

Политическое значение в слове *пораженец* и его производных возникло в революционной среде в первую мировую войну, когда определилось отношение к ней разных классовых групп: «*пораженчество*» как форма оппозиции царскому режиму и «*патриотизм*» как «защита царя и отечества». Например: Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против «пораженчества», поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой и самой варварской царской монархии и *начала* революционного пожара (В. И. Ленин, т. 31, с. 15).

В слове *прослойка* (и производных) новое значение ('общественная группа, не входящая в какой-либо класс общества') определилось в самом конце XIX—начале XX в.: Андреев... *прослойный* межклассовый элемент спутал в перспективе с общечеловеческим (М. Морозов, Очерки).

В слове *ревизионизм* 'направление в науке, политике, искусстве, стремление к пересмотру основ, принципов того или иного учения' (Ефр., СИС — 1911) политическое

значение развилось в самом начале XX в. и отмечено рядом словарей: 'стремление к более или менее коренному пересмотру учений Маркса' (Майданов, СИС — 1907; Г. Ч., Сл. по раб. вопр.), 'пересмотр программы и тактики политической партии' (Павленков, Энц. — 1913): Это — типичный философский *ревизионизм* (курсив наш.— *Л. Г.*), ибо только ревизионисты приобрели себе печальную славу своим отступлением от основных воззрений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью открыто, прямо, решительно и ясно «рассчитаться» с покинутыми взглядами (В. И. Ленин, т. 18, с. 10); Ревизионизм или «пересмотр» марксизма является в настоящее время одним из главных, если не самым главным, проявлением буржуазного влияния на пролетариат и буржуазного развращения пролетариев (В. И. Ленин, т. 25, с. 180).

Уклонение 'отход, отклонение от основной, правильной политической линии партии' [99]: ...три с половиной года тому назад все марксисты *единогласно*, в лице всех течений без исключения, должны были признать два *уклонения* от марксистской тактики. Оба уклонения были признаны *опасными* (В. И. Ленин, т. 23, с. 72); Серьезно разбирать эту теорию *уклонения* (курсив наш. — *Л. Г.*) (по случаю собственно споров) от социализма, разумеется, не доводится (В. И. Ленин, т. 6, с. 379) [100].

Ячейка 'клеточка, луночка, дыра, проем, очко, гнездо' (Даль, Сл.). В качестве политического термина это слово первоначально используется в народовольческой литературе: Вне местных кружков-*ячеек* партии приходится иногда иметь органы, которые, по самой сущности своей функции, не могут образовать местной группы из 5 человек (Черн. передел); позднее оно получает распространение и за пределами партийной литературы: Боевые *ячейки* (партийных организаций) существовали постоянно (Лемке, 250 дн.). В. И. Ленин в 1911 г. отметил это слово как «хорошо выражающее ту мысль, что внешние условия предписывают небольшие, очень гибкие, группы, кружки и организации» (В. И. Ленин, т. 20, с. 356). Это

---

[99] См.: *Ожегов С. И.* К вопросу об изменениях словарного состава..., с. 75.

[100] В советский период (1921 г.) слово в этом значении было вытеснено словом *уклон*, обозначавшим сходное явление.

обстоятельство дало повод утверждать, что «русское слово *ячейка* введено в качестве партийного термина В. И. Лениным в 1911 году»[101]. В действительности, это слово в партийном обиходе и демократической публицистике было и ранее: Первоначальной *ячейкой* в Германии, где зародилась ново-буржуазная идея, был так называемый социал-демократизм (Наши направл.); Единственно правильным типом организационного строительства в переживаемую эпоху является нелегальная партия, как сумма партийных ячеек (КПСС в резол., т. I).

Политическое звучание получают некоторые цветообозначения. Например, *розовый* 'неопределенный, половинчатый, нечетко выраженный по своим политическим и классовым убеждениям': *Розовые* партии (Моск. вед., 1906, № 142); Наша журналистика почти сплошь «оппозиционна», другими словами — окрашена в *бледно-розовый* цвет (Потресов, О русск. интел.).

В употреблении в переносном значении прилагательного *красный* обнаруживаются различия в разных сферах речи на протяжении последних десятилетий XIX в.: в 70—80-е годы оно недифференцированно обозначает революционера вообще (см.: Каблиц, Осн. народн.), а позднее в литературе официального толка выступает как обобщенное название антиправительственной оппозиции (см.: Письма о России). Круг сочетаний его с существительными разных лексико-семантических групп почти не имеет ограничений; широко используются в политическом смысле все оттенки красного: *багровый, амаранговый, багряный, ультра-пурпурный, инфракрасный* и др. В публицистической литературе распространяется употребление прилагательного *черный* в значении 'клерикальный'.

2. По сравнению с общественно-политическими лексиконами, другие терминологические системы языка пополнялись активнее за счет словообразовательных возможностей русского языка, нередко с использованием иноязычных интернациональных словообразовательных формантов, новых заимствований и искусственно созданных слов.

Удельный вес новообразований в отдельных терминосферах был настолько значителен, что не может быть

---

[101] См.: *Чуковский К. И.* Живой как жизнь. М., 1962, с. 69; *Шкляревский Г. И.* История русского литературного языка. Харьков, Изд-во Харьковского ун-та, 1973, с. 14.

представлен даже в перечнях и требует специальных исследований для полного своего описания. Здесь рассматриваются только некоторые из наименований, терминологические значения которых, определившиеся в описываемый нами период, не составляли специфику той или иной терминологической системы, а получили общелитературное распространение: *Почерк* 'слог, манера в искусстве' [102]. *Лента* в значении 'кинематографическое произведение', 'фильм': Показана *лента*, изображающая Льва Николаевича в Москве (Кине-журнал, 1910, № 1); Большие шутники заведывают делами болгарской таможни: так, например, кинематографические *ленты* ею относятся к отделу галантерейных изделий (Там же, № 3). Слово *сводка* первонач. 'действие по глаголу *сводить*; сводка продавца с покупателем; в печатном деле — сличение, выправление набора с подписным листом' (Даль, Сл.) в первое десятилетие XX в. утвердилось в терминологическом значении 'собирание воедино разных сведений' (воен.). Однако круг его употреблений не замкнулся терминологической сферой. Словари фиксируют и более широкое его употребление. Например: Приступая к изданию настоящего словаря иностранных слов, мы имели в виду дать... *сводку* всего лучшего и наинужнейшего из содержимого однородных с ним книг (Виллиам, СИС — 1915). Другие примеры: *Сводка материала* (На разн. темы); *Сводка завоеваний* (Бобров, Зап. стихотв.).

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ

1. Развитие терминологических значений в ряде слов — это только одна из линий семантического развития литературного языка. В огромном числе слов, относящихся к отдельным терминологическим системам, развились новые значения, границы их лексической сочетаемости и сферы употребления расширились. Этот процесс широкого их вхождения в литературный язык рассматривался как один из важных факторов развития общечеловеческой культуры вообще [103].

---

[102] См.: *Хавин П. Я.* К истории слова *почерк* как термина эстетики. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, с. 329—330.

[103] См.: *Хюттль-Ворт Г.* [Рец. на кн.]: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., «Наука», 1965. — ВЯ, 1966, № 3, с. 117.

Часть слов, принадлежащих к определенным терминологическим системам, подверглась детерминологизации; в процессе, представляющем в конечном своем развитии полный отрыв слова от его терминологически замкнутого значения и включающем слово в новый круг лексико-семантических сочетаний, выявляется несколько этапов этого семантического преобразования[104]. Каждая из терминологических систем имеет свою внутреннюю организацию материала и может быть рассмотрена в ее отношении к другим терминологическим системам.

В процессе детерминологизации актуализирующим фактором выступает также способность слова употребляться в других терминологических системах. Так, закреплению переносного значения слова *локализация* (ср.: 'ограничение определенной местностью, употребляемое чаще всего по отношению к расположению войск') [Словотолк. — 1877], впервые отмеченного в народовольческой литературе: Провал типографии был *локализован* абсолютно (Лит. «НВ»), способствует его употреблению в начале XX в. в других терминологических системах, например, в значении 'отнесение ощущений к определенной точке нашего тела' (Русск. энц.; Ефр., СИС — 1911): Поднимемся выше, в царство культуры и природы, где «локализуются» соответственно ценности и предметы (Райнов, Введ. в феномен. творч.); ... отказ сотрудничать в «Пролетарии», поведет, по-моему, неизбежно к обострению конфликта среди беков, к затруднению *локализации* (курсив наш. — *Л. Г.*) новой драки, к ослаблению насущного, практически и политически необходимого дела революционных с.-д. в России (В. И. Ленин, т. 47, с. 145).

О многих переосмыслениях можно говорить только как о потенциально возможных случаях детерминологизации, сам же круг детерминологизировавшихся слов представляется достаточно четким только при рассмотрении конечной стадии этого процесса в современном языке. Как известно, уже начало XX в. характеризуется широким распространением в разговорной речи военной терминологии[105]. Среди неязыковых факторов важное место заняло развитие военной техники, подводного спорта,

---

[104] См.: *Капанадзе Л. А.* Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной. Автореф. канд. дис. М., 1966.

[105] *Карцевский С. О.* Язык, война и революция; *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи.

воздухоплавания. Войны, следовавшие с небольшими перерывами, явились «мощным психическим прессом, вдавившим военную терминологию в общенародное языковое мышленье» [106]. Активизация этого круга терминов особенно характерна для политической литературы агитационного характера. Действенно используется военное слово В. И. Лениным [107].

Традиции такого использования следует искать еще раньше в словоупотреблениях, рожденных характером и направленностью народнических программ, особенно террористического направления. Например: *Центральный удар*, который направлялся на главу государственной власти, парализовал бы центральное правительство (Фигнер, Запеч. труд); Идти в народ с целью «*рекогносцировки*», т. е. подготовки к знакомству с ним, как таинственным незнакомцем, чем возбуждать его к выступлению: Стефанович предложил предварительно произвести *рекогносцировку* на месте (Аптекман, Из ист. народн.). После разгрома пропагандистов 1874 г. народники-революционеры в своих обращениях заявляют о том, что «революционная армия, хотя и потерпела сильный урон, но все еще жива и готова на дальнейшую борьбу с существующим строем» и «полна решимости» переменить *тактику* борьбы и перейти к наступательному образу действий» [108]. *Общей тактикой*, выработанной революционерами, называется отказ открыть свое настоящее имя при аресте (Вестн. народн. воли, 1866, № 5). *Тактика* 'приемы борьбы политических партий' (Яновский, СИС — 1905) 'способ действия, при помощи которого партия думает достигнуть цели' (В. Ч., Полит. сл.). Слово *застрельщик* до 70-х годов XIX в. обозначало стрелка, действовавшего в рассыпном бою, 'кто первый начинает стрелять' (Орлов, ФС); значение 'тот, кому принадлежит почин в каком-либо деле, начинатель' зародилось во второй половине 70-х годов в среде революционных кружков: Столичная революция — застрельщик общего движения, как заговорщическое восстание — *застрельщик* столичной революции (Степн.-Кравч., Подпольн. Россия). В 80-е го-

---

[106] *Успенский Л.* Русский язык после революции. — Slavia, 1931, т. X, вып. 2, с. 263.

[107] См. об этом: *Кожин А. Н.* Военное слово в речи В. И. Ленина. — Русская речь, 1969, № 4.

[108] *Глинский Б. Б.* Революционный период русской истории, ч. 2. СПб., 1913, с. 103.

ды оно закрепляется в общелитературном употреблении: Первые *застрельщики* публицистической пропаганды не ограничивались писанием статей, но сами горячо рвались к тому, что они называли делом (Неведенск., Катков и вр.). То же в слове *кадр,* шедшего с пометкой *воен.* 'запасная часть войск' (Словотолк. — 1877); ср.: Приходилось начинать с подготовительной работы, или, как тогда выражались, формировать *кадры*, а позднее — организовывать партию (Ист. «чайковцев»); Нынешние чернопередельцы имеют в виду организацию убежденных социалистов как *кадр* революции, на основании социалистических убеждений (Черн. передел). Первая лексикографическая фиксация: *кадры* 'это ядро, ряды той среды, о которой идет речь' — в Словаре Ачадова (1906 г.). Словом *контингент* назывался 'сбор денег, запасов и особенно сбор войска с нескольких владений, составляющих между собой союз для ведения войны' (СИС — 1875); 'основной вклад компаньона в коммерческом предприятии' (Словотолк. — 1877): Войска, расположенные в пограничных областях, не успевают получить *контингента* (Дневн. Половцева). Новое значение впервые отмечается в материалах народовольческой пропаганды: Партия может выдвинуть в деревню *контингент* интеллигентных сил (Черн. передел); Нужен был *контингент* особенно даровитых организаторов (Вольн. слово, 1881, № 18, 1 нояб.). Хотя оба значения в самом начале XX в. сосуществуют: 1) 'полное число людей, долженствующих находиться в постоянной армии'; 2) 'личный состав чего-либо, например, учителей' (Берг, СИС — 1901), с середины 10-х годов «военное значение» отодвигается на периферию. Словари, изданные в первое десятилетие XX в. (за исключением Словаря Берга), не фиксируют его профессионально-замкнутого значения: *контингент* 'наличное число людей, собранных с какой-либо целью' (Даль, Сл.); 'установленное количество' (Каррик, Сл.), 'полный состав какого-либо учреждения' (Смирнов, Народн. сл.). Примеры: *Контингент* учащихся состоит большей частью из иноязычных элементов (План Акад. Сл.); С развитием земского дела увеличивается в земстве и другой *контингент* интеллигенции (Глинск., Среди литерат.).

В конце XIX—начале XX в. популяризации военной терминологии способствует и агитационная работа ораторов-большевиков, широко включавших этот материал в обсуждение дискуссионных вопросов партийных про-

грамм: *занять позицию* (*выгодную, правофланговую* и др.), *тактика бойцов, а не герольдов, гул битвы, передислокация сил, завоевание позиций, укрепление флангов, форсировать бой*[109], *штаб революции* и др. Такое словоупотребление сохраняется и в послеоктябрьский период[110].

Приводимые ниже словарные иллюстрации фиксируют значения, сложившиеся к 70-м годам XIX в., и изменение семантической структуры слова в последующие десятилетия.

Аванпост 'охранная передовая стража' (Орлов, ФС); переносное значение развивается во второй половине 70—80-х годов: Люди, стоящие на *аванпостах* человечества, внезапно увидели великую опасность самого индивидуализма (Г. Чулк., Театр будущ.). Известную роль в детерминологизации этого слова сыграло и то обстоятельство, что в конце XIX в. оно исключено из военных уставов как иноязычное и заменено русским *сторожевое охранение*. Аналогичное явление прослеживается в синонимическом ряду *мобилизация—ополчение*, где заимствованное слово быстро развило переносное значение: *мобилизация земли* 'массовый, беспрерывный переход земельных владений от одних владельцев к другим, от одного класса или сословия к другому' (Ефр., СИС — 1911; Сл. для всех): Новая схватка студентов с правительством дает всем нам возможность и возлагает на нас обязанность ускорить это дело *мобилизации* (курсив наш. — *Л. Г.*) всех общественных сил, враждебных самодержавию (В. И. Ленин, т. 6, с. 279); Говорят, *мобилизуют* уже первый департамент правительственного сената, умоляя его не дать погибнуть этим незыблемым основам русской литературы (буквам ѣ, ѳ, і) (Н. Морозов, Реформа русск. орфогр.).

Арьергард 1) 'отряд или отдел войск позади армии, корпуса, отряда, для прикрытия тыла; запасная сила,

---

[109] С фиксацией этого круга слов ряд авторов «опаздывает», см., например: *Ветвицкий В. Г.* О семантических неологизмах в русском языке. — Вестник ЛГУ, вып. 4, № 20. Серия истории, языка и литературы, 1967, с. 141—142; *Алтайская А. Ф.* Расширение сферы терминологической лексики в первое десятилетие после Октябрьской революции. — Доповіді та повідомлення Ужгородського ун-та, 1959, № 4, с. 52—53; *Газанчиян Н. А.* Семантико-стилистические сдвиги в заимствованной лексике (советский период), с. 4.

[110] См.: *Винокур Г. О.* Культура языка, с. 83.

зады, хвост, хобот, пятки'; 2) 'задняя часть, отделение флота или эскадры' (Орлов, ФС); 'часть войск, которая должна охранять от неприятельского нападения тыл главных сил' (Брокг.—Ефр., Энц.; Русск. энц.; Даль, Сл.). Примеры переносного употребления слова в первой половине XIX в. единичны (см.: В. Жуковский, Письмо к Гоголю, 1848 г. — ЛК). Вторичное значение впервые отмечено в Словаре Волгина и Ашина: Адвокаты, врачи и т. д. составляют *арьергард* настоящего освободительного движения (Волгин, Толковат.); примеры же употребления в описываемый период ограничиваются политической литературой: «Передовой» отряд, который боится, как бы сознательность не обогнала стихийности, который боится выдвинуть смелый «план», вынуждающий общее признание и у несогласно мыслящих! Да уж не смешивают ли они слово авангард с словом *арьергард*? (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 6, с. 85); Вам нужна не партия-авангард, а *партия-арьергард,* чтобы потяжеле была на подъем (В. И. Ленин, т. 14, с. 163).

Демаркационный — '*демаркационная линия,* отделяющая одну от другой две армии, пограничная, условленная линия во время перемирия между двумя воюющими армиями' (Даль, Сл.; Сл. Акад. 1895). Нетерминологическое значение одним из первых отметил Н. Смирнов в «Новом словаре иностранных слов» (СПб., 1906): *демаркационный* 'пограничный, различительный'; 'черта, резко разграничивающая две вещи или два понятия' (Ефр., СИС—1911). Эту словарную фиксацию следует считать довольно поздней, потому что переносное значение было широко употребительным уже в 80-е годы: Весьма естественно находить, что всего важнее тщательное охранение *демаркационной* линии, обведенной вокруг земских учреждений (ВЕ, 1884, кн. 4). В 900-е годы публицистика и художественная критика широко используют слово в новом значении: Как будет «Гласность» проводить *демаркационную* линию между политическою и национальною свободою — можно отчасти уже и из первого номера видеть (Михайловск., Отклики); Над той *демаркационной* чертой, которую проводит критическая философия, останется область, далеко еще не заполненная (Неведомс., В защ. худож.).

Доминировать (воен.) 'занимать местность более высокую, чем окрестность или чем та, где находится неприятель, иметь над ним преимущество в отношении заня-

той позиции; господствовать, преобладать' (Сл. Акад. 1895). Новое значение 'преобладать, господствовать вообще в чем-либо' (Ефр., СИС—1911) развилось в самом конце XIX—начале XX в.: Отдельные личности... не *доминируют*, но работа их видна (Чехов, П. к А. Орлову, 22 февр. 1899 г.); *Доминирующее* течение в «темном царстве» налагало свой отпечаток на всю группу (Воровск., Раскол в «темн. царстве».).

Лавировать первонач. 'идти ломаной линией кораблю вдоль берега' (Бурдон-Мих., 1871); переносное значение развивается в самом конце XIX в. Первая лексикографическая фиксация в «Толкователе» Гана: 'уклоняться от чего-либо, действовать сообразно обстоятельствам', в последующих словарях: 'уклоняться' (Абрамов, СС), 'уклоняться от прямого пути, вилять', 'говорить и поступать неискренно' (СИС—1907), 'поступать, соображаясь с обстоятельствами' (Гомартели, Полит. сл.). Например: Плеханов вертится, *лавирует* (курсив наш. — *Л. Г.*), виляет, отделывается софизмами от этих простых, прямых и очевидных вопросов (В. И. Ленин, т. 12, с. 274).

2. При общей направленности процесса детерминологизации выявляется его своеобразие в отборе слов каждой терминологической группы. Это явление в известной мере регулируется и фактами неязыкового порядка, например, активизацией определенного круга понятий в речевом обиходе говорящих. Соотношение же слов разных терминологических систем, вовлекающихся в процесс детерминологизации, складывается весьма своеобразно. Например, выход слова за пределы специального употребления порождает контексты, где слова-термины начинают пересекаться, т. е. использоваться в разных терминосферах: в произведениях литературы находят *мозаику*, им приписывают *лейтмотивы, аккорды, нюансы*[111], в словесном тексте распределяют *свет* и *тени*, вычленяют *передний* и *задний* план. Драма имеет свою *архитектонику*, поэт и музыкант пишут *мазками*: Что представляет собой эта серебристая пьеса? Ряд мастерски брошенных на полотно художника *мазков*, ряд световых эффектов (Совр. мир, 1908, № 3); Написан водевиль прекрасно: но *архитектура* его несносна (Чехов, П. к Лазареву-Грузинскому, 1 нояб. 1889 г.). Показателен в этой связи пример,

---

[111] *Нюанс* 'оттенок, легкая характерная особенность' (Спутник читателя. СПб., 1908, с. 68).

где в одном и том же значении выступают слова, принадлежащие к разным терминологическим системам: В лице Дэзессента *изобразил,* а лучше будет сказать по-старому, *сочинил* — своеобразного сверхчеловека (Плехан., П. без адреса). П. Бицилли отметил в свое время использование Ф. М. Достоевским театральных терминов в нетерминологическом значении с тем, чтобы «внушить читателю, что то, о чем он повествует, происходит не в действительной жизни, а на театральной сцене. (Бицилли, О внутр. форме ром. Дост.). А. Белым были введены термины *контрапункт* и *интродукция* для описания ритмической организации художественной прозы; они были «подхвачены» литературной критикой начала века.

Отметим некоторые из этих слов, сгруппировав материал по сферам употребления их номинативного значения: а) театр; б) музыка; в) живопись; г) цирк.

а) *Авансцена* первонач. 'часть сцены между занавесом и оркестром' (Орлов, ФС; Даль, Сл.). В начале XX в. 'в переносном смысле говорят об *авансцене жизни,* передний план' (Майданов, СИС — 1907): Русская революция только-только начинала развиваться, когда всю политическую *авансцену* (курсив наш. — *Л. Г.*) занимали либеральные буржуа, как это было год тому назад (В. И. Ленин, т. 12, с. 34); Пока на *авансцене* революции стоит пролетариат... с.-д. идет вперед и тянет за собой всю Россию (Прот. Объед. съезда).

Бутафор, бутафория, бутафорский — переносное значение сформировалось в последние десятилетия XIX в., хотя словарями этого времени еще не отмечается (см. Сл. Акад. 1895): Сколько мерзостей придется Золя предусмотреть, чтобы довести отделку *бутафорских* деталей до совершенства (Салт.-Щедр., За рубежом). Первая лексикографическая фиксация в Словаре Ачадова: 'не настоящий, поддельный, фиктивный', в том же значении слово начинает отмечаться и в других словарях. Пример: Чирикову пришлось в конце выводить на сцену *бутафорский* образ Красной Смерти (Воровск., В ночь после битвы).

б) *Аккорд* — первые примеры переносного употребления этого слова относятся к первой половине XIX в. В этом значении слово *аккорд* становится обычным в «интеллигентском говорении» с начала 80-х годов: По целостности *аккорда*... рассказ «Недоброе дело» — просто образцовый (Д. Григор., П. к Чехову, 10 дек. 1888 г.); Алексей Степанович... ощущает мощь своих развернув-

шихся сил, слившихся в гармонический *аккорд* с мощью пробудившейся природы (Ганджул., Русск. жизнь); Наряду с удручающим трагизмом, одухотворенным пессимистическими *аккордами* лирических излияний властителей дум XX века, звучат комические напевы (Жураковск., Трагикомедия). В начале XX в. становится «модным словом» художественной литературы (отчасти бульварного характера); «серьезная критика» начинает его избегать.

Вариация 'изменение аккорда, согласное с главною темою пьесы' (7.500 сл.). Ср.: *варьировать* 'видоизменять, разнообразить' (Гомартели, Полит. сл.).

в) *Красочный*[112] первонач. (у художников) 'перегруженный красками', 'пестрый, яркий, аляповатый', 'сильно и ярко, резко окрашенный' (Сл. Акад. 1916). «Теперь это слово вошло в обиход и значит: выразительно сочный, колоритный, законно многоцветный»[113]. Например: Какие ароматные, *красочные,* весело и бодро смеющиеся слова, в них чувствуется сердце старой книги (Волжск., По поводу ром. Черн.). В 1904 г. слово в сочетании: *красочный тон* было упомянуто в докладе Г. Н. Тихонова («О живой русской речи»), прочитанном 1 апр. в «Союзе ревнителей русского слова» как неправильность русской речи[114].

Мозаичность, мозаичный — переносное значение 'состоящий из пестрых разнородных элементов' (БАС) развивается в начале XX в. в публицистике: *Мозаичность* творчества и чувствований — характерное ядро телесного сенсуализма (Радин, Пробл. пола).

Плакатный 'похожий на плакат яркостью красок, простотой рисунка и т. п.; свойственный плакату, плакатной живописи' (БАС): На этой почве и процвел «*плакатный* символизм» драм Л. Андреева с их мировыми кабаками и бытовым аллегоризмом (Эллис, Русск. симв.).

Ракурс первонач. в живописи 'перспективное изображение предмета, представляющее его в сокращенном

---

[112] См. об этом слове: *Петрищева Е. Ф.* Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени. — В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., «Наука», 1965, с. 60.

[113] *Горнфельд А. Г.* О художественной честности (1908). — В кн.: *Горнфельд А. Г.* Боевые отклики на мирные темы. М., 1924, с. 17.

[114] См.: Литературный вестник, 1904, т. 7, кн. 2.

виде' (Толль). Примеры переносного употребления: Из спущенного окна ее рисовался в повороте *ракурс* бархатной шляпки (Маркевич, Две маски — ЛК); Под новым углом зрения, в новом *ракурсе* их [Пушкина, Достоевского, Толстого] произведения утратили значительную долю своего ... обаяния (Лившиц, Освобожд. сл.).

г) В систему образных переосмыслений втягивается ряд слов, связанных с цирковым искусством. Их широко использует политическая литература как средство усиления выразительности. Например:

Жонглер и его производные; переносное значение: 'человек, делающий что-либо ловкое, головоломное... постоянно рискуя провалиться, проявить свою несостоятельность', 'играющий словами, быстро меняющий взгляды' отмечается словарями в конце XIX в. (Даль, Сл.; Сл. Акад. 1898). Ср. старые значения: *жонглер, -ы* а) 'прежде во Франции музыканты, сопровождавшие трубадуров'; б) 'теперь фокусник, показывающий опыты ловкости' (Михельсон, СИС—1891). Примеры: Оратор *жонглирует* мыслями, если эти ссылки в действительности при тщательной проверке, не подтвердили бы его положений (Попов, СИС—1907); *жонглировать словами* 'играть словами, понятиями' (Сл. для всех); ... принципиально не могу только отказаться... разнести Р. Н. С. за его политическое *жонглерство* (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 46, с. 132); Всюду в литературе ему видятся... *жонглеры* слов (Чуковск., Ран. Бунин).

Клоун бран. 'человек, разыгрывающий в обществе роль шута' (Даль, Сл.; Сл. Акад. 1910): Я нужнее здесь, чем все эти вместе взятые юродивые, святоши, реформаторы и прочие *клоуны!* (Чехов, Неприятность); Газетные *клоуны*... пять—шесть лет тому назад глумились над всяким «декадентством» без разбору (Эллис, Русск. симв.). К этому кругу переосмыслений относятся также слова *акробат, акробатство*: Но акробаты благотворительности смотрят на благодетельствуемых ими людей, в худшем случае, как на игрушку, приятно щекочущую их самолюбие (В. И. Ленин, т. 5, с. 313); Да, несомненно, «кипит деятельная работа администрации» — по уменьшению действительных размеров нужды и по сведению всего дела помощи голодающим до какого-то *акробатства* (курсив наш. — *Л. Г.*) копеечной благотворительностью (Там же).

Переносное значение ряда слов с резко экспрессивным оттенком, сложившееся в 60—70-е годы (*марионетка*

и др.), к концу века укрепляется в их производных: Трагедии Метерлинка требуют крайней неподвижности, почти *марионеточности* (Мейерхольд, Театр); Его [Судейкина] *марионеточная* фантазия достигла в серии этих работ как бы предуказанной ей силы убедительности и прочной полноты (С. Маковский, С. Ю. Судейкин. — Аполлон, 1911, № 8).

3. Судьба группы слов, тесно связанных с понятиями религиозного характера и уже изменявших свое содержание на протяжении XVIII—XIX вв., была тесно связана с активизацией религиозно-философской мысли в России и ее развитием в новых философских идеалистического направления системах. Полемика, возникшая вокруг целого ряда понятий и выходившая далеко за пределы религиозно-догматической литературы, способствовала изменению семантики ряда слов.

Ренегат первонач. 'отступник от веры, христианин, перешедший в магометанство' (Бурдон—Мих., 1877); 'вероотступник', 'переметчик от христианства. На Кавказе у осетин: осетин, числящийся официально православным, но исповедующий магометанство; заблудившийся между двумя верами' (Даль, Сл.). К началу XX в. *ренегатство* 'предательство вообще': Если *ренегат* отступился от лжи и прилепился к истине, так за что же его осиновым колом к земле пригвождать? (Михайловск., Н. В. Шелгунов); Явятся русские Гоши из простых поручиков, которые разгромят *ренегатов* Тотлебенов (Лит. «НВ»).

Политическое значение термина, сформировавшееся в партийной печати, фиксируется словарями начала века: 'отрекшийся от религии или от своей партии, изменивший своим убеждениям, своему прошлому' (Чудинов, СИС—1902); 'человек, изменивший религии или убеждениям, которые он исповедовал' (Битнер, СИС—1905): Утин один из ранних примеров крупного *ренегатства* в рядах социалистов (Лавров, Народн.); Политическое *ренегатство* В. Кельсиева... явилось первым испытанием, вызвав смятение среди начинавшейся формироваться оппозиции (Коварск., Михайловск.); *Ренегаты* (курсив наш. — *Л. Г.*) бывают во всех революционных партиях, во всех странах, и всегда находятся среди них мастера на эффекты (В. И. Ленин, т. 20, с. 98).

Индифферентизм первонач.: 'безразличие в делах вероисповедания, равнодушие к религии' (СИС—1861); 'равнодушие к религиозным предметам' (Бурдон—Мих.,

1871; СИС—1881); 'равнодушие к религии и всему религиозному' (Словотолк. — 1887). К концу XIX в. слово получает значение, не связанное с религиозно-культовыми представлениями: 'равнодушие, безучастие' (Чудинов, СИС—1902; Ефр., СИС—1911). Первые случаи такого употребления относятся к 80-м годам: Повсюду мы видим полнейший *индифферентизм* к общественным делам (Черн. передел); Теперь почти вошло в моду... считать за особенное достоинство поэтических произведений, если они не касаются общественных вопросов, если в них не слышно «гражданских иеремиад», как будто *индифферентизм* в этом случае — невесть какое преимущество (Бунин, Недост. совр. поэзии); Полезно было бы собрать в особой, небольшой книжке все эти перлы quasi-ученых выражений... *Индифферентизм* в этом случае непростителен (Харц., Восп.).

Иерархия 'порядок, в котором следуют церковные, а затем всякие другие власти' (Сл. для всех); 'священноначалие, взаимная подчиненность и градация чинов, титулов' (Стоян). Примеры переносного употребления: *Иерархия* различных недостатков народного идеала устанавливается таким образом (Плехан., Наши разногл.); Те, хотя бы и немногие, кто «накопили запас», объединяются и систематически оберегают «иерархию»: ее дух, ее учение, ее принципы, ее традиции, а не ее формы, конечно (В. И. Ленин, т. 21, с. 72).

Начетчик 'человек, начитанный в книгах, главным образом, в духовных'; новое значение: 'человек, много читавший, но поверхностно, догматически усвоивший прочитанное' (БАС): В его [Прыжова] автобиографии сказался он весь, с ожесточением против судьбы людей... вечного неудачника, заброшенного с большими дарованиями и широкой самодельной эрудицией *начетчика*-этнографа (Памяти Сторож.).

Раскольник 'отпавший от единства православной церкви; отступник, еретик' (Толль); 'отщепенец по вере, отпавший от своего исповедания' (Даль, Сл.). Политический смысл в слове сформировался в партийной печати в начале XX в.: Прославлялась «многочисленность» участников этого блока, прославлялся союз «марксистов разных направлений», прославлялось «единство» и нефракционность; посылались громы против «*раскольников*» (курсив наш. — *Л. Г.*), сторонников январской 1912 года конференции (В. И. Ленин, т. 25, с. 1).

Сектант 'человек с узким кругозором, слепо защищающий воззрение своего кружка', *сектантство*, в узком смысле: 'образование сект, отпадание групп от к.-н. церкви'; в широком смысле: 'партийность во всяком деле, кружковщина, мелочная непримиримость' (Попов, СИС — 1907). Новое значение сформировалось в 70-е годы в народовольческой литературе. Отражение этого словоупотребления — в «Воспоминаниях» Н. Виташевского: Ковальский, не примкнувший к кружку, начал фанатиком, *сектантом* (Былое, 1906, № 2). Примеры нового употребления слова *сектантство:* В переходные эпохи, подобные переживаемой нами, все искусство политического представителя рабочего класса заключается в том, чтобы уметь миновать Сциллу *сектантства*... Харибду оппортунизма (Плехан., Зам. публиц.); История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «*сектантство*» (курсив наш. — *Л. Г.*) в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации (В. И. Ленин, т. 23, с. 40).

Сепаратисты 'общее название отпавших от какой-либо религии' (СИС — 1875). Во второй половине 70-х годов в практике народовольческой пропаганды формируется новое значение, которое впервые зафиксировано в Народн. сл. Смирнова (СПб., 1906). Например: Люди, не желающие или почему-либо не могущие вступить в члены основного кружка или в ту или другую группу, могут вступить с кружком в особые договорные отношения (федеративные) по специальным делам. Они называются членами-*сепаратистами* (Проект. уст. «З» и «В»). Словари первого десятилетия XX в. наряду с более широким еще отмечают церковно-догматическое значение (Ефр., СИС — 1911), однако последующие лексикографические источники, вводя вслед за Смирновым помету *политич.*, уже исключают старое толкование: *сепаратизм* 'политическое стремление к обособленности, к достижению полной самостоятельности или автономии известной области' (Виллиам, СИС — 1915; Каррик, Сл.); 'стремление к отделению, независимости, к самостоятельному существованию, преимущественно в политич. отношении' (Гомартели, Полит. сл.). Примеры: Осуждается национально-еврейский *сепаратизм* (курсив наш. — *Л. Г.*) Бунда, до сих пор отказывающегося, вопреки решению

Стокгольмского съезда РСДРП 1906 года и подтверждению конференцией декабря 1908 года, провести в жизнь принцип интернационального единства с.-д. рабочих на местах, принцип, столь блестяще испытанный на Кавказе с 1898 года (В. И. Ленин, т. 25, с. 386); Реакционеры сплошь относятся к украинству крайне враждебно, видя в нем *сепаратистическое* течение (Рубакин, Среди книг).

Полемическая литература начала века возродила старое значение слова *соборный* 'всеобщий, народный' в новом терминологическом наполнении, ставящем его в оппозицию к понятиям «индивидуалистический», «ницшеанский». Воспринятое первоначально как модный жаргонизм (хотя учение о соборности в такой форме и самое понятие введено еще Хомяковым), слово через короткое время широко распространяется в публицистике, литературной критике, социально-философской литературе: Групповое, *соборное*, артельное идейное творчество заменилось творчеством эклектическим (Чуковск., Обз. литер. жизни). *Соборный* есть «сверхиндивидуальный, сверхличный, вселенский, *соборное* искусство, воскрешающее на сцене народное действо, античное представление противопоставляется келейному, индивидуалистическому» (Таиров, Зап. режиссера). Термин *соборность*, принадлежащий Вяч. Иванову (В. Иванов, Борозды и межи), создается уже на базе нового, более широкого значения: Бенуа, увидав такое опошление индивидуализма, завопил о какой-то новой *соборности*, где личность, не замыкаясь в малюсенькую раковину великолепного одиночества, поднялась бы до личности общественной, где антиномия личности и общественности была бы, наконец, преодолена (Философов, Сл. и жизнь). Демократическая публицистика сумела придать этому слову иной, политический смысл, просуществовавший, правда, недолго в силу своей расплывчатости и терминологической нечеткости: *соборностью* обозначается политическая программа, ставившая своей задачей осуществление народовластия в будущей республике.

Ряд изменивших свое значение религиозно-догматических терминов (*теургия, скит, гефсиманский* и др.) в дальнейшем в семантической системе языка не укрепился (они остались на положении окказиональных переосмыслений).

4. Процесс детерминологизации слов, входящих в терминологические системы разных областей естественных наук, активизировался еще в 60-е годы.

Для публицистики и разговорной речи было очень характерно тяготение к образно-переносному использованию слов этого типа [115], то же наблюдается и в художественном повествовании [116]. В практике народнической пропаганды революция изображалась как процесс рождения нового; движение молодежи в народ — как действия хирургов, вскрывающих злокачественные опухоли. Разгром народовольческих кружков в 80-е годы называется у революционеров *летальным* исходом пропаганды (Аптекман, Из ист. народн.). Естественнонаучной терминологией пользовалась и реакционная печать, создавшая в словесном репертуаре свой круг переосмыслений. Одно из излюбленных словечек официальной печати *зараженный* — о распространении революционных идей.

К 80-м годам относится развитие образно-переносного значения в словах *бацилла*, *вибрион*, *вывих*. По данным Ю. С. Сорокина, употребительность этих слов была незначительна; наши же материалы свидетельствуют о чрезвычайно широком их использовании в газетно-публицистических жанрах (особенно часто слóва *бацилла*), выступающим в ряде перифрастических сочетаний: *интеллигентская бацилла* (Плехан., В защ. маркс.); *идейная бацилла* (Плехан., Крит. синдик.); *конституционная, мистическая бацилла* (Луначарск., Мещанство и индив.).

В последнее десятилетие XIX—начале XX в. детерминологизации подверглись слова:

Вывих (первонач. медиц.) ‘отклонение от нормы’: Все причуды этой речи, все оттенки и *вывихи* богато представлены здесь (Чуковск., Ран. Бунин).

Депрессия ‘в биологии особое изменение, вызванное истощением’ (Сл. Акад. 1885), ‘низкое стояние барометра’, ‘подавленность’ (Ефр., СИС — 1911); в переносном употреблении ‘упадок’: Без общей почвы аграрного кризиса страны и депрессии в промышленности невозможны глубокие политические кризисы, это бесспорно

---

[115] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 411—413.

[116] См.: *Мищенко А. Х.* Структурно-семантические разряды публицистической лексики А. И. Герцена. — В кн.: Вопросы изучения русского языка. Алма-Ата, 1955, с. 255; *Ефимов А. И.* Язык сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1953, с. 167—170.

(В. И. Ленин, т. 17, с. 282); Но ведь никто не отрицает возможности повторения той ужасной «trade depression» — промышленной *депрессии*, которую мы только что проделали (Плехан., Открыт. письмо Каутскому).

Зондировать: 1) 'исследование ран посредством зонда'; 2) 'всякое предварительное разведывание чего бы то ни было' (Чудинов, СИС — 1902); 'разузнавать что-либо, прежде чем начать действовать, осторожно выпытывать у к.-н. его отношение к чему-либо, его настроение' (Белина, Словотолк.); *зондировать почву* 'определять, выяснять положение, нащупывать почву под ногами', 'расследовать что-либо, в иносказании' (Виллиам, СИС — 1915).

Маразм 'высшая степень исхудалости, происходящая вследствие поражения какого-либо из важнейших органов в теле' (Бурдон-Мих., 1877). Одним из первых более широкое значение отметил СИС — 1911 Е. Ефремова: 'нравственное бессилие, угнетенность', а затем и последующие словари: После ее [Японии] героического припадка наступает бессилие, *маразм* (Куприн, Штабс-капитан Рыбников); В 90-х годах начал рассеиваться *маразм* политической усталости и разбитости, характеризовавший интеллигентские настроения предыдущих лет (Базаров, Пионеры марксизма).

Циркулировать, *циркуляция* первонач. 'круговоротное образование, говорится об обращении крови в животных' (Бурдон—Мих., 1871); в дальнейшем: 'круговорот, круговращение' (Сеславин, КЭ); 'постоянное движение, переход из рук в руки' (Ефр., СИС — 1911); 'круговой обмен идей, мыслей, движения' (Ачадов, Сл. полит.). Первые (и притом редкие) случаи переносного употребления, по материалам ЛК, относятся к 60-м годам XIX в.; более же широкое распространение эти слова получают в последние десятилетия XIX в. (они становятся «модными словами»): Несмотря на множество арестов и судьбищ в 1881 и 1882 гг. самые беспокоящие слухи *циркулировали* в публике (Фигнер, Из полит. жизни); *Циркулирует* новый слух. что японцы решили... кинуться на Артур (Дневн. Рашевск.); ...эти смешанные общества никакой иной цели не преследуют, как именно усиление *циркуляции* (курсив наш. — *Л. Г.*) с сохранением реальной, а не фиктивной, как при таможенной охране, охраны нашей русской промышленности (В. И. Ленин, т. 45, с. 336).

5. Детерминологизация слов, принадлежащих «техническому словарю», в описываемый период определяется теми же тенденциями, какие сложились на более ранних этапах. Показательна лишь актуализация слов, употребление которых в определенных контекстах становится в данную эпоху важным стилистическим приемом в публицистике и художественной речи. В народнической литературе широко распространяются рассуждения о *параллелограммах сил* и *равнодействующих* в них (Каблиц, Осн. народн.; Черн. передел). Математические *слагаемые*, *диаметрально противоположный* — излюбленные образы работ Г. В. Плеханова (П. без адреса); *алгеброй революции* называет Г. В. Плеханов марксистскую теорию: Если марксизм в самом деле, может быть назван а л г е б р о й р е в о л ю ц и и [разр. авт.], то программа, верная духу марксизма, должна быть от начала до конца р е в о л ю ц и о н н о й [разр. авт.] программой (Плехан., Ортодокс. букв.) [117].

У слова *агрегат* появляется новое значение 'что-либо во внешности целое, но бессвязное, составное, сбор, набор, подбор, скоп, спай, слежка, сгнетка' (Словотолк. — 1877; Даль, Сл.). Словари начала XX в., наряду с новым значением, отмечают расширение его сочетаемости (Ефр., СИС — 1911): Общество есть *агрегат* людей (Михайловск., Зап. профана); Всякий *агрегат* индивидов, находящихся в постоянном соприкосновении, составляет общество (Социол.).

Аккумулятор, *аккумуляция* первонач. 'прибор для постепенного накопления механической энергии' (Ефр., СИС — 1911); с начала XX в. — 'накопление, собирание, сосредоточение чего-либо' (БАС): Продукты апперцепирующей деятельности можно, по примеру Потебни, рассматривать как сгущение мысли, как ее *аккумуляторы* (Райнов, Психол. творч.).

Амальгама 'смесь' (Сл. Акад. 1895); в этом нетерминологическом значении слово, спорадически отмечавшееся и в первой половине XIX в. (ЛК), в данную эпоху получает широкое распространение: Последователи Чернышевского образовали ту своеобразную теоретическую *амальгаму*, из которой выросло потом наше народничество (Плехан., Наши разногл.); Философия босяков —

---

[117] См.: *Дубяго А. И.* Термины математики в языке А. И. Герцена. — Учен. зап. Калининградского ун-та, 1969, вып. 4, с. 165.

своеобразнейшая *амальгама* жесткого ницшеанского поклонения силе (Венгеров, Осн. черты ист. русск. литер.).

Аморфный 'бесформенный: говорится о кристаллах, не имеющих кристаллической формы' (Бурдон—Мих., 1871). Один из первых лексикографических источников, отметивший нетерминологическое значение слова, — КЭ Сеславина.

Динамика 'наука о движении тел, о силах двигающих' (Даль, Сл.), 'часть механики, рассматривающая законы движения тел' (Сл. Акад. 1895). С начала 10-х годов XX в. в новом значении: Итак, за 25 лет производство более чем удесятерилось; только о *динамике* (курсив наш. — *Л. Г.*) явления и можно судить по этим данным, которые отличаются чрезвычайной неполнотой (В. И. Ленин, т. 3, с. 260).

Диффузия 'медленное смешение между собой газов или жидкостей', 'рассеяние света' (Сл. Акад. 1895); 'процесс проникновения частиц одного вещества между частицами другого' (Русск. энц.); В переносном употреблении 'смешение вообще': В 1894 г. в г. Самаре сгруппировался кружок новых интеллигентских «сектантов» ...и началась *диффузия* двух сред (Чириков, Автобиогр. справка); Всю общественную группу охватывает... процесс *диффузии* (Воровск., Раскол в «темн. царстве»); Мы видим теперь, как «молчаливый социализм» Герцена, так и *диффузия* богатства Мёльюлля представляют собой нечто весьма фантастическое (Плехан., В защ. маркс.).

Интеграция, интегральность 'сплочение, увеличение зависимости между частями, усиление целостности'; *интегральный* 'непрерывно связанный, составляющий неотъемлемую часть целого' (Ефр., СИС — 1911); *интегральный социализм* 'учение... признающее, наряду с экономикой, значение нравственных, правовых и др. влияний' (Сл. для всех). Переносное значение отмечается с конца XIX в.: Человеческая форма должна быть восстановлена в своей целости (*интегрирована*) (Вопр. филос. и псих., 1893, № 1); Правительству может и должна быть внушена мысль, после периода национального эгоизма и обособления, начать обратный период *интеграции* разделенного доныне человечества (Спасович, Соловьев); Гиддинг говорит о влиянии подражания и симпатии на социальную *интеграцию* чувств и верований (Ковалевск., Совр. социол.). О распространенности

этого слова свидетельствует и проникновение его в переводы художественной прозы.

Конгломерат 'разные куски металлов, связанные между собой каким-либо цементом; вообще что-нибудь скученное, сплоченное из разнородных частей' (Бурдон-Мих., 1877); 'камень из разнородных обломков, слежка, свалка' (Даль, Сл.). Переносное значение укрепляется в семантике этого слова в первое десятилетие XX в. и отмечается словарями: 'о внешнем механическом соединении чего-либо' (Сл. Акад. 1912); 'разнородная смесь', например народностей (Гомартели, Полит. сл.). Примеры: [Постников] едва ли не впервые попробовал разработать данные о разных группах крестьянства, а не о «*конгломератах* (курсив наш. — *Л. Г.*) разнообразнейших групп» (В. И. Ленин, т. 3, с. 94).

Нейтрализация — в Бурдон-Мих. — 1877 наряду с пометой *химич.* приводится ещё одно значение: 'изъятие какой-либо стороны из военных действий воюющих сторон'. Значение 'пресечение, прекращение влияния, понижение силы какой-либо стороны в классовой борьбе' формируется в публицистике в первое десятилетие XX в.: *Классовое* соотношение сил при буржуазной революции большевики формулировали так: пролетариат, присоединяя к себе крестьянство, *нейтрализует* (курсив наш. — *Л. Г.*) либеральную буржуазию и разрушает до конца монархию, средневековье, помещичье землевладение (В. И. Ленин, т. 37, с. 306).

Рафинированный, рафинирование 'очищение соли, но преимущественно сахара' (СИС — 1861); 'утонченный' (Вейнбаум, СИС — 1918): Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, *рафинированная* (курсив наш. — *Л. Г.*) форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли (В. И. Ленин, т. 18, с. 380).

Резервуар 'вместилище, сосуд для жидкости или газа' (Ефр., СИС — 1911); 'водоем, водник, хауз, водоскоп' (Даль, Сл.) Переносное употребление (первоначально в функции образного сравнения), спорадически встречающееся в первой половине и середине XIX в. (Герц., Б. и д.), укрепляется в литературном языке со второй

его половины: Из этих *резервуаров* нарождающегося пролетариата темный народ расползается по селам (Гл. Усп., Письма с дороги); Поэтический талант... делается тем более всеобъемлющ, чем крупнее размер *резервуара* общей духовной энергии (Ганджул., Русск. жизнь).

Формула 'ныне — общее определение или точное обозначение сущности какого-нибудь понятия, закона, явления, обнимающее все частные случаи' (Ефр., СИС — 1911): Мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную *формулу* «Земля и Воля» (Программа «З» и «В»); Бруно Бауэр... подсказывает свою, как любят выражаться у нас, *формулу* истории (Тун, Ист. рев. движ.); Уставшая от.. давно уже мертвых *формул* служения крестьянскому царству, личность обращается к себе (Е. Андр., Опыт); Администрации предъявляется требование... устроить выборы новой Думы по 4-х членной *формуле* (Маевск., Общ. карт. движ.); В священной «*формуле* железной решетки» мы узнаем участника Факелов (М. Морозов, Очерки) [118].

6. Из других терминологических систем, подвергшихся образно-переносному переосмыслению, отметим наименования, принадлежащие финансовой сфере:

Адаптация 'усыновление', 'принятие векселя к платежу' (Гавкин, СИС — 1905); ср.: 'приспособление' (Русск. энц.).

Ажиотаж 'биржевая игра', 'торгаш акциями, векселями', 'распространение ложных слухов о ценах на товары' (Словотолк. — 1877), в переносном употреблении — 'искусственно вызванное возбуждение, волнение с целью привлечения внимания к чему-л.': Печать наших дней с ее *ажиотажем,* с ее умственным неряшеством и нравственной распущенностью... кажется мне явлением, обреченным на бесславную гибель (Волынск., Борьба за идеализм); *Ажиотажное* направление нашей живописи... родилось в Петербурге (Бобров, Зап. стихотв.).

Бум 'искусственное оживление, шумиха, создаваемые с целью денежного курса в капиталистических странах'

---

[118] О развитии новых значений в словах *формация, фракция* см.: *Коготкова Т. С.* Из истории формирования общественно-политической терминологии; о слове *трение*: *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова. с. 13.

(БАС). В начале XX в. начинает употребляться в более широком значении: Нет ни одного журнала, ни одной газеты, которая не сочла бы своим долгом как-нибудь реагировать... на г. Арцыбашева, так пышно проехавшего в своей триумфально-санинской колеснице по всей стране. Это было поистине то, что американцы называют «Boom» (Данил., Санин в русск. крит.); Гонкуры заимствуют свой словарь... из улицы, ставшей редакцией сатирического журнала, делающего *бум* (Я. Тугендхольд, Письмо из Парижа. — Аполлон, 1911, № 5).

Конъюнктура первонач. 'совокупность условий, влияющих на действительную цену товаров, а также совокупность условий, влияющих на высоту заработной платы' (Сеславин, КЭ); в первое десятилетие XX в. нетерминологическое значение уже отмечается и в словарях: 'совокупность обстоятельств, влияющих на ход государственной жизни' (Спутн. чит.); 'стечение внешних условий, положений дела, могущих оказать решительное влияние на исход частного, общественного или государственного предприятия' (Виллиам, СИС — 1915); 'совокупность условий' (Гомартели, Полит. сл.). Пример: Революционные рабочие разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до основания гнусную царскую *монархию*, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по *конъюнктуре* (курсив наш. — *Л. Г.*) исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К° *за смену* одного монарха *другим монархом* и тоже предпочтительно Романовым! (В. И. Ленин, т. 31, с. 17).

Слово *раскассировать*, заимствованное из практики типографского дела: 'разобрать набор и разложить буквы по кассам', получает значение в 70-е годы 'распустить какую-нибудь организацию и создать заново; например, распределить солдат по разным полкам' (СИС — 1870): Вскоре после увоза товарищей распространился слух, что предлагается *раскассировать* наш склеп (Жизнь в Шлиссельбуржской крепости. — Вестн. русск. револ., 1902, № 2).

РАЗВИТИЕ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Развитие ряда переносных значений явилось результатом вычленения слов из устойчивых словосочетаний. Ряд новых значений складывается в процессе функционирования слов в определенных контекстах. Слово как бы вбирает в себя значение целого. Под контекстом понимаются не только минимальные синтаксические сочетания, в которых реализуется значение слова, но и типизированные, развернутые изложения-контексты, включающие, помимо необходимых для понимания смысла лингвистических единиц, еще известную социальную ситуацию, реально существующую или вымышленную, мнимую (художественный текст). В ней выявляются типичные случаи употребления слова и актуальное значение речевого фрагмента. Сам механизм развития значения здесь совершенно иной: значения, развившиеся под воздействием целостного смысла фразеологической единицы, обращены к внутренним, синтаксическим связям слова и не соотнесены с предметным наименованием. Развитие значения обязано «сжатию фразеологизма», а также разным отношениям слова и контекста, который проясняет значение лексической единицы, в ряде случаев экспрессивно окрашивая ее. При этом следует иметь в виду, что минимальный клишированный контекст создает подобие фразеологической единицы. Например, в слове *аншлаг* новое значение вычленяется из словосочетания *идти с аншлагом*: Театр сошел с аншлагом значит: при полном сборе (Майданов, СИС — 1907), а не сужением его первоначального значения: 'объявление, вывешенное на стене в присутственном месте, учебном заведении' (Ефр., СИС — 1911); У дороги красуется безжалостный *аншлаг*: приспособляйся (Заветы, 1912, № 4).

Для описываемого времени активность этого процесса определяется внешне противоположной ему тенденцией — развитием описательности, перифрастичности, в период расцвета ораторского и судебного красноречия с их установкой на эзопов язык, «к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения» (В. И. Ленин, т. 27, с. 301).

Иносказание — суть эзоповой речи — соблюдает все требования цензурного этикета. Все умели читать между строками и понимать, что означает «критика китайской финансовой системы» (Кропоткин, Зап.); Русский читатель... если и узнает, то больше по догадке, благодаря своему умению читать между строк и понимать «эзопов язык» (Розенберг, Русск. печать); Знаем мы этих читателей! В книжке написано «город», а он читает «голод», а в книжке написано «законами», а он читает «закованы», написано «запретить», а он читает «затрещит», написано «изволит», а он читает «изводит» (Рубакин, Перед рассветом.).

В конце прошлого века под запретом были такие слова, как *марксизм* (В. И. Ленин в книге «Что делать?» для выражения этого понятия пользовался описательными оборотами типа: *научный социализм, передовая теория, теоретическое учение социал-демократии*), «Народная Воля» (заменялось сочетанием *политический радикализм 60—70-х годов*). *Великим русским утопистом* демократическая печать перифрастично называла Н. Г. Чернышевского, *апостолом всеобщего разрушения* — М. А. Бакунина. В 10-е годы запрещалось слово *союз*: демократическая печать изобретательно воспользовалась словом *объединение. Пулеметной юстицией* называла демократическая пресса военно-полевые суды, организованные для расправы с революционерами. М. М. Мандельштам в книге «1905 год в политических процессах» (М., 1931) приводит еще несколько замен понятия *конституция*: то, к чему мы так страстно стремимся: Я помню, Куперник уезжал с гомельского процесса в Киев, и там на банкете впервые публично произнес слово «конституция». Это было целым событием, о котором говорили, как о подвиге. Страшное, запретное слово было произнесено публично, и притом человеком, ответственным за свои слова. В 1904—1905 гг. стала крылатой формула: «Не реформы нужны, а реформа», т. е. конституция; в это время ее называли также «новой эрой» (Русск. богатство, 1910, № 8). Другие примеры перифрастических замен: *царизм* — темная сила, оплот европейской и азиатской реакции, очаг насилия, бесчинства и разнузданности, *духовенство* — жандарм в рясе, *партия* — центральная боевая организация, передовой отряд революционного движения, *стачка* — высшая форма борьбы. Примеры:... самый серый рабочий... сумеет тогда — сегодня устроить

кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра проучить тех *жандармов в рясе* (курсив наш. — *Л. Г.*), что̀ делают работу святой инквизиции, и т. д. (В. И. Ленин, т. 6, с. 71); К числу таких недопустимых нападений на революционную работу партии, ведущей стачки и демонстрации, относится, например, осуждение в легальной печати «стачечного азарта» рабочих или «высших форм борьбы» (=легальный псевдоним демонстраций) (В. И. Ленин, т. 25, с. 385). Таким образом, развитие значения в слове получает известную смысловую перспективу и широкие возможности субъективных применений на фоне разнообразного языкового варьирования. Здесь «слова — фрагменты суждений, а не идеи»[119]. Это и ограничивает ряд словоупотреблений в пределах известного времени. Примеры: *Бывший*, из *бывшие люди*, 'занимавшие то или иное привилегированное положение и постепенно опустившиеся' (А. Богд., Годы перелома) — слово, употреблявшееся для социально-идеологической характеристики известного круга людей[120]. *Галстук* в значении 'петля' (из: *столыпинский галстук*, одна из думских острот, пущенная кадетом Родичевым, который, говоря о смертных казнях в России после 1907 г., по аналогии с *муравьевским воротником* назвал петлю по новым временам «*столыпинским галстуком*» (см.: Д'Ор, Литер. путь журн.). Пример: Разговор обывателей [Счастливец:] Извините, я без *галстука*. — Ну и благодарите Создателя (Сатир., 1908, № 6). Семантическую нагрузку в публицистике начала века получают слова: *серый* 'воплощение мещанства, «серединности», пошлости'; *черт* — 'серый, юркий проходимец' (см.: Волынск., Обыден. траг.) и *слезинки*, навеянные образами и сюжетной ситуацией «Братьев Карамазовых»: *Слезинка* не дает покоя, подполье мерещится и мучит (Волжск., Pro domo sua).

Слово *комок*, вычленившееся из сочетания *биологический комок*, употреблялось для обозначения личности как совокупности чисто физиологических качеств, отрешенной от всякой духовной деятельности (см.: Филосо-

---

[119] *Sechehaye A.* Essai sur la structure loguque de la phrase. Paris, 1950, p. 117.

[120] См.: *Ефимов А. И.* Некоторые вопросы развития русского литературного языка XIX—нач. XX в. — ВЯ, 1953, № 4, с. 25.

фов, Сл. и жизнь) и вошло в ряд новых сочетаний: Он весь нервы, *нервный комок*, — шепотом говорил мне Малов (Златовр., Золот. сердца). *Изъять* 'убить' — из сочетания *изъять из обращения*: Даже нежные и кроткие создания... легкомысленно заявляют, что чем больше их [революционеров] будет *изъято*, тем лучше (Слово, 1908, № 441).

Ряд переносных употреблений укрепился в литературном языке.

Слово *пригвоздить* 'осуждать, клеймить' (БАС), первонач. 'заставлять, вынуждать оставаться где-либо'; перен. значение и окраска возникли в начале века в публицистике из сочетания *пригвоздить к позорному столбу*: Поэтому удалось метко охватить и, так сказать, *пригвоздить* самые характерные явления окружающей действительности (П. Морозов, Мин. век); Заранее извиняемся перед читателем за длинные выписки, но тут надо быть точным, чтобы *пригвоздить* (курсив наш. — *Л. Г.*) попрочнее приемы современной либерально-профессорской науки (В. И. Ленин, т. 25, с. 38). *Защитный* (из: *защитный цвет* 'серовато-зеленый цвет солдатской одежды, сливающийся с фоном земли' — СУ) возникло в первую мировую войну.

Ряд значений вычленился из калькированных фразеологизмов: *кричащий*, из нем. schreiende, Farben 'кричащие краски', *потогонный*, англ. sweating—system 'потогонная система', *желтый* 'бульварно-сенсационный, пошлый' из сочетаний *желтая печать*, *желтая пресса* (Рыбаков, СИС — 1916), возникших в американской печати и затем проникших в интернациональный речевой обиход: Гнуснейшая клевета, подтасовки, грубая ложь и утонченная работа запутывания читателя — все эти приемы *желтая* (курсив наш. — *Л. Г.*) и вообще буржуазная пресса пускает в ход с необыкновенным усердием (В. И. Ленин, т. 32, с. 424). Второе значение 'соглашательский, реформистский, предающий интересы рабочего класса' (Сл. Ожегова), 'изменнический' (БАС) вычленилось из сочетаний *желтые профсоюзы, синдикаты, объединения*: «Желтые синдикаты» — так называются во Франции рабочие союзы, стремящиеся к мирному улаживанию всех споров между предпринимателями и рабочими (Г. Ч., Сл. по раб. вопр.). Ср. в абсолютивном употреблении: Империализм может довольно долго раскалывать рабочих в некоторых странах, пример Анг-

лии доказал это, но *объединение* революционеров, объединение масс с ними, изгнание *желтых* (курсив наш. — *Л. Г.*) идет в мировом масштабе неуклонно вперед (В. И. Ленин, т. 39, с. 191); Казенные патриоты хотят, чтобы общество забыло моральное участие... в *желтороссийских* авантюрах (Памяти Гольц.); *желтый интернационал* (Лозинск., Раб. движ. на Зап. и в Рос.).

2. Переносные значения развиваются и на базе конкретных. Слово *кузница* первонач. 'мастерская с горном для ручной ковки металла; перен. 'место, где создается, формируется, подготавливается что-н. важное, ценное': Современные сцены... *кузницы*[121], в которых выковываются стройные части будущего гиганта — Всенародного театра (Мейерхольд, О театре. — Аполлон, 1913, № 1).

Магистраль 'всякая линия по отношению к исходящим от нее второстепенным' (геом.), 'главная железнодорожная линия; главная труба водопровода' (Ефр., СИС — 1911; ср. БАС); перен. 'главное': *Магистраль* всеобщей истории, делившаяся на древнюю, среднюю и новую, пришла к концу (Спасович, Соловьев-публиц.). *Сумерки* — современные толковые словари отмечают: 'состояние упадка, разрушения', что не совсем точно; слово и его производные употреблялось для обобщенного обозначения настроения, овладевшего буржуазной интеллигенцией конца XIX в.: 'нереализация протеста, бунтарства, страстей, подавленность настоящим, обывательское существование, в творчестве — узость и бедность фантазии, бескрылость'; эти значения были интернациональными (см.: Нордау, Вырожд.). Переносное употребление прилагательного *сумеречный* отмечается не только в последних романах И. С. Тургенева и в его переписке, но и у других авторов: Молодость прошла, а старость не пришла, — вот отчего приходится тяжко. Я сам переживаю эту *сумеречную*, трудную эпоху порывов (И. Тургенев, П. к А. А. Фету)[122]. *Сумеречная* мысль символистов естественно притягивается историческими сумерками (Михайловск., Литер. восп.); *Сумеречные* души наши тоскуют безумно о новой правде (Гуревич, Лит. и эст.); Я не знаю ничего более прекрасного и глу-

---

[121] Более позднюю историю этого слова см.: *Алтайская А. Ф.* Детерминологизация производственно-технической терминологии в первое десятилетие после Октября. — Доповіді та повідомлення Ужгородського ун-та, № 15, сер. філол., 1960, с. 42.

[122] Цит. по кн.: *Эйхенбаум Б.* Мой временник. Л., 1929, с. 96.

бокого, как его «Дядя Ваня». Как сгустились тут *сумерки* жизни (Е. Андр., Опыт). *Зигзаг* 'ломаная линия, извилина, род архитектурного украшения; небольшие траншеи, образующие ряд острых углов' (Ефр., СИС — 1911; то же: Даль, Сл.); ср. *делать зигзаг* 'вести колеблющуюся политику' (Сл. для всех). Примеры: Что история обыкновенно идет зигзагообразным путем, и что марксист должен уметь считаться с самыми запутанными и причудливыми *зигзагами* (курсив наш. — *Л. Г.*) истории, это бесспорно (В. И. Ленин, т. 16, с. 8); Разгон второй Думы и государственный переворот 3-го июня 1907 года явились поворотным пунктом в истории нашей революции, началом некоторого особого периода или *зигзага* (курсив наш. — *Л. Г.*) в ее развитии. Мы говорили уже не раз о значении этого *зигзага* (курсив наш. — *Л. Г.*) с точки зрения общего соотношения классовых сил в России и задач незавершенной буржуазной революции (В. И. Ленин, т. 17, с. 3). *Цемент* (и производные): Вот сплотитесь общенациональным цементом и тогда, господа, требуйте от нас децентрализации (Польск. вопр. в Госуд. Думе) [123].

3. Семантические изменения в группе имен собственных — процесс уже давно определившийся.

Войны и революции, важнейшие общественно-политические события описываемого времени — определили характер самого вокабулярия: семантизация развивается в собственных названиях мест, отмеченных военными поражениями России и империалистических держав (*Седан, Цусима, Мукден*), революционными выступлениями пролетариата и репрессиями царского правительства (*Лена*). *Седан* «стал нарицательным именем для обозначения военных неудач какого-нибудь государства, которые ведут к полному крушению царского режима, так, например, русское самодержавие нашло свой *Седан* на полях Маньчжурии, в войне с Японией» (Попов, СИС — 1907); Этот договор... до того невыгоден для России, что некоторые публицисты называли его нашим «экономическим *Седаном*» (Павлович, Внешн. полит.); Разгром «Боевой организации эсеров» был назван «Московскими

---

[123] Л. А. Капанадзе (см.: Автореф. канд. дис., с. 183) и Н. А. Газанчиян (см.: Автореф. канд. дис., с. 11) возникновение этого переносного значения относят к послеоктябрьскому времени (20-е годы).

ведомостями» «*Мукденом* русской революции»; Наш царь — *Мукден*, наш царь — *Цусима*, наш царь — кровавое пятно (Бальмонт, Наш царь); Процесс Небогатва был *цусимой* Карабчевского... ни одного достойного его образа (Руадзе, Два орат.); Русское рабочее движение... через *Лену* и ряд полустихийных политических забастовок перешло к борьбе за право рабочей печати (Заветы, 1914, № 1). *Ходынка* — 'катастрофа' (Даль, Сл.). Обобщенное значение получают слова *Кинталь*, *Циммервальд*, где состоялись партийные конференции, определившие тактику революционной борьбы: Один из главных недостатков *Циммервальда* и *Кинталя* (весь курсив наш. — *Л. Г.*), одна из основных причин возможного фиаско этих зародышей III Интернационала состоит как раз в том, что вопрос о борьбе с оппортунизмом не был даже поставлен открыто, не говоря уже о решении его в смысле необходимости разрыва с оппортунистами (В. И. Ленин, т. 30, с. 138). Одно из широко распространенных новых осмыслений 80-х годов XIX—начала XX в. слово *Панама* (Даль, Сл.), в иносказательном смысле... всякое грандиозное мошенничество, соединенное с подкупом общественных представителей' (Берг, СИС — 1901). Примеры: Политическая реакция по *всей* линии — свойство империализма. Продажность, подкуп в гигантских размерах, панама всех видов (В. И. Ленин, т. 30, с. 164—165); Нашли... документы, открывающие «панаму» в воровстве интендантства (Поливанов, Из дневн.).

Широкое распространение в разговорном обиходе получают имена собственные, получившие на русской почве новое осмысление: *помпадур* 'название представителей высшей русской администрации у Щедрина' (Сл. для всех): Никакой идеологический *помпадур* не имел бы возможности выслать из пределов данного учения такого мыслителя, который находится вне этих пределов (Плехан., Против богд.).

В демократической печати получают резко отрицательную окраску слова *Шерлок Холмс*, *Пинкертон*[124] и их производные; У меня был *Шерлок Холмс* от Дубровина, произвел впечатление болтуна (Поливанов, Из дневн.); В Петербурге все же бьется пульс обществен-

---

[124] «Его [Пинкертона] имя делается нарицательным», — заметил К. Чуковский в 1910 году (см.: *Чуковский К.* Нат Пинкертон и современная литература. СПб., 1908, с. 46).

ной жизни, не задавлена общественная мысль... под давлением доносчиков и черносотенных *Шерлоков* (Слово, 1908, № 436); Компания наняла триста *пинкертоновских* людей... и предполагалось, что она захватит стачечников врасплох (Б-ка рабочего, 1906, № 7); От гнева рабочих пленных *пинкертоновских* шпионов спас «Совещательный комитет» (Там же). Не без влияния А. И. Куприна осмысляется в начале века и слово *Молох* — 'Когда говорят о деньгах, которым также в наше время приносятся страшные жертвы' (Попов, СИС — 1907). Художественная литература ввела в систему символических переосмыслений «названия пернатых»: *чайка, синяя птица, сокол, буревестник, гагары* — образы, широко использованные политической литературой и публицистикой предоктябрьского времени.

4. «Для исторической семантики нет иной систематики, кроме ее собственной завершенности»[125]. На определенном отрезке времени выстраиваются единицы, имеющие разный статус устойчивости. Ряд значений существует как семантический спектр только своего времени. Так, окказионально употреблялось слово *суздальский*, означавшее в публицистике и критике конца XIX—начала XX в. 'односторонний, узкий': Довольствуются схватить первый попавшийся из признаков ... построить на нем, яко на песце, субъективную систему доказательств, соседствующую с областью, известною в публицистике под непочтительным прозвищем «*суздальской критики*» (Амфитеатров, Литер. альбом); Исключалась вредная односторонность, то *суздальское* отношение к явлениям, которое пыталось разорвать правду на две половинки (Коварск., Михайловск.).

На определенном отрезке времени выявляются потенции в изменениях, которые могут реализоваться уже за пределами описываемого периода и вследствие этого принадлежат другому кругу исследований. Так, уже в первое послеоктябрьское десятилетие происходит перестройка семантической структуры ряда слов: переносные значения, возникшие как вторичные на базе основных и осознававшиеся как вторичные, становятся актуальными, основными. Так, слово *вертеп* определяется в Словаре Даля как 'пещера, подземный ход или иного устройства скрытый притон; южн.: зрелище в лицах,

---

[125] *Дюпрон А.* Язык и история. М., «Наука», 1970, с. 54.

устраиваемое в малом виде в ящике, с которым ходят о святках, представляя события и обстоятельства жизни Иисуса Христа': Белый ангел зажег звезду над *вертепом* (Ремизов, Лимонарь). В Сл. Ожегова первичным отмечено *вертеп* 'притон (оценочн.)'; вторым, периферийным 'ящик для кукол-марионеток в XIX—начале XX в.'

Для ряда слов характерно сужение семантического объема, т. е. выпадение одного из его значений. Примеры: *Пудрить*: 1) 'покрывать пудрой'; 2) 'сделать выговор' (Дубровский, 1871), 'побранить' (Даль, Сл.). Последнее значение — калька с французского, употребление которой с самого начала было ограничено речевым обиходом дворянской среды, вследствие чего оно и оказалось исторически неустойчивым. Другие примеры: *Антик*: 1) 'редкая древняя вещь'; 2) 'человек с отсталыми привычками или одетый в старинное платье' (Орлов, ФС); 'древность, редкость' (Сл. для всех). *Фельетон*: 1) 'статья на злободневную тему'; 2) 'обзор'. *Восточник*: 1) 'урожденец востока'; 2) 'приверженец ко всему восточному'; 3) 'исследователь востока' (Орлов, ФС); ср.: 'обитатель востока' (Даль, Сл.). *Англизация* 'подрезывание на английский манер хвоста у лошади' (Дубровский, 1871); *англизировать*: 1) 'устраивать что-либо на английский образец'; 2) 'способ придавать хвосту лошади красивое положение, подрезывая мышцы, опускающие хвост' (Битнер, СИС—1905); ср.: 'устроить что-либо на английский образец' (СУ). *Идиотизм*: 1) 'безумие'; 2) 'особенности в выражении, свойственные какому-либо языку' (СИС—1861); ср. БАС. *Партизан*: 1) 'участник партизанских отрядов'; 2) 'сторонник какой-либо партии' [126].

Изменилось значение слова *актуальный* 'действительный, фактический в противоположность потенциальному, виртуальному' (Рыбаков, СИС—1916); ср.: 'очень важный для настоящего момента' (Сл. Ожегова). *Тенденциозный* 'стремящийся к известной цели' (Словотолк. — 1887): Формами протеста могут быть сходки... *тенденциозные* адреса (Лит. «НВ»). Новое значение — 'предвзятая мысль, особенно в художественном или литературном произведении' (Битнер, СИС—1905; Ефр., СИС—

[126] Второе значение сохранилось до конца 20-х годов (см.: Полит. сл. — 1922).

1911): Быть *тенденциозным* и оставаться поэтом может только тот, кто создан для борьбы (А. Арсеньев, Я. П. Полонский) [127] закрепляется в языке и становится основным.

ИЗМЕНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СДВИГАМИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Изменение значений ряда слов тесно связано со сдвигом их стилистической эмоционально-экспрессивной окраски. Переоценка стилистического статуса слова происходит прежде всего в политической литературе, где важным и определяющим фактором становится социальная квалификация понятия. Момент переоценки настолько тесно сплетен с семантическим изменением слова, что в ряде случаев трудно определить, какое из этих изменений предшествует другому — семантическое или стилистическое. Обратимся к примерам.

Слово *бойня* становится не только экспрессивным синонимом слова *война* [128], но с середины 70-х годов начинает употребляться для обозначения всякого рода политических репрессий — расстрелов, избиений, резни и погромов, организованных царским правительством: Не плачьте о жертвах. Эта бесконечная *бойня* прекратится только тогда, когда Россия успеет наконец стряхнуть ваше господство (Вестн. Народн. воли, 1885, № 4); Всей *бойней* 9 января заведовал дядя царя, Владимир Александрович (Новости борьбы, 1905, № 1); Немедленное низвержение правительства — вот лозунг, которым ответили на *бойню* (курсив наш. — *Л. Г.*) 9 января даже верившие в царя петербургские рабочие (Лист. больш. орг.).

В слове *верхушка* 'верхняя часть, вершина' (Сл. Акад. 1895) новое значение 'руководящая часть какой-нибудь организации' (разг.) [129] возникает к концу XIX в.: Эти скудные данные... дают понятие о верованиях и культах общественной *верхушки* X—XI веков (Н. Никольский, Ист. русск. церкви — ЛК); На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого бур-

[127] Цит. по кн.: *Гольцев В. А.* Об искусстве. М., 1890, с. 32.
[128] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава..., с. 517.
[129] По данным «Лексики современного русского литературного языка» это значение исчезло в 20—30-е годы XX в. (с. 131).

жуа и *верхушек* (курсив наш. — *Л. Г.*) крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли (В. И. Ленин, т. 45, с. 336).

Взвинчивать первонач. 'ввертывать', перен. 'усиленно возбуждать, напрягать' (Сл. Акад. 1895); *взвинченный*: в СУ с пометкой *разг.* Первые случаи употребления относятся к 70-м годам: Нежданов... постепенно до того «*взвинтил*» себя, что уже перестал понимать, что умно и что глупо (И. Тург., Новь). Более поздние примеры: Он был очень возбужден, «*взвинчен*», как стали говорить нынче (Новое время, 1902, № 9507—ЛК); Бабий гвалт... еще больше *взвинчивал* нервы расходившейся толпы (Купр., Олеся).

Говорильня' первонач. 'комната, предназначенная для бесед, разговоров', с пометой *нов.* (Шейн, Доп.). Новое и стилистически окрашенное значение *ирон.* 'место или общество, где теряют время на пустые речи' (Сл. Акад. 1895) возникает в 80-е годы первоначально в оценочных контекстах (Моск. вед., 1881, № 114), а затем и вне их: Такие герои гнилого мещанства, как Скобелевы и Черетели, Черновы и Авксентьевы, сумели и Советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые *говорильни* (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 33, с. 47).

Дешевка 1) 'то же что дешевизна, дешевая цена' (Даль, Сл.); 2) 'московская простая удешевленная водка'. «Это слово явилось в народе тотчас по снятию откупа» (Шейн, Доп.); 3) 'дешевая распродажа вещей' [130].

В литературных текстах второй половины XIX в. слово встречается во всех отмеченных выше значениях (Мамин-Сибиряк, Некрасов, Данилевский, Чехов, Ленин). Например: 1) 'водка': Я перво-наперво бросился в твой кабак, ну и стаканчик *дешевки* хлебнул (Мамин-Сиб., Сибир. хлеб.); 2) 'задаром': Народ бедствует и голодает... И самый раз дать мужику работу. Он пойдет за всякую *дешевку* (Эртель, Зап. степняка); 3) 'распродажа': А у кого денег в заводе не бывает, тому никакие

---

[130] См. также: *Сорокин Ю. С.* Указ. соч., с. 484; *Виноградов В. В.* Из истории русских слов и выражений. — РЯШ, 1940, № 2.

дешевки (курсив наш. — *Л. Г.*) не помогут, покуда он этих денег не отберет у буржуазии (В. И. Ленин, т. 7, с. 160).

По предположению В. В. Виноградова, значение 'очень низкая, дешевая цена' в слове *дешевка* развилось не ранее последних десятилетий XIX в., а расширенное применение этого слова ко всему тому, что «пусто, лишено содержания, не претендует на известную ценность» (основанное на переносе значения «дешевая вещь») складывается еще позднее (XX в.) [131]. Впервые это значение отмечается в «Опыте» и в Сл. Даля. В позднейших словарях — с разными пометами в разных значениях: 1) 'чрезвычайно низкая цена' — с пометами «разг.» (Сл. Ожегова), «простореч.» (БАС), без помет (СУ); 2) 'дешевая распродажа товаров' — с пометой «спец.» (СУ, в других словарях значение не отмечается); 3) 'простая, удешевленная водка' — с пометой «устар.» (БАС, в других словарях — не отмечается); 4) 'нечто лишенное ценности' — с пометой «разг.» (СУ, Сл. Ожегова) и без помет (БАС).

Таким образом, в этом случае происходит семантическая и стилистическая дифференциация: в значении 'чрезвычайно низкая цена' слово *дешевка* выступает как разговорный вариант нейтрального *дешевизна*, но в отличие от последнего, развившее в своей семантике новое значение (XX в.) 'нечто, лишенное ценности'.

Отчитывать первонач. 'кончать чтение, переставать читать'; переносное значение, оформившееся сначала в разговорно-фамильярной речи во второй половине XIX в., отмечает Сл. Даля: 'делать замечание'. До второй половины XIX в. переносные значения — эпизодичны (ЛК содержит только две карточки — из пьес А. Н. Островского). Это значение первоначально понималось так: 'читая что-нибудь, исцелить от дури, от нежелательного поведения, от сумасбродства'. А затем в экспрессивно-иронической или шутливой атмосфере речи оно несколько видоизменилось: 'словами пробрать, едким или резким выговором образумить'. В этом значении глагол *отчитывать* встречается у Н. Лескова, у Вс. Крестовского [132]. [Лебедев]: У меня дядя... станет вот этак на стул и на-

---

[131] См.: *Виноградов В. В.* Из истории русских слов и выражений, с. 35—36.

[132] *Виноградов В. В.* Из истории литературной лексики. — Учен. зап. МГПИ им. Ленина, 1948, т. 56, вып. 2, с. 10.

чинает: «Вы невежды! Вы мрачная сила!» Уж он *отчитывает — отчитывает* (Чехов, Иванов); Филарет... *отчитывает* Евгения, этого «нового Нарцисса», всецело поглощенного заботами о своей наружности (Плехан., Ист. русск. общ. мысли).

Переплет 'сцепление, совокупность обстоятельств, условий': В настоящей статье я делаю посильную попытку разобраться в сложном *переплете* явлений, породивших на свет этот кризис (Потресов, О русск. интел.) [133].

Подкладка 'вещь, подсунутая, подложенная подо что-л., ткань, подбой, подложка' (Даль, Сл.). Первые случаи переносного употребления относятся к 50-м годам XIX в.: Спорили с Боткиным о том, представляет ли себе поэт читателя или нет... Отвратительная литературная *подкладка* (Л. Толст., Из дневн. 1856—1859 гг.). Распространение и укрепление слова в новом значении в литературном языке наблюдается в последние десятилетия: Это философская *подкладка* [проведение цельного философского взгляда на язык в его отношении к мысли] оставалась как бы в тени и не была оценена по достоинству (Овсян.-Кулик., Потебня); Так называемая «зубатовская политика», помимо ее реакционно-политической *подкладки* (курсив наш. — *Л. Г.*) и полицейски провокаторских методов ее проведения, есть политика систематического предательства интересов рабочего класса в пользу капиталистов (КПСС в резол., ч. I); [Воробьин:] *Подкладка* везде одна и та же — эволюция капитала (Боборык., Накипь); Такова последняя метаморфоза народничества, которую можно назвать народничеством на буржуйской *подкладке* (А. Богд., Годы перелома).

Пошиб 'стиль, школа, манера' (Даль, Сл.): Тут были иконы Новгородского *пошиба* (Мельн.-Печ., В лесах); Меня всегда интересовал вопрос: как крупный писатель-художник работает, как ему дается то, что называется письмом, *пошибом* (Боборык., Восп.); Только во всем *пошибе* его [Золя] произношения есть что-то своеобразное (Там же); Все эти акварели... представляются ныне со своими романтическими сюжетами и со своим старинным *пошибом* чем-то выцветшим (Стасов, Выст. жив. и архит.). Разговорная окраска с оттенком неодобрительности 'свойственная кому-либо манера, повадка что-либо делать' (БАС) возникает в последние десятилетия XIX в. — не

---

[133] У А. М. Селищева отмечено как послеоктябрьское.

без влияния сочетаемости, свойственной этому слову в публицистике: *низменный пошиб* (Русск. мысль, 1890, № 3), *мелкий пошиб, декадентский пошиб* (Сев. вест., 1884, № 4); *художественный пошиб* (Овсян.-Кулик., Наблюдат. и эксперим. методы). Примеры: Слово ажидация сообщает всему описанному в рассказе странный, полукультурный *пошиб* (Волынск., Лесков); Бессмысленная роскошь азиатского *пошиба* рука об руку шла с грандиозным российским самодурством (Мамин-Сиб., Горн. гнездо).

Притон, первонач. 'тайное место', 'укрытие' [134]. В Сл. 1847 — 'пристанище беглых, или вредных людей'. Во второй половине XIX в. сосуществовали оба значения — нейтральное и стилистически окрашенное. ср.: 1) Прибывши в Киев, стал хлопотать о деньгах для устройства революционного *притона* в Корсуни (Дебогор., Восп.); Как жалок и страшен этот человек, это существо, потаеннее всякого зверя скрывающееся от меня, своего единоутробного брата, в этих древесных *притонах*! (Бунин, Гор. царя цар.); Говоря о русских пролетариях, нельзя умолчать об одном из *притонов* их, раскольничьих скитах (Шашков, Истор. этюды). 2) Всюду, где являлись агитаторы, тотчас ими образовывались *притоны* для укрывательства (Из зап. Палена). Оценочное значение укрепилось в первое десятилетие XX в. за счет утраты первоначального (семантический объем сузился).

Просачиваться 'сочиться, течь каплями или струйкой сквозь что из чего-либо' (Даль, Сл.). Переносное разговорное значение 'пробираться, попадать, проникать куда-либо' (о людях) (БАС) возникает в 80-е годы XIX в.: Когда он оглянулся кругом, то увидел, как с непостижимой быстротой *просочились* женщины, всюду между рядами солдат (Серг.-Ценск., Лют. зима); Издавна уже в литературе... начинает *просачиваться* и иная струя, струя жизненная, правдивая (Миллер, Русск. писат.).

Психопат. В. В. Розанов в своей книге «Уединенное» (СПб., 1912) свидетельствует о том, что в 1880 г. он «сам себя называл «психопатом», смеясь и веселясь новому удачному слову. До сего я ни от кого его не слышал. Потом (время Шопенгауэра) многие так стали называть

---

[134] Сии укрепления... охватили целые области в коих городки делались *притонами* варягов (Полевой, Ист. русск. народа, кн. 1, гл. 1 — ЛК).

себя или других; потом появилось это в журналах. Теперь — это бранная кличка, но первоначально это обозначало «болезнь духа», вроде Байрона — обозначало поэтов и философов. Вертер был «психопат». Есть сведения и о источнике возникновения значения этого слова: «У нас» известный психиатр, г. Чечот, в качестве эксперта по делу Мироновича, Базака и Семеновой, ввел в общее употребление слово «психопат», заимствовав его у немецких ученых, преимущественно у Кафт—Эбинга. С тех пор у нас слово «психопат» приобрело именно то значение, в каком Нордау употребляет слово «Entarteter» 'выродившийся субъект' [135]. В словарях: 'душевно больной человек'; в перен. значении: 'страшный, эксцентричный' (Чудинов, СИС — 1902); 'страдающий психопатией' (Ефр., СИС — 1911). Пример: Достоевский кажется ненужным осложнением и, обозвав его *психопатом*, она [интеллигенция] отворачивается от поставленных им проблем (Философов, Стар. и нов.).

Изменения значений ряда слов, замкнутых сферой профессиональной речи, были обусловлены выходом их за пределы узкопрофессионального словоупотребления. Показательна в этом смысле судьба слов, возникших в последние десятилетия XIX—начале XX в. в речевом обиходе русских революционеров. С начала 70-х годов ими создается новый политический тайный словарь, который формировался в условиях конспирации тайных политических обществ и кружков, а затем обогащался новыми наименованиями в среде русских марксистов (на воле, за границей и особенно интенсивно — в условиях каторги и ссылки). Этот круг слов, зыбких и эфемерных, варьировавшихся от кружка к кружку, в свое время не мог стать предметом официальной публикации и широкого лингвистического комментирования. Словари арго, изданные в начале XX в.[136], порожденные потребностями практики судопроизводства, отразили условный словарь только уголовных, а не политических заключенных.

Основную роль в легализации этих слов сыграли публицистика и художественная литература. Часть словаря употреблялась в официально-канцелярской печати, комментировавшей этот материал в документах «по охране

---

[135] *Сементковский Р.* Предисл. к кн.: *Нордау М.* Вырождение. СПб., 1896, с. XXXIV.

[136] См.: *Трахтенберг В. Ф.* Блатная музыка. СПб., 1908.

общественной безопасности и порядка в государстве». Политические процессы, представившие этот словарь, в известной мере лишили его «таинственности».

Вхождение ряда слов в общелитературный обиход изменяет характер их стилистической окраски: социально отмеченные слова приобретают новые качества экспрессивности, выступая как окрашенные единицы общелитературного словаря. Примеры: *Разрядка*, слово, родившееся в стенах Шлиссельбурга, вычленившееся из словосочетания: *разряжение нервной энергии* (Чаруш., О далек. прошл.; ср.: Даль, Сл.). *Явка* 'нелегальный адрес, а также связанный с ним пароль', первонач. 'занятия, которые вели социал-демократы с солдатами в специально отведенных квартирах'; 'место, в которое члены нелегальных партий являются для всевозможных справок' (Ачадов, Сл. полит.). *Мешок* 'окружение': Местные группы — вне связей со столичными кружками, находящимися в шпионском мешке (Народов.). *Политик:* 1) 'революционер, считающий основным в своей деятельности политическую борьбу': Я в первый раз в 1904 г. услыхала термин «политики», который заменил название «радикалы», каким в мое время обозначали революционеров (Фигнер, После Шлис.); 2) 'осужденный за политическую пропаганду': Места ссылки, каторга и тюрьмы переполнились политиками, как никогда, и никогда не применялись к побежденным такие истязания и пытки, как при Николае II (В. И. Ленин, т. 21, с. 177). Каторга 1905—1906 гг. знала и слово *полуполитик* ('солдатская масса, привлеченная за революционные выступления'). Слово *мягкотелый* обозначало революционера, снисходительного в приеме товарищей в свою среду, организацию [137], *централист* — узника Харьковской центральной тюрьмы или Харьковского централа, *хвост* — шпиона, агента наружного наблюдения, *подметка* — внутреннего «сотрудника», *голубыми архангелами,* или *голубыми* революционеры иронически называли жандармов. Сдвиг окраски, как это было проиллюстрировано выше, сопровождался изменением значения; *Освещение* 'донос, наблюдение' (в общелитературном языке), *освещать* 'разъяснять, давать объяснения чему-либо': Царь поручал «*освещать*» близких лиц, даже кружок Мещерского (Блок, Зап. кн.); Положение поли-

[137] См.: *Генкин И.* Из воспоминаний политического каторжанина. Пг., 1919, с. 3.

тического деятеля, имевшего несчастье случайно познакомиться с «сотрудником» и попасть в сферу его *освещения*, оказывается чрезвычайно неприятным (Стеклов, Борцы за социал.); ср. в записях царского охранника: У меня начались *освещения* эсеровской среды (Спирид., При царск. реж.). *Сплавить* 'избавиться от компрометирующих документов' в общелитературный язык вошло со значением 'избавиться от чего-либо вообще'. В астраханской тюрьме били до смерти, исходя из того, что одним стало меньше, надо их *сплавлять* побольше (Обнинск., Нов. строй). *Твердокаменный* 'большевик' (Волгин, Толковат.), в литературном языке — 'устойчивый в своих убеждениях, непоколебимый'. *Вспышка* в образной речи об общественных явлениях, 'внезапное бурное возникновение' (БАС.), в речи революционеров 70-х годов 'организация революционных выступлений в противовес мирной пропаганде': отсюда *образованники* и *вспышкоспускатели* (см.: Рев. народн.).

Разумеется, в широкий речевой обиход вошла очень небольшая часть слов этого типа, остальные не вышли за пределы своего времени и своей профессиональной сферы.

Решающим фактором в изменениях эмоционально-экспрессивной окраски и функциональной закрепленности ряда слов в данную эпоху оказываются социальные коннотации. Стилистическая характеристика слова — эмоционально-экспрессивная окраска и функциональная принадлежность — определяется не только традиционностью употребления: она формируется и изменяется в сфере многочисленных общественно-социальных контекстов его употребления. Для описываемого времени характерны резкие смещения эмоциональной окраски слов, когда факторы неязыкового порядка оказываются на известное время единственными и определяющими. Вместе с тем на определенном отрезке времени эти изменения могут быть зафиксированы только в том случае, если они завершились в его пределах. В противном случае могут быть выявлены лишь некоторые тенденции к сдвигу; самое же распределение стилистически маркированных единиц будет выступать в иных пропорциях и соотношениях, нежели оно определялось впоследствии. Так, помимо отмеченных в «Лексике современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1968), не окрашенных для дооктябрьского времени слов: *отвертывать, давеча, сговор, писание, сборище, насаждать* и др., перешедших впослед-

ствии в состав разговорно-просторечных, нейтральную окраску сохраняли слова:

Особливо, особливый: Россия может положить себе новый исторический путь, *особливый* от европейского (Н. Михайловск., Литер. заметки (1880) — ЛК).

Зараз 'за один раз, одним приемом // вдруг, вместе, дружно // тотчас, сию минуту, мигом' (Даль, Сл.): Драмы Ибсена построены совершенно: в них совмещается *зараз* множество смыслов (Белый, Арабески).

Надобно 'надо, нужно' (Огиенко, Сл. неправильн.).

Наемник 'нанявшийся, пошедший внаймы, в работу или на службу; это наймит, наймист, охотник, приемыш, купленный и названый сын' (Даль, Сл.).

Заполучить 'вперед взять заработную плату' (Даль, Сл.).

Глядеть 'выражение действия, которое может быть мыслимо под условием мгновенности его совершения, в отличие от *смотреть*, которое предполагает более напряженное внимание для познания предмета' (Огиенко, Сл. неправильн.).

Похерить 'зачернивать написанное, ставя херы или кресты; вымарывать, выключать' (Сл. 1847): Но архимандрит на велосипеде (это прелесть!), разумеется, цензор *похерит*, как это ни горестно (Плещеев, П. к Чехову, 27 сент. 1889 г.); Рецензию на Каутского следовало бы *похерить* (курсив наш. — *Л. Г.*) или отдать в другое место ввиду этой статьи против Булгакова (В. И. Ленин, т. 55, с. 158).

Промеж: Подголоски его ликующей инвенции... прыгали *промеж* расходящихся (Пастернак, Ист. контрокт.);

Меж: Где ты теперь? Дивуешься ль волнами Зеленого Бискайского залива *Меж* белых платьев и панам (Бунин, Где ты теперь?).

Бомбист: Университеты... переполнены студентами-*бомбистами* (Дневн. Половцева) [138].

---

[138] Вряд ли правильна стилистическая квалификация этого слова («обывательское просторечие»), данная в приложении к кн. «Стихотворная сатира первой русской революции» (Л., Изд-во «Сов. писатель», 1969, с. 612). См. его толкование в 20-е годы: 'метатель бомбы, бросивший бомбу, приготовляющий бомбы' (Полный иллюстрированный словарь иностранных слов. Сост. И. Вайсблит. М.—Л., 1926).

Важным в ряде случаев оказывается не изменение окраски, а различное социальное осмысление того или иного обозначения. Слово *патриот* в конце XIX—начале XX в. в демократической печати употребляется с отрицательной окраской, оно выступает в смысле 'монархист'[139] и ставится в кавычки как знак неприятия его подлинного смысла: Теперь принято различить *патриота* (без кавычек) и «*патриота*» (в кавычках) (Бодуэн де Курт., Слово); Славянофильская идея никем не представляется и не развивается, если только не считать ее развитием тех взглядов и тенденций, которые мы находим в нынешней «*патриотической печати*» (Соловьев, Нац. вопр. в России). Это словоупотребление отражено в Сл. Даля: 'Патриот-отчизнолюб (презрит.: *патриот своего отечества*)' и отмечено в «Предисловии» его редактором И. А. Бодуэном: «Слова *патриот, патриотизм*... получили... погромный и карательный оттенок». Слово *интеллигент*, одно из самых активных понятий политического словаря, получило ироническую оценку отнюдь не в послеоктябрьский период, а много раньше в официальной печати и частью у ранних футуристов, осмеявших «магов искусства» — символистов и поклоняющуюся им интеллигенцию[140].

Эмоционально окрашенным становится ряд книжных слов на *-изм*, переосмысленных в политической литературе.

Зависимость семантики слова от различных социально-классовых оценок проявляется в словах *террор, терроризм*. Показательна оценка этого слова, данная шлиссельбуржцем Н. Морозовым: Слово «*терроризм*», уже практиковавшееся в публике, я нарочно исключил в этой статье, так как оно мне чрезвычайно не нравилось, да и действительно не подходило к делу. Владычество путем *террора*,

---

[139] См. отражение этого словоупотребления в «Жизни Клима Самгина» [Тагильский]: Переезжаете в Петербург. У меня там есть хороший знакомый, видный адвокат, неославянофил, то есть империалист, *патриот*, немножко идиот (М. Горький. Соч., т. 22, с. 150).

[140] См.: *Эйхенбаум Б.* Мой временник, с. 61. — К. П. Победоносцев писал В. К. Плеве: Ради бога, исключите слова (из какого-то циркуляра министра внутренних дел): «Русская *интеллигенция*». Ведь такого слова «*интеллигенция*» по-русски нет; бог знает, кто его выдумал и, бог знает, что оно означает. Непременно замените его чем-нибудь (цит. по кн.: *Любимов Л.* На чужбине. М., 1963, с. 43). См. также: *Леонтьев К.* Соч., т. 8. М., 1912, с. 319.

по моему убеждению, целиком принадлежало правительству, и мы только боролись с ним с оружием в руках. Но это название, к моему сожалению, быстро распространилось в публике, так что впоследствии я и сам употребил его в заглавии моей брошюры «*Террористическая* борьба» вместо первоначально данного ей названия «Неопартизанская борьба», да еще на суде, где я объявил себя террористом по убеждениям (Н. Морозов, Пов. жизни). Ср.: *Террор* есть просто особый род политической борьбы (Народн. Воля, 1879, № 3); Под экономическим *террором* подразумеваются насильственные меры против отдельных фабрикантов и мастеров (Гуго, Справоч. кн.); в современных словарях: 'осуществление террора, деятельность и практика террористов' (БАС). В официальной печати эти слова выступали как «сильно окрашенные»: 'устращивание, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства' (Даль, Сл.); 'ужас, время политических убийств', 'господство посредством ужаса' (Лебедев, СИС — 1906); 'система политики, стремящаяся достичь цели внушением ужаса, применением великих жестокостей' (Виноградов, СИС — 1907).

Слово *милитаризм* до начала XX в. было нейтрально окрашенным: 'так называется управление государственное, где все интересы имеют первое на сторону военного права' (Словотолк. — 1887); 'преобладание в государстве военных интересов' (Павленков, Энц. 1913): 'психологическое настроение к идее войны, объединяющее нацию и государство, готовность к ней' (Воен. энц.). Пример: Это называют «войнолюбием», «милитаризмом» (Прокл. больш. орг. Закавк.). После 1905 г. словари фиксируют сдвиг в окраске слова, возникшей еще в 70—80-е годы в агитационно-пропагандистской литературе (см.: Лит. «НВ»), а затем утвердившейся в литературном языке: 'военщина' (Лебедев, СИС — 1906); 'система вооруженного мира, ложащаяся тяжелым бременем на трудящиеся классы' (Ефр., СИС — 1911).

Словари, за редким исключением, не успевали отмечать эти сдвиги, которые выявлялись лишь на коротких временных отрезках. Так, в конце 70—начале 80-х годов иронически окрашенными в революционно-демократической литературе пропагандистского толка были слова: *образованник* 'пропагандист, стоящий за пропаганду исключительно среди интеллигенции' (см.: Л. Тихомиров, В подполье. СПб., 1907); *легалист, государственник, кон-*

ституционалист и *народник*[141]; в 90-е годы сниженным было слово *восьмидесятник* 'человек, чуждый широких умственных интересов, всякой серьезной мысли об общем благе, думающий только о личной пользе, о собственном житейском благополучии' (Плехан., От издат.). Словари отметили просторечную окраску только что образовавшегося слова *кадет:* 'в просторечии представитель политической конституционно-демократической партии' (Сл. Акад. 1906—1907; Сл. для всех). Стилистически окрашенными на короткое время выступают слова: *понедельничный*, вошедшее после Октября в разряд историзмов (Разухабистая, крикливая, наглая, с синяком под глазом, в заломленном на затылке помятом цилиндре, шла «*понедельничная*» пресса, разрешая развязным жестом вопросы политики, социального быта, этики, литературы, искусства — Воровск., В крив. зерк.) и *иллюминации*, пущенное в речевой обиход депутатом Первой Государственной Думы М. Я. Герценштейном: Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний? Мало Вам разве опыта майских *иллюминаций* прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб! (Гос. Дума).

Общественно-политическая литература, ораторское красноречие, официальная печать обострили эмоциональные оценки многих слов (замкнутых до того в определенных контекстах) приемами цитации и переосмысления материала (слова называют дерзкими, от них «отмежевываются» кавычками). Вместе с тем процесс активного словоупотребления способствовал быстрой их нейтрализации, стиранию стилистической окраски.

Из социально-оценочных речевых ситуаций выросли стилистические значения слов *главарь, сообщник, сообщество, соучастник*[142], рожденные политическими процессами 80-х годов. Нейтральные слова сдвигаются под влиянием отраженного словоупотребления, имплицитного диа-

---

[141] См.: *Тихомиров Л.* Что такое народничество? — Русское обозрение, 1892, № 12, с. 915; *Невлобин Н.* Кружковщина. Одесса, 1879, с. 13; *Лавров П. Л.* Народники-пропагандисты. 1873—78 гг. СПб., 1907, с. 105; Литература партии Народной Воли. Paris, 1905, с. 337.

[142] В книге «Лексика современного русского литературного языка» *соучастник* отмечается как слово, перешедшее в разряд оценочных в 30-х годах XX в. (с. 134).

лога, вводящегося в контекст официально-деловой печати, комментировавшей действия «главарей заговора», «революционных сообществ», «политических соучастников» (см.: Обвинительные акты по делу Богдановича, Златопольского, Грачевского, опубликованные в «Вестнике Народной воли» 1883, № 1). Отсюда — сосуществование в пределах описываемого времени двух стилистических норм — нейтрального и окрашенного слова, определяемого жанром контекста, например: *братствие, товарищество, сотоварищество,* в значении бытности, нахождения с кем-либо; или это // круг, община, братия //; тайное *сообщество,* подпольное общество, заговор (Сл. Даля): Осипанов заявил, что готов действовать в одиночку и в *сообществе* с другими (Лукашев., Восп.); Малларме есть один из признанных *главарей* символизма (Михайловск., Литер. восп.); Символизм есть искусство, обращающее того, кто его воспринимает, в *соучастника* творения (В. Иванов, Борозды и межи).

Сословные оценки сопровождают употребление слов: *стачка* 'нечистый сговор нескольких лиц', *бурлацкий* 'грубый, невежественный' (Старчевский, Объяснит. сл.) В. И. Ленин отметил, что слово *бунт* принадлежит полицейскому лексикону, так как оно остается правовым термином только в официальной печати: Некоторые сами бывали в столицах и на фабриках и видывали тамошние бунты, как их называет полиция (В. И. Ленин, т. 7, с. 131). В демократической литературе утверждается другое его значение: 'стихийное, неорганизованное движение, вспышки гнева и разрушения': Всякий наш порыв — хоть сколько-нибудь облегчить свое тяжелое положение правительство считает «бунтом» против священной власти царя (Лист. перм. больш.).

«Словарь иностранных слов» (СПб., 1875) определяет слово *конспирация* как 'заговор, бунт, измена' и относит его к понятиям уголовно-правового порядка (см. также: Словотолк. — 1887; Бурдон-Мих., 1899): Желябов... это типический *конспиратор*, притом заботящийся... о том, чтобы все жесты, мимика, движение, мысль, слово — все было *конспиративное*, социально-революционное. Этот тип агитатора... желающий до последней минуты драпироваться в свою *конспиративную* тогу (Речь прокурора). Новое значение 'заговорщический, тайный', 'относящийся к заговору, таинственный, скрытый' (Сл. Акад. 1912), исключающее неодобрительную окраску, сформировалось

в речевом обиходе в начале 70-х годов [143], распространилось и вытеснило старое. «Необходимость создания боевой народной революционной организации... уступает место конспираторской организации нашей интеллигенции, которая должна захватить власть» (Плехан., Наши разногл.). Показательно, что на первых порах *конспиративный* чаще употребляется в значении 'заговорщический', на базе которого формируется контаминированное значение 'тайный, скрытый'. См. например, дифференциацию их у В. И. Ленина: Нам возразят: такая могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити *конспиративной* (курсив наш. — *Л. Г.*) деятельности, организация по необходимости централистическая, может слишком легко броситься в преждевременную атаку (В. И. Ленин, т. 6, с. 136).

Словари последних десятилетий XIX в. определяют слово *агитатор* как 'мятежник, бунтовщик, повстанец, подстрекатель, возмутитель' (Дубровский, 1871; Словотолк. — 1887); 'волнующий умы ложными известиями' (Михельсон, СИС — 1891), 'смутчик' (Даль, Сл.); *агитация* 'возбуждение к мятежу' (Бурдон—Мих., 1899); *агитировать* 'подговаривать кого-либо к произвожению возмущения, мятежа черни' (Орлов, ФС). Оттенок неодобрительности, снятый первоначально в демократической печати последних десятилетий XIX в., окончательно исчез в речевом обиходе в самом начале XX в.: В то время, когда Лист вел свою *агитацию,* многие сомневались в возможности возникновения в Германии крупной обрабатывающей промышленности (Плехан., Наши разногл.); Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный *агитатор* (курсив наш. — *Л. Г.*), но также и коллективный организатор (В. И. Ленин, т. 5, с. 11). Словари, изданные в первое десятилетие XX в., последовательно отразили этот стилистический и семантический сдвиг: *агитатор* 'человек, возбуждающий общество действовать во имя каких-либо идей или целей, имеющих общественное значение' (Сеславин, КЭ); *агитация* 'побуждение народных масс к коллективному выражению своих желаний или совместным действиям' (Сл. для всех; Ефр., СИС — 1911).

---

[143] См.: *Ткачев Н.* Задачи революционной пропаганды в России. Лондон, 1874, с. 7; *Тун А.* История революционного движения в России. СПб., 1893, с. 286.

Слово *демагог* так определяется в «Словаре военных терминов» В. Муромского (Пг., 1914): 'в древней Греции название таких людей, которые держали народ в своих руках, благодаря своему личному влиянию и силе слова и, таким образом, являлись его советниками и руководителями'. Словарь отразил значение, сложившееся задолго до описываемого времени и представляющее в известной степени анахронизм; с начала 80-х годов слово не имело локальной прикрепленности и обозначало: 'революционер, предводитель народной партии' (Словотолк. — 1877); 'вождь народа, завоевавший себе популярность благодаря личному влиянию и силе слова, стремящийся к низвержению монархии' (Незнак. слова); *демагогия* 'преобладание народной партии в делах управления' (7.500 сл.); *демагог* 'крайний демократ, тайный возмутитель, поборник безначалия' (Даль, Сл.). Примеры: С 1877 г. киевские анархисты («бунтари») носили название киевских *демагогов* (Хрон. соц. движ.); Я рожден *демагогом*, мое место на улице, среди рабочей толпы, — говорил А. И. Желябов (цит. по кн.: Рев. силуэты); Носителями социального сознания являются... политические ораторы и *демагоги* (Рейснер, Андреев). Эмоционально-экспрессивная окраска складывается в самом начале XX в. в практике партийной пропаганды: 'ныне человек, пользующийся влиянием на народ для достижения своих личных целей путем потакания ее временным желаниям и страстям' (Сл. для всех; Смирнов, Народн. сл.); *демагогия* 'ныне: господство, власть толпы; потворство инстинктам толпы; стремления демагогов' (Ефр., СИС — 1911); 'способ обмана политически отсталых народных масс всевозможными заманчивыми, но лживыми обещаниями' (БАС): ...я никогда не устану повторять, что *демагоги* (курсив наш. — *Л. Г.*) худшие враги рабочего класса. Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов, выступающих и иногда искренне выступающих в качестве их друзей (В. И. Ленин, т. 6, с. 123).

В словах *мещанин, мещанство*[144], первонач. 'жители города' 'состояние мещанина, сословие мещан' (Даль, Сл.) переносное значение (окраш.) 'совокупность взгля-

---

[144] См. об этом слове: *Бельчиков Ю. А.* Из истории словарного состава русского языка. История слова *мещанин*. — Вестн. МГУ, 1953, № 1, с. 128—129.

дов, привычек, вкусов и традиций, свойственных мещанам как мелкобуржуазному классу; мелочность, пошлость' (Сл. для всех) широко распространяется с начала XX в. М. Горький пьесой «Мещане» упрочил социально-этический смысл этого термина, определившийся еще в работах А. И. Герцена и использовавшийся нередко в политической литературе; см. у В. И. Ленина: Выражение «*мещанский*» (курсив наш. — *Л. Г.*) употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова (В. И. Ленин, т. 1, с. 413). Это употребление, очевидно, не было общепринятым; показательно, что рецензия в «Русском богатстве» (1902 г.) упрекнула Горького за «непростительный каламбур», который придал слову *мещанство* несословный смысл. Г. В. Плеханов впоследствии отметил, что слова *буржуазный*[145] и *мещанский*, употребленные в новом значении, стали одним из эмоционально действенных средств публицистики: «Стоит эти слова, — писал Г. В. Плеханов, — направить против какого-нибудь общественного деятеля или литературного произведения, и они будут действовать, как яд, убивающий самый сильный организм, разлагающий, уничтожающий» (Плехан., Предисловие).

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

1. Семантическое заимствование — один из важных процессов развития семантической системы языка в описываемый период. При внешней однозначности результатов взаимодействия семантических структур разноязычных слов (усложнение семантической структуры своего слова) выявляются разные по характеру протекания процессы: 1) заимствование значения и 2) сдвиг его под влиянием семантики иноязычного. Значения иноязычного слова и круг его сочетаемостей быстро усваиваются при наличии звукового сходства. Однако это явление,

---

[145] См. толкование этого слова и его производных: *Буржуазность* понимается в смысле себялюбия, отсутствия общечеловеческих интересов, узкости взглядов, тупоумного самодовольства, ставившего блага обеспеченного существования выше всего на свете (Спутник читателя. СПб., 1908, с. 25); *буржуазный* 'самодовольно-эгоистический' (Ефр., СИС—1911).

характерное для западноевропейских языков, имеющих в качестве исторического прототипа и интернационального фонда латынь, для русского языка в его соотношении со славянскими языками — не типично. Редкий пример такого семантического взаимодействия слов *пачка* (польск. paczka), 'компания, масса, кружок'; ср.: 'связка', 'кипка' (Даль, Сл.), заимствованное русскими революционерами из польского речевого обихода: И пошел расстрел *пачками,* как нынче выражаются (Боборык., Грозн. дни).

Расхождение своего и калькированного значений может стать отправной точкой для расчлененного рассмотрения собственно семантического заимствования и сдвига семантики русского слова под влиянием иноязычного. В первом случае значения такого полисемантического слова могут никак не ассоциироваться, сильно расходиться, образуя, по существу, на первых порах, слова-омонимы. К примеру, в слове *гвоздь*[146] (франц. clou) 'главная приманка представления, программы' несоотнесенность семантического объема французского слова с русским, долгое время мешала новому значению стать общепризнанным. Показательна реакция современников: Выдумано в Париже и пущено на весь свет новое слово. Это слово было: le clou d'exposition — гвоздь выставки. Это нелепое слово было еще нелепее самой Эйфелевой башни, но оно казалось аппетитным и любезным для большинства, и с тех пор нет от него отбоя... Не кто иной, как Семирадский, со своей картиной «Христианская Дирцея в цирке Нерона». Кто бы этого мог ожидать? Этакая картина и clou[147]; Недавно вошло в моду везде искать *гвоздь.* На каждой выставке непременно должен быть *гвоздь. Гвоздь* этот и у французов-то выскочил совершенно слу́чайно, а у нас он ни на что не нужен (Нов. время, 1900, № 8656); Нынешняя выставка... озаботилась снабдить себя разными «гвоздями». Под таким прозаическим наименованием упрочили за собой славу приманок разные выдумки частных антрепренеров... *гвоздь* — это тот фокус, к которому стекаются самые густые массы выставочной публики (Всемирн. Парижск.

---

[146] См. об этом: *Виноградов В. В.* Из истории русской литературной лексики. — Учен. зап. МГПИ им. Ленина, 1947, т. 42, с. 11—14.

[147] *Стасов В. В.* Выставки. — Избр. соч., т. 3, с. 224.

выст.). Примерно в течение десяти лет слово *гвоздь* неизменно заключалось в кавычки в знак неприятия такого словоупотребления: Приезжий гость в качестве «гвоздя» (Станюк., Жрецы). Лишь с начала XX в. оно, получив широкое распространение в политической литературе, закрепляется в языке: В том-то и *гвоздь* (курсив наш. — *Л. Г.*), что Ларин дал в цитированных статьях изложение «системы» взглядов самого несомненного, самого доподлинного реформизма! (В. И. Ленин, т. 20, с. 199).

Со временем в семантической структуре слов может наметиться основа для соположений и сближений разных значений — своего и заимствованного.

Несопоставимость своего и заимствованного значений обусловлена и тем, что процесс семантического заимствования отражает конечную стадию развития значения в языке-источнике, опуская промежуточные звенья семантической эволюции, связывающие его с исходным значением. Так, слово *платформа,* заимствовавшее переносное значение 'объявление кандидатом своей политической программы избирателям' (Даль, Сл.); 'программа, совокупность принципов политической партии' (Ефр., СИС — 1911), ставшее интернациональным и явно не соотносившееся с исходным русским значением 'помост', 'открытый вагон в составе железных дорог без боковых стен и крыши' (Леер, Энц.), имело в английском языке промежуточное значение: *платформа* 'место, с которого говорили ораторы на митингах, излагая свою программу, помост'; ' выступление для устного выражения общественного мнения вне парламента', 'речь'. В русском языке 80-х годов это словоупотребление отражено в переводной литературе: Газеты стали... цитироваться с публичных *платформ* (Мак-Гал., Из америк. лит.), а в публицистике 80-х годов — в русском материале, знакомившем с политической жизнью Америки: Каждая партия провозглашает известную программу или, как американцы говорят, «выставляют платформу» и «планки» этой «платформы» представляют заявление взглядов на известные вопросы (Виноградов, Америк. демокр.). Ср.: Трудно дать вполне удовлетворительное определение понятию «*платформа*». Мне думается, что в широком смысле понятие «*платформы*» обнимает собою всякую политическую речь, произнесенную в публичном собрании, за исключением речей с церковной кафедры или на суде (Джеферсон, Платформа). Таким образом, в рус-

ском языке было усвоено «конечное» значение, ставшее по отношению к начальному полным омонимом [148]. В Петербурге выборы делегатов на съезд от всей рабочей организации проводились по тактическим *платформам* большевиков и меньшевиков, причем делегаты выбирались на общегородских собраниях выборщиков той и другой *платформы* (Прот. Объед. съезда); Рабочий класс занял в политической жизни страны подобающее ему первое место, и его демократические требования вписаны в *платформы* освобожденцев и прочих либералов и буржуазных демократов (Лист. больш. орг.).

Политическая литература играет ведущую роль в усвоении новых политических значений слов и распространении их в течение весьма короткого времени в других сферах речи: Литературная *платформа* символизма пытается лишь суммировать индивидуальные заявления художников о их творчестве (Белый, Символизм); Пришел и для нас момент проверки нашего credo. По-нынешнему *«платформы»*. Это для нас обоих странное, чудное слово употребляют уже и наши дети (Боборык., Грозн. дни).

В слове *блок* заимствованное значение (нем. Block) [149], определившееся в самом конце XIX в. ('временное соглашение нескольких партий для достижения какой-либо общей цели', 'союз отдельных партий' (Сл. для всех); 'союз различных политических партий для достижения намеченной цели' — Ефр., СИС — 1911), никак не соотносилось с исходным русским: 'простая машина, действующая на основании законов' (Бурдон—Мих., 1880). Примеры: У нас в партии много спорят теперь о значении слова «блоки». Один говорит: блок — это общий список. Другой: нет, блок, это — общая платформа. Глупые все эти споры, схоластические. Суть дела ни капли не меняется от того, более тесные или менее тесные соглашения вы назовете блоками (В. И. Ленин, т. 14, с. 115); Та часть меньшевиков, которая боро-

---

[148] По-видимому, такое усвоение этого слова было характерно и для других языков. См. замечание Бреаля: «Кто бы мог предвидеть, что Фаэтон — имя бога солнца, станет наименованием экипажа, а *платформа* будет употребляться в повседневном политическом лексиконе?» (Цит. по кн.: *Пизани В.* Этимология. М., Изд-во иностр. лит., 1956, с. 144).

[149] Это слово первоначально выступало в иноязычном написании: Главное место в block'е этой коалиции занимают радикалы (Моск. вед., 1906, № 142).

лась против идеи о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционных социал-демократов, — традиции, усиленно поддерживавшейся «Зарей» и старой «Искрой» (В. И. Ленин, т. 16, с. 98); Весь двор училищного здания был сплошь усеян обрывками газеты «Русский голос» и бюллетеней *блока* (Истор. вестн., 1906, № 5).

Второй, политический смысл слова *попутчик* 'тот, кто временно примыкает к какому-н. политическому движению' (Даль, Сл.) отражает только прямое значение ('попутный ходок, ездок, идущий, едущий с кем-либо по одному пути') сформировался под влиянием нем. Mitläufer, бытовавшего и в русской огласовке в 90-е годы XIX в., первоначально в среде социал-демократии. Многочисленны примеры употребления слова в новом значении у В. И. Ленина: И мы переживаем теперь процесс необходимой разборки, размежевки, *нового выделения* действительных пролетарски-социалистических элементов, *очистки* их от *«приставших к движению»* (*Mitläufer*, говорится это по-немецки) только ради «яркого» лозунга, с одной стороны, или ради общей с кадетами борьбы за «полновластную Думу», с другой (В. И. Ленин, т. 17, с. 293); Уход из партии есть чистка ее, освобождение от наименее устойчивых, от ненадежных друзей, от «попутчиков» (Mitläufer'ов), которые всегда примыкали на время к пролетариату, рекрутируясь из мелкой буржуазии или числа «деклассированных»... (Там же, с. 363). Значение немецкого прототипа быстро освоилось и распространилось в литературе неполитического толка: Искусство, как и всегда, идет впереди этого движения мысли. Но его теоретики — безнадежно коротенькие Mitläufer'ы творческого движения — не в силах осмыслить его сложности (Горнфельд, Кн. и люди).

Семантическим заимствованием является второе значение слова *болото* 'нейтральная, неактивная часть какого-нибудь коллектива' (СУ), широко распространившееся в политической литературе: *болото оппортунизма, реакция, болотный президиум* и др. В. И. Ленин отмечает аналогичное значение в немецком языке, которое, несомненно, сложилось под влиянием французского словоупотребления в эпоху Великой Французской революции: *ораторы болота, болотное соглашение* и др. В. И. Ленин

пишет: Тов. Плеханов говорит, что слово «*болото*» (курсив наш. — *Л. Г.)* оскорбительно. Напомню, что и в немецкой социалистической литературе и в немецкой партии на съездах термин versumpft вызывает иногда насмешки, но никогда — вопли об оскорблении. Ни я, ни т. Васильев, употребляя это слово, не думали никого оскорблять. Когда говорят о двух сторонах с определенным направлением, то нерешительных и колеблющихся между этими двумя направлениями характеризуют термином «*болото*» (курсив наш. — *Л. Г.*), вместо которого можно было бы сказать, пожалуй, «золотая середина» (В. И. Ленин, т. 8, с. 134); Справедливо, что в нашей партии есть товарищи, которых в шутку называют «болотом». Члены его постоянно переходили с одной стороны на другую во внутрипартийной борьбе (В. И. Ленин, т. 47, с. 44). У В. И. Ленина находим новообразование *болотность* (в этом же значении): Этими словами тов. Мартов превосходно охарактеризовал суть и смысл того политического оттенка, который сыграл громадную роль на съезде и который отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствием своей линии, боязнью того, что скажут люди, вечным колебанием между обеими определенными сторонами, боязнью открытого изложения своего *credo,* — одним словом «*болотностью*» (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 8, с. 204).

В 80-е годы политическая литература, комментирующая немецкий катедер-социализм, использует в терминологическом значении слово *скачок* (нем. Sprung): История идет *скачками* (Черн. передел); ...иначе как *скачками* (курсив наш. — *Л. Г.*), зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм (В. И. Ленин, т. 17, с. 117); В *скачках* (курсив наш. — *Л. Г.*), которые переживали все страны в эпоху буржуазных революций, столкновения и борьба из-за права на национальное государство возможны и вероятны (В. И. Ленин, т. 25, с. 277).

Термин *ценность* в новом, социально-экономическом смысле («ценность есть общественное отношение») — семантическая калька с немецкого (впервые отмечается в переводе «Капитала», в этом значении отграничивается от ряда понятий, известных ранее: цена, потребительная стоимость, меновая ценность, рыночная ценность и др.).

Слово *агент* семантической калькой с французского является в значении 'каждое лицо, облеченное полномо-

чиями действовать от имени нации ради общей пользы', появившееся во французском языке в конце XVIII в.[150] и усвоенное в этом значении революционным народничеством 70-х годов[151]. Опять сорвалось у меня это ужасное слово «*агент*» (курсив наш. — *Л. Г.*), так режущее демократическое ухо Мартыновых! Мне странно, почему это слово не обижало корифеев 70-х годов и обижает кустарей 90-х годов? Мне нравится это слово, ибо оно ясно и резко указывает на *общее дело*, которому все агенты подчиняют свои помыслы и действия, и если нужно заменить это слово другим, то я бы мог остановиться только разве на слове «сотрудник», если бы оно не отзывалось некоторой литературщиной и некоторой расплывчатостью. А нам нужна военная организация *агентов* (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 6, с. 178). Новое значение 'шпион, подстрекатель', 'провокатор, лицо, подстрекающее намеченную жертву к беззаконным действиям единственно, чтобы вызвать смуту и подвести ее под наказание' (Сл. для всех) формируется в литературном языке начала XX в. уже на русской почве: Клеточников спас много людей от сетей *агентов*-провокаторов (В подполье); [Жученко] тогда была не *агентшей*, а именно провокаторшей (Показ. Бурцева).

Не исключено, что калькированным является слово *чистка* 'изгнание политических противников'; переносное значение, сформировавшееся задолго до Октября, но не отмеченное словарями (см.: Даль, Сл.), впервые встречается в переводах немецкой социал-демократической литературы. Показательно, что это слово в русском языке долгое время ставилось в кавычки: С новой силой возобновляется «*чистка*» среди третьего элемента (Дан, Общ. полит. правительства).

В начале XX в. из английского языка было заимствовано новое значение для слова *прагматизм*, до этого времени известного в русском языке, как 'преподавание истории с изложением причин и следствий' (Бурдон-Мих., 1877); 'историческое изложение, в котором освещаются причины и связь данных событий или явлений'

---

[150] См.: *Державин К.* Борьба классов и партий в языке Великой Французской революции. — В кн.: Язык и литература, т. 2, вып. 1. Л., 1927, с. 29.

[151] См.: Устав Исполнительного Комитета «Народной Воли» (в кн.: Рев. народ., т. 1); *Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1912, с. 47.

(Павленков, Энц. — 1913). Новое значение было усвоено всеми европейскими языками в связи с переводом (1897 г.) книги В. Джемса («Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления». Русск. перев. — 1910 г.[152]), положивший начало субъективно-идеалистическому направлению в буржуазной философии XX в.: Едва ли не «последней модой» самоновейшей американской философии является «прагматизм» (от греческого pragma — дело, действие; философия действия). О *прагматизме* (курсив наш. — *Л. Г.*) говорят философские журналы едва ли не более всего. *Прагматизм* (курсив наш. — *Л. Г.*) высмеивает метафизику и материализма и идеализма, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику, ссылается на позитивистское течение вообще, *опирается специально на Оствальда, Маха, Пирсона, Пуанкаре, Дюгема,* на то, что наука не есть «абсолютная копия реальности», и... преблагополучно выводит изо всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта (В. И. Ленина, т. 18, с. 363).

Слово *произвольный* (spontane) — перевод, сделанный Вл. Соловьевым в работе «Кризис западной философии» и подвергшийся нападкам за неточную передачу смысла[153].

В отдельных случаях заимствованные значения обязаны своим возникновением влиянию определенных литературных направлений и русской критике, широко комментировавшей их[154]. Значение слова *соответствия* (франц. correspondances) 'установление бесконечных рядов ассоциации между явлениями внешнего мира и внутренними переживаниями поэта, создающих особое постижение тайн бытия', сформировалось под влиянием словоупотребления французских поэтов-символистов. Слово долго вызывало отрицательную реакцию (рассмат-

---

[152] В русском языке первое упоминание о *прагматизме* в новом значении этого слова см. в некрологе П. Мокриевского: И. М. Сеченов. — Русское богатство, 1905, № 10, с. 196.

[153] См.: *Соловьев В.* Странное недоразумение. Ответ Лесевичу. — Собр. соч., т. 1. СПб., 1901, с. 200—201.

[154] По мнению Л. Гальди, литературная критика «заслуживает углубленного исследования как с точки зрения заимствований, так и с точки зрения калек» (*Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. МГУ, 1958, с. 74).

риваясь как чуждое русскому речевому обиходу) и в течение некоторого времени использовалось только в литературной критике, связанной с символизмом, а затем — как своего рода номинация этого явления в истории русской литературы.

Слово *вырождение* и его производные получают более широкое значение (в отличие от более раннего 'уклонение вследствие наследственных причин от нормы в физическом отношении' — Русск. энц.): 'уклонение от нормального типа вообще, вне наследственности, возбудимость, бессилие, неспособность противиться навязчивым впечатлениям' и первоначально было отнесено к представителям литературного декаданса fin de siècle. На несовпадение русского и иноязычного значений впервые указал в предисловии к русскому изданию Р. И. Сементковский[155]. Примеры: После общего введения... Нордау переходит к «*вырождавшимся*» (Михайловск., Литер. восп.,); Вся пьеса Пшибышевского написана в том мертвенном тоне школы «*вырождения*», для которой посиневшие трупы и кровавые лужи представляются лишь интересными красочными пятнами на данном фоне (Воровск., Ева и Джиок.); Декаданс, *вырождение*, вот искусство нашего времени (Аничк., Реализм и нов. веян.). Новое значение прилагательного *голубой* 'безоблачный, безмятежный, не омраченный горестями', сложившееся во второй половине XIX в., было привнесено извне, не без влияния поэзии немецких и французских романтиков с их «предилекцией к голубому» как «эманации поэта», «неземного счастья», «отрешенности от низменности реального бытия»[156]. В этом значении слово начало употребляться параллельно с прилагательным *розовый*, развившим свое переносное значение еще в первой четверти XIX в. В первое десятилетие XX в. распространяется калькированное значение глагола *выглядеть* (нем. aussehen) 'иметь вид' (ср. русск.: *выглядывать*, 'оглядывать тайком' — «петербургского изделия товар»[157], словоупотребление петербургских немцев), «модный варваризм», долго отвергаемый литературной нормой (см: Сл. Акад. 1892; Огиенко, Сл. неправильн.). В разговорной речи на-

[155] См.: *Нордау М.* Вырождение. СПб., 1894, с. XXXIII.
[156] См.: *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940, с. 89.
[157] *Гиляров-Платонов Н. П.* Экскурсия в русскую грамматику. М., 1904, с. 58; *Драганов П. Д.* О германизме *выглядит* в русском языке. — Сб. ОРЯС. СПб., 1909, т. XIV, кн. 1.

чала века употреблялось слово *апельсин* 'бомба', заимствованное русскими революционерами из языкового обихода польских революционеров: pomarancza: *Апельсинов* бояться — губернатором не быть (Дятел, 1905, № 1); Разорвался *апельсин* у Дворцова моста (С. Черный, Чепуха).

Областью семантических заимствований становятся, как показывает обследованный материал, общественно-политические, философские, искусствоведческие термины. Научная литература негуманитарного цикла редко прибегает к такому освоению иноязычного материала, предпочитая ему прямое заимствование. Примеры семантических освоений здесь немногочисленны. *Установка* 'целевая направленность, ориентация на что-либо' (БАС); калькированный термин был усвоен первоначально в среде русских психологов, воспринявших учение Миллера и Шумана об Einstellung как тенденции к автоматической деятельности моторного или сенсорного характера (Лапшин, О перевоплощ.). В области авиации: *оперение* (слово, взятое с франц. empennage) (Воздухоплаватель; 1909, № 11); *скольжение* (франц. glissage); *потолок* (франц. plafond) 'самый высокий набор высоты'; *причаливание,* вытесненное впоследствии калькой *приземление* (франц. atterissage).

2. Развитие семантической системы языка определяется и особенностями смыслового освоения заимствованного материала. Известно, что в процессе адаптации иноязычного слова весьма существенной оказывается его способность включаться в семантическую систему заимствующего языка, и как следствие этого — перестройка отдельных звеньев словаря, в частности его синонимических рядов. «Поведение» иноязычного материала на этом уровне его адаптации выявляет обычно возможности его дальнейшего функционирования — процесс не менее важный, нежели собственно вхождение в систему.

Между семантическими объемами разноязычных слов устанавливаются известные соотношения, коррелируемые особенностями воспринимающей системы.

Семантический объем иноязычного слова, присущий ему в языке—источнике, может сужаться, усложняться или полностью изменяться. На первоначальном этапе освоения заимствованное слово еще семантически диффузно. Так, например, английское *транс* употреблялось в значениях: 1) 'форма психического расстройства'

(Сл. для всех); 2) 'особое усыпление, в которое впадает медиум во время спиритических сеансов' (Чудинов, СИС — 1902; Павленков, СИС — 1917; Попов, СИС — 1907). В английском эти два значения сосуществовали, в других европейских языках, усвоивших это слово, сохранилось для выражения соответствующего понятия лишь одно значение (в нем. trans 'по ту сторону действительности'). В русском языке данное слово закреплялось только в одном значении: 'форма психического расстройства; повышенное нервное возбуждение с потерей контроля над своими поступками' (БАС). Примеры: Застаю Михайлова в том самом нервном *трансе,* в котором его впервые увидал по его возвращении из-за границы (Глинск., Среди литерат.); Но рассмотревши радужный каскад, Он в *трансе* творческой интуитивной дрожи (Черный, Рожд. футур.). Второе значение сохранилось лишь в качестве семантического историзма.

Семантически расплывчатым заимствуется и слово *декадент* (франц. décadent). По свидетельствам современников, «декадентство давно уже стало у нас модным, ежедневно повторяющимся словом, но внутренний смысл его и по сей день для многих остается загадочным и непонятным» [158]. Показательна разноречивость толкования его семантики в словарях: *декадент* 'представитель декадентского направления в литературе, основное положение которого: смысл и жизненная правда — не обязательны для поэзии' (СИС — 1900); *декаденты* 'группа французских поэтов... отличающихся особенной вычурностью стиля и грубыми неологизмами при полной бессодержательности'; *декадентство* 'искусство упадка, в котором изображается «красота падения»' (Попов, СИС — 1907); 'упадок, разрушение, разложение культуры' (Ефр., СИС — 1911).

Заимствованное из французского языка (без того иронического оттенка, который был придан слову французской журналистикой 80-х годов) данное слово сохраняло смысловые связи с рядом таких же семантически диффузных слов: *модернист — символист — неоромантик,* а также с кальками: *упадочник* и *распадник,* то полностью сливаясь с ними в своем смысловом объеме, то частично отличаясь от них набором некоторых семантических признаков. В 1908 году А. Блок отмечал, что словами *дека-*

---

[158] *Гофштеттер И.* Поэзия вырождения. СПб., 1902, с. 3.

дент и *символист* принято объединять весьма разных людей, несмотря на то, что «декадентство не сливается с символизмом, а противопоставляется ему» (В. Иванов, По звездам); «В символисте декадентизм — только стадия» (Белый, Нач. века). Ср.: 'декаденты, или символисты' (Ган, Толковат.); 'декадентство, то же, что символизм' (Майданов, СИС — 1907). Известно, однако, что под *символизмом* его теоретиками понималось не только художественное направление, но и претендующее на универсальность миросозерцание, «примиряющее эстетическую программу с чисто философской» (Эллис, Русск. симв.). Семантическая диффузность слова *декадент* проявляется и в возможностях нетерминологического его использования в более широком значении: Языков является некоторым *декадансом* пушкинской школы (Бобров, Зап. стихотв.); Что это такое? Глумление или издевательство над медицинской наукой или *декадентство* в медицине? (Горелейченко, За и против). Что касается слова *модернистский,* то смысловое его содержание оказалось со временем более широким ('современный') чем слово *декадентский.*

Семантически размытыми вошли в русский язык слова *спорт* 'собственно значит удовольствие, любовь к лошадиной и псовой охоте'; *спортсмен* — 'любитель лошадей, собак, верховой езды' (Дубровский, 1871); 'всякое занятие, которому предаются из-за него самого, не имея в виду никаких побочных целей' (Объяснит. сл., 1895); *спортсмен* 'любитель, охотник разных состязаний' (Попов, СИС — 1907). Примеры: Было бы весьма любопытно представить перечень и сжатый очерк тех курьезных глоттологических произведений, которые разные изобретательные промышленники в области лингвистического *спорта* желали навязать всем народам (Шерцль, Всемир. язык); Юные *спортсмены,* называющие себя русскими символистами, сочли необходимым выяснить свое отношение к критике (Соловьев, О символ.); С завистью вздохнем мы, *спортсмены* скитальчества, под чужими небесами (Амфитеатров, В моих скит.). В начале XX в. эти слова входят в терминологическую систему.

Заимствования раздвигают границы синонимического ряда, в пределах которого регулируются семантические и стилистические отношения входящих в его состав лексических единиц. Сравнительно просто семантические соотношения устанавливались в тех случаях, когда иноязычное слово укреплялось в языке как термин. Напри-

мер, *ангар* первоначально 'навес на столбах' (Словотолк. — 1877); Аппараты стоят в сараях, которые некоторые русские газетчики называют *гангарами*, хотя это обыкновенные сарайчики (Совр. слово, 1900, № 749), укреплялось в значении 'навес, сарай для управляемых аэростатов и аэропланов' (Муромский, ВС): «Пред лицом всеобщего *ангара* не станем цепко хвататься за отечественный сарай», — пишет «Воздухоплаватель» [159]. *Анкета* — это не просто опрос, а 'изучение какого-либо вопроса с помощью опроса целого ряда лиц, знакомых с ним или имеющих к нему отношение' (Ефр., СИС — 1911). *Толерантность* 'терпимость (преимущественно религиозная)' (Гомартели, Полит. сл.); показательно в этой связи рассуждение Вл. Соловьева: Толерантность в области вероучения есть ересь. При всей неохоте к иностранным словам я принужден сохранить их в настоящем случае, так как неудачно сочиненное русское слово *терпимость* произведено от страдательного причастия вместо действительного и поэтому представляет грамматический смысл обратный тому, какой требуется, что приводит к нелепостям. Если, например, такую фразу: De soi la vérité est intolerante перевести по-русски: „сама по себе истина нетерпима", то получается нелепое значение, что истину саму по себе нельзя или не должно терпеть (Соловьев, Воскресн. п.).

Вследствие расширения употребительности, семантической недифференцированности, отсутствия эмоциональной окраски, прикрепленности к известной функциональной сфере иноязычное слово часто занимало сильную позицию в синонимическом ряду, вытесняя другие синонимы.

В силу семантической недифференцированности и стилистической стабильности оно могло обобщенно выразить то, для чего требовались слова с рядом различных смысловых оттенков. Это обстоятельство использовалось пуристической критикой в качестве аргумента, важного для ограничения ввода иноязычных слов.

Процесс заимствования изменил стилистическую окраску ряда единиц. Например, слово *инициатива* [160]

---

[159] Цит. по: *Успенский Л. В.* Материалы по языку русских летчиков. — В кн.: Язык и мышление, т. 6—7. М.—Л., 1936, с. 170.

[160] Заимствование конца 60—начала 70-х годов XIX в. (см. об этом: Труды Я. Грота. СПб., т. II, с. 186).

'первая мысль о действовании' первоначально отграничивалось от соответствующего русского *почин* 'начало действия'. В результате семантической дублетности, установившейся между этими словами (*инициатива* 'начало, почин в каком-либо деле' — Сл. для всех), сдвигается стилистическая окраска слова *почин*: оно становится разговорным.

Развитие значений в группе новых заимствований было обусловлено выходом их за пределы узконационального словаря. Этот процесс связан с интернационализацией словарного состава, охватив в начале XX в. ряд европейских языков и создав «интернациональное идеологическое содержание, объединяющее языки с одинаковым запасом понятий и делающее в конечном счете возможным взаимное понимание народов, разделенных национальными и языковыми границами» [161]. Важным, а в ряде случаев и единственным каналом, через который эти группы слов входят в общелитературное употребление, становится политическая литература. Вот несколько примеров.

Лидер (англ. leader) 'ведущий, руководитель'; первоначально употреблялось как своеобразный «англицизм»: Он имел все качества мощного leader'a, как говорят англичане (Спасович, Восп. о Кавелине); то же в словарях: *лидер* 'в Англии, вождь политической партии' (Чудинов, СИС — 1902; Битнер, СИС — 1905). В начале XX в. значение расширилось: *лидер* 'вождь партии' (Виноградов, СИС — 1907): Настроение схода соответствовало речи своего *лидера*; земский струхнул и поскорее убрался из села (Вестн. русск. рев., 1902, № 2.).

Абсентеизм — 'Это слово, недавно составленное англичанами, означает манию к путешествиям и особенно привычку богатых англичан покидать свое отечество для путешествий, жить в Италии и преимущественно во Франции' (СИС — 1875), 'выражение, применяемое к эмиграции ирландских земледельцев и к проживанию их в Англии или на материке' (Гарнье, Сл.); 'обычай ирландской аристократии проживать вне родины' (Бурдон—Мих., 1871).

В последние десятилетия XIX в. значение, специфическое для английского речевого обихода, отражающее

---

[161] *Жирмунский В.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., Гослитиздат, 1936, с. 200.

известные социально-экономические отношения, отодвигается на периферию, а основным делается более широкое понятие: *абсентеизм* 'отсутствие вообще' (Виноградов, СИС — 1907) и 'отсутствие кого-либо там, где по закону или обязанности должен быть, например, непосещение общественных собраний гласными или волостных сходов выборными, уклонение от выборов в Государственную Думу и проч.', 'пассивный протест какой-нибудь политической партии, воздерживающейся от участия в законодательной работе парламента, иногда с целью сделать его неправоспособным' (Попов, СИС — 1907). Слово становится на время одним из тех ходячих иностранных слов, которые «трудно заменить русским» [162]. Хотя политический смысл слова оказался исторически недолговечным [163].

Одно из терминологически важных слов — заимствование конца XIX в. — *империализм* в русском языке первоначально служит только для обозначения колониальной экспансии Англии, а затем — политики других государств, стремящихся к распространению власти, 'государственное правление, основанное на военных началах' (Попов, СИС — 1907); 'политическое состояние государства, при котором, как при римских императорах, господствует не закон, а произвол правителя, опирающийся на военную силу; приверженность к империи' (Битнер, СИС — 1905); 'то же, что деспотизм', 'политика, стремящаяся к захвату колоний, расширению рынков сбыта' (Ефр., СИС — 1911). Примеры: Ни один из римских писателей не затронут менее его [Тацита] той склонностью к идеализации *империализма*, которая, начиная с Цицерона, составляет характерную черту римской политической литературы (Бицилли, Тацит); Наивный, но отвратительный и надутый *империализм* редактора «Русской мысли», не менее наивное и не менее отвратительное кокетничание с властью должно, кажется нам, возмущать даже каждого добропорядочного кадета (Луначарск., Мещанство и индив.).

В. И. Ленин в книге «Империализм, как высшая стадия развития капитализма» (1916 г.) придает этому

[162] *Сергеич П.* Искусство речи на суде. СПб., 1910, с. 14.

[163] Предел его употребления 20-е годы XX в.: 'отсутствие избирателей на выборах, членов Совета или Исполкома на заседаниях или собраниях' (Полит. сл. — 1922); локальная окраска была утеряна словом навсегда (см.: БАС).

слову новое и терминологически четкое содержание, усвоенное затем всеми европейскими языками: Если бы необходимо было дать как можно более короткое определение *империализма,* то следовало бы сказать, что *империализм* есть монополистическая стадия капитализма (весь курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 27, с. 386); *Империализм* (курсив наш. — *Л. Г.)* есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами (Там же, т. 27, с. 387).

В начале XX в. еще не потеряло своей локальной окраски и слово *митинг*: 'публичная сходка в Англии' (Сеславин, КЭ). Новое значение, развившееся в русском языке, оказывается способным обозначать иной смысл, нежели русское *собрание*: Исчезли только старые славянские слова — *вече, рада, сход, круг* и т. п., замененные одним иностранным [митинг], которое и накинуло на обычное явление покров кажущейся новизны (Обнинск., Нов. строй). Оно проявляется и в производном от данного слова прилагательном *митинговый,* возникшим уже на почве русского языка; ср.: И вообще речь Герцена не имела характера трибунного, «*митингового*» (как ныне говорят) красноречия (Боборык., Восп.); Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, *митинговый* (курсив наш. — *Л. Г.*) демократизм трудящихся масс с *железной* дисциплиной во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда (В. И. Ленин, т. 36, с. 203). Слово *митинг* получает (в отличие от соответствующего обозначения в языке-источнике) ярко выраженную политическую окраску.

Значительной семантической перестройке на русской почве подверглось и слово *идеолог.* «В эпоху первой Французской империи идеологами называли в насмешку партию, состоявшую из знаменитейших метафизиков тогдашнего времени, отличавшихся противодействием политической реакции» (Бурдон—Мих., 1899). Словари начала XX в. отмечают развитие нового значения, совмещающегося на первых порах с локально ограниченным: 1) 'насмешливое название, данное Наполеоном I тем, которые

противились его политике во имя высоких отвлеченных принципов; 2) кабинетные критики государственного учреждения'; *идеолог* 'мечтатель'. В начале XX в. новое значение этого слова уже без локальной окраски находит четкое выражение в политической литературе: *идеолог* 'выразитель чьей-либо идеологии, проповедник' (Сл. для всех); 'идейный представитель и руководитель известной общественной группы или класса в какой-либо области духовной жизни' (Попов, СИС — 1907). Значение 'теоретик, человек, предающийся отвлеченному мышлению' (Сл. для всех) отодвигается на периферию. Слово *идеология* 'неприменимые на практике идеальные положения' (Спутн. чит.); 'метафизическая философия, понимаемая как учение об идеях' (Брокг.-Ефр., Энц.) начинает употребляться в новом значении: 'совокупность новых начал, идей, руководящих какой-нибудь человеческой группой или общественным течением; например, *идеология марксизма, народничества*' (Сл. для всех). Первая лексикографическая фиксация — в ««Словаре иностранных слов» Ф. Берга (М., 1901): *идеология* 'учение об идеях'; примеры: [Сисмонди] выступает здесь чистым идеологом мелкого крестьянина (В. И. Ленин, т. 2, с. 167); Чем интимнее чувствует *идеолог* (курсив наш. — *Л. Г.*) крупной буржуазии свою преданность монархии, тем громче клянется он и божится, уверяя всех в своем демократизме (В. И. Ленин, т. 10, с. 260); Душа поэта, ставшего *идеологом* среды, переживает своеобразный процесс... Художник—*идеолог* переживает все стадии нарождающихся в обществе императивных идей (Рейснер, Андреев,); И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую *идеологию* (курсив наш. — *Л. Г.*) (В. И. Ленин, т. 6, с. 41).

Слово *аграрии,* первоначально являвшееся наименованием политической партии, представляющей в германском рейхстаге интересы крупного землевладения, в предоктябрьское десятилетие «употребляется также для означения партии крупного землевладения и у нас; это партия во всех отношениях реакционная, состоящая из крайних ретроградов»; *аграрий* 'член партии, отстаивающий интересы помещиков' (Гомартели, Полит. Сл.).

Развитие новых значений активнее протекало в тех группах заимствованных слов, которые с самого начала

были усвоены как неэтнографизмы. Аморфность новых значений неизменно сопровождала начальную стадию семантического освоения заимствований в языке описываемой эпохи. Обратимся к примерам.

Импрессионизм (франц. impressionism) 'впечатление, направление в искусстве, в силу которого художник руководствуется исключительно своими непосредственными впечатлениями' (Даль, Сл.). Заимствованное в 70-е годы без той иронической окраски, которую придал ему французский критик Б. А. Леруа, это слово развило в публицистике описываемого времени новое значение: 'расплывчатость', 'неопределенность', 'навеянность известными настроениями': Вл. Соловьев нашел в произведениях самобытного поэта не только *импрессионизм* мысли, но и яркую образность (Коринфск., Поэз. Случевск.). То же значение развивается и в производных, что свидетельствует об укреплении нового значения в семантической структуре данного слова уже на русской почве.

В семантически аморфной структуре слова *кинематографический* вычленяется не один, а несколько признаков: 'быстро сменяющийся, движущийся, калейдоскопичный', на которых строятся первоначально окказиональные употребления. Например: Известное впечатление мелькания, *синематографичности* получается, но исчезает... не объединенное единым символом (В. Брюсов, Год русской поэзии. — Русск. мысль, 1914, кн. 5); Плащ (т. е. видимость) натянул Пшибышевский и по нему пустил *синематограф* явлений (Белый, Арабески). Немецкое *лейтмотив* (Leitmotiv) первоначально употреблялось в русском языке как музыкальный термин (музыкальная характеристика героя, проходящая как основной мотив, аффективная доминанта была в свое время названа Р. Вагнером *лейтмотивом*). Вторичное значение 'главный, основной мотив' фиксируется словарями начала XX в., правда далеко не однозначно: в «Словаре иностранных слов» Г. Виллиама (Пг., 1915) — это термин, относящийся к музыке и литературе: 'иносказательно, основная мысль, проходящая через целое литературное произведение'; в СИС — 1916 Рыбакова и СИС — 1912 Огиенко отмечено более широкое его значение, закрепившееся в языке: 'главный, основной мотив, главная черта какого-нибудь сочинения, «красная нить»': Приведенные фразы из заключительных строк «труда» г-на Струве содержат, так сказать, *лейтмотив* (курсив

наш. — *Л. Г.*) его сочинения (В. И. Ленин, т. 25, с. 35).

Семантическая эволюция множества слов — продолжающийся в новое время процесс, свидетельствующий о гибкости литературного языка, способности разных его элементов легко включаться в процесс метафоризации. Значения, возникшие в результате переноса, в ряде случаев становятся исходными для возникновения новых цепочек метафор.

Терминологизация и детерминологизация (полная, многоступенчатая или частичная) — узловые семантические процессы описываемого времени, способствовавшие дальнейшему пополнению круга отвлеченно-книжных слов. Своеобразие описываемого времени — в известном отборе и активизации терминологизирующихся и детерминологизирующихся единиц в семантически замкнутых группах слов и терминологических системах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последние десятилетия XIX—начало XX в. продолжают, а в известной своей части и завершают лексико-семантические процессы, сложившиеся в русском литературном языке на протяжении всего XIX в., и вместе с тем включают ряд явлений, в которых отчетливо видны новые тенденции развития лексической системы, определившиеся в полной мере лишь в послеоктябрьское время. Обследование широкого круга источников позволило внести ряд уточнений в датировку отдельных слов, выявить специфику самого процесса изменения и сделать известные обобщения.

Как показывает обследованный материал, тезис о разрыве между «старым» и «новым» состоянием языка в послеоктябрьский период, названный в лингвистике 20—начала 30-х годов «революционным взрывом», оказался в известной степени преувеличенным: многие новообразования, семантические и стилистические изменения возникли и укрепились уже в последние десятилетия XIX—начале XX в. и были социально маркированными. Этим обстоятельством и определялись языковые оценки в лингвистической литературе и за ее пределами. Динамичность нормы при несинхронности осознания её разными группами говорящих приводила пуристически настроен-

ную критику к ограниченному пониманию языкового развития (нередко основанному и на недвусмысленно сформулированной классовой позиции). На употребление языковых средств в социально неоднородном языковом коллективе влияли и другие факторы, обусловленные разным отбором лексических единиц и их комбинацией в отдельных речевых сферах. Вследствие этого русский литературный язык предоктябрьского времени сравнительно легко переносил широкую дублетность лексических средств. Расслоение множества словоупотреблений не вводило их в систему синонимических противопоставлений: в последние десятилетия XIX—начале XX в. функционирование ряда слов было социально ограниченно, а в ряде случаев и кастово замкнуто. Это обстоятельство способствовало тому, что утрата широкого круга слов, употреблявшихся, например, в дворянском речевом обиходе, мало отразилась на лексической системе литературного языка в послеоктябрьский период. Новые же словоупотребления, родившиеся в демократической и рабочей печати, пропагандистской литературе и публицистике, начинают занимать доминирующее положение в системе, вытеснив соответствующие варианты, изменив стилистическую стратификацию ряда лексических единиц и их положение в литературном языке.

В системе функциональных стилей русского литературного языка ведущее положение в последние десятилетия XIX в. продолжает сохранять публицистический стиль, жанровая его дифференциация способствует созданию стилистически по-новому организованных контекстов. Стилистическая незамкнутость словоупотреблений в публицистическом стиле, допускающая наряду с расширившимся кругом книжно-отвлеченных слов и стилистически сниженные, создает «стилистическое напряжение», которое способствует нейтрализации ряда наименований и за пределами описываемого времени.

Художественная литература продолжает играть огромную роль в развитии литературного языка, обогащая другие функциональные стили и жанры своими ключевыми словами, фразеологизмами, клише. Структура авторского повествования в свою очередь вбирает в себя новые элементы. Несомненное влияние на язык художественного повествования оказывает судебное красноречие, сформировавшееся в 80-е годы XIX в. на базе официально-делового языка. Развитие самой художественной

речи в конце XIX—начале XX в. отмечено решительным отказом от традиционных художественных средств и литературных штампов. Исследователи отмечают резкое «противостояние» отдельных художественных явлений в пределах небольшого отрезка времени (например, Бунин и Хлебников).

В последние десятилетия XIX—начале XX в. продолжаются словообразовательные процессы, определившиеся в основных своих тенденциях еще в XVIII—начале XIX в. Это прежде всего — активное пополнение групп имен существительных — названий лиц со значением 'сторонник, приверженец чего- или кого-либо'. Активизируются новообразования с суффиксом *-ист*, образованные от иноязычных фамилий (*марксист, прудонист, гедист*). Формируется новая группа слов, обозначающих лицо по отношению к машине, прибору, механизму (*велосипедист, телеграфист*). К концу XIX в. сильно расширяется ряд соотносительных образований на *-ист* и *-изм*. Показательно в связи с этим усложнение семантической структуры новообразований (см. *американизм, максимализм, стилист* и др.).

В начале XX в. значительно расширяется словообразовательный ряд на *-щин(а), -овщин(а)*, обозначающих бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской. Стилистическая маркированность свойственна далеко не всем образованиям (*военщина, постепеновщина, толстовщина*). Как показывает обследованный материал, на формирование эмоционально-экспрессивной окраски оказывает влияние функционирование слова в определенных сферах общения. Социальная переоценка явления сдвигает стилистический статус слова.

В последние десятилетия XIX в. сильно сокращается возможность образования и употребления имен на *-ость* с предметным и предметно-собирательным значением (*парусность, санитарность*). Незначительно пополняется сложившаяся задолго до описываемого времени группа существительных на *-ость*, обозначающих отвлеченный признак, свойство или качество и функционально закрепленных за книжными стилями речи. Областью новообразований, как и в предыдущие периоды, было индивидуальное словотворчество (К. Бальмонт).

Обширную группу новообразований составили существительные на *-к(а)*, выступившие как разговорные дублеты атрибутивных сочетаний и частью утратившие

разговорно-просторечный характер. Процесс нейтрализации слов на *-ка* сдвинул стилистические соотношения между этими образованиями и соответствующими им словообразовательными дублетами на *-ние, -ость*, приобретшими вследствие этого функционально-закрепленный, книжный характер. Актуализируются новообразования с суффиксами *-ик, -ник*, имеющие в большинстве случаев ярко выраженную разговорную окраску и образованные на базе развернутых определений лица по его социальному и другим признакам. Что касается единиц, которые только формируются (усечения, аббревиатуры), то они, как показывает обследованный материал, при всей их кажущейся нестабильности занимают большое место в динамике процесса развития, проявляющегося и в формировании этого класса слов.

Заимствования из западноевропейских языков входят в разные сферы речи и быстро осваиваются литературным языком. Это явление было обусловлено подготовкой всей лексико — грамматической системы, выработавшей в процессе длительной истории заимствования многообразные приемы фонетического, грамматического и семантического освоения нового материала. Для описываемого времени показательно ослабление заимствования готовых лексических единиц при активизации процесса освоения иноязычных морфем, развивающих большую словообразовательную активность и в ряде случаев вычленяющихся как семантически полнозначные. Широко используются интернациональные языковые элементы. Утратив морфологическую связь с языком—источником, иноязычные словообразовательные форманты служат для создания целых серий новых слов.

Поздний этап заимствования характеризуется слабой фонетической и грамматической адаптацией, особенно в заимствованиях терминологического характера, активно пополняющих, а иногда и целиком формирующих новые терминологические микросистемы. Традиции, сложившиеся в процессе длительного освоения иноязычного материала, создали благоприятную языковую ситуацию, способствующую сохранению грамматической формы и значения иноязычного прототипа. Показательно отношение к несклоняемым словам: нарекания вызывает не форма их, а семантическая дублетность. Несклоняемая модель становится привычной, пополняясь аналогичными неизменяемыми формами — вычленениями из за-

имствованных слов с несклоняемой первой частью; по образцу несклоняемых слов создается множество усечений. Самое же функционирование двух форм — склоняемой и несклоняемой — становится признаком противопоставления книжного и разговорного типов речи, т. е. новым дифференциальным элементом стилистической системы литературного языка. В конце XIX—начале XX в. процесс вхождения иноязычного слова определялся и известным стилистическим рефлексом, который может быть очень косвенно связан с эмоциональным отношением к чужому языку вообще. К концу XIX в. разговорно-сниженный оттенок приобретает ряд галлицизмов (*пардон, мерси*). В стилистической переквалификации тюркизмов важную роль сыграло их широкое использование в системе образных переосмыслений «эзопова» языка.

Для последних десятилетий XIX—начала XX в. по сравнению с предшествующим временем показателен значительный рост словообразовательных калек и семантических заимствований, свидетельствующий о высоких возможностях воспринимающей системы, легко осваивающей чуждую формальную структуру и заимствующей иноязычное содержание.

Заимствования раздвинули границы синонимических рядов, в пределах которых изменились семантические взаимоотношения и стилистическая окраска единиц, входящих в состав ряда (*ангар-сарай, инициатива-почин*).

Развитие значений в новых заимствованиях, определившееся уже на русской почве, было обусловлено потерей ими локальной окраски. Этот процесс связан с интернационализацией определенной части словарного состава, охватившей в новый период все европейские языки (*локаут, лидер, абсентеизм*).

Для семантической системы конца XIX—начала XX в. показательна особая неустойчивость, смысловая диффузность множества слов, принадлежащих к разным общественно-политическим лексиконам и философским системам, по-разному интерпретирующим ряд ключевых слов, относящихся к сфере мировоззрения и культуры. Перетолкование их в социально-неоднородном языковом коллективе и передвижка их в употреблении от одной социальной группы к другой приводит к изменению значений.

Терминологизация — один из ведущих семантических процессов в лексике последних десятилетий XIX в., втя-

нувший в круг переосмыслений и ряд новых конкретных наименований. В семантической структуре многозначного слова ведущим становится его общественно-политическое значение. Исследование материала показало, что формирование новых понятий и перетолкование старых должно включать изучение и искажающих определений, составляющих тот социально-исторический контекст, в котором формируется значение. От диффузности термина, функционирующего как совокупность определенных семантических признаков (обусловленных мировоззренческой позицией интерпретатора), к строгой детерминации значений и их закреплению в языке — таков путь подавляющего большинства слов идеологического словаря в описываемый период. Становление русской марксистской терминологии, сформировавшейся в борьбе с субъективистскими народническими воззрениями, — важнейший этап в развитии отвлеченно-книжной лексики, оказавшей огромное влияние на дальнейшее развитие русского литературного языка. Ведущая роль в этом процессе принадлежит трудам В. И. Ленина.

Детерминологизация слов, относящихся к разным терминологическим системам, — второй по важности продолжающийся семантический процесс в истории лексики литературного языка. Активизация переосмыслений происходит, как и в предшествующий период, в определенных, семантически замкнутых группах слов. Внутренние закономерности этого явления определяются и самим набором детерминологизировавшихся слов в каждой терминологической системе. «Смысловые излучения» стержневого слова способствуют развитию переносных значений в словах, принадлежащих к одной лексико-тематической группе. Часть детерминологизировавшихся слов употребляется лишь на определенном, исторически замкнутом отрезке времени, что свидетельствует об известной избирательности этого процесса внутри каждой лексико-тематической группы слов.

Как показывает обследованный материал, процесс детерминологизации был представлен в нескольких стадиях своего развития. 1) Утрате терминологического значения (т. е. собственно детерминологизации, например, *контингент, застрельщик*); 2) Вовлечении терминологической лексики в процесс метафоризации (*автомат*: первонач. техн.; перен. о человеке); 3) Использовании слов одной терминологической системы в другой (*так-*

тика: а) воен., б) общ.-полит.); 4) Перемещении термина в другую терминологическую систему (*обструкция*: а) мед., б) общ.-полит.); 5) Пересечении слов разных терминологических систем в нетерминологических значениях (ретерминологизация).

Переносные значения, появившиеся в ряде конкретных наименований, в описываемый период возникают в результате сжатия фразеологизма. За семантическим переосмыслением слова скрывается сумма своеобразно складывающихся контекстов его употреблений. Важную роль приобретает и речевая ситуация, в которой формируется значение слова, а также подтекст, не выраженный собственно словесной формой. В каждый период складываются свои соотношения контекстов и слов, возникают контексты, порождающие новые значения. Для описываемого времени развитие контекстных значений происходит на фоне широкой перифрастичности, рожденной расцветом ораторского красноречия, партийной публицистики с их установкой на эзопов язык. Слова, приобретающие новые значения за счет контекста и речевой ситуации (в том числе и калькированных фразеологизмов), широко распространяются и употребляются в пределах определенного времени. Связь между реалией и ее условным обозначением в большинстве случаев не носит постоянного и устойчивого характера, ибо эта связь еще не упрочена историко-лингвистической и литературной традицией. Эти явления, однако, характеризуют речевой обиход эпохи и осознаются в определенной социальной ситуации.

Во второй половине XIX—начале XX в. создается широкий круг слов-символов и устойчивых сочетаний, возникающих первоначально в газетной публицистике. Газетно-публицистический стиль размножает и клиширует множество метафорических употреблений, принадлежавших художественной речи, эстетически обесценивая их. В газетно-публицистическом стиле формируется широкий слой слов-опор («сигналов») — языковых символов различных общественно-политических, религиозно-философских и литературных школ и направлений. Созданные первоначально для обозначения какой-то конкретной ситуации, такие слова становятся обобщенными социальными и философскими формулами, подразумевающими известный подтекст.

Изменение значений ряда слов тесно сопряжено со сдвигом их эмоционально-экспрессивной окраски. Увеличение числа экспрессивно окрашенных единиц сопровождается расширением возможностей их употребления. Из разряда стилистически маркированных они переходят в разряд стилеобразующих. Одним из показательных для начала XX в. процессов был процесс нейтрализации стилистически окрашенных единиц и возникновение на его базе новых стилистических оппозиций.

Семантические изменения, охватившие широкий круг слов литературного языка, прослеживаются и в судьбе ряда периферийных словоупотреблений, определявшихся социально-историческим контекстом времени. Эти процессы, обычно игнорируемые при изучении изменений словарного состава, не могут быть исключены из картины его развития, содержащей наряду с основными процессами ряд побочных явлений: утрата их в последующем определилась не внутренней логикой языкового развития, а факторами экстралингвистического порядка.

Великая Октябрьская социалистическая революция — новый этап в развитии русского литературного языка. Этим историческим событием определились судьбы отдельных пластов лексики, особенности их функционирования в лексической системе языка, обусловленные социальной переоценкой, а с ней — семантическими и стилистическими изменениями.

Вместе с тем хорошо известно, что экстралингвистические явления при всей их важности и очевидности не могут служить единственной и надежной опорой для отчленения одного языкового состояния от другого. На начальном этапе изменений множество явлений сосуществует. На переходной ступени функционирование лексических единиц определяется рядом разнонаправленных тенденций. Для каждого времени существуют свои звенья эволюции лексической системы, наиболее сильно подвергающиеся изменению. Они, по существу, и характеризуют направленность процесса изменения. Круг этих вопросов лежит за пределами данного описания.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1]

Абрамович, В осен. садах	*Абрамович Н.* В осенних садах. СПб., 1909.
Аверченко, Робинзоны	*Аверченко А. Т.* Робинзоны. — В кн.: Русская сатира XIX—начала XX веков. М.—Л., 1960.
Агл.	Аглая. Изд. Н. М. Карамзина, кн. 1—2. М., 1794—1795.
А. Акс., Аним. и спирит.	*Аксаков А. Н.* Анимизм и спиритизм. СПб., 1898.
К. Акс.	*Аксаков К. С.* — Полн. собр. соч., т. 1—3. М., 1861—1880.
Аксельрод, Против идеал.	*Аксельрод Л.* Против идеализма. М.—Л., 1933.
Акт о Калеандре и Неонилде	Акт комедиальный о Калеандре, царевиче греческом и мужественной Неонилде, цесаревне трапезонской. — В кн.: *Перетц В. Н.* Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903.
Александр., После Чех.	*Александрович Ю. А.* История новейшей русской литературы (1880—1910), т. 2. После Чехова. М., «Сфинкс», 1912.
Амфион	Амфион. М., 1815.
Амфитеатров, В моих скит.; Вредн. раса; Литер. альбом	*Амфитеатров А. В.* В моих скитаниях. СПб.; 1907; Вредная раса. Женева, 1905; Литературный альбом. — Логос. Международный ежегодник по философии культуры, кн. 1—2. М., «Мусагет», 1910.
Л. Андр., П. к М. Горькому; П. к Станиславскому	*Андреев Л.* Письмо к М. Горькому. — В кн.: Литературное наследство, т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., «Наука», 1965; Письмо к Станиславскому. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии, т. 5. Тарту, 1962.
Е. Андр., Опыт	*Андреевич Е.* Опыт философии русской литературы. СПб., 1905.
Я. Андр., Из показ.	*Андреевич Я. М.* Из показаний. — В кн.: Избранные социально-политические и философские

[1] Названия источников, данные без сокращений, в список не включены. При примерах, взятых из картотек ЛК, ДРС и СДР (см. список сокращений картотек), указания на источники даются в полном соответствии с сокращениями, принятыми в этих картотеках.

	произведения декабристов, т. 3. М., Госполитиздат, 1951.
Андреевск., Лит. очерки	*Андреевский С. А.* Литературные очерки. СПб., 1902.
Аничк., Рассужд. из натур. богосл.; Сл. о разн. прич.; Сл. о разн. сп.; Сл. о свойств. позн.	*Аничков Д. С.* Рассуждения из натуральной богословии; Слово о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого; Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих; Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. М., Госполитиздат, 1952.
Е. Аничк., Реализм и нов. веян.	*Аничков Е.* Реализм и новые веяния. [СПб.], [«Освобождение»], [1909].
Анненск., Бальмонт; Втор. кн. отраж.; Кн. отраж.	*Анненский И. Ф.* Бальмонт-лирик. — В кн.: *И. Ф. Анненский.* Книга отражений. СПб., 1906; Вторая книга отражений. СПб., 1909; Книга отражений. СПб., 1906.
Аполлон	Аполлон. СПб., 1908, 1911—1915.
Аптекман, Из ист. народн.	*Аптекман О. В.* Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х гг. Ростов—Дон, 1907.
Аргус	Аргус. СПб., 1906.
Арифм. Магн.	Арифметика сиречь наука числительная... Леонтия Магницкого. М., 1703.
Арс., Законод. о печати	*Арсеньев К.* Законодательство о печати. СПб., 1903.
Арт. Брауна	Новейшее основание и практика артиллерии Ернеста Брауна (Перев. с нем.). М., 1709.
Арт. Бухн.	Учение и практика артилерии или внятное описание... в нынешнем времени употребляющиеся артилерии... Изъяснено... артилерии порутчиком, Иоганном Зигмунтом Бухнером. М., 1711.
Арх. «З» и «В» и «НВ»	Архив «Земли» и «Воли» и «Народной Воли». М., 1932.
Архит. В.	Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароция де Вигнола. М., 1709.
Арх. Курак.	Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. 1—10. Изд. под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890—1902.
Арх. Тург.	Архив братьев Тургеневых. Вып. 1. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806—1811 гг., т. 1. СПб., 1911; Вып. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802—1804 гг.)и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген. 1805—1811. СПб.,

	1911; Вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 годы. Пг., 1921.
Арш., Чист. мат.	*Аршеневский В. К.* Слово о связи чистой математики с физикою. — В кн.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. 1—4. М., 1819—1823.
Базаров, Богоискат.; Пионеры марксизма	*Базаров В.* Богоискательство и «богостроительство». — Вершины, кн. 1. СПб., 1909; Пионеры марксизма. — В кн.: Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова, т. 1, ч. 1. М., 1916.
Бакунин	*Бакунин М.* Избр. соч. Пг.—М., 1922.
Бальмонт, Наш царь	*Бальмонт К. Д.* Наш царь. — В кн.: Стихотворная сатира первой русской революции. Л., 1969.
Барс., Посл.	*Барсов А. А.* Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1770.
Батеньк., Обозр. гос. строя Из показ.	*Батеньков Г. С.* Обозрение государственного строя. Из показаний. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I. М., Госполитиздат, 1951.
Батур., Исслед. кн. о забл. и истине	*Батурин П. С.* Исследование книги о заблуждении и истине. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 2. М., Госполитиздат, 1952.
Батэ, О свободн. науках	О свободных науках. С франц. г-на Батэ. Дополненное примерами, выбранными из лучших российских писателей. СПб., 1803.
Батюшк., Ариост; Вл. поэз.; Воспом.; Из греч. антолог.; Нечто о морали; Нечто о поэте; П.; Похв. сл.; Путеш. в Сирей; Род смерти	*Батюшков К. Н.* Ариост и Тасс; О влиянии легкой поэзии на язык; Воспоминания; Из греческой антологии; Нечто о морали; Нечто о поэте и поэзии; Письма; Похвальное слово сну; Путешествие в замок Сирей; Новый род смерти.— Соч., т. 1—3. СПб., 1885—1887.
Баум.	*Баумейстер Фр. Х.* Метафизика. Перев. А. Павлова, вновь высмотр. и испр. Д. Синьковским. М., 1789.
Без муз	Без муз. Нижний Новгород, 1918.
Безсалько, Катастрофа	*Безсалько П.* Катастрофа. Изд. Пролеткульт. Пг., 1918.
Белинск., Кратк. истор. Франции	*Белинский В. Г.* Краткая история Франции до Французской революции, соч. Мишле. — Полн. собр. соч., т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1953.
Белый, Арабески; Луг зел.; Нач. века; Символизм	*Белый А.* Арабески. М., «Мусагет», 1911; Луг зеленый. М., 1910; Начало века. М.—Л., 1933; Символизм. М., «Мусагет», 1910.

Бенед.	*Бенедиктов В.* Стихотворения, т. 1—2. СПб.—М., 1884.
Бехтер., Внушен.	*Бехтерев В. М.* Внушение. СПб., 1902.
Библия	Библия или книги священного писания Ветхаго и Новаго Завета в русском переводе. Изд. 4-е. СПб., 1898.
Бицилли, Тацит; О внутр. форме ром. Дост.	*Бицилли П. М.* Тацит и римский империализм. Одесса, 1912; К вопросу о внутренней форме романа Достоевского. — Годишник на Софийский ун-т. Ист.-филол. ф-т, т. 13. София, 1946.
Бишинг, Руков. к позн. геогр. и полит. сост. европ. гос.	*Бишинга Антона Фридриха.* Руководство к основательному и полезному познанию географического и политического состояния европейских государств и республик. СПб., 1763.
Б-ка воздухопл.	Библиотека воздухоплавателя. СПб., 1909.
Б-ка для чт.	Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1834.
Б-ка рабочего	Библиотека рабочего. Б. м., 1906.
Блок, Дневн.; Зап. кн.; П.; Вопросы; Интеллигенция; О театре	*Блок А. А.* Дневник Ал. Блока. 1911—1913. Л., 1928; Записные книжки (1901—1920). М., 1965; Письма. — В кн.: Письма Ал. Блока к Е. А. Иванову. М.—Л., 1936; Вопросы, вопросы и вопросы; Интеллигенция и революция; О театре. — Собр. соч., т. 7, 6. Берлин, «Эпоха», 1923.
Б.-Марл., О ром. Полевого; Об истор. ходе; Романт.; Русск. слов.; Ст. и нов. слов.	*Бестужев А. А.* (*Марлинский*). О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем»; Об историческом ходе свободомыслия в России; О романтизме; Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов; Взгляд на старую и новую словесность в России. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I. М., Госполитиздат, 1951.
Испыт.; Лейт. Белоз.; Морех. Никит.; П.; Ром. и Ольга; Страшн. гадан; Фрегат «Над.».	Испытание; Лейтенант Белозор; Мореход Никитин; Письма; Роман и Ольга; Страшное гадание; Фрегат «Надежда». — Соч., т. 1—2. М., ГИХЛ, 1958.
Наезды; Поездка в Рев.	Наезды; Поездка в Ревель. — В кн.: Русские повести и рассказы А. Марлинского, ч. 2. Изд. 2-е. СПб., 1835; ч. 6. СПб., 1837.
Андр. Переясл.	Андрей, кн. Переяславский. — В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М.—Л., 1951.
Из расск. о Сибири.	Отрывки из рассказов о Сибири. — В кн.: Русские очерки, т. I. М., ГИХЛ, 1956.

Объявл.	Объявление от общества приспособления точных наук к словесности. — В кн.: Русский фельетон. М., 1958.
Боборык., Восп.; Грозн. дни	*Боборыкин П. Д.* Воспоминания, т. 1—2. М., 1965; Грозные дни. Дневник матери. — Ежемесячный журнал для всех. СПб., 1906, № 1.
Бобров, Зап. стихотв.	*Бобров С.* Записки стихотворца, кн. 1. М., «Мусагет», 1916.
А. Богд., Годы перелома	*Богданович А. И.* Годы перелома. 1895—1906. СПб., 1908.
Богучарск., Из ист. полит. борьбы	*Богучарский В. Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1912.
Бодуэн де Курт., Предисл. к «Толк. слов.» Даля; Слово.	*Бодуэн де Куртенэ И. А.* Предисловие к новому, изданию словаря Даля; Слово и «слово». — В кн.: *И. А. Бодуэн де Куртенэ.* Избранные труды по языкознанию, т. 2. М., 1963.
Болот., Зап.; Мысли о романах	Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1738—1793), т. 1—2. СПб., 1870—1871; Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков. — Литературное наследство, № 9—10. М., 1933.
Борат., П.	*Боратынский Е. А.* Письма. — В кн.: *Боратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., ГИХЛ, 1951.
Борис., Соед. слав.	*Борисов А. И.* Правила соединенных славян. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 3. М., Госполитиздат, 1951.
Боровк., Свод показ.	*Боровков А. Д.* Свод показаний. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 2. М., Госполитиздат, 1951.
Брандт, Загроб. голос	*Брандт Р. Ф.* Загробный голос о русском языке и письме. Воронеж, 1905.
Брекке, Полит. партии	*Брекке И.* Политические партии в Германии. — Слово, СПб., 1878, № 3.
Брюсов, Год рус. поэзии	*Брюсов В.* Год русской поэзии. — Русская мысль, 1914, кн. 5.
Брянц., Сл. о зак. прир.; Сл. о связи вещей	*Брянцев А. И.* Слово о всеобщих и главных законах природы; Слово о связи вещей во вселенной. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. М., Госполитиздат, 1952.
Бужинск., К чит.; Похвала Петерб.	*Бужинский Г.* Правдолюбивому российскому читателю. — Предисловие к кн.: *Пуффендорф С.* О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726; Слово в похвалу Санктпетербурга и его основателя... Петра Великого, говоренное... Гавриилом Бужинским. СПб., 1717.

Бунин, Гор. царя цар.; Недост. совр. поэзии; Последн. весна; Где ты теперь?	*Бунин И.* Город царя царей; Недостатки современной поэзии; Последняя весна. — Собр. соч. в 9-ти т. М., ГИХЛ, 1965—1967; Где ты теперь? — Новый мир, 1967, № 3.
Буренин, Венок и швабра	*Буренин В. П.* Венок и швабра, или Сюрприз драматургу. — В кн.: Русская театральная пародия XIX—нач. XX вв. М., 1976.
Былое	Былое. СПб., 1906.
Бэр, Взгляд на разв. науки	*Бэр К. М.* Взгляд на развитие науки. — В кн.: Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., Соцэкгиз, 1959.
В подполье	В подполье. СПб., 1907.
Вед.	Ведомости времени Петра Великого (1703—1719), вып. 1—2. М., 1903—1906.
Вел. бога	Величество бога во всех царствах природы или лествица от тварей ко творцу, от земли на небо. СПб., 1801.
Вельтм., Восп. о Бессарабии	*Вельтман А. Ф.* Воспоминания о Бессарабии. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.
Венгеров, Осн. черты ист. русск. литер.; Этапы неоромант. движ.	*Венгеров С. А.* Основные черты истории новейшей русской литературы. СПб., 1909; Этапы неоромантического движения. — В кн.: Русская литература XX в., т. 1. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1911.
Верес., В юн. годы; Зап. врача	*Вересаев В. В.* В юные годы; Записки врача. — Полн. собр. соч., т. 1—12. М., «Недра», 1928—1931.
ВЕ	Вестник Европы. М., 1802, 1803, 1817, 1822—1827, 1884.
Вестн. Народн. воли	Вестник «Народной воли». Женева, 1883—1886.
Вестн. русск. револ.	Вестник русской революции. Женева, 1902.
Вигель, Зап.	*Вигель Ф. Ф.* Записки, т. 1—2. М., 1891—1893.
Виноградов, Америк. демокр.	*Виноградов П. Г.* Американская демократия. — Русская мысль, кн. 12. М., 1890.
Витте, Восп.	*Витте С. Ю.* Воспоминания, т. 1—2. М.—Пг., 1923; т. 3, М., 1924.
Водохожд.	[Буйе]. Книга о способах, творящих водохождение рек свободное. М., 1708.
Воздухоплаватель	Воздухоплаватель. СПб., 1909.
Волжск., По поводу ром. Черн.; Pro sua	*Волжский А.* По поводу нового издания романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»; Pro domo sua. — Вопросы жизни, СПб., 1905, № 6; № 7.

Волынск., Борьба за идеализм; Достоевск.; Лесков; Обыден. траг.	*Волынский А. Л.* Борьба за идеализм. СПб., 1900; Достоевский. СПб., 1906; А. С. Лесков. СПб., 1898; Обыденность трагедии. — Вопросы жизни, СПб., 1905, № 7.
Вольн. слово	Вольное слово. Женева, 1881.
Вопр. филос. и псих.	Вопросы философии и психологии. СПб., 1893, № 1.
Воровск., В ночь после битвы; Раскол в «темн. царстве»; В крив. зеркале; Ева и Джиок.	*Воровский В. В.* В ночь после битвы; Раскол в «темном царстве». — В кн.: *Воровский В. В.* Литературно-критические статьи. М., 1956; В кривом зеркале; Ева и Джиоконда. — Соч., т. 2. Под ред. Н. А. Мещерякова и др. Л.—М., 1931.
Воспит. дет.	[*Дж. Локк*]. О воспитании детей. Пер. с франц. Н. Поповского, ч. 1—2. М., 1759.
Восп. Сухомлинова	Воспоминания Сухомлинова. Л., 1926.
Всемирн. выст.	Парижск. Всемирная Парижская выставка. Б. М., 1900.
Вульф, Дневн.	*Вульф А. Н.* Из «Дневника». — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.
Вяз., Автобиогр. введ.; Взгляд на лит.; Зап. кн.; Изв. о жизни и стих. Дмитр.; Кн. П. Б. Козловский; Наполеон; Нов. книги; О двух ст.; О духе партий; О жизни и соч. Озерова; О злоупотр. слов; Отр. из биогр. Каннинга; Отр. из письма к А. И. Готовцевой; П. из Парижа; П. с Липец. вод; Письмо к С. Н. Карамзиной из Буюкд.; Поживки франц. журн.; Проект письма к С. С. Уварову; Ревизор; Заметка из восп.; П.	*Вяземский П. А.* Автобиографическое введение; Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина; Записные книжки; Известия о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева; Князь Петр Борисович Козловский; Наполеон. Поэма Э. Кине; Новые книги; О двух статьях, напечатанных в «Вестнике Европы»; О духе партий, о литературной аристократии; О жизни и сочинениях Озерова; О злоупотреблении слов; Отрывок из биографии Каннинга; Отрывок из письма к А. И. Готовцевой; Письма из Парижа; Письма с Липецких вод; Письмо к С. Н. Карамзиной из Буюкдере; Поживки французских журналов в 1827 году; Проект письма к министру народного просвещения гр. Сергею Семеновичу Уварову; с заметками Пушкина; Ревизор. Комедия, соч. Н. Гоголя, С.-Петербург, 1836 г. — Полн. собр. соч., т. 1—12. СПб., 1878—1896; Заметка из воспоминаний. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974; Письма — См.: Остаф. арх.
Гаер, У края бездны	*Гаер Г.* У края «прелестной» бездны. — Без муз. Нижний Новгород, 1918.

Галатея	Галатея. М., 1830, 1839.
Галич, Ист. фил. сист.; Опыт изящн.	*Галич А. И.* История философских систем, кн. 1—2. СПб., 1818—1819; Опыт науки изящного. — В кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 2. М., «Искусство», 1974.
Ганджул., Русск. жизнь;	*Ганджулевич Т.* Русская жизнь и ее течение в творчестве Л. Андреева. СПб., 1908.
Генер. регл.	Его царского величества генеральный регламент или устав. По которому государственные коллегии... поступать имеют. СПб., 1720.
Генкин, Из восп.	*Генкин И.* Из воспоминаний политического каторжанина. Пг., 1919.
Геогр. ген.	*Варений Б.* Географиа генералная. Небесныи и земноводныи круги... Перев. с лат. яз. на рос. М., 1718.
Герц., Б. и д.	*Герцен А. И.* Былое и думы. — Собр. соч., т. 1—30. М., Изд-во АН СССР, 1954—1965.
Глинка, П. к другу; П. русск. офицера	*Глинка Ф.* Письмо к другу. — В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М.—Л., 1951; Письма русского офицера. — В кн.: Русские очерки, т. 1. М., ГИХЛ, 1956.
Глинск., Рев. период; Среди литерат.	*Глинский Б. Б.* Революционный период русской истории, ч. 1—2. СПб., 1913; Среди литераторов и ученых. СПб., 1914.
Гнедич	*Гнедич Н. И.* Стихотворения. Л., 1956.
Гоббс	[*Гоббс Г.*] Фомы Гоббезия начальные основания философические о гражданине. Пер. с лат. (С. Веницеева). СПб.—М., 1776.
Гог., М. д.; Невск. просп.; Неск. слов о Пушк.; П.; Петерб. зап.; Т. Бульба.	*Гоголь Н. В.* Мертвые души; Невский проспект; Несколько слов о Пушкине; Письма; Петербургские записки; Тарас Бульба. — Собр. соч. в 6-ти томах. М., ГИХЛ, 1953.
Гольцев	*Гольцев В. А.* Об искусстве. М., 1890.
Гордон, Интеллигенц.	*Гордон Д.* Интеллигенция. Ташкент, 1916.
Горелейченко, За и против	*Горелейченко К. М.* За и против «Записок врача» В. Вересаева. СПб., 1902.
Горнфельд, Боев. отклики; Восп. о Овсян.-Кулик.; Кн. и люди; Нов. словечки.	*Горнфельд А. Г.* Боевые отклики на мирные темы. М., 1924; Клочки воспоминаний о Д. Н. Овсянико-Куликовском. — Вестник литературы, 1920, № 11 (23); Книги и люди. СПб., 1908; Новые словечки и старые слова. Пг., «Колос», 1922.
Горчак., Из «Дневн.» о Пушк.; Восп. о Пушк.	*Горчаков В. П.* Выдержки из «Дневника» об А. С. Пушкине; Воспоминание о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.

Д. Горчак.	*Горчаков Д. П.* — В кн.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959.
Горький, Ск. об Итал.	*Горький М.* Сказки об Италии. — Собр. соч., т. 1—30. М., 1949—1955.
Гос. Дума	Государственная Дума. Стенографические отчеты. СПб., 1906.
Гос. правл.	[*Жокур Л.*] О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии. Перев. И. Туманского. СПб., 1770.
Гофштет., Поэз. вырожд.	*Гофштеттер И.* Поэзия вырождения. СПб., 1902.
Греч, Чт.	*Греч Н.* Чтения о русском языке, ч. 1—2. СПб., 1840.
Гриб., Г. от ума; Своя семья	*Грибоедов А. С.* Горе от ума; Своя семья. — Полн. собр. соч., т. 1—3. СПб., 1911 — Пг., 1917.
Грибов, Завоев. возд.	*Грибов И.* Завоевание воздуха. Пенза, 1910.
Д. Григор., П. к Чехову	*Григорович Д. В.* Письмо к А. П. Чехову. — В кн.: Слово. Сб. 2-й. М., 1914.
Грот, Разыск.; Труды.	*Грот Я.* Филологические разыскания. СПб., 1873; Труды Я. Грота. СПб., 1899.
Гуго, Справочн. кн.	Справочная книга социалиста Гуго и Штегмана в двух томах. Пер. с нем. Под ред. В. Я. Богучарского и Л. З. Марковича. СПб., 1906.
Гуревич, Лит. и эст.	*Гуревич Л.* Литература и эстетика. М., 1912.
Гуро, Небесн. вербл.	*Гуро Е.* Небесные верблюжата. Изд. Журавель. СПб., 1914.
Д'Аламб.	[*Даламбер Ж.*] Сочинения г. Д'Аламберта, одного из славнейших и редких писателей. Перев. с франц. И. Г. Харламова, ч. 1. Дух философии. М., 1790.
Даль, Восп. о Пушк.; Бедовик; Бояр.; Гофм. капля; Полтора слова	*Даль В. И.* Воспоминания о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974; Бедовик; Боярыня; Гофманская капля; Полтора слова о русском языке. — Собр. соч., т. 1—10. СПб.—М., 1898.
Дан, Общ. полит. правительства	*Дан Ф. И.* Общественная политика правительства. — В кн.: Общественное движение в России в начале XX в. Под ред. Ю. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 4, кн. 7. СПб., 1911.
Данил., Санин в русск. крит.	*Данилин Я.* Санин в свете русской критики. М., 1908.
Двигубск., Сл. о сост. земн. поверхности	*Двигубский И. А.* Слово о нынешнем состоянии земной поверхности. — В кн.: Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., Соцэкгиз, 1959.
Дебогор., Восп.	*Дебогорий-Мокриевич Вл.* Воспоминания. СПб., 1906.

Дел.	[*Делиль Ж. Н.*] Предложение о мерянии земли в России. (Перев. В. К. Тредиаковского). СПб., 1737.
Дельвиг, Восп.	*Дельвиг А. И.* Из «Моих воспоминаний». — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974.
Держ., П.	*Державин Г. Р.* Письма. — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 1—7. СПб., 1868—1878.
Десн., Зак. вл.; Из Блэкстона; О вещах свящ.; Происх. супр.; Сл. о способе; Собств.	*Десницкий С. Е.* Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи; Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкование английских законов»; Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются; Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими; Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции; Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. М., Госполитиздат, 1952.
Джеферсон, Платформа	*Джеферсон Г.* Платформа, ее возникновение и развитие. История публичных митингов в Англии. СПб., 1901.
Дмитр., Взгляд; П.	*Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь; Письма. — В кн.: *Дмитриев И. И.* Сочинения, т. 1—2. СПб., 1895.
Д-н, Герои ликвид.	*Д-н Ф.* Герои ликвидации. — В кн.: На рубеже (К характеристике современных исканий). Критич. сборник. СПб., 1909.
Дневн. Половцева	Дневник государственного секретаря А. А. Половцева, т. 1—2. М., «Наука», 1966.
Дневн. Рашевск.	Дневник полковника С. А. Рашевского. М.—Л., 1954.
Докл. и пригов. в Сенате	Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, т. 1—6. Изд. АН под ред. М. В. Калачева. СПб., 1880—1901.
И. Долг.	*Долгорукий И.* В кн.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959.
Допрос Гучкова	Допрос А. И. Гучкова. — В кн.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, т. 5. М.—Л., 1927.

Допрос Новикова	Допрос Н. И. Новикова. — В кн.: *Новиков Н. И.* Избр. соч. М.—Л., 1951.
Допрос Поливанова	Допрос А. А. Поливанова, 20 сент. 1917 г. — В кн.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной комиссии Временного правительства, т. 7. М.—Л., 1927.
Д'Ор, Литер. путь журн.	*Д'Ор О. Л.* Литературный путь дореволюционного журналиста. М.—Л., 1930.
Дорошевич	*Дорошевич В. М.* Рассказы и очерки. М., 1966.
Дост.	*Достоевский Ф. М.* — Собр. соч., т. 1—10. М., 1956—1958.
Друг Просв.	Друг Просвещения. М., 1806.
Дух. регл.	Духовный регламент. СПб., 1721.
Дюпрон, Яз. и ист.	*Дюпрон А.* Язык и история. М., «Наука», 1970.
Дятел	Дятел. СПб., 1905.
Егоров, Зарожд. полит. партий	*Егоров С. А.* Зарождение политических партий и их деятельность. — В кн.: Общественное движение в России в начале XX в. Под ред. Ю. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 1. СПб., 1909.
Живоп.	Статьи и заметки из журн. «Живописец», 1772 г. — В кн.: Н. И. Новиков и его современники. М., Изд-во АН СССР, 1961.
Жих., Зап.	*Жихарев С. П.* Записки современника. Воспоминания старого театрала, т. 1—2. М.—Л., 1955.
Жуковск., О басн. Крыл.; П.	*Жуковский В. А.* О басне и баснях Крылова; Письма. — В кн.: *Жуковский В. А.* Собр. соч., т. 1—4. М.—Л., 1960.
Жураковск., Литер. очерки; Литер. черты; Трагикомедия	*Жураковский Е.* Литературно-критические очерки. М., 1906; Литературно-критические черты. — В кн.: Юбилейный Чеховский сборник. М., 1910; Трагикомедия современной жизни. М., 1906.
Журн. изящн. искусств	Журнал изящных искусств. СПб., Изд. В. Григорович, 1823.
Журн. сл.	Журнал древней и новой словесности. СПб., 1818.
Заветы	Заветы. СПб., 1912, 1914.
Загоск., Брынск. лес; Юр. Милосл.	*Загоскин М. Н.* Брынский лес; Юрий Милославский или Русские в 1612 г. Исторический роман в 3-х частях. — Полн. собр. соч., т. 3, т. 1. СПб., 1889.
Зайцев, Дальн. край	*Зайцев Б.* Дальний край. Берлин, 1922.
Закон. акты Петра I	*Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. М.—Л., 1945.
Закржевск., Карамаз.	*Закржевский А.* Карамазовщина. Киев, 1912.

Замотин, Предрассвет. тени	*Замотин И. И.* Предрассветные тени. К характеристике общественных мотивов в произведениях А. П. Чехова. Казань, 1904.
Зап. Долг.	Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева. СПб., 1913.
Зап. Матв.	Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. — В кн.: Записки русских людей. События времени Петра Великого. СПб., 1841.
Зерц. безбож.	Зерцало безбожия. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 2. М., Госполитиздат, 1952.
Златовр., Золот. сердца	*Златоврацкий П. Н.* Золотые сердца. — В кн.: *Златоврацкий П. П.* Избранные произведения. М., 1947.
Зоргенфрей	*Зоргенфрей В. А.* — В кн.: Стихотворная сатира первой русской революции. Л., 1969.
Зритель	Зритель. СПб., 1792.
В. Иванов, Борозды и межи; По звездам.	*Иванов Вяч.* Борозды и межи. М., 1916; По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. СПб., 1908.
И. Иванов, Ист. русск. крит.	*Иванов Ив.* История русской критики. СПб., 1898.
Из зап. Палена	Из «Записки» министра юстиции гр. Палена. — В кн.: За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России (в 2-х частях). Сост. Вл. Бурцев при редакционном участии С. М. Кравчинского (Степняка). London, 1897.
Из офиц. отчета	Из официального отчета. — В кн.: Прометей, т. 1. М., 1966.
Из речей Квятк. и Ширяева	Из речей Квятковского и Ширяева, участников процесса 16-ти в 1880 г. — В кн.: За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России (в 2-х частях). Сост. Вл. Бурцев при редакционном участии С. М. Кравчинского (Степняка). London, 1897.
Измайлов, Крив. зерк.; Литер. Олимп; Осин. кол; Пестр. знам.	*Измайлов А. Е.* Кривое зеркало; Литературный Олимп; Осиновый кол; Пестрые знамена. — Полн. собр. соч., т. 1—3. М., 1890.
Истор. вестн.	Исторический вестник. Историко-литературный журнал. СПб., 1906.
Ист. о Алекс.	История о Александре российском дворянине. — В кн.: Русские повести XVII—XVIII в. Под ред. и с предисл. В. В. Сиповского, т. 1. СПб., 1905.
Ист. пол.	Истинная политика знатных и благородных особ. Перев. с франц. В. К. Тредиаковского. СПб., 1737.

Ист. царств. Петра В.	История царствования Петра Великого И. Устрялова, т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859.
Ист. «чайковцев»	1880-е гг. Очерк истории кружка «чайковцев» (1869—1872). В кн.: Революционное народничество 70-х годов, т. 1 (1870—1875), ч. 2. М., «Наука», 1964.
Каблиц, Осн. народн.	*Каблиц-Юзов И. И.* Основы народничества, ч. 1—2. СПб., 1888—1893.
Каверз., О перер. животн.	*Каверзнев А. А.* О перерождении животных. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. М., Госполитиздат, 1952.
Кагаров, Очерк мифол. науки	*Кагаров Е.* Очерк современного состояния мифологической науки. — В кн.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5. Харьков, 1914.
Кант., П.; Сат.; П. Горация; О мн. миров.	*Кантемир А. Д.* Письма; Сатиры; Письма Горация. — В кн.: *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы, т. 1—2. СПб., 1867—1868; [Фонтенель Б.] «Разговоры о множестве миров» г. Фонтенелла. С франц. перевел и потребными примечаниями изъяснил кн. Антиох Кантемир в Москве 1730 году. СПб., 1740.
Капн., П.	*Капнист В. В.* Письма. — Собр. соч., т. 1—2. М.—Л., 1960.
Карамз., Бедн. Лиза; Нат., боярск. дочь; Нечто о науках; О Богд.; О любви; О нов. образов.; Освобожд. Евр.; Отчего в России; П.; ПРП; Похв. сл.; Речь; Рыц. наш. врем.; Совм.; Фил. к Мел.; Без. рыб.; Ларчик; Пустын.; Шк. дружбы; Дерев. вечера; Солом. Гесн.	*Карамзин Н. М.* Бедная Лиза; Наталья, боярская дочь; Нечто о науках, искусствах и просвещении; О Богдановиче и его сочинениях; О любви к отечеству; О новом образовании народного просвещения; Освобождение Европы; Отчего в России мало авторских талантов? Письма; Письма русского путешественника; Историческое похвальное слово Екатерине II; Речь, произнесенная в торжественном собрании...; Рыцарь нашего времени; Совместники самих себя; Филалет к Мелодору. — Собр. соч., т. 1—3. СПб., 1848; Безонские рыбаки; Ларчик; Пустынники; Школа дружбы. — В кн.: Переводы Карамзина. Изд. 4-е, т. 2. Новые мармонтелевы повести, ч. 2. СПб., Смирдин, 1835; Деревенские вечера. — Детское чтение для сердца и разума, ч. 12. М., 1787; Соломон Геснер. — Московский журнал, 1792, ч. 6.
А. Карамз., П.	*Карамзин А. Н.* Письма. — Старина и новизна, кн. 19. СПб., 1915.
Каратыг., Восп.	*Каратыгина А. М.* Воспоминания о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.
Карм. кн.	Карманная книга для русских воинов в турецких походах. СПб., 1828.

Катен., Восп. о Пушк.	*Катенин П.* Воспоминания о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.
Каховск., Из писем	*Каховский П. Г.* Из писем. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., Госполитиздат, 1951.
Керн, Восп. о Пушк.	*Керн А. П.* Воспоминания о Пушкине. — В кн.: А. П. Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974.
Кистяк., Соц. науки	*Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право. М., 1916.
Кн. горн.	Книга о горном деле. — Летопись занятий Археографической комиссии 1862—1863, вып. 2. СПб., 1862.
Кн. мир.	Книга мирозрения или мнение о небесноземных глобусах. (Перев. с нем. Я. Брюса). СПб., 1717.
Ковалевск., Нац. вопр.; Совр. социол.	*Ковалевский М.* Национальный вопрос и империализм. — В кн.: Вопросы мировой войны. Сб. статей под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915; Современные социологи. СПб., 1905.
Коварск., Михайловск.	*Коварский Н. П.* Михайловский и общественное движение 70-х годов. СПб., 1909.
Коварск., Общ. движ.	*Коварский Б.* и *Михайловский Н. К.* — В кн.: Общественное движение 70-х годов. СПб., 1909.
Козельск., Рассужд.; Ст. о фил.; Фил. предл.	*Козельский Я. П.* Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании; Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. М., Госполитиздат, 1952; Статьи о философии и частях ее из энциклопедии. Перев. Я. Козельского, ч. 1—2. [СПб.], 1770.
Комм. АН, О исправл. баром.; О Кеплер. предлож.; О перв. фунд.; О прич. тяжести; О сиян. северн.; О стене Кавказск.	Краткое описание Комментариев Академии наук. Часть на 1726 г. СПб., 1728. О исправлении барометров; О Кеплериановом предложении; О первых учениях фисического фундамента; О причине тяжести; О сиянии северном; О стене Кавказской.
Кольц., П.	*Кольцов А. В.* Письма. — Полн. собр. соч. Под ред. и с прим. А. И. Лященко. СПб., 1909.
Кондратьев, Г. Кунов о религии	*Кондратьев Н.* Генрих Кунов о происхождении и развитии религии. — В кн.: Новые идеи в социологии, вып. 4. СПб., 1914.
Кони, Из казанск. восп.	*Кони А. Ф.* Из казанских воспоминаний. — Собр. соч., т. 1. М., 1966.
Коринфск., Поэз. Случевск.	*Коринфский А.* Поэзия К. К. Случевского. СПб., 1910.

Корол., В голодн. год; Ист. моего совр.; О литер.; П.; Пшибыш.	*Короленко В. Г.* В голодный год; История моего современника. — Собр. соч., т. 1—10. М., 1953—1956; О литературе. М., 1957; Письма. 1888—1921. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пг., 1922; С. Пшибышевский. — Русское богатство, 1904, № 9.
Корс., В просн. Китае	*Корсаков В. В.* В проснувшемся Китае. М., 1911.
Корф, Зап. о Пушк.	*Корф М. А.* Записка о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.
Костров	*Костров Е. И.* — Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, ч. 1. СПб., 1802.
Кошко, Восп.	*Кошко И.* Воспоминания губернатора. Пг., 1916.
КПСС в резол.	КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1—3. М., 1954.
Кранихфельд, В мире идей	*Кранихфельд В.* В мире идей и образов, т. 1—3. СПб., 1912.
Кратк. пон. о физ.	Краткое понятие о физике, для употребления... великаго князя Павла Петровича. СПб., 1760.
Крашен., Опис. Камч.	*Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — В кн.: Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое имп. Акад. Наук по предложению ее президента. С примеч., объясн. и доп., т. 1—2. СПб., 1818—1819.
Кропоткин, Зап.	*Кропоткин П. А.* Записки революционера. СПб., 1906.
Крыл., Похв. речь; Почта дух.; Разборч. невеста; Ночи.	*Крылов И. А.* Похвальная речь науке убивать время; Почта духов; Разборчивая невеста. — Полн. собр. соч., т. 1—3. М., 1945—1946; Ночи — Зритель, ч. 1—3. СПб., 1792.
Куда мы идем	Куда мы идем? М., 1910.
Куклин, Итоги рев. движ.	*Куклин Г. А.* Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862—1902). Сборник программ, программных статей русских революционных партий и групп и кратких очерков по истории русского революционного движения. Женева, 1903.
Купр., О литер.	*Куприн А. И.* О литературе. Сб. статей. Минск, 1969.
Курганов	Краткие замысловатые повести. Писмовник, содержащий в себе науку россиискаго языка... 5-е изд. вновь выправленное, приумноженное... Николаем Курановым, ч. 1—2. СПб., 1793.
Кюхельб., Дневн.; О напр. поэз.; Юрий и Ксен.	*Кюхельбекер В. К.* Дневник. Л., «Прибой», 1929; О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие; Юрий и Ксения. — В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. М.—Л., 1951.
Л.	Лицей. Изд. И. Мартынов. СПб., 1806.

Лавров, Народн.	*Лавров П. Л.* Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. СПб., 1907.
Лажечн., Беленький; Лед. дом; Окопир.	*Лажечников И. И.* — Соч., т. 3—4, 7, 8. СПб., 1883—1884.
Ланг., Сл. о нач. полож. зак.	*Лангер К. Г.* Слово о начале и распространении положительных законов и о неразрывном союзе философии с их учением. М., 1766.
Ланц, Авенариус	*Ланц Г.* Философия Р. Авенариуса. — Логос. Международный ежегодник по философии культуры, кн. 2—3. СПб., 1911—1912.
Лапшин, О перевоплощ.	*Лапшин И.* О перевоплощаемости в художественном творчестве. — В кн.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5. Изд. 2-е. Харьков, 1914.
Лауд., О народн. благосост.	*Лаудердаль Дж.* О народном благосостоянии. Перев. с англ. Я. Лангена. СПб., 1811.
Лемке, 250 дн.	*Лемке М.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920.
Леонтьев, Визант. и слав.; Крит. ст.	*Леонтьев К.* Византизм и славянство. М., 1876; Критические статьи. — Соч., т. 8. М., 1912.
Лепех., Путеш.	*Лепехин И. И.* Записки путешествия академика И. И. Лепехина. — В кн.: Полное собрание ученых путешествий по России, изд. имп. Акад. Наук по предложению ее президента, т. 3—4. СПб., 1821—1822.
Лерм.	*Лермонтов М. Ю.* — Полн. собр. соч., т. 1—4. М.—Л., 1948.
Летоп. войны	Летопись войны с Японией. СПб., 1904, № 39.
Лившиц, Освобожд. сл.	*Лившиц Б. К.* Освобождение слова. — В кн.: Дохлая луна. Футуристы. Изд. 2-е. М., 1914.
Линцбах, Филос. яз.	*Линцбах Я.* Принципы философского языка. Пг., 1916.
Липранди, Из дневн.	*Липранди И. П.* Из дневников и воспоминаний. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.
Лист. больш. орг.	Листовки большевистских организаций, ч. 1—2. М., 1956.
Лист. моск. больш.	Листовки московских большевиков. М., 1956.
Лист. перм. больш.	Листовки пермских большевиков. Пермь, 1958.
Лист. петерб. больш.	Листовки петербургских большевиков. М., 1939.
Лит. «НВ»	Литература партии «Народной Воли». Paris, 1905.
Лихачев, Кино в России	*Лихачев В.* Кино в России. Л., 1927.
Логос	Логос. Международный ежегодник по философии культуры, кн. 2—3. СПб., 1911—1912.

Лозинск., Раб. движ. на Зап. и в Рос.	*Лозинский Е.* Итоги и перспективы рабочего движения на Западе и в России. СПб., 1909.
Ломон., Мат. к Рос. грам.; Перв. основ. метал.; Польз. хим.; Происх. света; Росс. ист.	*Ломоносов М. В.* Материалы к Российской грамматике; Из «Первых основ металлургии или рудных дел»; Слово о пользе химии; Слово о происхождении света; Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. — Полн. собр. соч., т. 1—10. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950—1959.
Лопух., Изобр. мечт.	*Лопухин И. В.* Изображенные мечтания. — В кн.: *Барсков Я. Л.* Переписка московских масонов XVIII в. 1780—1792 гг. Пг., 1915.
Лукашев., Восп.	*Лукашевич И. Д.* 1 марта 1887 года. Воспоминания. Пг., 1920.
Луначарск., Мещанство и индив.; Отклики жизни.	*Луначарский А.* Мещанство и индивидуализм. — В кн.: Очерки философии коллективизма, т. 1. СПб., 1909; Отклики жизни. СПб., О. Н. Попова, 1906.
Любим., На чужб.	*Любимов Л.* На чужбине. М., 1963.
Маевск., Общ. карт. движ.	*Маевский Е.* Общая картина движения. — В кн.: Общественное движение в России в начале XX в. Под ред. Ю. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 2, ч. 1. СПб., 1910.
Майк., Басни	Нравоучительные басни Василья Майкова, ч. 1—2. М., 1766—1767.
Мак-Гал., Из америк. лит.	*Мак-Галан.* Из американской литературы и жизни. — Северный вестник, 1886, № 1.
Мамин-Сиб., Горн. гнездо; Сибир. хлеб	*Мамин-Сибиряк Д. Н.* Горное гнездо; Сибирский хлеб. — В кн.: Собр. соч. в 8-ми томах. М., Гослитиздат, 1953—1954.
Мандельштам, 1905 г.	*Мандельштам М. М.* 1905 год в политических процессах. М., 1931.
Манох., Курс гимн.	*Манохин Н. В.* Курс сокольской гимнастики. Пер. с чешского. Пг., 1917.
Мартов, Зап.	*Мартов Ю. О.* Записки социал-демократа. М., 1924.
Маслов, Год войны	*Маслов А. И.* Год войны в Малой Азии. СПб., 1879.
П. Маслов, Народнич. партии	*Маслов П. П.* Народнические партии. — В кн.: Общественное движение в России в начале XX в. Под ред. Ю. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 3, кн. 5. СПб., 1914.
Мат. ист. АН	Материалы для истории императорской Академии наук. Под ред. М. Сухомлинова, т. 1—10. СПб., 1885—1900.
Мат. для ист. морск. дела	Материалы для истории морского дела при Петре Великом, в 1717—1720 гг. Сообщил Н. А. Попов. — Чтения ОИДР, 1859, кн. 4.

Мат. русск. флота	Материалы для истории русского флота, ч. 1—10. СПб., 1865.
Мейерхольд, П.; Театр; О театре	*Мейерхольд В. Э.* Письма; О театре. [Из дневника]; — В кн.: *Мейерхольд В. Э.* Статьи. Письма. Речи. Беседы (1891—1917). М., «Искусство», 1968; Театр (К истории и технике). — В кн.: Театр. Книга о новом театре. Сборник статей Луначарского, Аничкова, Горнфельда, Александра Бенуа, Мейерхольда, Сологуба, Чулкова, Рафаиловича, Брюсова и Андрея Белого. СПб., «Шиповник», 1908.
Мельн.-Печ., В лесах	*Мельников (Печерский) П. И.* В лесах. — Полн. собр. соч., т. 1—7. СПб., 1909.
Миллер, Русск. писат.	*Миллер О.* Русские писатели после Гоголя, т. 1. СПб., 1886.
Михайловск., Зап. профана; Отклики Литер. восп.	*Михайловский Н. К.* Записки профана; Отклики, т. 1—2. СПб. 1904; Литературные воспоминания и современная смута, т. 1—2. СПб., 1900; Н. В. Шелгунов. — Полн. собр. соч., т. 5. Изд. 4-е. СПб., 1908.
М. Морозов, Очерки	*Морозов М.* Очерки новейшей литературы. Ст. о Л. Андрееве, С. Сергееве-Ценском, В. Зайцеве, В. Рошине, М. Горьком и Л. Толстом. СПб., 1911.
Н. Морозов, Пов. жизни; Реформа русск. орфогр.	*Морозов Н.* К реформе русской орфографии. — Русские ведомости. СПб., 1917; Повести моей жизни. М., 1968.
П. Морозов, Мин. век	*Морозов П.* Минувший век. СПб., 1902.
Моск. Мерк.	Московский Меркурий. М., 1803.
Мнемоз.	Мнемозина. Собрание сочинений в стихах и прозе. Изд. В. Одоевский и В. Кюхельбекер, ч. 1—3. М., 1824, 1825.
Мнен. деп. Жеребцова; Мнен. деп. Коробьина; Мнен. деп. Маслова; Мнен. деп. Чупрова	Мнение депутата И. Жеребцова. Выступление на заседании 20 мая 1768 г.; [Мнение депутата Г. Коробьина. Выступление на заседании 21 мая 1768 года]. [В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения; Мнение депутата А. Маслова. Выступление на заседании 27 мая 1768 года]. [В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения. Мнение депутата И. Чупрова. На заседании 23 мая 1768 г.]. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 2. М., 1952.
Мордвинов, Кн. о навиг.	Книги полнаго собрания навигации капитаном Семеном Мордвиновым сочиненныя, ч. 1—4. СПб., 1748—1753.
Морск. журн. Синявина	Морские журналы Н. А. Синявина 1705—1712 гг. — Зап. гидрографического департамента Морск. министерства, кн. 10. СПб., 1852.
Моск. вед.	Московские ведомости. М., 1703, 1711, 1717, 1719, 1761, 1784, 1881, 1906.

Моск. вестн.	Московский вестник. Изд. М. П. Погодин. М., 1827—1829.
Моск. журн.	Московский журнал. Изд. Н. М. Карамзин, ч. 3—4. М., 1791; ч. 5—8. М., 1792.
Моск. Мерк.	Московский Меркурий. Изд. П. И. Макаров. М., 1803.
Моск. телегр.	Московский телеграф. Журнал литературы, критики, наук и художеств. Изд. Н. Полевой. М., 1825—1830.
Муравьев, Земл. Росс.; Изящн. письм.; Нравоуч.; Окр. зак.; Оп. истор.; Разг. м.; Соч.; Эм. п.	*Муравьев М. Н.* Рассеянные черты из землеописания Российского; Изящные письма; Нравоучения; Округ законоучения; Опыты истории; Разговоры мертвых; Тетрадь для сочинений; Эмилиевы письма. — В кн.: Полное собрание сочинений русских авторов, т. 1—2. СПб., 1847.
Мысл.	Мысли беспристрастного гражданина... Пер. с франц. СПб., 1793.
На разн. темы	На разные темы. СПб., 1906.
Нарежн., Бурсак; Два Ивана	*Нарежный В. Т.* Бурсак; Два Ивана или страсть к тяжбам. — Избр. соч., т. 1—2. М., 1956.
Народн. Воля	Народная Воля. СПб., 1879.
Народов.	Народовольцы, сб. 3. М., 1931.
Наши направл.	*В. В.* Наши направления. СПб., 1893.
Нащокин, Восп.	*Нащокин П. В.* Рассказы о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.
Неведенск., Катков и вр.	*Неведенский С.* Катков и его время. СПб., 1888.
Неведомск., В защ. худож.; Зачинат. и продолжат.; Наша худож. лит.; Перв. год Ник. II	*Неведомский М.* В защиту художеств. — Современный мир, 1908, кн. 4; Зачинатели и продолжатели. Пг., 1919; Наша художественная литература предреволюционной эпохи. — В кн.: Общественное движение в России в начале XX в. Под ред. Ю. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 1. СПб., 1909; Первый год Николая II. London, 1896.
Незлобин, Кружк.	*Незлобин Н.* Кружковщина. Одесса, 1879.
Некр., Псов. охота	*Некрасов Н. А.* Псовая охота. — Собр. соч., т. 1—5. М.—Л., 1930.
Нива	Нива. Пг., 1916.
Никитенко, Дневн.	*Никитенко А. В.* Дневник, т. 1. М., Гослитиздат, 1955.
Ницше, Рожд. траг.	*Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки. Русск. перев. СПб., 1899.
Нов. Русь.	Новая Русь. Газета. 1909.
Новиков, Велик. дух.; Восп. дет.; Гл. прич.;	*Новиков Н. И.* О великости духа русских людей; О воспитании и наставлении детей; О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук; [О высоком человеческом до-

Дост. чел.; Забл. чел.; Нравоуч.; О преслед.; О торг.	стоянии]; [Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенство знание]; [Нравоучение как практическое наставление]; Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии; О торговле вообще. — Избр. соч. М.—Л., ГИХЛ, 1951.
Нов. время	Новое время. СПб., 1900.
Нов. идеи в социол.	Новые идеи в социологии, вып. 4. СПб., 1914.
Новости борьбы	Новости борьбы. Лондон, 1905.
Нов. путь	Новый путь. СПб., 1903.
Нордау, Вырожд.	*Нордау М.* Вырождение. СПб., 1894.
О воин. Цез.	Краткое описание о воинах из книг Цезариевых. М., 1711.
О закон. соц. явл.	О закономерности социальных явлений. СПб., 1903.
Обнинск., Нов. строй	*Обнинский В.* Новый строй, ч. I. М., 1909.
Оболенск., П.	*Оболенский Л. Н.* Письмо к В. А. Гольцеву, 22 февраля 1894 г. — В кн.: Памяти В. А. Гольцева. М., 1910.
Общ. движ. в России	Общественное движение в России в начале XX в. Под ред. Ю. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 1—4. СПб., 1909—1911.
Овсян.-Кулик., Потебня; Наблюдат. и эксперим. методы; Русск. интел.	*Овсянико-Куликовский Д. Н.* Потебня как языковед-мыслитель. Киев, 1893; Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве; Русская интеллигенция. Кризис идеологий. — Собр. соч., т. 6. Изд. 3-е. СПб., 1914.
А. Одоевск.	*Одоевский А. И.* — Полн. собр. стихотворений и писем. М.—Л., Academia, 1934.
Одоевск., Гномы XIX стол.; Из зап. кн.; Неск. слов о «Мн.»;	*Одоевский В. Ф.* Гномы XIX столетия; Из записной книжки; Несколько слов о «Мнемозине» самих издателей. — В кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 2. М., «Искусство», 1974;
Живоп.; Кн. Зизи; Черн. перч.;	Живописец; Княжна Зизи; Черная перчатка. — В кн.: Русские повести XIX века 20-х—30-х годов, т. 2. М., ГИХЛ, 1950.
Эльса	Эльса. — Соч., ч. I. СПб., 1844.
Олехн., Идеол. русск. бурж.	*Олехнов М.* Идеология русского буржуа. СПб., 1906.
Омск. вест.	Омский вестник. Омск, 1914.
Осиповск., Рассужд.	*Осиповский Т. Ф.* Рассуждения о динамической системе Канта. — В кн.: Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX в. М., Соцэкгиз, 1959.

Остаф. арх.	Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. СПб., 1899; т. 2. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820—1823. СПб., 1899; т. 3. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. СПб., 1908; т. 5, вып. 2. СПб., 1913.
Отчет Шумах. Петру	Отчет, поднесенный Петру Великому от библиотекаря Шумахера о заграничном его путешествии. — В кн.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862.
Охотник	Охотник. Ежедневный иллюстративный журнал, посвященный всем отраслям спорта. М., 1888.
Павлов, Аукцион	*Павлов Н. Ф.* Аукцион. — В кн.: *Павлов Н. Ф.* Повести и рассказы. М., 1957.
Павлович, Внешн. полит.	*Павлович М.* Внешняя политика и русско-японская война. — В кн.: Общественное движение в России в начале XX в. Под ред. Ю. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 2, ч. I. СПб., 1910.
Памяти Гольц.	Памяти В. А. Гольцева. М., 1910.
Памяти Шишко	Памяти Л. Э. Шишко. [б. м.], 1910.
Памяти Сторож.	Памяти Н. И. Сторожепка. М., 1909.
Панк., Подл. цел.	*Панкевич М. И.* Слово о подлинной цели математических наук и о сообразном ей расположении упражнений в оных. — В кн.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. 1—4. М., 1819—1823.
Пастернак, Ист. контрокт.	*Пастернак Б.* История одной контроктавы. — Известия АН СССР, ОЛЯ, 1974, вып. 2.
ПБП	Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. 1—11. СПб.—М., 1887—1964.
ПЖ	Политехнический журнал, с показанием ученых и других вещей. Изд. П. Сохацкий. М., 1790—1797.
Переп. Верещаг. и Третьяк.	Переписка В. В. Верещагина и П. М. Третьякова (1874—1898). М., «Искусство», 1963.
Перевощ., Опыт о средствах	*Перевощиков В. М.* Опыт о средствах пленять воображение. — В кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 1. М., «Искусство», 1974.
Пест., РП	*Пестель П. И.* «Русская правда». Из показаний — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 2. М., Госполитиздат, 1951.
Пешехон., В темн. ночь	*Пешехонов А. В.* В темную ночь. СПб., 1909.

Пильск., Крит. ст.	*Пильский П.* Критические статьи. СПб., 1910.
Письма о России	Письма о современном состоянии России. Лейпциг, 1881.
Письма Соловьева	Письма В. В. Соловьева. СПб., 1908.
План Акад. Сл.	План «Нового Академического Словаря» с точки зрения иноязычного. Записка И. Х. Пахмана. СПб., 1899.
Плетнев, П.	*Плетнев П. А.* Сочинения и переписка, т. 1—3. СПб., 1885.
Плехан., Зам. публиц.; Литер. и крит.; Ист. русск. общ. мысли; Ортодокс. букв.; Открыт. письмо Каутскому; Перв. фазы учения; Предисловие.	*Плеханов Г. В.* Заметки публициста; Литература и критика; История русской общественной мысли; «Ортодоксальное» буквоедство; За что нам его благодарность? Открытое письмо Карлу Каутскому; Первые фазы учения о классовой борьбе (Предисловие ко 2-му русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»); Предисловие к 3-му изданию «За двадцать лет». — Собр. соч., т. 1—24. Под ред. О. Рязанова. М.—Пг., 1923—1927.
В защ. маркс.; Крит. синдик.; Наши разногл.; От издат.; П. без адреса; Против богд.	В защиту революционного марксизма. Сб. статей. М., 1922; Критика теории и практики синдикализма. — Современный мир, 1908, № 4; Наши разногласия. Изд. 3-е. СПб., 1906; От издателей. — Работник, 1896, № 1—2; Письма без адреса. М., 1956; Против богдановщины. М., 1925.
Плещеев, П. к Чехову	*Плещеев А.* Письмо к А. Чехову, 27 сент. 1889 г. — В кн.: Слово. М., 1914.
Показ. Бурцева	Показания В. Л. Бурцева. — В кн.: Падение царского режима, т. I. Л., 1925.
Полев., Расск. русск. солд.; Рец. на кн. Галича «Опыт науки изящн».	*Полевой Н. А.* Рассказы русского солдата. — В кн.: Русские повести XIX века 20-х—30-х годов, т. 1—2. М.—Л., 1950; Рецензия на книгу А. Галича «Опыт науки изящного». — В кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 2. М., «Искусство», 1974.
Полеж.	*Полежаев А. И.* — Соч. М., 1955.
Полен., О сост. крестьян	*Поленов А. Я.* О крепостном состоянии крестьян в России. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 2. М., Госполитиздат, 1952.
Пол. нам.	[*Гойон А.*] Политическое намерение о коммерции. Перев. с франц. 1765 г. СПб., 1771.
Полн. сб. платф.	Полный сборник платформ всех русских политических партий. Изд. 3-е. СПб., 1906.
Полонск.	*Полонский Я. П.* Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 2. СПб., 1886.
Полоцк.	*Полоцкий С.* Избранные сочинения. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953.

Поливанов, Из дневн.	*Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, т. 1—2. М., 1924.
Польск. вопр. в Госуд. Думе	Польский вопрос в Государственной Думе 3-го созыва 1-й сессии. Вильно, 1909.
Поповск., Речь	*Поповский Н. Н.* Речь, говоренная в начатии философических лекций. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. М., Госполитиздат, 1952.
Посадск., Курсы по гуманит. наук.	*Посадский И. В.* Курсы по гуманитарным наукам для учителей и учительниц городских и начальных училищ Варшавского учебного округа. Варшава, 1911.
Посол. Унк.	Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану... Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. СПб., 1887.
Посошк., Завещ. отеч.; Кн. о скуд. и богат.	Завещание отеческое, соч. И. Т. Посошкова. Новое изд., дополненное вновь открытою второю половиною «Завещания». Под ред. Е. М. Прилежаева. СПб., 1893; *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Под ред. Б. Б. Кафенгауза. М., Изд-во АН СССР, 1951.
Потебня, Мысль и язык	*Потебня А. А.* Мысль и язык. Одесса, 1922.
Потресов, О русск. интел.; Эволюц. общ.-полит. мысли	*Потресов А.* Этюды о русской интеллигенции. СПб., 1906; Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху. — В кн.: Общественное движение в России в начале XX в. Под ред. Ю. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, т. 1. СПб., 1909.
Походн. журн.	Юрналы и камер-фурьерские журналы 1695—1774 годов, т. 1—3. М., 1867.
Предисл. изд.	Предисловие издателей к сб. «За сто лет». London, 1897.
Прим. Вед., О азбесте; О ветрах; О внешн. виде земли; О движ. земли; О земле; О инстр. к позн. погод; О местах, огнь выбрасыв.; О окаменел.; О разуме и рассужд.; О тверд. тел.	Примечания к Ведомостям. 1728—1742. СПб., 1728—1742. О азбесте. — Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях, 1728, № 9; О ветрах. — Примечания на Ведомости, 1732, ч. 59—65; О внешнем виде земли. — Примечания на Ведомости, 1738, ч. 27—28, 103—104; О движении земли. — Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях, 1729, ч. 11; О земле. — Примечания на Ведомости, 1732, ч. 6—12, 49—50; О инструментах, к познанию погод принадлежащих. — Примечания на Ведомости, 1734, ч. 32; О местах, огнь из себя выбрасывающих. — Примечания на Ведомости, 1733, ч. 12—16; Обещанное в прошлых примечаниях писмо некоторого приятеля из***. — Исторические, генеалогические и географические примечания в Ве-

	домостях, 1729, ч. 12; О разуме и рассуждении. — Примечания при Ведомостях, 1739, ч. 88; О твердости тел. — Примечания на Ведомости, 1740, ч. 93.
Программа «З» и «В»	Программа «Земли и Воли» (1876). — В кн.: Революционное народничество 70-х гг., т. 2 (1876—1882). М.—Л., 1965.
Программы царистов	Программы монархистов-конституционалистов (царистов). — В кн.: Полный сборник платформ всех русских политических партий. Изд. 3-е. СПб., 1906.
Проект уст. «З» и «В»	Проект устава «Земли и Воли» (1878). — В кн.: Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли». М., 1932.
Прокл. больш. орг. Закавк.	Прокламации большевистских организаций Закавказья. 1904—1906 гг. Тбилиси, 1940.
Прол. русско-японск. войны	Пролог русско-японской войны. Материалы из архива С. Ю. Витте. Пг., 1916.
Прометей	Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей», т. 1. М., 1966.
Прот. II съезда	Протоколы II съезда РСДРП. Л., 1924.
Прот. Объед. съезда	Протоколы Объединительного съезда РСДРП (1906). М.—Л., 1926.
Пругавин, О Толст.	*Пругавин А. С.* О Л. Толстом. М., 1911.
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи, т. 1—30. СПб., 1830.
Путеш. Толст.	Путешествие стольника П. А. Толстого, 1697—1699. — Русский архив, кн. 1—2, 1888, № 2—8.
Пуф., Ист. евр.; О должн. чел. и гражд.	[*Пуфендорф С.*] Введение в гисторию европейскую... Чрез Самуила Пуффендорфия на немецком языке сложенное... (Перев. с лат.). СПб., 1718; О должности человека и гражданина по закону естественному. (Перев. с лат. И. Кречетовского, испр. Г. Бужинским). СПб., 1726.
Пушк., Ал. Рад.; Арап Петра В.; Бар.-крестьянка; Бахч. фонтан; Бор. Год.; Возраж. на ст.; Возраж. на ст. Кюхельб.; Восп. Нащокина; Втор. посл. к ценз.; Гробовщ.; Дж. Теннер; Дневн.; Дубр.; Евг. Онег.;	*Пушкин А. С.* Александр Радищев; Арап Петра Великого; Барышня-крестьянка; Бахчисарайский фонтан; Борис Годунов; Возражение на статью «Атенея»; Возражение на статьи Кюхельбекера; Записки П. В. Н<ащокина>, им диктованные в Москве, 1830; Второе послание к цензору; Гробовщик; Джон Теннер; <Дневник 1833—1835 гг.>; Дубровский; Евгений Онегин; Египетские ночи; Езерский; Заметки и афоризмы разных годов; Замечания на Анналы Тацита; Мои замечания об русском театре; Из Кишиневского дневника; Илиада Гомерова; История Пугачева; История села Горюхина; Кавказский пленник; Каменный гость; Капитан-

Египет. ночи; Езер.; Зам. и афоризм.; Замеч.; Замеч. о театре; Из Кишин. дневн.; Илиада Гомер.; Ист. Пугач.; Ист. Горюх.; Кавк. плен.; Кам. гость; Кап. д.; Кирдж.; М. Шонинг; Матер. к отрывкам; Медн. всадн.; Моц. и Сальери; Нар. восп.; ‹Нач. ст. о В. Гюго›; Неск. слов; О вт. томе; О Милт.; О ничтож. литер.; О поэтич. слоге; О предисл.; О ст. Вяземск.; О франц. револ.; Обозр.; Опроверж. на крит.; Отр. из лет.; Отр. из писем; Опыт отраж. обвин.; П.; П. к изд.; П. к изд. «Моск. вестн.»; Песни зап. сл.; Пик. дама; Пов. Белкина; Подраж. Корану; Полт.; Примеч. к «Цыганам»; Причинами; Путеш. в Арзрум; Путеш. из М. в Пб.; Ром. в письм.; Росл.; Русл. и Людм.; Ск. о медвед.; Ск. о попе; Ск. о Салтане; Соч. Катен.; Станц. смотр.; Сц. из рыц. вр.; Торж. дружб.; Франц. Акад.; Юр. Милославск.

ская дочка; Кирджали; Мария Шонинг; Материалы к отрывкам из писем, мыслям и замечаниям; Медный всадник; Моцарт и Сальери; О народном воспитании; ‹Начало статьи о В. Гюго›; Несколько слов о мизинце г. Булгарина; О втором томе «Истории русского народа» Полевого; О Мильтоне; О ничтожестве литературы русской; О поэтическом слоге; О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова; О статьях кн. Вяземского; О французской революции; Обозрение обозрений; Опровержение на критики; Отрывок из литературных летописей; Отрывки из писем, мысли и замечания; Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений; Письма; Письмо к издателю; Письмо к издателю «Московского Вестника»; Песни западных славян; Пиковая дама; Повести Белкина; Подражание Корану; Полтава; Примечания к «Цыганам»; Причинами, замедлившими ход нашей словесности; Путешествие в Арзрум; Путешествие из Москвы в Петербург; Роман в письмах; Рославлев; Руслан и Людмила; Сказка о медведихе; Сказка о попе и о работнике его Балде; Сказка о царе Салтане; Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина; Станционный смотритель; Сцены из рыцарских времен; Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов; Французская Академия; Юрий Милославский, или русские в 1612 году. — Полн. собр. соч., т. 1—16. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949.

Рабоч. кабала	Рабочая кабала в Англии. СПб., 1900.
Радин, Пробл. пола	*Радин Е. П.* Проблема пола и больные нервы. СПб., 1910.
Радищ., Беседа; Дневн. путеш.; Житие Уш.; Зап. о податях Петерб. губ.; О добродет. и награжд.; О законополож.; О китайск. торге; О чел.; Путеш.; Разм. о греч. ист.	*Радищев А. Н.* Беседа о том, что есть сын отечества; Дневники. [Записки путешествия из Сибири]; Житие Федора Васильевича Ушакова; с приобщением некоторых его сочинений; Записка о податях Петербургской губернии; О добродетелях и награждениях; О законоположении; Письмо о китайском торге; О человеке, его смертности и бессмертии; Путешествие из Петербурга в Москву; Размышление о греческой истории. — Полн. собр. соч., т. 1—3. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938—1952.
В. Раевск., Мой арест	*Раевский В. Ф.* Мой арест. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974.
Райнов, Введ. в феномен. творч.; Психол. творч.	*Райнов Т.* Введение в феноменологию творчества; «Психология творчества» Д. Н. Овсянико-Куликовского. — В кн.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5. Харьков, 1914.
Располож. учен.	Расположение учения е. и. в. Петра Второго. СПб., 1728.
Рассужд. о оказат. к миру	Рассуждение о оказательствах к миру... (перев. с франц. яз.). СПб., 1720.
Рев. народн.	Революционное народничество 70-х гг., т. 1—2. М.—Л., 1965.
Рев. силуэты	Революционные силуэты (Первомартовцы). СПб., 1906.
Регл. управ. адмиралт.	Регламент о управлении адмиралтейства и верфи и о должностях колегии адмиралтейскои. СПб., 1722.
Рейснер, Андреев	*Рейснер М. Л.* Андреев. СПб., 1909.
Ремезов, Чертеж Камчадальской земли	Чертеж вновь Камчадальской земли. Служебная чертежная книга С. У. Ремезова. — В кн.: *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1949.
Ремизов, Лимонарь	*Ремизов А.* Лимонарь, сиречь: Луг зеленый. СПб., 1907.
Речи	Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. 1—4. М., 1819—1823.
Речь Мышкина	Речь И. Мышкина. — В кн.: За сто лет (1809—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России (в двух частях). Сост. Вл. Бурцев при редакционном участии С. М. Кравчинского (Степняка). London, 1897.

Речь прокурора	Речь прокурора на процессе первомартовцев. — В кн.: Революционные силуэты (Первомартовцы). СПб., 1906.
Решетн., Люб. худ.	[*Решетников А. Г.*] Любопытный художник и ремесленник или Записки, касающиеся до разных художеств, ч. 1. М., 1791.
Рижск., Сокр. богосл.	[*Рижский И. С.*] Сокращение богослужения древних римлян с кратким вступлением, содержащим некоторые древности, касающиеся до города Рима. М., 1784.
Рогов, О чудесном	*Рогов Т. О.* О чудесном. — В кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 1. М., «Искусство», 1974.
Розанов, Легенда о вел. инквиз.; Сем. вопр.	*Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. СПб., 1902; Семейный вопрос в России. СПб., 1903.
Розенберг, Русск. печать	*Розенберг Вл., Якушин В.* Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905.
Руадзе, Два орат.	*Руадзе В.* Два судебных оратора. СПб., 1912.
Рубакин, Перед рассветом; Среди книг	*Рубакин Н. А.* Перед рассветом. СПб., 1912; Среди книг, т. 3, ч. 1. М., 1915.
Рудин	Рудин. СПб., 1916.
Русск. стар.	Русская старина. СПб., 1871; 1888.
Русск. богатство	Русское богатство. СПб., 1905, 1910, 1912.
Русск. вестн.	Русский вестник. М., 1810, 1816.
Русск. мысль	Русская мысль. Журнал научный, литературный и политический. М., 1880, 1890, 1914.
Русск. театр. пародия	Русская театральная пародия XIX—нач. XX вв. М., 1976.
Рыл.	*Рылеев К. Ф.* — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., Госполитиздат, 1951.
Салт., Изъявл.	Изъявления прибыточные государству Федора Салтыкова, 1714 г. — В кн.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.
Салт.-Щедр.	*Салтыков-Щедрин М. Е.* — Собр. соч., т. 1—20. М., 1933—1941.
Сапожников, По Алт.	*Сапожников В.* По Алтаю. — Известия Томского ун-та, 1897, кн. 11.
Сатир.	Сатирикон. СПб., 1908.
Свет	Свет. СПб., 1911.
Свирид., Из показ.	*Свиридов М. М.* Из показаний. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., Госполитиздат, 1951.

Сев. вестн.	Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический. СПб., 1884.
Сементк., Предисл. к кн. Нордау	*Сементковский Р.* Предисловие к книге М. Нордау «Вырождение». СПб., 1896.
Серг.-Ценск., Лют. зима	*Сергеев-Ценский С. Н.* Лютая зима. — Изб. произведения. М., 1933.
Сергеич, Искусство речи	*Сергеич П.* Искусство речи на суде. СПб., 1910.
Серебр., Общ. «З» и «В».	*Серебряков Е.* Общество «Земля и Воля». Материалы для истории русского социально-революционного движения. Женева, 1894.
Серошевск., Дальн. Восток	*Серошевский В. В.* Дальний Восток. СПб., 1909.
Син. журн.	Синий журнал. СПб., 1911, 1916.
Синопс.	Синопсис о начале славяно-российского народа. М., 1714.
Слово	Слово. Научный, литературный и политический журнал. СПб., 1878, 1908.
Смит, Исслед. о богатстве народ.	Исследование свойства и причин богатства народов. Творение А. Смита, т. 1—4. Перев. с англ. (Н. Политковского). СПб., 1802—1806.
Смолянин, Защитн. цвет	*Смолянин И.* Защитный цвет. Пг., 1916.
Собр. Зап. о Петре В.	Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности государя императора Петра Великого. Изд. трудами и иждивением Ф. Туманского, ч. 2. СПб., 1787.
Совр. мир	Современный мир. СПб., 1908.
Совр. слово	Современное слово. СПб., 1900.
Сокр. мат.	[*Герман Я., Делиль Ж.*] Сокращение математическое. Перев. с франц. М. С. Горлицкого, ч. 1—2. СПб., 1728.
Соловьев, Нац. вопр. в России; Три разг.; П.	*Соловьев Вл.* Национальный вопрос в России. СПб., 1891; Три разговора. СПб., 1904; Письма. — В кн.: Письма В. С. Соловьева, т. 1—2. Под ред. Радлова. СПб., 1909.
Воскресн. п.; Идолы; О символ.; Стран. недораз.; Чтения о богочел.	Воскресные письма. 1897—1898. Словесность или истина; Идолы и идеалы; Еще о символистах; Странное недоразумение. Ответ Лесевичу; Чтения о богочеловечестве. — Соч., т. 1—8. СПб., 1901—1907.
Солог., Заклин. змей	*Сологуб Ф.* Заклинательница змей. — В кн.: Эпоха. М., 1918.
Сомов, Полемика; Роман в письмах	*Сомов О. М.* Полемика «с» с «ß». — В кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 2. М., «Искусство», 1974; Роман в письмах. — В кн.: Русские повести XIX в. 20—30-х годов, т. 2. М.—Л., ГИХЛ, 1950.

Соревнователь	Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1821.
Сох., Предм.	*Сохацкий П. А.* Слово о предметах, свойстве и влиянии изящного вкуса на счастие жизни. — В кн.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. 1—4. М., 1819—1823.
Социол.	Социология, сб. I. СПб., 1913.
Спасович, Соловьев; Восп. о Кавелине.	*Спасович В. Д.* В. С. Соловьев-публицист; Воспоминания о К. Д. Кавелине. — Соч., т. 10, 9. СПб., 1902; 1900.
СПб. вед.	Санктпетербургские ведомости. 1728—1917. СПб., 1728, 1860.
СПб. Меркурий	Санкт-Петербургский Меркурий, ежемесячное издание 1793 года, ч. 1—4. СПб., 1793.
Спирид., При царск. реж.	*Спиридович А.* При царском режиме. М., 1926.
Спутн. чит.	Спутник читателя. СПб., 1908.
Средн.-Камаш.,	*Средний-Камашев И. Н.* — В кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 2. М., «Искусство», 1974.
Станюк.	*Станюкович К. М.* — Собр. соч., т. 1—6. М., 1956—1959.
Стасов, Выст. жив. и архит.	*Стасов В. В.* Выставка живописи и архитектуры. — В кн.: Статьи и заметки, т. 1. М., 1954;
Нищие духом; П.; Худож. напрасл.	Нищие духом; Письма к родным; Еще художественная напраслина. — Избр. соч., т. 1—3. М., 1952.
Стат. журн.	Статистический журнал. Изд. АН. СПб., 1808.
Стачка	Стачка. Пьеса в 3-х действиях. Из русской фабричной жизни. Женева, 1899.
Стеклов, Борцы за социал.	*Стеклов Ю.* Борцы за социализм. М., 1918.
Степн.-Кравч., Подпольн. Россия	*Степняк-Кравчинский С.* Подпольная Россия. СПб., 1906.
Страх., Слово	*Страхов П. И.* Слово о влиянии наук в общее и каждого человека благоденствие. — В кн.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. 1—4. М., 1819—1823.
Страшн. изобр.	Страшное изображение (1702 г.). — В кн.: *Бадалич И. М., Кузьмина В. Д.* Памятники русской школьной драмы XVIII века. М., «Наука», 1968.
Стрелы	Стрелы. Журнал сатиры и юмора. М., 1905.
Сумарок., Вышесл.; Дим.; Недост. вр.;	*Сумароков А. П.* Вышеслав; Димитрий Самозванец; Недостаток времени; Любовная гадательная книга; Оды торжественные; Письмо о не-

Люб. гадат. кн.; Оды торж.; П. о заразит. болезни; Ст. добр.; Фил. секст.	которой заразительной болезни; Некоторые статьи о добродетели; О новой философической секте. — Полн. собр. соч., ч. 1—10. Изд. 2-е. М., 1787.
Сын Отеч.	Сын Отечества. Исторический и политический журнал. Ред. Н. И. Греч. СПб., 1812, 1819—1820.
Таиров, Зап. режиссера	*Таиров А. Я.* Записки режиссера. М., 1970.
Тасс	*Тасс Т.* Освобожденный Иерусалим, прозаич. поэма, ч. 1—2. Перев. с франц. М. Попова. СПб., 1772.
Телескоп	Телескоп. Журнал современного просвещения. Изд. Н. Надеждин. М., 1831.
Тепл., Знания	*Теплов Г. Н.* Знания, касающиеся вообще до философии, кн. I. СПб., 1751.
Тиандер, Мист. мировоззр.	*Тиандер К.* О началах мистического мировоззрения. — В кн.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5. Под ред. Б. А. Лезина. Харьков, 1914.
Тимк., Сл. о различ.	*Тимковский Р. Ф.* Слово о различии греческого и римского просвещения, проистекающем из особенности духа, нрава и образа жизни оных народов. — В кн.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. 1—4. М., 1819—1823.
Тихомир., В подполье; Народнич.	*Тихомиров Л.* В подполье. СПб., 1907; Что такое народничество. — Русское обозрение. М., 1892, № 12.
Ткачев, Зад. револ. пропаг.	*Ткачев П. Н.* Задачи революционной пропаганды в России. Лондон, 1874.
Толмачев, Воен. краснореч.	*Толмачев Я.* Военное красноречие. — Московский телеграф, 1826, ч. 9.
А. Толст., Прекрасн. дама; Хром. барин	*Толстой А. Н.* Прекрасная дама; Хромой барин. — Собр. соч., т. 1—8. Л., 1934—1936.
Л. Толст., Из дневн. 1856—1859 гг.;	*Толстой Л. Н.* Из дневника 1856—1859 гг. — Полн. собр. соч., т. 1—90. М.—Л., 1928—1958.
Торгашев, Зап.	*Торгашев П.* Записки народовольца. 1878—1883 гг. — Голос минувшего. М., 1914, № 2.
Тредиак., Езда в остр. люб.; Наука Боал.; Рассужд. о комедии; Речь о чист. яз.; Сл. прем.; Тилемах.	*Тредиаковский В. К.* Езда в остров любви; Наука Боалова; Рассуждение о комедии вообще; Речь о чистоте Российского языка; Слово о премудрости, благоразумии и добродетели; Тилемахида. — Соч., т. 1—3. Изд. А. Смирдина. СПб., 1849.

Феопт.	Феоптия. — В кн.: *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения. М.—Л., 1963;
Жит. Бак.; Римс. ист.; Фил. Бак.	Житие канцлера Франциска Бакона. Перев. с франц. В. К. Тредиаковского. [М.], 1760; Римская история от создания Рима до битвы Актийской, то есть по окончание республики, сочиненная г. Ролленом... а с французского переведенная тщанием и трудами Василия Тредиаковского, т. 7. СПб., 1763; [А. Делейр]. Сокращение философии канцлера Франциска Бакона, т. 1. — В кн.: Житие канцлера Франциска Бакона. Перев. с франц. В. К. Тредиаковского. [М.], 1760.
Трет., О прич. изоб.: О учрежд. унив.	*Третьяков И. А.* Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов; Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1. М., Госполитиздат, 1952.
Трутень, 1769; 1770	*Новиков Н. И.* Трутень, Еженедельное изд. на 1769 г. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 2. М., Госполитиздат, 1952; Трутень, 1770. — В кн.: Н. И. Новиков и его современники. Избр. соч. М., Изд-во АН СССР, 1961.
Тугендхольд, Пробл. и характер.	*Тугендхольд Я.* Проблемы и характеристики. Пг., 1915.
Тун, Ист. рев. движ.	*Тун А.* История революционного движения в России. СПб., 1893.
А. Тург., П.	*Тургенев А. И.* Письма. — См.: Остаф. арх.
Н. Тург., Из Дневн.; О крест.; Мысли о сост. об-ва.	*Тургенев Н. И.* Из «Дневников»; О крестьянах; Мысли о составлении Общества. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., Госполитиздат, 1951.
Дневн.; П.	Дневник. — См.: Арх. Тург.; Письма. — См.: Арх. Тург.
И. Тург.	*Тургенев И. С.* — Собр. соч., т. 1—12. М., 1953—1958.
Тэффи, Нич. под.	*Тэффи Н. А.* Ничего подобного. Одесса, 1918.
Указ. Пуг.	Именные указы, повеления и манифесты Е. И. Пугачева (№ 1—26), 1773—1774. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 2. М., Госполитиздат, 1952.
Уваров, П. к Каннисту	*Уваров С. С.* Письмо к Каннисту. — В кн.: *Батюшков К. Н.* Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1886.

Указ. Петра Вел.	Указы блаженныя и вечнодостоиныя памяти Государя имп. Петра Великого самодержца Всероссийского. Состоявшиеся с 1714, по кончину Его Имп. Вел., Генваря по 28 число 1725 году. СПб., 1739.
Укр. вестн.	Украинский вестник. Харьков, 1817.
Улыбыш., П. к другу	*Улыбышев А. Д.* Письмо к другу в Германию. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., Госполитиздат, 1951.
Гл. Усп.	*Успенский Г. И.* — Полн. собр. соч., т. 1—14. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952—1954.
Л. Усп., Яз. летч.	*Успенский Л. В.* Материалы по языку русских летчиков. В кн.: Язык и мышление, т. 6—7. М.—Л., 1936.
Уст. воинск.	Книга Устав воинскии о должности генералов, фелтмаршалов, и всего генералитеита. СПб., 1716.
Уст. морск.	Книга устав морскои, и всем, что касается доброму управлению, в бытность флота на море. СПб., 1720.
Уст. о войск. морск.	Устав о воисках морских и о их арсеналах Людовика XIV... (Перев. с франц. К. Зотов). СПб., 1715.
Уст. Союза Благод.	Устав Союза Благоденствия. — В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., Госполитиздат, 1952.
Утрен. свет	Утренний свет. Изд. Н. И. Новиков и др. СПб.—М. Предуведомление (1777, I). О добродетели. Заключение журнала под названием «Утреннего света» (1780, IX).
Фигнер, Запеч. труд; Из полит. жизни; После Шлис.	*Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. М., 1964; Из политической жизни 80-х гг. — Русское богатство, 1912, № 11; После Шлиссельбурга. Л., 1925.
Философов, Сл. и жизнь; Стар. и нов.	*Философов Д. В.* Слова и жизнь. СПб., 1909; Старое и новое. М., 1912.
Фомин, П. к любит. рос. яз.	*Фомин А. И.* Письмо к любителям российского языка. — Новые ежемесячные сочинения, ч. XI. СПб., 1786—1796.
Фонв., Выб. губерн.; Геройск. доброд.; Гос. зак.; К сочинит.; Кор.; Мним. глух.; Нац. любоч.; П.; Посл. к слугам; Рассужд.; Сл.	*Фонвизин Д. Н.* Выбор гувернера; Геройская добродетель и жизнь Сифа; Рассуждение о непременных государственных законах; К г. сочинителю «Былей и небылиц»; Корион, комедия; Повествование мнимого глухого и немого; Рассуждение о национальном любочестии; Письма к родителям и родным; Послание к слугам моим; Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правле-

Похв.; Та-Гио; Чист. призн.	ния; Слово похвальное Марку Аврелию; Та-Гио, или великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию; Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях. — Собр. соч., т. 1—2. М.—Л., 1959;
Сидн. и Силли	[*Фр. Д'Арно*]. Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность (Перев. с франц. Д. И. Фонвизина). М., 1769.
Франк., Предисл. к ПСС Ницше	*Франк С. Л.* Предисловие к полному собранию сочинений Ф. Ницше, т. 3. М., 1911.
Фриче, Герм. милитаризм	*Фриче В.* Германский милитаризм и его отношение к культуре. — В кн.: Вопросы мировой войны. Сб. ст. под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915.
Ханжонков, Русск. кинематограф.	*Ханжонков А. А.* Первые годы русской кинематографии. Воспоминания. М., «Искусство», 1937.
Хард., Восп.	*Харциев В.* Воспоминания об А. А. Потебне. — Славянское обозрение. СПб., 1892, кн. 7—8.
Хемн., П.	*Хемницер И. И.* Письма. — В кн.: *Хемницер И. И.* Сочинения и письма. СПб., 1873.
Хераск.	*Херасков М. М.* Избранные произведения. Л., 1961.
Храповицк., Дневн.	*Храповицкий А. А.* Дневник. 1783—1793. СПб., 1874.
Цветаева, Жив. о живом.	*Цветаева М.* Живое о живом. — М. Волошин-художник. Сб. материалов. М., 1976.
Чаад., Филос. п.	*Чаадаев П. Я.* Философические письма. — В кн.: Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 2. М., «Искусство», 1974.
Чаруш., О далек. прошл.	*Чарушин Н.* О далеком прошлом. М., 1931.
Чеб., Сл. о способах	*Чеботарев Х. А.* Слово о способах и путях, ведущих к просвещению. — В кн.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. 1—4. М., 1819—1823.
Черн., Рожд. футур.	*Черный С.* Рождение футуризма. — В кн.: Саша Черный. Стихотворения. Вступ. ст. и подготовка текста К. Чуковского. М.—Л., Сов. писатель, 1962.
Черн. передел	Черный передел. Орган социалистов-федералистов, 1880—1881. М.—Пг., 1922.
Чехов, П.	*Чехов А. П.* Письма. — Полн. собр. соч. и писем, т. 1—20. М., 1944—1951.
Чириков, Автобиогр. справка; Обыват. и микробы.	*Чириков Е.* Автобиографическая справка. — В кн.: Русская литература XX века. Под ред. проф. С. А. Венгерова, т. 2, ч. 1. М., 1917; Обыватель и микробы. — Соч., т. 10. Тихий омут (Картинки дореволюционной провинции). Изд. 2-е. М., 1913.

Чуковск., Вербицкая; Л. Андр.; Обз. литер. жизни; Ран. Бунин.	*Чуковский К. И.* Вербицкая; Леонид Андреев; Обзоры литературной жизни; Ранний Бунин. — Собр. соч., т. 1—6. М., 1965—1969.
Нат Пинкертон; Об эстет. нигил.; Футур.	Нат Пинкертон и русская литература. СПб., 1908; Об эстетическом нигилизме. — Весы. СПб., 1906, № 3—4; Футуристы. Пг., 1922.
Чулк., Пересмешн.	*Чулков М. Д.* Пересмешник или Славенские сказки. Изд. 3-е. СПб., 1789.
Г. Чулк., Театр будущ.	*Чулков Г.* Принципы театра будущего. — В кн.: Театр. Книга о новом театре. Сб. статей. СПб., «Шиповник», 1908.
Шайкевич, Психопатолог.	*Шайкевич М. О.* Психопатология и литература. СПб., 1910.
Шафир., Рассужд.	*Шафиров П. П.* Рассуждение, какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против короля Карла 12 шведского 1700 году имел. СПб., 1717.
Шашков, Истор. этюды	*Шашков С. С.* Исторические этюды. СПб., 1872.
Шелг., П.	*Шелгунов Н.* Письмо к В. Гольцеву (1885 г.). — В кн.: Памяти В. А. Гольцева. М., 1910.
Шерцль, Всемир. язык	*Шерцль В. И.* Всемирный язык и жестикуляция. М., 1887.
Шершеневич, Автомоб. поступь	*Шершеневич В.* Автомобильная поступь. М., 1916.
Шишк., Кр. и спр. повесть; Разг. о слове; Рассужд.	*Шишков А. С.* Краткая и справедливая повесть; Разговор о слове. — Собр. соч. и переводов, ч. 1—12. СПб., 1827; Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. Изд. 2-е. СПб., 1818.
Эйл., Письма	[*Эйлер Л.*] Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе. Перев. с франц. С. Румовского, ч. 1—3. СПб., 1768—1774.
Экспедиция Шестакова	Донесение Сената Екатерине I об экспедиции Шестакова. 1727 г. — В кн.: *А. В. Ефимов.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1949.
Эллис, Русск. симв.	Эллис. Русские символисты. М., 1910.
Эренб., Одуванчики	*Эренбург И.* Одуванчики. Париж, 1912.
Эртель, Зап. степняка; Гарденины	*Эртель А. И.* Записки степняка, т. 1—2. СПб., 1883; Гарденины, их дворня, приверженцы и враги, т. 1—2. М., 1890.
Эш, Парусн. спорт	*Эш В.* Руководство для любителей парусного спорта. СПб., 1895.

Юн. честн. зерц.	Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению. СПб., 1719.
Ягич, П.	Письма И. В. Ягича к русским ученым (1865—1886). Под ред. акад. В. В. Виноградова и Г. П. Блока. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.
Язык.	*Языков Н. М.* — Полн. собр. стихотворений. М.—Л., «Academia», 1934.

СЛОВАРИ

Абрамов, СС	*Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Изд. 2-е. СПб., 1904.
Ачадов, Сл. полит.	Словарь политических, социально-экономических и некоторых других слов. Пособие при чтении газет, журналов и книг по общественным вопросам. Сост. Ачадов. М., 1906.
БАС	Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1948—1965.
Белина, Словотолк.	*Белина А.* Словотолкователь непонятных слов, встречающихся при чтении книг и газет. М., 1906.
Берг, СИС—1901	Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Сост. под ред. Ф. Н. Берга, А. А. Петрова. М., 1901.
Битнер, СИС—1905	Словарь научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык. Под ред. В. Б. Битнера. СПб., 1905.
Брокг.—Ефр., Энц.	Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, тт. 1—41. СПб., 1890—1907.
Бурдон—Мих., 1871	*Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д.* «30 000» иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней. Изд. 3-е. М., 1871.
Бурдон—Мих., 1877	*Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д.* Словотолкователь. 32 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. Изд. 5-е. СПб.—М., 1877.
Бурдон—Мих., 1880	*Бурдон И. Ф., Михельсон А. Д.* Словарь иностранных слов. 60 000 вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней. Изд. 7-е. М., 1880.
Бурдон—Мих., 1899	Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке с означением их корней. Сост. Бурдон и Михельсон. М., 1899.
Бурнашев, Опыт	*Бурнашев В. П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. 1—2. СПб., 1843—1844.
В. Ч., Полит. сл.	*В. Ч.* Политический словарь. СПб., 1917.

Вейнбаум, СИС—1918	*Вейнбаум Гр.* Краткий словарь иностранных слов. Красноярск, 1918.
Вейсм. лекс.	*Вейсман Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. СПб., 1731.
Виллиам, СИС—1915	*Виллиам Г. В., Яценко П. П.* Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, содержащий более 30 000 слов, из которых многие лишь в самое последнее время проникли в русскую речь вместе с нововведениями научными и общественными. Пг., 1915.
Виноградов, СИС—1907	Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Сост. А. М. Виноградов. Одесса, 1907.
Воен. энц.	Военная энциклопедия, т. 1—4. СПб., 1911.
Волгин, Толковат.	*Волгин А., Ашин С.* Толкователь политических слов и терминов. М., 1906.
Востоков, Сл.	*Востоков А. Х.* Словарь церковнославянского языка, т. 1—2. СПб., 1858—1861.
Г. Ч., Сл. по раб. вопр.	*Г. Ч.* Словарь по рабочему вопросу. Краткая энциклопедия по вопросу о положении рабочего класса в России и за границей. Изд. 2-е. 1917.
Гавкин, СИС—1905	Карманный словарь иностранных слов. Сост. Н. Я. Гавкин. СПб.—Киев—Харьков, 1905.
Ган, Толковат.	*Ган И. К.* Толкователь газет и журналов с прибавлением Словаря иностранных слов. Вильна, 1900.
Гарнье, Сл.	Основные понятия политической, общественной или промышленной экономики с присовокуплением Словаря экономического языка. Соч. Ж. Гарнье. СПб., 1868.
Гейм, Сл.	*Гейм И.* Новый российско-французско-немецкий словарь, ч. 1—3. М., 1799—1802.
Гомартели, Полит. сл.	*Гомартели* и *Марков.* Словарь (политические и иностранные слова). М., 1917.
Гранат, Энц.	Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат, т. 1—58. Изд. 7-е. М., б. г. — 1948.
Даль, Сл.	Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Изд. 4-е, испр. и доп. под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. 1—4. СПб., М., 1911—1912.
Доп.	Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря». Изд. II Отделением Имп. Акад. наук. СПб., 1858.
Дубровский, 1871	*Дубровский П.* Полный толковый словарь всех общеупотребительных слов, вошедших в русский язык. СПб., 1871.

Ефр., СИС — 1911	*Ефремов Е.* Новый полный словарь иностранных слов. Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб., 1911.
Каррик, Сл.	*Каррик В.* Словарь-помощник. Пг., «Задруга», 1917.
Кондурушкин, ТС	*Кондурушкин С. С.* Толковый словарь (Пособие при чтении газет). Пг., 1917.
Лебедев, СИС — 1906	*Лебедев А.* Словарь иностранных слов. СПб., 1906.
Леер, Энц.	*Леер Г. А.* Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1883—1897.
Линский, Полит. сл.	*Линский Б.* Политический словарь. СПб., 1906.
Майданов, СИС — 1907	*Майданов А. П., Потапов А. Г.* Новый словарь иностранных слов. Одесса, 1907.
МАС	Словарь русского языка, т. 1—4. М., Изд-во АН СССР, 1957—1961.
Михельсон, СИС—1891	Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке с объяснением их корней. Сост. Михельсон. Изд. 2-е. СПб.—М., 1891.
Мичатек	*Мичатек Л. А.* Дифференциальный сербско-русский словарь. СПб., 1903.
Муромский, ВС	*Муромский В. И.* Словарь военных терминов. Пг., 1914.
Наумов, Доп.	*Наумов И.* Дополнения и заметки к «Толковому словарю» В. И. Даля. СПб., 1874.
Незнак. слова	Теперь мне понятны многие незнакомые слова, которые я встречал в разговорах и газетах! Собрал и пояснил А. Н. Л. Рига, 1907.
Нордстет, Сл.	Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. И. Нордстетом, ч. 1—2. СПб., 1780—1782.
Объяснит. сл., 1895	Объяснительный словарь морских слов и выражений. — В кн.: *Эш В. Г.* Руководство для любителей парусного флота. СПб., 1895.
Огиенко, СИС — 1912	*Огиенко И. И.* Словарь общеупотребительных иностранных слов в русском языке. Киев, 1912.
Огиенко, Сл. неправильн.	*Огиенко И. И.* Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи. Пособие по стилистике русской речи для учащихся и самообразования. Изд. 3-е. Киев, 1914.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря, изд. Вторым отд. Имп. Акад. наук. СПб., 1852.
Орлов, ФС	*Орлов А. П.* Полный филологический словарь русского языка, т. 1—2. М., 1884.
Павленков, СИС — 1900, 1917	Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в состав русского языка. Составлен по Энциклопедическому словарю Ф. Павлен-

	кова, с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1900; СПб., 1917.
Павленков, Энц. — 1907, 1913	*Павленков Ф.* Энциклопедический словарь. СПб., 1907. Изд. 5-е. СПб., 1913.
Полик., Лекс.	*Поликарпов Ф.* Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
Полит. сл. 1922	Популярный политический словарь. М., 1922.
Попов, СИС— 1904, 1907	Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Сост. М. Попов. Изд. 1-е. М., 1904; Изд. 3-е. М., 1907.
Преображ., Этим. сл.	*Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
Радлов, ФС	*Радлов Э. Л.* Философский словарь. СПб., 1913.
Рейф	*Рейф Ф.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению; или Этимологический лексикон русского языка, т. 1—2. СПб., 1835—1836.
Росс. цел.	Российский целлариус, или Этимологический российский лексикон. Изд. М. Фр. Гелтергофом. М., 1771.
Рукоп. лекс.	Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Изд-во ЛГУ, 1964.
Русск. энц.	Русская энциклопедия. Под ред. С. А. Адрианова, т. 1—9. СПб., 1911—1914.
Рыбаков, СИС — 1916	*Рыбаков И. И., Майданов Д. Т.* Новый карманный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Одесса, 1916.
$САР_1$	Словарь Академии Российской, производным путем расположенный, ч. 1—6. СПб., 1789—1794.
$САР_2$	Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. 1—6. СПб., 1806—1822.
7500 сл.	7500 иностранных слов, наиболее употребительных в русском языке. Сост. под ред. М. Д. З—ского. Изд. 1-е. Киев, 1891.
Сеславин, КЭ	Карманная энциклопедия и словотолкователь. По новейшим источникам составил Д. Н. Сеславин. СПб., 1902.
СИС—1861	Словарь иностранных слов, употребительных в русской литературе. М., 1861.
СИС—1870, 1875	Словарь иностранных слов военного значения, принятых в русском языке. Сост. А. Ф. Погосский. СПб., 1870; Изд. 2-е. СПб., 1875.
СИС—1881	Словарь иностранных слов, с добавлением некоторых, не вполне понятных русских слов. Пособие при чтении книг в школе и дома. Киев, 1881.

СИС—1899, 1900	*Алексеев С. Н.* Самый полный общедоступный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов, вошедших в русский язык. Энциклопедия наук. Необходимая настольная книга... Изд. 5-е. М., 1899; Изд. 6-е. М., 1900.
СИС—1907	Толковый объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. СПб., 1907.
Сл. Акад.	Словарь русского языка, сост. II Отделением Имп. Акад. наук, вып. 1—5. СПб., 1891—1916.
Сл. Алекс.	*Алексеев П.* Церковный словарь или Истолкование славенских, также маловразумительных древних и иноязычных речений, положенных без перевода в священном писании и содержащихся в других церковных и духовных книгах, ч. 1—5. Изд. 4-е. СПб., 1817—1819.
Сл. для всех	Словарь для всех. Общедоступная энциклопедия. Под ред. Ю. Невзоровой и В. Рыжова. СПб., 1907.
Сл. Дьяченко	*Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1900.
Сл. Кирил.	Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, изд. Н. Кириловым, вып. 1—2. СПб., 1845—1846.
СлРЯ XI—XVII вв.	Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1—5. М., «Наука», 1975—1978.
Сл. Ожегова	*Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд. 9-е, испр. и доп. Под ред. проф. Н. Ю. Шведовой. М., 1972.
Сл. по агр. вопр.	Словарь по аграрному вопросу (Краткая энциклопедия по вопросам землеустройства и землепользования). М., 1917.
Сл. Подвыс.	Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и сост. А. Подвысоцкий. СПб., 1885.
Сл. Пушк.	Словарь языка Пушкина, т. 1—4. М., ГИС, 1956—1961.
Сл. Соколова	*Соколов П.* Общий церковно-славяно-российский словарь или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых..., ч. 1—2. СПб., 1834.
Сл. 1847	Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым Отделением Академии наук, т. 1—4. СПб., 1847.
Сл. Фонв.	*Петров К. П.* Словарь к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина. СПб., 1904.
Словотолк. — 1877	*Михельсон А. Д.* Объяснение всех иностранных слов (более 50 000 слов) вошедших в употреб-

	ление в русский язык, с объяснением их корней, т. 1—2. Изд. 7-е. М., 1877.
Смирнов, Народн. сл.	Краткий народный словарь. Пособие при чтении газет и популярных политико-экономических брошюр. Сост. Н. Смирнов. СПб., 1906.
Смирнов, Сл.	*Смирнов Н. А.* Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. — В кн.: *Смирнов Н. А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910 (Сб. ОРЯС АН, т. 88, № 2).
Справочн. сл.	Справочный энциклопедический словарь, т. 1—2. СПб., 1877.
Срезн.	*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1—3. М., 1858.
СРНГ	Словарь русских народных говоров, вып. 1—9. Под ред. чл.-кор. Ф. П. Филина. М.—Л., 1965—1972.
Старчевский, Объяснит. сл.	*Старчевский А.* Русский объяснительный словарь. СПб., 1891.
Стоян	*Стоян П. Е.* Краткий толковый словарь русского языка. СПб., 1913.
СУ	Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4. М., 1935—1940.
Татищев, Лексикон	Полный французско-российский словарь, составленный по новейшему изданию Лексикона Французской академии и умноженный вновь введенными словами, также техническими терминами надворным советником Иваном Татищевым, ч. 1—2. М., 1816.
Толль	Настольный энциклопедический словарь по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон), т. 1—3. Под ред. Ф. Толля (т. 1—2) и В. Р. Зотова (т. 3). СПб., 1863—1864.
ТС—1914	Толковый словарь военных слов. Пг., 1914.
Фасмер, Этим. сл.	*Фасмер М. Р.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Под ред. Б. А. Ларина, т. 1—4. М., «Прогресс», 1964—1973.
Фр.-рос. лекс.	Полный французский и российский лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный Собранием ученых людей, ч. 1—2. Изд. 1-е. СПб., 1793; Изд. 2-е. СПб., 1798.
Целл.	*Целларий Хр.* Краткий латинский лексикон с российским и немецким переводом. СПб., 1746.
Чудинов, СИС—1902	Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Сост. под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1902.

Шейн, Доп.	*Шейн П.* Дополнения и заметки к «Толковому словарю» В. И. Даля. — Сб. ОРЯС, т. X, вып. 8. СПб., 1873.
Энц. лекс.	Энциклопедический лексикон, т. 1—17. Изд. А. Плюшар. СПб., 1835—1841.
Южаков, Большая энц.	Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания, под ред. С. Н. Южакова, т. 1—22. СПб., 1900—1909.
Яновск., Нов. словотолк.	[*Яновский Н. М.*] Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно, ч. 1—3. СПб., 1803—1806.
Яновский, СИС—1905	*Яновский А.* Словарь иностранных слов и научных терминов, вып. 1—2. СПб., 1905.

КАРТОТЕКИ

ДРС	Картотека «Словаря русского языка XI—XVII вв.», хранящаяся в Институте русского языка АН СССР (г. Москва).
ЛК	Картотека «Словаря русского языка XVIII века», хранящаяся в Словарном секторе Института языкознания АН СССР (г. Ленинград), и Большая словарная картотека современного русского языка, хранящаяся в Институте языкознания АН СССР (г. Ленинград).
КСРНГ	Картотека «Словаря русских народных говоров», хранящаяся в Институте языкознания АН СССР (г. Ленинград).
СДР	Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV вв., хранящаяся в Институте русского языка АН СССР (г. Москва).

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ЛЕКСИКА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XIX — начала XX века

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства А. И. Кучинская
Художник И. И. Рыбченко
Художественный редактор Т. П. Поленова
Технический редактор Н. П. Кузнецова
Корректоры Е. Н. Белоусова, В. А. Березина

ИБ № 22355

Сдано в набор 16.02.81.
Подписано к печати 24.08.81.
Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18,9. Усл. кр. отт. 19,1.
Уч.-изд. л. 21.1. Тираж 7000 экз. Тип. зак. 134
Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

1 р. 30 к.

Основой для исследования русской литературной лексики, осуществленного в этой книге, служит положение о неразрывной связи истории народа и истории языка, на котором он говорит. Развитие лексики рассматривается в общем контексте эволюции русского литературного языка, в тесном соотношении с основными, ведущими тенденциями его развития в определенный период истории.

В книге описывается два хронологических периода, имеющих принципиальное значение для истории русского литературного языка — Пушкинская эпоха и период 70-х годов до 1917 г. Первый период характеризуется завершением формирования национального русского литературного языка; творчество Пушкина определило собою литературные нормы, которые легли в основу современного языка. Период с 70-х годов до 1917 г. отмечен важными историческими событиями: возникновением и распространением марксизма, подъемом рабочего движения, завершившимся Великой Октябрьской социалистической революцией. Основные процессы развития лексики в это время во многом определили развитие литературного словаря в послеоктябрьский период. В книге осуществляется исследование процессов, приведших к обогащению литературной лексики, а также процессов семантической эволюции лексического состава, разнообразных семантических преобразований слов. Наряду с общими процессами развития лексики в этот период, в книге описывается история отдельных слов и групп слов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»